

**КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ**

ОБРАЗОВАНИЕ В ПРОЦЕССЕ ГУМАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

**IV Международные Лихачевские научные чтения
20–21 мая 2004 года**

*Проводятся в соответствии с Указом
Президента РФ В. В. ПУТИНА
«Об увековечении памяти
Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЕВА»
№ 587 от 23 мая 2001 г.*

**Санкт-Петербург
2004**

ББК 72
О23

Составитель и ответственный редактор
заведующий кафедрой социально-культурных технологий
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
доктор культурологии, профессор **Г. М. Бирженюк**

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП

Образование в процессе гуманизации современного
O23 мира: IV Международные Лихачевские научные чтения,
20–21 мая 2004 года. — СПб.: СПбГУП, 2004. — 216 с.
ISBN 5-7621-0317-X

В сборник вошли выступления на пленарном заседании и заседаниях трех секций (1. Гуманитарное образование в духовном пространстве современной цивилизации; 2. Культура и экономика. Проблемы и механизмы взаимовлияния; 3. Художественная культура в духовном мире современного общества), а также круглого стола на тему «Гуманитарные проблемы современной цивилизации». Известные ученые, политические деятели, представители органов государственного управления, собравшиеся в СПбГУП из 52 регионов России и из-за рубежа, осмысливают различные аспекты гуманизации общества, образования, культуры, экономики, другие актуальные вопросы современности.

Издание адресовано специалистам, работающим в разных областях социально-гуманитарного знания, а также аспирантам и студентам.

ББК 72

УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»

Отмечая выдающийся вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, постановляю:

1. Правительству Российской Федерации:

учредить, начиная с 2001 года, две персональные стипендии имени Д. С. Лихачева в размере 400 рублей каждая для студентов высших учебных заведений Российской Федерации и определить порядок их назначения;

совместно с Правительством Санкт-Петербурга осуществить разработку на конкурсной основе проекта надгробия на могиле Д. С. Лихачева;

совместно с Российской академией наук рассмотреть вопрос о создании фильма, посвященного жизни и деятельности Д. С. Лихачева.

2. Рекомендовать Правительству Санкт-Петербурга:

присвоить имя Дмитрия Сергеевича Лихачева одной из улиц Санкт-Петербурга;

рассмотреть вопрос об установке на здании Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского дома) памятной доски;

обеспечить в установленном порядке проведение работ по установке надгробия на могиле Д. С. Лихачева.

3. Принять предложения Российской академии наук об учреждении премии Российской академии наук имени Д. С. Лихачева для российских и зарубежных ученых за выдающийся вклад в исследование литературы и культуры Древней Руси, а также об издании собрания научных трудов Д. С. Лихачева.

4. Одобрить инициативу Конгресса петербургской интеллигенции о проведении ежегодно Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных к Дню славянской письменности и культуры.

Президент Российской Федерации
ВЛАДИМИР ПУТИН
Москва, Кремль, 23 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ IV МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

ОРГАНИЗАТОРАМ И УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Приветствую организаторов, гостей и участников Международных Лихачевских научных чтений.

По традиции они объединили авторитетных представителей интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры. Отрадно, что конференция приобретает все более широкий международный резонанс, ее повестка наполняется значимыми и актуальными вопросами современности. В этом году вам предстоит обсудить такую фундаментальную проблему, как влияние образования на гуманизацию общества.

Проведение форума — это и дань памяти Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, выдающемуся ученому, патриоту и гражданину. Его идейное наследие, труды, посвященные духовному развитию личности и нравственному воспитанию молодых поколений, имеют непреходящее значение. Желаю вам плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН

УЧАСТНИКАМ IV МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ ЧТЕНИЙ

Дорогие коллеги!

От имени Президиума Российской академии наук поздравляю всех участников традиционных Лихачевских чтений.

Сегодня как никогда актуальны слова Дмитрия Сергеевича: «Достойное будущее своей великой Родины я связываю, прежде всего, с воспитанием свободной самостоятельной личности». Эту свободу и самостоятельность обеспечивает в решающей степени гуманитарное образование, которое необходимо и представителям технических и естественно-научных специальностей.

Трудно переоценить значение ваших научных чтений, которые посвящены актуальнейшей проблеме — гуманизации и гуманитаризации российского общества.

Желаю всем участникам успешной работы на благо образования и культуры России.

Президент Российской академии наук, академик
Ю. С. ОСИПОВ

Уважаемые участники IV Международных Лихачевских научных чтений!

Позвольте приветствовать вас, а также членов оргкомитета и поздравить с открытием этого форума.

Профсоюзы России гордятся тем, что Чтения проходят в стенах Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов не только потому, что Федерация независимых профсоюзов России является его учредителем, но и потому, что в его деятельности вопросы гуманизма, культуры, образования и воспитания специалистов занимают, безусловно, главное место.

Дмитрий Сергеевич Лихачев был первым Почетным доктором Университета, и характерно, что это — единственное высшее учебное заведение в России, Почетным доктором которого он являлся.

Санкт-Петербург по праву считается культурной столицей России. И именно в этом городе закономерно был учрежден Гуманитарный университет профсоюзов, и именно в этом университете самые яркие гуманистические идеи Д. С. Лихачева получили свое развитие. Прежде всего речь идет о таком важном документе, как «Декларация прав культуры», который был разработан по идеям Д. С. Лихачева и при его участии специалистами Университета.

Позвольте поздравить всех нас с открытием IV Международных Лихачевских чтений, пожелать больших успехов в работе научного форума, новых научных контрактов и идей.

Председатель Федерации независимых профсоюзов России
М. В. ШМАКОВ

**УЧАСТНИКАМ IV МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ
НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ*****Дорогие друзья!***

Сердечно поздравляю вас с важным событием — IV Международными Лихачевскими научными чтениями.

Проведение Чтений в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов стало доброй традицией, которая обозначила стремление и готовность нашего общества к развитию духовного и интеллектуального наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева.

С именем этого выдающегося ученого связана историческая эпоха демократизации всех сторон жизни нашей страны. На переломном этапе развития российского общества Д. С. Лихачев дал ему высокие нравственные ориентиры, внося свой личный вклад в общее достояние русской и мировой культуры.

Отрадно сознавать, что опыт великого гуманиста, вобравший в себя универсальные общечеловеческие ценности, по-прежнему востребован.

От всей души желаю участникам и организаторам Чтений крепкого здоровья и благополучия, а также интересной, творческой атмосферы.

Министр иностранных дел РФ
С. ЛАВРОВ

**В ОРГКОМИТЕТ IV МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ
НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ**

Министерство культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации приветствует участников и гостей IV Международных Лихачевских научных чтений.

Имя Дмитрия Сергеевича Лихачева по праву вписано в золотой фонд лучших людей России. Для современников и последующих поколений он был и остается олицетворением истинного русского интеллигента, посвятившего себя беззаветному служению отечественной культуре. Сегодня, когда перед нашим обществом с чрезвычайной остротой встают проблемы поиска путей национального самоопределения, сохранения духовно-нравственных и культурных ценностей, всестороннее осмысление научного наследия и масштаба личности этого выдающегося человека имеет особое значение.

Убежден, проведение столь представительного форума в Санкт-Петербурге — это не только дань памяти Д. С. Лихачева, но и живое продолжение великой духовной традиции, причастность к которой во все времена являлась мировоззренческим критерием российской культуры и лучших ее представителей.

От всей души желаю участникам научных чтений плодотворной работы, мира, добра и благополучия.

И. о. министра культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации
А. С. СОКОЛОВ

ПРОФЕССОРУ А. С. ЗАПЕСОЦКОМУ

Уважаемый Александр Сергеевич!***Уважаемые участники, гости и организаторы
Международных Лихачевских научных чтений!***

Для меня большая честь принимать участие в Международных Лихачевских научных чтениях. Личность Дмитрия Сергеевича Лихачева столь масштабна, что одно упоминание его имени вызывает чувство глубокого уважения, заставляет соответствовать заданным им стандартам нравственности, справедливости, духовной стойкости и гуманизма.

В своем выступлении мне хотелось бы затронуть именно эти аспекты, поскольку сам Дмитрий Сергеевич придавал им первостепенное значение, видя в них залог успешного развития России.

По своей сути происходящие в современном российском обществе процессы можно охарактеризовать как поиск справедливости. Что такое справедливость? Вряд ли можно сомневаться, что различные люди трактуют ее по-разному. Строго говоря, справедливость — это принцип оценки ситуации. Но именно поиск справедливости является краеугольным камнем любой политической системы, и Россия — не исключение.

В этом поиске, на мой взгляд, сосредоточен основной смысл политики — создание баланса неоднородных интересов различных групп и слоев общества: пенсионеров, студентов, учителей, врачей, военнослужащих, предпринимателей и т. д. Найти разумный компромисс действительно непросто, учитывая то, что любое законодательство не отражает интересов всех сторон. Но именно найденный баланс обеспечивает единство общества, рост экономики, территориальную целостность государства, а также является показателем развитости государства.

Необходимо признать, что мы до тех пор не построим государство, защищающее интересы всех его граждан, пока не поймем, что судьба государства, нации — это судьба отдельного взятого человека, каждого из нас. И прав Дмитрий Сергеевич, утверждая в своих размышлениях о судьбе России, что не надо ни на кого сваливать вину за свою «несчастность»: ни на коварных соседей или завоевателей, ни на случайности, ибо случайности далеко не случайны (не потому, что существует какая-то судьба, рок или миссия, а в силу того, что у случайностей есть конкретные причины).

Дмитрий Сергеевич на первый план выдвигал человека, личность. Личность свободную, которая сама выбирает себе судьбу, добро или зло, а потому и ответственную за принятое решение.

Проблема нашего общества — в нежелании совершать этот выбор, в уходе от ответственности за свое настоящее и будущее. Подтверждение тому — традиционно высокий процент не участвующих в выборах. Действительно, намного легче уповать на «тяжелое наследие», отсутствие исторических традиций, на геополитические факторы и русский характер, чем действительно способствовать построению справедливого (то есть «отличного от существующего», с точки зрения критиков, в которых нет сегодня недостатка) государственного устройства.

Справедливость, сострадание, ответственность, нравственность, терпимость, правдивость, честь, достоинство — это основные жизненные постулаты для Дмитрия Сергеевича Лихачева. Но самое главное — доброта. У него она — всеобъемлющая, всепрощающая и всепонимающая. Доброта мудрого и очень сильного человека — главная ценность и мерило человеческой жизни.

В последние годы часто звучит вопрос: почему именно России выпала судьба крайностей — великих побед перед всем миром и страшных поражений перед собственным бессилием? Ответ поразительно четко был сформулирован Дмитрием Сергеевичем: наша беда — в отрицании и забвении собственной истории, собственных культурных традиций, в мифологизации «особости» России и ее исключительности.

Сегодня мы все чаще рассуждаем о провале демократических идей в России, о том, что социальные болезни — бедность, насилие, терроризм, вооруженные конфликты, разрушение окружающей среды — не только глубоко укоренились, но и продолжают умножаться и нарастать. Думается, что причина все-таки не в самих идеях. Наше общество, мы сами утратили часть качеств, на значимость которых так стремился обратить внимание людей Гражданин Лихачев. Любовь к Родине зачастую подменяется национал-патриотическими символами, воспитание молодежи либо отсутствует, либо строится на отрицании прошлого с однобокой интерпретацией многих страниц нашей истории.

Именно поэтому основной задачей проведения Международных Лихачевских научных чтений я считаю не создание некоего подобия «икон» великому ученому, гуманисту и патриоту, а действительно вдумчивое перечитывание его работ с целью поиска путей, необходимых для развития России, для воспитания гражданского общества, без которого движение вперед невозможно. Нам необходимо преодолеть близорукость в отношении прошлого, неоправданный критицизм и поверхностность в оценках настоящего. Но главное — научиться любить, понимать и прощать: научиться быть добрее, любить свою Родину, любить людей.

Удивительно мудро отметил Дмитрий Сергеевич Лихачев: «Небольшой шаг для человека — большой шаг для человечества». Исправить человечество нельзя, исправить себя — просто. Накормить ребенка, провести через улицу старика, уступить место в транспорте, быть вежливым — все это просто для человека, но невероятно трудно для всех сразу. Вот почему нужно начинать с себя.

Я очень надеюсь, что результатом работы этих Чтений будет принятие ряда предложений и рекомендаций, направленных на изменение ситуации в области культуры, образования и науки.

Заместитель председателя Государственной Думы РФ
Г. БООС

**ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ИСПОЛКОМА
КОНГРЕССА ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
А. С. ЗАПЕСОЦКОМУ**

Уважаемый Александр Сергеевич!

Поздравляю Вас и всех участников Международных Лихачевских научных чтений с открытием!

Благодаря прекрасной организации и важности обсуждаемых на них проблем, эти Чтения стали ежегодными и приобрели высокую общественную и научную значимость как в нашей стране, так и за ее пределами.

Искренне желаю вам успешной творческой работы, взаимообогащающих встреч и благотворных итогов.

С уважением,

руководитель фракции КПРФ в Государственной Думе РФ,
председатель ЦК КПРФ
Г. А. ЗЮГАНОВ

**ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ИСПОЛКОМА КОНГРЕССА ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ,
РЕКТОРУ СПБГУП, ПРОФЕССОРУ А. С. ЗАПЕСОЦКОМУ**

Уважаемый Александр Сергеевич!

Выражаю Вам искреннюю признательность за приглашение принять участие в Международных Лихачевских научных чтениях.

Обсуждаемые на Чтениях проблемы гуманизации современного мира, гуманитарного образования в духовном пространстве цивилизации для нас неотъемлемо связаны с личностью Д. С. Лихачева, внесшего неоценимый вклад в развитие мировой гуманитарной науки. Символично, что данные Чтения проводятся в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, Почетным доктором которого был Дмитрий Сергеевич.

Гуманитарные проблемы современной цивилизации, безусловно, относятся к наиболее значимым мировым проблемам.

К сожалению, мое участие в Международных Лихачевских научных чтениях, проводимых 20–21 мая 2004 года, не представляется возможным. В научных чтениях примут участие министр культуры области М. А. Брызгалов и проректор по научной и творческой работе Саратовской государственной консерватории им. Л. В. Собинова, профессор Д. И. Варламов.

Губернатор Саратовской области
Д. Ф. АЯЦКОВ

Уважаемые участники Международных Лихачевских научных чтений!

Имя Дмитрия Сергеевича Лихачева в сознании представителей творческой интеллигенции, деятелей культуры Зауралья стало не только символом, но и камертоном высочайшей нравственности, служения культуре, отношения к жизни, к своему делу.

Я глубоко убежден, что без гуманитарных знаний, осмысления обществом основ нравственности и морали, патриотизма и гражданственности, гуманизации общества не может быть крепкой государственности, достижений в производственной и экономической сферах. Культура — это наиважнейший показатель качества жизни и любой деятельности человека.

У нас в Зауралье немало замечательных людей, подвижников и энтузиастов, которые в нелегкой экономической ситуации провинции хранят и развивают лучшие традиции народной культуры, создают условия для высоких достижений в области профессионального искусства, формируют отношение к культуре как к очагу, согревающему и объединяющему всех — и старых и малых. Особенно это важно для молодых, которые учатся переносить тяготы жизни, не теряя человеческого достоинства.

Верю и надеюсь, что ваш научный форум внесет весомый вклад в изучение и пропаганду произведений, мыслей, гуманитарных и духовных идей академика, гражданина, человека науки и культуры Д. С. Лихачева для поколений российского общества XXI века.

С чувством искреннего уважения,

губернатор Курганской области
О. А. БОГОМОЛОВ

**ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ИСПОЛКОМА
КОНГРЕССА ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
А. С. ЗАПЕСОЦКОМУ**

Уважаемый Александр Сергеевич!

От всей души приветствую всех организаторов, участников и гостей IV Международных Лихачевских научных чтений!

Этот форум собрал людей разного возраста, различных жизненных устремлений и вместе с тем объединенных глубоким пониманием значения духовности для развития общества. Уверен, как и прежде, это будет очень представительное собрание людей, умеющих мыслить по-государственному, осознающих свою ответственность за судьбу России.

Общество действительно волнуют проблемы гуманитарного образования, взаимоотношение культуры и экономики, правовые основы гуманизации. Это свидетельствует о понимании высокого значения духовного и нравственного начал в развитии страны. Это требует от нас более пристального и серьезного внимания к вопросам образования и воспитания подрастающего поколения, формирования грамотной и ориентированной на защиту духовных ценностей политики в области культуры и средств массовой информации.

Считаю очень важным, что Чтения пройдут в атмосфере открытого обсуждения набравших проблем, будут нацелены на общественный анализ неотложных задач, на открытый разговор о ценностях современного мира.

К сожалению, неотложные дела не позволяют мне принять участие в столь интересном и важном мероприятии.

Я желаю всем участникам и гостям этого форума плодотворной работы, интересных дискуссий, добрых знакомств!

Успехов вам и благополучия!

С уважением,

губернатор Новосибирской области
В. А. ТОЛОКОНСКИЙ

Дорогие коллеги!

Выражаю сердечную признательность Конгрессу петербургской интеллигенции за активный вклад в распространение идей гуманизма и прогресса, которым посвятил свою жизнь и деятельность Д. С. Лихачев, пользовавшийся глубоким искренним уважением в Кузбассе.

Понять и осмыслить наследие Дмитрия Сергеевича в интересах подлинно гуманистического подхода к решению проблем XXI века — общий долг политиков и ученых перед нынешним и будущими поколениями, важнейшая задача их теоретической и практической деятельности.

Желаю участникам Международных Лихачевских научных чтений успешной и плодотворной работы.

С уважением,

губернатор Кемеровской области
А. Г. ТУЛЕЕВ

**ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ИСПОЛКОМА КОНГРЕССА ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ,
РЕКТОРУ СПбГУП, ЗАСЛУЖЕННОМУ ДЕЯТЕЛЮ НАУКИ РФ,
ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТУ РАО, ПРОФЕССОРУ А. С. ЗАПЕСОЦКОМУ И
УЧАСТНИКАМ ЕЖЕГОДНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ ЧТЕНИЙ**

Уважаемый Александр Сергеевич!

Уважаемые участники ежегодных Международных Лихачевских чтений!

От имени депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга поздравляю вас с открытием важного научного, культурного, гуманитарного мероприятия международного масштаба — ежегодных Лихачевских чтений!

Дмитрий Сергеевич обладал удивительной способностью мыслить перспективно, оценивать тенденции развития, предостерегать от односторонних суждений. Он верил в торжество гуманизма и мира, в торжество разума. Великий Ученый сумел ввести древнерусскую литературу в современную культурную жизнь, в современное культурное пространство, пробудить к ней настоящий, глубокий и живой интерес.

Я глубоко признателен вам за то, что вы продолжаете и развиваете просветительское дело, начатое Дмитрием Сергеевичем. Вы сохраняете зерна добра и гуманизма, щедро подаренные нам Великим Мыслителем и передаете их подрастающему поколению россиян!

Эффективное развитие страны невозможно без стратегической, основополагающей роли образования, культуры, гуманности, и именно поэтому так важны Лихачевские чтения, проводимые Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов!

Уверен, что совместными усилиями мы сделаем Россию могучим и процветающим государством.

Председатель Законодательного собрания Санкт-Петербурга
В. А. ТЮЛЬПАНОВ

Уважаемый Президиум, уважаемые коллеги, друзья!

Позвольте мне приветствовать вас на очередных Лихачевских чтениях и напомнить, что 23 мая 2001 года Указом № 587, посвященным увековечению памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева, Президент Российской Федерации согласился с инициативой Конгресса петербургской интеллигенции о ежегодном проведении Чтений.

Я стараюсь каждый год участвовать в их проведении, внимательно слушаю доклады и должен вам сказать, что имеется еще достаточно большой пласт идей и работ Дмитрия Сергеевича Лихачева, которые нуждаются в глубоком серьезном осмыслении и изучении. И возможно, многие из этих его трудов будут востребованы спустя некоторое время, поскольку, как вы знаете, большое видится часто на расстоянии. Все это убеждает меня в том, что Администрация Президента РФ абсолютно правильно сделала, когда поддержала усилия ректора Университета Александра Сергеевича Запесоцкого в осуществлении идеи проведения ежегодных Лихачевских чтений.

Я с огромным удовольствием приветствую всех участников сегодняшних Лихачевских чтений и приношу свою глубокую благодарность Санкт-Петербургскому Гуманитарному университету профсоюзов и ректору за то, что находятся интеллектуальные и материальные ресурсы для обсуждения вопросов образования, культуры, сохранения национальной идентичности, а также издания материалов столь представительного форума. Это очень важно, и я надеюсь, что данная инициатива Гуманитарного университета будет продолжена и в будущем. Позвольте пожелать вам успехов и всего самого хорошего в жизни.

Помощник полномочного представителя Президента РФ
в Северо-Западном федеральном округе
Е. И. МАКАРОВ

ПРИВЕТСТВИЕ ОТ ПОЧЕТНЫХ ГРАЖДАН САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Дорогие друзья!

Наши Международные Лихачевские чтения стали уже доброй традицией. Они являются и данью уважения к памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева, и знаком внимания и бережного отношения к его культурному наследию. Это и возможность приобщиться к осознанию роли Дмитрия Сергеевича в российской науке и культуре.

Жизнь Дмитрия Сергеевича Лихачева стала реальным воплощением главных истинно человеческих ценностей: верности стране, высокой порядочности, требовательности к себе, огромных достижений в профессиональной деятельности и яркого выражения гражданской позиции. А для жителей нашего города Лихачев — ученый, гражданин и человек — воплотил в себе образ истинного петербуржца, который обеспокоен состоянием культуры, образования и воспитания.

Целостная натура Дмитрия Сергеевича Лихачева вобрала все лучшие качества, присущие думающему человеку, переживающему за судьбу своего города, своей страны, своего народа. И Петербург, где академик Лихачев жил и работал, по достоинству оценил его личный вклад в историю и развитие города, присвоив ему звание Почетного гражданина Петербурга. Однако это признание горожан только еще больше подчеркнуло интеллигентную скромность Дмитрия Сергеевича. Даже его негромкий голос в разговоре с собеседником свидетельствовал о большом внимании к другому человеку, о стремлении понять и по возможности помочь. Он хорошо знал предмет своего дела и умел увидеть в малом большое, соединить прошлое и настоящее и предвидеть будущее.

Так сложилось в нашем городе, что почти все, кому было присвоено звание Почетного гражданина Санкт-Петербурга, первоначально были приняты в Почетные доктора Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. И когда Дмитрия Сергеевича Лихачева облачали в мантию Почетного доктора Университета, мы с его помощью сделали очень правильный и существенный шаг в создании новой качественной системы образования и воспитания студентов. Дмитрием Сергеевичем был предложен конкретный реальный образ, наглядный и живой пример интеллигентности, высокого профессионализма, порядочности и гражданской ответственности.

Дмитрий Сергеевич Лихачев навсегда остался Почетным доктором только одного российского вуза — Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. И особая ответственность перед памятью этого Человека с большой буквы, как перед мерой нашего мировосприятия, лежит сегодня на всех, кто работает, преподает и учится в этих стенах.

Образ Лихачева, олицетворяющего для нас истинные ценности, помогает воспитывать молодежь. Не растерять эти ценности, идеалы Дмитрия Сергеевича, а сберечь, приумножить, наполнить их новой жизненной энергией — наша задача. Мы должны продолжить начатое Лихачевым дело и на практике воплотить его жизненные принципы и замыслы, донося светлый облик Великого Ученого, Гражданина и Человека до молодого поколения.

В заключение от лица всех Почетных граждан Санкт-Петербурга хочу пожелать всем участникам IV Международных Лихачевских научных чтений плодотворной работы, успехов в научной и практической деятельности.

Заведующий кафедрой физического воспитания СПбГУП,
профессор, Почетный гражданин Санкт-Петербурга,
мастер спорта СССР, Заслуженный тренер России
М. М. БОБРОВ

Уважаемый Александр Сергеевич!

Коллектив преподавателей, аспирантов, студентов и сотрудников Московского государственного университета культуры и искусств сердечно поздравляет Вас с 50-летним юбилеем!

Ваш огромный вклад в решение актуальных проблем в области культуры, образования, науки широко известен научной общественности и интеллигенции. Вы являетесь не только выдающимся ученым, но и активным деятелем, участником в решении социально-творческих проблем петербургской интеллигенции. Ваше сотрудничество с ведущими университетами России, а также с научными центрами Западной Европы и США является свидетельством глобального масштаба Вашей научно-творческой деятельности.

Вы талантливый организатор и менеджер. Задачу, поставленную Вами, — воспитать из студентов современных интеллигентов, которые стали бы одновременно и культурными, и высокообразованными, и деловыми, — решаете успешно. Мы гордимся тем, что входим в круг Ваших друзей и единомышленников.

Желаем Вам отличного здоровья, благополучия, удачи во всех начинаниях и проектах, творческих и научных открытий, дальнейшего процветания Вашему вузу, большого личного счастья!

Ректор Московского государственного университета культуры и искусств
Т. Г. КИСЕЛЕВА

Пленарное заседание

ОБРАЗОВАНИЕ В ПРОЦЕССЕ ГУМАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ,

председатель исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, ректор СПбГУП,
доктор культурологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, Заслуженный деятель науки РФ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ОТ ОРГКОМИТЕТА IV МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Уважаемые гости! Дорогие друзья!

Позвольте сердечно приветствовать всех, собравшихся в этом зале на IV Международные Лихачевские научные чтения. Уже четвертый раз мы проводим их в стенах Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов и надеемся, что участие в работе Чтений будет для всех присутствующих плодотворным.

Учредителями Чтений являются Конгресс петербургской интеллигенции, Российская академия образования и Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, Почетным доктором которого был и остается Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Конгресс петербургской интеллигенции создан по инициативе Даниила Александровича Гранина и Дмитрия Сергеевича Лихачева, а его учредителями стали Дмитрий Сергеевич Лихачев, Даниил Александрович Гранин, Михаил Борисович Пиотровский, Жорес Иванович Алферов, Андрей Павлович Петров, Кирилл Юрьевич Лавров и Александр Сергеевич Запесоцкий, если позволительно говорить о себе в третьем лице.

После смерти Дмитрия Сергеевича Конгресс петербургской интеллигенции выступил с инициативой увековечить его память, и, что чрезвычайно важно отметить, Президент России Владимир Владимирович Путин откликнулся на это обращение, подписав 23 мая 2001 года Указ № 587 «Об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева». Именно в этом документе отдельно выделен пункт о проведении Международных Лихачевских научных чтений.

С каждым годом Чтения становятся все значительнее и представительнее. Настоящие Четвертые Чтения — самые широкие по географическому охвату. У нас в гостях — представители научного мира и культурной общечеловечности из 52 регионов России и из-за рубежа. В работе пленарного заседания, круглого стола и секционных заседаний Чтений примут участие около 50 ученых Петербурга и наших гостей. В рамках Чтений

пройдет и чествование научно-педагогическим коллективом СПбГУП и культурной общественностью Петербурга выдающегося хореографа современности Бориса Эйфмана в качестве Почетного доктора нашего Университета.

Напомню, что именно Дмитрий Сергеевич Лихачев стал первым Почетным доктором в истории нашего Университета. Им же разработаны весь ритуал и идеология посвящения в Почетные доктора.

Почетный доктор — это воплощенный в реальность идеал Университета и персонализированный образ, который мы предлагаем молодежи от мира научного сообщества. Такое значение вкладывал в звание Почетного доктора сам Дмитрий Сергеевич Лихачев.

На этих Чтениях Университет обретет своего четырнадцатого (по порядку избрания) Почетного доктора. И я приглашаю всех присоединиться к этой очень радостной, торжественной и волнующей церемонии.

Дмитрий Сергеевич не был парадным Почетным доктором. Он испытывал потребность приходить в Университет, когда им овладела какая-то важная идея.

Итоговым документом всей жизни Д. С. Лихачева стала «Декларация прав культуры». Это своего рода духовное завещание он представил петербургской общественности в День знаний нашего Университета 1 сентября 1995 года. Он очень радовался, что его первые слушатели — студенты. На них, молодых людей с университетским образованием, он возлагал надежду на реализацию идей Декларации.

В течение уже двенадцати лет в этом зале в мае проходят научные конференции. Они приурочены ко Дню рождения Университета — 24 мая. Именно в этот день он был освящен Русской православной церковью. Кроме того, и сама дата была выбрана не случайно. Это День святых равноапостольных Кирилла и Мефодия — выдающихся просветителей, основателей славянской

письменности — символа российской духовности и культуры.

Это, пожалуй, самый подходящий день для того, чтобы Гуманитарный университет смог осмыслить и подвести итоги: что сделано в его стенах за год; чтобы пригласить деятелей культуры и искусства, ученых, общественных деятелей для серьезного разговора о том, в каких направлениях работать дальше: ведь ни одна сфера практической деятельности не может развиваться без науки и гуманитарного знания.

Без этого, как и без осмысления проблем морали, нравственности, гражданственности не может быть правового государства, нормальной экономической системы, успеха реформ, благосостояния граждан. Не может быть и процветающей России. Мы собираемся здесь, чтобы поговорить о том, что нас волнует. И в эти два дня будут обсуждаться материалы наших научных исследований и итоги раздумий в прошедший год, потому что каждый из нас заинтересован в судьбе страны.

Подчеркну еще раз: невозможно построить процветающую Россию без создания подлинно гуманитарного общества. Поэтому фигура Дмитрия Сергеевича Лихачева имеет особое значение.

Сегодня, когда мы говорим о Лихачеве, то тем самым заявляем о нашем отношении к жизни, окружающим нас людям, народу, стране, и это представляется мне очень важным.

Дмитрия Сергеевича нет с нами, но мы должны помнить уроки этого великого человека и относиться к его знанию, собранному в результате длинной и очень яркой жизни, не как к праху, который надо хранить, а как к огню, который надо поддерживать.

Нам следует продолжить дело Дмитрия Сергеевича: обдумать уже сделанное им и развивать дальше. Потому что жизнь выдвигает новые непростые проблемы; потому что каждый молодой человек в 16–17 лет заново осмысливает жизнь и решает извечную проблему, которую решал для себя в юности и Дмитрий Сергеевич Лихачев, и любой из нас.

Время, которое отделяет нас от момента окончания земного пути Дмитрия Сергеевича, наполнено многими событиями и процессами, совершившимися как в нашей стране, так и в мире. Но это время дало немало подтверждений не только правоты академика Лихачева, но и его прозорливости, умения заглянуть в будущее, опираясь на знание и понимание прошлого.

Задача нашего научного форума — творчески развить и осмыслить наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева в реалиях нашей жизни. Тематика наших Чтений отвечает этой цели.

Первые и вторые Чтения были посвящены теме «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева». Участники Чтений 2003 года обсуждали проблемы образования в условиях формирования нового типа культуры. В этом году в центре внимания собравшихся на форум — тема «Образование в процессе гуманизации современного мира».

По материалам всех прошедших Чтений изданы сборники, которые активно востребованы научной общественностью. Будут изданы материалы и настоящих Чтений. Как представляется, эта тема не просто развивает ряд идей Д. С. Лихачева, но и служит своеобразным откликом представителей гуманитарных наук, образования и культуры на вызовы времени, вызовы современной истории. Либо мир найдет свою дорогу к гуманизации всех сфер духовно-практической деятельности, либо возобладает тенденция насилия, хаоса и жестокости. К сожалению, наука и техника способствовали созданию условий для реализации самых разрушительных планов. Но, как свидетельствует история, человечество всегда находило компромисс между силой и мудростью.

Позвольте пожелать всем участникам Чтений успешной работы и выразить уверенность в том, что совместными усилиями мы увеличим потенциал этой мудрости и внесем свой посильный вклад в решение глобальной научной и нравственной задачи.

Н. Н. СКАТОВ,

директор Института русской литературы РАН (Пушкинский дом),

доктор филологических наук, профессор,

член-корреспондент РАН

ДРЕВНЯЯ БОЛЬ: О НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ, ИДЕЯХ И ОБРАЗОВАНИИ

Вряд ли можно сейчас определить русскую национальную идею в качестве одной всеобъемлющей формулы, как это было со знаменитым афоризмом монаха Филофея о Москве, Третьем Риме, или даже с известным тезисом, приписываемым министру народного просвещения Уварову: «Православие, самодержавие, народность» (на самом деле высказывание принадлежит московскому профессору Крылову). Да и в историческом плане достаточно было людей, по своему национальному самосознанию решительно несогласных с указанными формулами. А в современных условиях тем более следует говорить о некоем синтезирующем идеологическом комплексе, который возможен только в результате общих усилий, да и то лишь в качестве определяющего вектора, а не строгой формулы, афоризма. Но первым условием и предпосылкой появления такой идеи должно выступить спасение нации. Что толку в любых национальных идеях, если самой нации не будет.

Сейчас по многим причинам русский, или — в более старой терминологии — великорусский, этнос оказался в тяжелой ситуации. Традиционно он выступал в той роли, которая закреплена в известной формуле «старший брат», и успешно. В результате всех этих противоречивых, неоднозначных процессов, в отличие от других государств, в нашей стране практически всем национальностям и народностям удалось сохранить свою этническую определенность. Это особенно наглядно в сравнении с судьбой коренного населения США или славянских племен в германских землях.

Еще в начале прошлого века великий Менделеев полагал, что для России задача увеличения народонаселения стоит на первом плане. А сейчас положение почти катастрофическое. Недаром такой общественно чуткий писатель и ученый, как академик А. И. Солженицын, который давно имеет дело со статистикой и с разнообразным источниковедением, констатировал, что главной задачей сегодня является сохранение русской нации. Зная общие позиции Александра Исаевича, думаю, что речь идет не о простом физическом выживании, хотя и о нем тоже. Это диктует необходимость, что-

бы «младшие братья», выросшие и окрепшие, пришли на помощь «старшему», ибо его сохранение — это и вопрос сохранения их самих, а не просто благотворительность или великодушие.

Проявлением этого является и борьба за сохранение русского слова как объединяющего колоссальные и разнообразные географические, исторические и этнические образования. Не случайно встал вопрос о необходимости принятия закона о русском языке. Однако сами по себе запретительные меры вряд ли обеспечат успех дела. Необходимо уяснение особенностей русского слова и его соотношение и взаимовлияние с другими языками. Отсутствие такого уяснения ведет к смещениям и перекосам в языковой политике. И зарубежный опыт здесь не всегда уместен. Например, Франция — страна, даже с учетом Прованса с его провансальским языком, мононациональная и моноязычная. А Россия, даже при определяющей роли узкого этноса, страна многонациональная и многоязычная. Достаточно вспомнить ту великую роль, которую сыграла в становлении русского слова украинская, или малороссийская, словесная культура, да и тюркская тоже. Недаром Пушкин, говоря о русском языке, называл его «общежительным». Вероятно, этот традиционный для России принцип общности не должен быть нарушен.

Нет причины ставить под сомнение ту универсальную роль, которую играет сейчас в мире английский язык. Но нельзя не видеть также, что основная сфера его применения распространяется на бизнес, финансы, бюрократию, некоторые разделы науки и быт. Однако если речь идет о культуре, то сферой английского языка является, прежде всего, так называемая массовая культура.

Говоря о конкурентоспособности России, наш Президент, вероятно, имеет в виду не просто изготовление модных штанов или даже мощных компьютеров. Необходимо понимание единства русского языка со словесной культурой в обширном смысле этого слова. Речь идет, прежде всего, о русской классической литературе. Только это понимание самоценности может обеспечить рус-

скому языку конкурентоспособное место в общекультурном пространстве страны и всего мира. С этой точки зрения грозная опасность нависает и над великой англоязычной культурой.

Общепринято считать, во всяком случае с европейской точки зрения, что в человеческой истории искусства были три великие эпохи. Помимо античности и европейского Возрождения, это русская литературная классика, лучшее, по словам Горького, что создано нами как нацией. От практического, научного и всякого другого художественное воззрение отличается тем, что оно не дробит свой предмет и для него всякая часть имеет значение лишь в отношении к целому, как утверждал Розанов.

Русской классической литературе свойственно целостное восприятие бытия, формируемое на одном из самых великих явлений мирового искусства. И на такую литературу сейчас идет упорное и целенаправленное наступление. Да, наша литературная классика — это наше прошлое. Великое, достойное, прекрасное, но прошлое, воспоминание. Однако это воспоминание о будущем. Недаром Некрасов сказал: «И песни вещи Кольцова...» Нам еще только предстоит осознать вселенскую мощь и силу власти земли у этого поэта. Неслучайно Афанасий Фет назвал и Федора Тютчева «вещим» — нам еще только предстоит освоить тютчевскую космогонию и историософию, о которой начали догадываться только в начале XX века. Недаром в Достоевском видели пророка настоящих и, не дай Бог, грядущих революций. А сам Достоевский увидел в Пушкине уже абсолютное пророческое явление. Одно время даже была в ходу фраза «вперед к Пушкину!» И этим все сказано.

Отменяя или даже тесня русскую классику, мы лишаем доверенное нам молодое поколение не только прошлого, мы лишаем его и будущего. А что касается настоящего, то, конечно, наша классика вступает с ним в решительное противостояние. Она провозглашает: «Не убий», «Не укради», «Не прелюбодействуй», а слишком многое в нашей жизни и в литературе учит обратному и славит содом, порой, уже в гомерических размерах.

Характерно, что современный театр неизбежно вынужден обращаться к спасительной классике. Но при этом бессилие извлечь собственно заключенный в ней смысл и сверхсмысл (что и было бы художественным от-

крытием) ведет даже не к осовремениванию, а уже к прямой скандальности, к загаженности, к стремлению и ее развратить до себя, как говорил в схожем случае Достоевский. А объяснение: «классику не любят, не читают, не смотрят» — от лукавства.

Конечно, мы живем в новом, бесконечно изменяющемся мире, но только в школе, на уроках классической русской литературы, дети могут получить необходимые профилактические нравственные «прививки», способные предотвратить многие социальные болезни общества. Ведь то, что часто представляется авангардом и несет соблазнительную прелесть новизны, по сути, является тылом.

В наши дни разработана даже своеобразная поэтика дерьма. «Все прогрессы реакционны, если рухнет человек», — сказал поэт. И всякий прогресс, обеспечивающий лишь довольство, изобилие и потребление этого изобилия, может быть так же реакционен, как и регресс, влекущий к нищете и неприкаянности. Пример тому — фашистская Германия.

Необходимо избавиться от некоторых наивностей школьного истмата, по которому существуют некие экономические базисы и соответствующие надстройки, постройке, пристройке, в частности — культура и образование. Существуют глубинные фундаментальные основы культуры, на которых и зиждутся меняющиеся экономические формации, и культурные традиции, которые проходят через столетия. Именно они базисны, если уж воспользоваться этим термином. Игнорирование этого постулата равносильно нарушению законов природы.

На последнем общем собрании Российской академии наук тревожно прозвучало: «Мы должны строить рыночную экономику, но не рыночное общество». Это тем более актуально, что мы вступаем в историческую полосу, которая потребует от нас чрезвычайных мобилизационных усилий и напряжений. И без опоры на фундаментальные культурные ценности мы просто пропадем. Думается, опасность нашего нынешнего положения не до конца осознана, и мы строим общество, подчиненное именно законам рынка, принимая их за абсолютную истину. Слова «рынок требует, рынок определяет, рынок диктует» стали крылатыми и звучат, как приговор, окончательный и безапелляционный.

Хочу напомнить, что даже в известной программе «Пятьсот дней» именно сфера об-

разования и культуры определена как нерыночная. А ведь общество, если только оно претендует на звание человеческого, требует не того же, что рынок. Мы часто говорим о провале наших буржуазных рыночных реформ и о горе-реформаторах, но тогда почему они так самодовольны? А потому, что для этого у них есть все основания. Действительно, с точки зрения поставленных ими задач, реформы проведены просто блестяще.

В качестве иллюстрации позволю себе процитировать открытое письмо Президиума Санкт-Петербургского научного центра президенту страны о том, что очередная наша реформа «однозначно свидетельствует о целенаправленной линии Правительства на уничтожение науки в России, что противоречит политике Президента России и статическим интересам общества». Люди, подписавшие это письмо, придерживаются разных политических взглядов.

Вряд ли случайно и переименование самого Министерства просвещения в Министерство образования. Оно представляется знаковым и зловещим, ведь образовать можно что угодно и кого угодно. Тем не менее и в наших условиях этому ведомству не должно забывать о своей изначальной светоносной задаче.

Как же выглядят национальные традиции и национальные идеи применительно к сфере образования? Признавая условность такого разделения и то, что эти понятия во многом пересекаются, должен сказать, что они не совпадают и даже противоречат друг другу.

По В. В. Розанову, «христианское понятие, по которому свет, просвещение есть высшее земное дело, есть украшающее и возвеличивающее человека занятие, нам совершенно чуждо, оно нам чуждо во всех проявлениях в науке, в литературе, но впереди всего в школе...» («Сумерки просвещения»). А учитель, уже по определению, призван к светоносности. «Так как вся польза для страны от распространения желаемого среднего образования определяется учителем, то работу о подъеме нашего среднего образования начинать нужно не с программ, а с подготовки надлежащих учителей», как писал Дмитрий Иванович Менделеев, человек с богатым учительным опытом.

Мы же наши школьные реформы начали именно с программ. Василий Васильевич Розанов, человек с многолетним

педагогическим опытом, считал, что нужно изучать быт учителей, чтобы что-нибудь понять в образовании. И говоря об источнике самых печальных наших поражений в области идеала, называл именно положение учителя: «В настоящее время учителю семейному невозможно захворать, не впад сейчас же в долг, почти непоправимый; семейный учитель, оставляя своих детей почти без присмотра, нудит жену к педагогическому же труду на стороне или хоть и потаенно, но к какому-нибудь домашнему, «кустарному» ремеслу. Сам учитель захлебывается в уроках, доходит до самоудушения с ученическими тетрадями и, очевидно, скверно поправляет как эти тетради, так и вообще скверно дает уроки, то есть утомленно и раздраженно. Учитель стал почти синонимом неврастеника, и это около учеников — детей, на которых его нервность отражается почти заражающим образом. И в основе этого лежит просто рубль, урванный у него и переданный чиновнику таких ведомств, для которых свет знания “как бы не бел”».

Все это писалось в конце XIX века. Но и в конце XX, и в начале XXI столетия положение учителя ничуть не лучше. Здесь, в сущности, мы оказываемся в глубокой колее именно национальной традиции, в очередной раз пренебрегая просвещением.

Нельзя иначе возвысить уровень учительского класса, как создав лучшие условия для его существования, то есть притянув все активное, сильное, что до сих пор избегало этих должностей, боясь нищеты и неуважения. По сообщениям серьезной прессы, из лучших выпускников Герценовского педагогического университета последнего года собственноручно в классы пришли 158 человек из 2000. Но и они быстро сбегут от этих должностей на более прибыльные и менее нервные.

Таковы, видимо, национальные традиции, которые вступают в решительное противоречие с основополагающими идеями национальной, да и общей педагогики. В. В. Розанов сформулировал три ее принципа, один из которых — принцип индивидуальности — ныне нарушен в своей сути. В противоположность животному, которое имеет род, вид, разновидность, человек — это всегда особенное, личность. Это его высшее и глубочайшее определение. И каков бы ни был тип школы или системы образования, только та из них будет образовательной в

полном смысле этого слова, где не нарушен этот основополагающий принцип индивидуальности. Между тем с введением так называемого Единого государственного экзамена (ЕГЭ) личность человека будет, конечно, уничтожаться. Не случайно введение ЕГЭ вызывает такое сопротивление в лучших вузах страны. Ведь именно второстепенные способности (исключительно механические, где оценивается не ум, но измеряется усвоенное памятью, не ищется творчество, но воспитывается логический навык) являются главными и решающими в ЕГЭ.

Что же касается аргумента в пользу введения ЕГЭ как метода борьбы с коррупцией, то надо думать, что коррупция при-

мет свои меры, возможно еще более беспощадные.

И это воистину древняя боль, не наша только, но целой Европы — вопрос о школе. Мы были в школьном деле, как и в других бесчисленных, только плохими копиистами чужой работы, учениками, списывающими у соседа. В тему, которую задала Европа своей школе, мы должны вдуматься самостоятельно, чтобы суметь сколько-нибудь успешно разрешить эту проблему. Только при этой самостоятельной вдумчивости мы, возможно, догадаемся, как глубока школьная язва в самой Европе. И как она не излечима предлагаемыми у нас паллиативами. И может быть, заботясь о себе, мы поможем и Европе.

Н. Д. НИКАНДРОВ,

президент Российской Академии образования (РАО), доктор педагогических наук, профессор

ОБРАЗОВАНИЕ И ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

«Народ российский от времен, глубокою древностию сокровенных, толь многие видел в счастья своем перемены, что ежели бы кто отвне нанесенные и междоусобные войны рассудит, в великое удивление придет, что от толь многих нестроений и разделений не токмо не расточился, но и на высочайший степень величества и славы достигнул. Каждому упадку следовало высшее восстановление. Противу мнения и чаяния многих, толь довольно предки наши оставили на память, что, применясь к бытописателям других народов, на своих жаловаться не найдем причины», — писал Ломоносов в середине XVIII века. И трудностей у нас много до сих пор, но уверен, что мы их преодолеем.

Образование есть воспитание и обучение вместе взятые, в полном единстве. В основе того и другого лежат так или иначе понимаемые духовные ценности.

Самое общее слово, которое включает все факторы, влияющие на нас в плетении жизни, это «социализация». Речь идет о развитии и саморазвитии человека в единстве и в процессе усвоения, воспроизводства культуры общества, а это значит усвоение духовных ценностей. Воспитание — это целенаправленное влияние на развитие человека. Образование — это воспитание и обучение в интересах человека, общества и государства. Так написано в Законе «Об образовании».

Человек всегда находится в ситуации выбора между совестью и наслаждением. Это

действительно очень сложно. Как только мы рассмотрим вопрос однобоко и попытаемся действовать только в этом направлении, тут же получится однобоко развитый человек, неинтересный даже себе самому и тем более другим.

Ценности очень быстро могут меняться. Это плохо. Прав был Лобачевский, говоря: «Чему должно нам учиться, чтобы достигнуть своего назначения? Мое мнение — ничего не уничтожать и все совершенствовать». Это мнение не только великого математика, но и ректора университета, который прекрасно понимал, о чем говорил.

Ключевыми словами всех реформаторов являются «сломать», «разрушить» нечто до основания, а затем строить заново. И когда ценности меняются со временем — это нормально. Еще древние римляне говорили: «*Mobilis in mobile*» («Подвижная среда и в ней подвижный объект»). Так и ценности: они меняются, потому что меняется общество. Как говорили еще в древности: «*Tempora mutantur et nos mutamur in illis*» («Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними, в них»).

Это все правда, но беда в том, что ценности могут искусственно, благодаря нашим влияниям, меняться чересчур быстро. Так и получилось у нас. Мы хотим, чтобы у нас был рынок, причем не только в экономике, но и в обществе, что совершенно недопустимо. Раньше у нас был коллективизм, с которым мы привыкли жить, он объединял людей.

Теперь резко выраженный индивидуализм как ценность. Было сотрудничество, не во всем и не всегда, но было, теперь оно постепенно и очень жестко заменяется конкуренцией. Тот, кто раньше был спекулянт, стал предпринимателем, занимаясь все тем же делом. У нас были классовые ценности, а появились ценности общечеловеческие.

Я намеренно несколько упрощаю, чтобы проиллюстрировать быструю и кардинальную смену ценностей в современном мире и показать, что это мешает нормальному развитию общества и государства.

Как мы можем ценности изучать? Разумеется, с помощью опросов. Так, по результатам одного из них, который состоялся в январе 2004 года, россиян больше всего волнует, конечно, рост цен — 57% опрошенных, а кризис морали, культуры волнует 17% россиян. Я не буду говорить, плохо это или хорошо, умные мы с вами или нет, раз только 17% из нас волнует кризис морали и культуры. Наверное, этого все-таки недостаточно. Но таковы факты.

Это значит, что когда Государственная дума, которая так или иначе отражает интересы всех россиян, решает, куда ассигновать деньги, она опирается в своем решении именно на общественное мнение, то есть на данные подобных опросов. А по ним получается, что мораль, культура и тому подобные вещи волнуют не более 17% взрослого населения России.

А для того чтобы статистика выглядела иначе, не должно забывать о том, что приверженность духовным ценностям все-таки воспитуема, но этим нужно заниматься. И мне кажется, мы можем смотреть в будущее с известной долей оптимизма: хотя и не быстро, но историческая традиция прорастет в новом поколении, конечно, если мы этому поможем.

Иерархия ценностей складывается в течение всей жизни, в результате личного опыта. Жизненная практика выявляет некие ценности, которые потом специальными и неспециальными усилиями превращаются в определенные нормы. Сформированные и в результате философских размышлений, и в практике самой жизни, они могут превратиться (или не превратиться) в цели воспитания. И вот тогда через систему образования они становятся достоянием общества.

Надо сказать, что мы сейчас находимся в переходном периоде, который несколько затянулся, но такова наша реальность.

В 1999 году Сорос, успешный капиталист, выпустил книгу на русском языке со своим предисловием «Кризис мирового капитализ-

ма» (на английском она вышла чуть раньше). И основная мысль, которую автор раскрывает в книге, состоит в том, что переходное общество подрывает общественные ценности и ослабляет сдерживающий моральный фактор, и пока капитализм остается победителем, стремление к деньгам перекрывает все другие общественные соображения. Отсюда и тезис, что образование, наука и культура не являются рыночными ценностями.

Симпатичной картинкой с цветочками обозначена базовая ценность — жизнь, здоровье, природа. Конечно, это ценность, кого ни спроси, жизнь всем нужна. Правда, появилась поговорка: «В рублевой зоне жизнь — копейка», которая отражает те условия, которые у нас сложились. И это тоже опыт.

Если посмотреть на рождаемость в России и уровень смертности, то оказывается, что жизни нашей многое угрожает. Это иногда называется «российским крестом» (выражение принадлежит Дмитрию Семеновичу Львову, известному экономисту, который сопоставил кривые рождаемости и смертности), когда рождаемость уменьшается (только в прошлом году она осталась на прежнем уровне по сравнению с 2002 годом), а смертность возрастает, то есть создается угроза вымирания нации. С 1989 до 2002 года рождаемость в России снизилась в 1,4 раза, а смертность возросла в 1,5 раза, и отсюда, естественно, убыль 7,4 миллиона человек.

Можно ли с этим что-то сделать? Разумеется, можно. Даже те немногие и очень скромные меры, которые все-таки были приняты для повышения уровня жизни населения, привели к сокращению, вернее, к сохранению смертности на одном уровне, а рождаемость чуть-чуть, едва заметно увеличилась. Главное, необходимо создавать у людей достаточный оптимизм, веру в то, что все образуется.

В 1985 году, когда к власти пришел Горбачев, был огромный энтузиазм. Старшее поколение хорошо это помнит, а младшие знают по истории. Действительно, была вера. И рождаемость тогда резко возросла, стремительно. Люди радовались жизни и хотели жить. Но как только в 1997 году, и особенно после дефолта 1998 года, выяснилось, что у нашей экономики большие проблемы, тогда рождаемость вновь резко упала. То есть существует прямая связь. Поэтому, с одной стороны, экономические меры необходимы, а с другой — нужно развивать понимание между властью и обществом, чтобы люди видели смысл реформ и одобряли действия властей. Иначе нам грозят очень большие опасности.

Ценность, которая условно обозначена понятиями «любовь, семья, эротика, секс», конечно, необходима и важна, но может вызывать самый разный интерес. Увы, есть целый ряд опасностей и здесь, которые нужно предвидеть.

Посмотрите, например, два российских журнала — «XXL» и «Космополитен». Это аналог соответствующих зарубежных изданий. Да, бесспорно, простенькие глянцевого журнала для развлечения нужны. Но если вы посмотрите внимательно, то в этих изданиях, по сравнению с зарубежными аналогами, резко подчеркнута все, что касается секса в самом его примитивном понимании. Никто не говорит о том, важен или неважен секс по сравнению с любовью, — все нужно, все важно. Но если специально делается акцент исключительно на секс, и столь агрессивно, навязчиво, то ничего хорошего обществу это не принесет.

Например, Елена Ханга, комментируя свои передачи «Про это», говорит: «Мои передачи — это шоу. Сюда приходят поговорить о сексе, а не Пушкина читать». Ну разумеется, можно и то и это делать, не обязательно только читать Пушкина и серьезные философские вещи. Вопрос в том, какой процент уделяется тому и другому. Да и в народе такие передачи иногда называют «треп-шоу», так как слишком подчеркнута в них то, что составляет, скажем так, нижнюю часть границы нашей морали и понимания.

А что, порой, можно обнаружить на рекламных плакатах, висящих в метро, лучше и не говорить при несовершеннолетних, а тем более детям, но они вынуждены наблюдать подобное. И это — грех всего общества, наш с вами, потому что чересчур много в нашей жизни занято разговорами и пропагандой самого примитивного.

Это действительно плохо, потому что реально, объективно воздействует на наше сознание. Реклама постоянная, везде, по всем каналам телевидения, радио, на улицах и в метро примитивизирует наш народ. Но если мы это понимаем, то есть возможность бороться с подобным безобразиями. Хотя это очень трудно, потому что речь идет о борьбе небольших денег, которыми располагает система, скажем, образования, с очень большими деньгами, находящимися в обороте у владельцев СМИ. Но понимая, что за этим стоит проблема развития общества, мы можем что-то сделать, каждый на своем месте.

Главная группа ценностей, о которых действительно надо говорить, — это культура, искусство, образование и досуг. Дмитрий Сергеевич Лихачев понимал под культурой со-

творенную человеком материальную и духовную среду обитания, а также процесс создания, сохранения, распространения и воспроизводства норм и ценностей. Обобщенно понимая, что все созданное человеком, а не природой (кто-то скажет «Богом»), это культура. Соответственно, культура может быть высокой и низкой, плохой и хорошей, хотя эти термины, конечно, нужно употреблять с большой осторожностью.

И разумеется, не все так однозначно. Многие знают, что и Вольтер, и Ньютон, и Наполеон, и Бисмарк, и Бетховен, и Дюма-отец, и Эйнштейн были плохими учениками, а Кутузов, Горчаков, Ленин, Сталин, Ельцин, Киркоров и другие — хорошими. Но если серьезно, у нас есть огромный потенциал в образовании, однако существует и большая опасность. Это преобладание поп-культуры в традиционной культурной среде, то есть деградация общественного вкуса. Это культура агрессии, хотя не вся поп-культура такая. Например, группа «На-На» — одна из популярнейших наших групп, но посмотрите на лица ее участников, что они выражают в момент исполнения композиций. (Еще раз подчеркиваю, что не вся поп-культура плохая и агрессивная, хотя значительная ее часть именно такова.) То же относится и к группе «Тату», к отдельным песням Филиппа Киркорова, Кати Лель (особенно примечательна ее «Муси-пуси») и др.

Важно то, что у всех эстрадных исполнителей, конечно, разный талант. Например, Филипп Киркоров — очень талантливый человек, которого природа или Бог одарили и прекрасной внешностью, и голосом. Посмотрите, однако, что он поет: это тоже, увы, постепенная примитивизация. И это не потому, что ему недоступно другое (а кому-то и недоступно, ведь многие из современных представителей поп-культуры в советские времена не попали бы и на сцену клуба самодеятельности из-за отсутствия минимального таланта и способностей). Значит, даже таких талантливых людей, как Филипп Киркоров, захватывает серость поп-культуры.

Поп-культура, конечно, тоже имеет право на существование, и она все равно будет востребована, но нужно сделать так, чтобы люди видели больше высокой культуры, а для этого необходима специальная система поддержки.

И наконец, есть еще две группы ценностей — труд, карьера и собственность. Статистика утверждает, что средний доход россиянина неизменно растет. Правда, если взять доход бомжа и доход, скажем, Березовского, то в среднем это будет довольно много, но

бомжу от этого не полегчает, так что сухие цифры на самом деле не отражают ничего.

Да, общий и средний доход россиян растет в тех областях, производство которых хоть как-то связано с нефтяным и газовым комплексом. Однако если рассматривать не только эту парадную сторону экономики, но и вопросы карьеры, безработицы и прочее, то необходимо признать, что у нас остаются серьезные проблемы.

Андерс Осланд, который был экономическим советником Правительства нашей страны в 1991–1994 годах, выпустил в прошлом году книгу «Строительство капитализма» (издание солидное, 736 страниц), где проводит две основные мысли. Во-первых, как полагает Осланд, важен был сам факт приватизации, а не то, каким способом она проводилась. (Я знаю по опросам, что большинство россиян с этим категорически не согласны, и я в том числе.) Во-вторых, Осланд пишет о том, что капитализм не есть общество равных возможностей. А кто полагает иначе, тот жестоко ошибается и напрасно надеется на равенство.

Это значит, что у нас действительно есть люди, которые знают, как должно быть. Например, такие как Анатолий Борисович Чубайс, простирающий руку над некими нефтяными трубами, а возможно, и над всей нашей страной. Это хорошо, что он знает, как это делается. Однако далеко не все согласны, что так и должно быть, как полагают некоторые реформаторы прошлых лет. Как

сказал сегодня Николай Николаевич Скатов, есть маркетизация, есть рынок в экономике, но рынок не должен все определять в обществе. А Салтыков-Щедрин вообще считал, что у нас капитализм в культурной форме невозможен.

Я абсолютно убежден, что наше будущее прочно связано с формированием нормальной российской идеологии. Эта проблема не впервые беспокоит наши умы. Шлесингер в 1970-х годах написал статью «The end of ideology?» («Конец идеологии?»), но он сопроводил название вопросительным знаком, нужна ли она. Но идеология действительно нужна, она цементирует общество. И создается она путем воспитания и образования общества в определенном ключе.

Таким образом, мы вернулись к изначальному тезису о том, что в образовании есть и воспитание, и обучение. И то и другое нам нужно и базируется на определенной системе ценностей. А если мы слишком быстро меняем шкалу ценностей, то получаем довольно много неприятностей, что и наблюдаем в настоящее время.

Сейчас у России есть перспектива, возможность разумно посмотреть на построение базовой системы ценностей в обществе и прежде всего в образовании. Поэтому вы, преподаватели высшей школы, по сути являетесь творцами этой нарождающейся системы ценностей нового мира, участвуя в процессе ее создания. Я бы хотел вам пожелать большого терпения и успехов в этом.

Н. В. ПОНЬРКО,

сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинский дом), доктор филологических наук

Д. С. ЛИХАЧЕВ — НАУЧНЫЙ ВДОХНОВИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ КНИЖНОЙ СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ»

Я представляю отдел, которым Дмитрий Сергеевич руководил с 1954 года до конца своих дней, то есть почти половину столетия. И сегодня мое выступление посвящено тому, как Дмитрий Сергеевич пришел к идее издания серии «Библиотека литературы Древней Руси», 12-й том которой появился в конце прошлого года, а первые 5 томов вышли в свет при его жизни и под его редакцией. Это издание рассчитано как на специалистов — филологов и историков, так и на широкий круг читателей.

Заслуга Дмитрия Сергеевича перед русской культурой не только в том, что он создал академическую научную школу медиевистики, которая носит его имя и называется Петербургской школой медиевистики, но так-

же и в том, что он сделал достоянием живой культуры предмет своего изучения.

Наше поколение шестидесятников прекрасно помнит, что в ту пору, когда мы учились в школе, общество хорошо представляло себе из древнерусской литературы, может быть, единственный памятник — «Слово о полку Игореве». А в наши дни «Библиотека литературы Древней Руси» насчитывает сотни литературных памятников. Книги этой серии расходятся и читаются, и если сегодня взять интервью у любого мало-мальски образованного человека, он назовет много известных ему литературных памятников Древней Руси. И заслуга Дмитрия Сергеевича в этом первостепенна. В 1960-е годы вышло его академическое сочинение «Поэтика

литературы Древней Руси», а затем Дмитрий Сергеевич создал еще два крупных основополагающих научных труда — «Текстология древнерусской литературы» и «Поэтика литературы Древней Руси». «Поэтику» стали читать все интеллигентные люди нашего времени. Это был своего рода интеллектуальный бестселлер. Ее цитировали, потому что этот академический труд был написан прекрасным языком и с точки зрения человека, глядящего из современности в прошлое.

В 1969 году эта книга вышла в книжной серии «Библиотека всемирной литературы»: первый том, посвященный древнерусской литературе и задуманный Дмитрием Сергеевичем, назывался по-старинному — «Изборник». В нем впервые было предложено издавать тексты билингвой, когда на левых нечетных страницах издания вы читали оригинальный древнерусский текст, а на правых — его перевод на современный русский язык. Это была первая ласточка, которая определила судьбу последующих изданий. «Изборник» быстро разошелся и стал очень известен. А спустя некоторое время, уже в конце 1970-х годов, Дмитрий Сергеевич предложил издавать книжную серию «Памятники литературы Древней Руси». Всего было задумано 12 томов, и последний из них вышел в 1994 году. Эта серия была удостоена Государственной премии.

Прошло несколько лет, и Дмитрий Сергеевич сказал у нас в отделе, что мы должны издать обширное собрание памятников литературы Древней Руси и пусть оно называется «Библиотека литературы Древней Руси». Так был обсужден и задуман уже 20-томный проект «Библиотеки литературы Древней Руси».

Для Дмитрия Сергеевича было важно, чтобы литература Древней Руси существовала в наши дни. И поэтому 20-й том был задуман в этом ключе и назывался бы «Литература Древней Руси после Древней Руси». Сейчас он подготовлен к печати и ждет своего издания. В него вошли произведения, которые создавались в XVIII–XX веках, но были проникнуты духом Древней Руси, и если не всегда стилистически, то по своим идеалам и жанровым построениям соответствуют принципам литературы Древней Руси. Например, воспоминания сидельца Соловецкого или переписка просвещенных старообрядцев наших дней — Федора Антоновича Каликина (который был реставратором станковой живописи в Эрмитаже) и Ивана Никифоровича Заволоко (выпускника Карлова университета, рижского просвещенного старообрядца, принесшего в дар древлехранилищу Пушкинского дома одну из его жемчужин — автограф протопопа Аввакума и его «Житие» в автографе).

В сущности, эти авторы имели психологию человека Древней Руси, для которого

главным было живое чувство Бога, то есть ответственность перед небом, а не перед какими-то низменными своими потребностями. Издаваемый нами 20-й том не содержит переводов древнерусских текстов на современный русский язык, но снабжен расширенным комментарием.

Эта серия создана для всех россиян как для научного сообщества, и любой исследователь может сослаться на это издание, имеющее также научный комментарий. Но это издание рассчитано и на людей, не связанных с наукой, именно для них и существует перевод на современный русский язык.

К переводу текстов Дмитрий Сергеевич предъявлял очень жесткие требования: он должен быть точным грамматически, передавать дух языка и в то же время быть как можно более литературным. Но это уже, конечно, зависит от способностей отдельных авторов (над серией работало более десятка сотрудников).

Дмитрий Сергеевич надеялся, что эта серия будет еще и обучать читателя, который не в состоянии обойтись без правой страницы с переводом. Читатель, в котором еще существует генетическое ощущение языка, при подсказке этих правых страниц очень легко начинает понимать древнерусскую речь, сопоставляя тексты, оригинал и его перевод. И эта подсказка воспитывает ощущение человека в истории и возможность восприятия этих произведений совершенно на другом уровне. И читатель такого издания — это уже совершенно другой читатель, более просвещенный и гуманный. В какой-то момент такой читатель обойдется и без переводов.

Но мы — авторы «Библиотеки» — уже без этих переводов обойтись не можем. Потому что когда Дмитрий Сергеевич втянул нас в эту работу, мы вдруг почувствовали себя в какой-то мере древнерусскими книжниками. Но каждое время прочитывает тексты по-своему, и мы, переводя текст, ощущаем себя книжниками XX века, потому что создаем свою редакцию.

Ведь Епифаний Премудрый, создавая свою редакцию одного из «Житий», тоже сначала прочитывал первоначальную редакцию. И мы, делая этот перевод, тоже как бы создаем редакцию XXI века. И эта возможность хотя бы отчасти почувствовать себя книжником, таким же как автор, создававший «Житие» в XIV–XVII веках. Это очень много дает исследователю, потому что он лучше, острее начинает чувствовать материал и всю эту творческую лабораторию древнерусского книжника.

Вот такое движение от текста к осознанию себя древнерусским книжником подарил нам Дмитрий Сергеевич.

С. В. МЕДВЕДЕВ,

директор Института мозга человека РАН, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН

ЦЕНА ВОЗМОЖНОСТИ И СВЕРХВОЗМОЖНОСТИ МОЗГА

Что такое мозг человека? С одной стороны, это кусок студенистого вещества, часть которого (и частью которого) мы видим (имеется в виду глаз); с другой — невероятно сложный, практически самый сложный во Вселенной объект. Десятки миллиардов нейронов, про которые можно сказать: нейрон столь же неисчерпаем, как и мозг. Но даже эти миллиарды меркнут перед сложностью связей между нейронами. Есть поговорка: в мозге все со всем связано. Оцените сложность нейронной сети. Есть концепции, что именно связи определяют уровень работы мозга. Однако всего этого человек не видит. Более того, понимание, что мы думаем именно мозгом, пришло далеко не сразу. Наиболее частый кандидат на роль вместилища души — пожалуй, сердце. Многие даже удивляются: и чего это голова болит — ведь кость. Ну, еще немного студня.

И вот этот студень обеспечивает все богатство нашего внутреннего мира, все разнообразие нашего поведения. Как это понять? Мягко говоря, трудно. Понятно, почему возникают различные мифы о мозге и его возможностях. Да именно потому, что человеку трудно себе представить и до конца поверить в то, что весь его внутренний мир заключен в таком малом объеме. Поэтому возникает идея, установка о том, что идеальное — именно этот внутренний мир, мысли, эмоции и тому подобное, существует вне и независимо от мозга. Косвенно на это работает еще и то, что в отличие от механизмов обеспечения сенсорных функций (зрение, слух и т. д.), которые достаточно хорошо изучены и более или менее понятны, мозговое обеспечение высших видов деятельности — все еще тайна за семью печатями. А раз мы не знаем **как, то, вероятно, этого и нет.**

Если же мы работаем в сфере идеального, то естественно ожидать отсутствия многих ограничений. Так и появляются мифы о сверхвозможностях мозга, о том, что он задействован на малую долю своих возможностей и т. п. Последнее, конечно, полная ерунда.

Помимо определенных законов, например логики, которые далеко не все допускают даже в идеальной сфере, возможности мозга ограничены и просто его физическими и физиологическими свойствами. Здесь я хотел бы немного отвлечься. Процессы в мозге не равны психическим функциям. Любовь — это не специфическая активность определенных участков мозга, так же как музыка — не колебания воздуха и не магнитные домены на

плёнке. Музыка становится музыкой только после ее восприятия человеком, то есть в определенном смысле в сфере идеального. Однако без этих колебаний и доменов музыки просто нет. Приблизительно так же соотносятся высшие функции человека и процессы в его мозге. Они не идентичны, они взаимообусловлены и взаимодействуют. Любовь (как, впрочем, и злоба) — это чувство, неизбежно сопровождающееся определенными процессами в мозге. Непонимание этого и рождает мифы.

В нормальных условиях любовь возникает первоначально в сфере идеального и в этой же сфере развивается, хотя испокон веков люди знали о приворотных зельях, которые могли ее стимулировать. В настоящее время механизм действия этих зелий понятен и описан в научной литературе. Тем не менее определенные физиологические особенности организма могут сделать так, что любовь не возникнет никогда. Опять же определенные воздействия на некоторые структуры или механизмы мозга могут ее уничтожить.

Если не вставать на поэтические позиции, а говорить с профессиональной точки зрения, то любовь — это великолепный и замечательный невроз. Заметьте, в такой момент человек не способен объективно оценивать свое и чужое состояние, предмет своей страсти. Чтобы понять красоту Лейлы, надо смотреть на нее глазами Меджнуна, писал Фирдоуси. Налицо все клинические признаки невроза. Но если это заболевание, то его можно успешно лечить.

Мы еще далеко не до конца понимаем, как именно взаимосвязаны в данном случае идеальное и материальное, но очевидным является то, что материальное — мозг и его элементы — вносит достаточно жесткие ограничения на многое в нашем мышлении, так же как, например, на басовом регистре нельзя сыграть быструю мелодию.

Таким же образом устройство мозга вносит достаточно жесткие ограничения и в его возможности и в протекание различных идеальных процессов (мышление, эмоции и т. п.)

Что касается мифа о безграничности возможностей и резервов мозга, то это на самом деле миф. Он очень похож на миф о покорении природы. Почитайте фантастов — с конца XIX века до практически 70-х годов XX века. Да и не только фантастов. Повороты рек, электростанции... На основе гигантского прогресса производительных сил содалась иллюзия вседозволенности и всевла-

ствия. Человек гордо шагает по планете. И гордо наступает на грабли.

Но, к сожалению, человечество крайне редко учится на ошибках, и еще реже делает из них выводы. Человечество регулярно наступает на грабли. Вот пример.

Все мы хорошо понимаем пределы физических возможностей человека. Знаем, чего стоят рекорды. Догадываемся, что скорее всего высота в три метра не покорится прыгуну, и из 7 секунд на стометровке не выйти. Так? Да не совсем. Можно побить рекорд с серьезным запасом даже не сверхсильному спортсмену. И умереть от передозировки стимулятора (допинга). Однако такие рекорды в принципе возможны.

Необходимо понять, что человеческий организм в принципе построен на сбалансированности. Любое отклонение от него есть болезнь. Очень маленький или очень высокий рост — болезнь. Чрезвычайно сильные физически люди обычно малоподвижны и не очень ловки и выносливы, марафонцы имеют определенные проблемы с сердечно-сосудистой системой и т. д. Для нормальной жизни оптимально приспособлен именно средний человек. В меру тренированный, в меру сильный и тому подобное, но обязательно разносторонний — даже не десятиборец, а много-больше-борец. Однако такие «бытовые» многоборцы люди обязательно тренированные. *В меру.*

И вот здесь начинается то, что я хотел бы сказать о возможностях мозга. Конечно, очень многое определяется генетикой и развитием. Если в момент зачатия родители были мертвецами пьяны или «на игле», то маловероятно рождение не только гения, но и сколько-нибудь нормального ребенка. Также известно, что если ребенок не получает определенные аминокислоты (в его рационе отсутствуют некоторые продукты), то мозг просто не в состоянии полностью развиться. Но это, в общем, понятно. Действительно, если дать по голове молотком, то думать станет труднее.

Но возможности даже «хорошего» мозга надо еще воспитать. Подумайте о слове, которым мы часто обозначаем человека, — «способный». То есть не актуально делающий, а только способный что-то сделать. Я видел массу способных, но не реализовавшихся людей.

Поэтому первый тезис, более или менее очевидный: человек должен получить соответствующее воспитание и образование. Все это понимают. Поэтому и в Итон даже аристократы записывают своих детей почти с рождения, и в МГУ, и в ваш Университет конкурс больше, чем в Мухомосиженский университет.

Поступили — учитесь. Окончили — работаете. И как часто блистательный студент превращается в скромного клерка или в вечно младшего научного сотрудника. Почему? Да потому, что если лежать на печи, то мышцы атрофируются.

Зарядка нужна не только для хвоста, но и для мозга. Тренировать его нужно все время, тогда возникает навык. Этому можно привести множество примеров. Говорят, Ландау каждый день брал пять интегралов — просто для тренировки, что бы не терять навык. У меня есть 90-летняя знакомая. Она больше всего боялась потерять память, однако не просто страшилась беды, а активно ее предупреждала. Она уже давно взяла за правило заучивать наизусть одно стихотворение в день. Результат — прекрасная память и мышление. Необходима ежедневная работа или, как в случае со старой женщиной, гимнастика для ума. Нужно всегда тренировать память. Не используйте записные книжки, а запоминайте номера телефонов, адреса, договоренности о встречах. Бывайте на диспутах, в компаниях, где люди спорят.

Когда лечат очень тяжелые заболевания мозга с помощью метода долгосрочных имплантированных электродов, то с них иногда можно регистрировать импульсы отдельных нейронов и их популяций. Мы занимались этим многие годы. Результаты нашей работы никогда не публиковались в научной литературе, но каждый из нас по виду активности мог определить интеллектуальный уровень пациента. А данные Московского института мозга, специально созданного для исследования мозга великих людей, показывают, что морфологических отличий мозга нормальных здоровых людей от мозга «великих» людей не найдено. Это не означает, что каждый может быть гением или даже звездой. Что-то неуловимое было в строении горла Шаляпина, что делало его уникальным. Однако нормальный средний человек вполне может развить в себе способность неплохо петь. Вспомните русскую аристократию: не спеть в салоне было просто стыдно. Значит, огромное значение имеет то, что в широких пределах можно развить тренировкой. Не так важно иметь много нейронов (самые большие мозги у дебилов), надо уметь ими работать. Нужно наращивать не массу, а умение.

Кстати, идея об умственной гимнастике не нова. В прекрасно отлаженной старой школе, и тем более в классической гимназии этому уделялось огромное внимание. Казалось бы, кому нужны огромные тексты на забытых языках, заучиваемые наизусть? Однако нужны.

Появлялась тренированная память. Этой памятью обладали наши бабушки, окончившие школы до революции. Другая гимнастика — переписывание. До сих пор помню, как я ненавидел домашние задания, когда надо было переписывать огромные упражнения. Однако известно, что развитие руки, ее тонких движений развивает мозг. То же можно сказать и об устном счете. С развитием техники мы стали меньше двигаться, однако на это быстро обратили внимание, и человек либо больше ходит пешком, либо приезжает на машине в фитнес-центр и изводит себя там. Мы увеличиваем число часов физкультуры в школе и во взрослой жизни и уменьшаем тренировку мозга. Никому в голову не придет сказать, что не надо тренировать мышцы, потому что есть автомобиль. Но ссылка на калькулятор никого не удивляет. Зачем читать книгу, если можно посмотреть экранизацию. Так что на самом деле враг уже у ворот. Мы не оглушаем, мы уплощаем детей.

Поэтому цена, которую надо платить за реализацию своих способностей, — тренировка. Ежедневная, без поблажек. Это не вся цена, но ее необходимая часть.

А как можно измерить способности? Мы сейчас помешаны на тестировании, на экзаменах, но, на мой взгляд, мы переоцениваем их роль. Да, есть люди (их немного), настолько талантливые от природы, что они играют сдают экзамены. Однако иногда они же «заваливают» школьные курсы просто потому, что они им неинтересны. Поэтому результат экзамена далеко не всегда показывает истинный уровень сдающего. Более того, среди рекомендаций по профотбору встречается и такая: не брать золотых медалистов. Условно говоря, золотой медалист — или гений, или зубрила. Нормального человека что-то привлекает больше, что-то меньше, и у него есть и пятерки, и четверки. Но статистически маловероятно, что перед вами — гений.

Теперь о тестах. Их значение сейчас тоже преувеличивается. Да, бывает, что тестирование необходимо. Летчик-истребитель обязан обладать определенными психофизиологическими параметрами — это очевидно. Однако если мы задаем вопрос, насколько данный человек умен...

Известна история, возможно апокрифическая, о встрече Эйнштейна и Эдисона. Гениальный физик не смог ответить ни на один пункт из вопросника великого изобретателя. Я хорошо помню, как смаковали в нашей прессе ошибки Рейгана, он мог перепутать страны, в которых был с визитом и т. п. Однако он считается одним из великих президентов. Вспомните, как тайком, на кухнях из-

девались над Брежневым. Президентам вообще не везет: все время публикуют новости об их низком IQ, об их ошибках. Почитайте о Буше — ну прямо debil какой-то. (Правда, публикующие это люди не задаются вопросом, как же такой debil прошел в президенту.) Что же, нами на всей планете правят посредственности? Очевидно, что нет — просто для них эти тесты не подходят. Хорошему лейтенанту очень трудно стать маршалом. И не только потому, что много конкурентов, но и потому, что требования к характеру, поведению и стилю мышления младшего офицера и генерала различны. Многие широко распространенные тесты рассчитаны, образно говоря на десятиборца. Мы уже говорили об этом. Он должен уметь хорошо делать многое. Но десятиборцы не показывают рекордов в отдельных видах. А уж чемпиону по спринту или по штанге ни за что не занять высокого места в десятиборье. Определите для себя цель. Условно говоря, стремиться или к Нобелевской премии, или к выигрышу в телевизионной викторине типа «Своя игра» или «О, счастливчик». Определившись, не тревожьтесь, если в каких-то тестах не будет высших баллов. Это просто не ваш вид спорта.

Казалось бы, я себе противоречу: я же говорил о многоборье. Да, многоборцем должен быть среднестатистический человек. На практике каждый многоборец в чем-то сильнее, в чем-то слабее. А вот если говорить о генералах и маршалах, то им приходится платить особую плату и что-то терять в обмен на приобретения.

Вот мы и подошли к вопросу о цене сверхвозможностей. Практически все олимпийские чемпионы больные люди. Их рекорды связаны с запредельной мобилизацией сил организма, и это даром не проходит. Часто инвалид в сорок — плата за медаль в восемнадцать. На тренировках клубов мастеров тренеры напрямую требуют достижения так называемой блокады пучка Гиса — сердечного заболевания, которое, однако, позволяет пока еще здоровому и сильному спортсмену показывать выносливость и высокие результаты.

Я не хотел бы акцентировать внимание на самих фактах сверхвозможностей. Лучше поговорим об их цене.

Принцип сбалансированности работает и в случае с мозгом. Взгляните на людей со сверхвозможностями. Есть люди, которые никогда не спят. Как ни странно, им нельзя водить машину, потому что отсутствие нормального сна они компенсируют тем, что засыпают на секунду-другую. А за секунду, между прочим, автомобиль проходит около 20 метров.

Вспомните фильм «Человек дождя»: сверхспособности (память и умение считать) и как расплата за них — аутизм.

Вообще с памятью надо быть очень осторожным. Способность забывать — великая способность. Представьте себе, что жена или муж всегда помнят обо всех семейных скандалах. Вспомните Шерлока Холмса, который избегал ненужных знаний. Есть теория, что человек запоминает все — проблема в том, как вспомнить нужное. С подобной проблемой сталкиваются те, кто работает на компьютере. Диск в 80 гигабайтов можно заполнить очень быстро, но как потом найти нужный файл? Поэтому правильная организация важнее большой памяти. Люди же с феноменальной памятью зачастую все помнят, но мало что могут. Они завалены информацией.

Биологически сверхвозможности должны быть запрещены. Запрещены именно стремлением мозга и организма к сохранению гомеостаза, к сбалансированности. Например, телепатия — есть она или нет? Теоретически я не вижу принципиальных запретов, но социально она невозможна. Представьте себе: лежит заяц под елкой и думает «волк, волк не найди меня». Волк это слышит — и далее все ясно. Или юноша подходит к девушке с вопросом «Который час?» и тут же получает пощечину.

Сейчас уже в серьезных научных журналах публикуются работы о выходе души из тела. Однако не забывайте, что это происходит только в критических состояниях. Почему? Да именно потому, что нормальному, здоровому человеку опасно посылать свою душу на разведку. Эта возможность только осложнит ему жизнь.

Видели ли мы сверхвозможности? Однажды, стимулируя одно из подкорковых ядер в процессе лечения очень тяжелого заболевания мозга, один из моих учителей профессор Владимир Михайлович Смирнов увидел, как больной буквально на глазах стал раза в два «умнее». В два с лишним раза возросли его способности к запоминанию. Скажем так: до стимуляции этой, вполне определенной точки мозга больной запомнил 7 ± 2 (нормально!) слов. А сразу после стимуляции — 15 и больше. Железное правило: «каждому данному больному — только то, что показано именно ему». Мы не знали тогда, как «вернуть джинна в бутылку», и не стали заигрывать с ним, а активно подтолкнули его к возвращению — в интересах больного. А ведь это была артифициальная сверхвозможность!

В наблюдении В. М. Смирнова приведено как бы обратное событие по сравнению с

теми, о которых упоминалось ранее, однако может быть и ответ на еще не сформулированный здесь вопрос к мозгу: что и как обеспечивает сверхвозможности? Ответ и ожидаемый, и простой: в обеспечении интеллектуальных сверхвозможностей важнейшую роль играет активация определенных, а затем, вероятно, и многих мозговых структур. Но это неполный ответ. В нашем случае стимуляция была короткая, феномен «не застрял». Мы все тогда боялись возможной платы мозга за сверхвозможности, так внезапно проявившиеся. Именно они были здесь раскрыты не в реальных условиях озарения, а полууправляемо, инструментально.

Таким образом, сверхвозможности:

— есть исходно — талант, гений;

— могут в определенных условиях оптимального эмоционального режима проявляться в форме озарений и с изменением режима времени;

— проявляются в экстремальных ситуациях, также, по-видимому, с изменением режима времени;

— (самое важное) могут формироваться при специальном обучении, и в частности — в случае постановки сверхзадачи.

Можно ли развить в себе сверхвозможности? Какие-то — да. В свое время в прессе обсуждался феномен Розы Кулешовой — женщины, которая, как утверждалось, видела пальцами и сквозь предметы. Например читала пальцами письмо в конверте. Тогдашний директор Московского физико-технического института академик Б. П. Константинов создал специальную группу по исследованию того, за счет чего она видела. Группа ничего не обнаружила, но за это время Константинов научился видеть (различать) пальцами костяшки домино с обратной стороны.

Почему сверхвозможности проявляются редко, если вообще проявляются, и чаще всего в экстремальных ситуациях?

В мозге существует специальный стабилизатор, так называемый детектор ошибок. Это механизм, который следит, чтобы ваши действия были «правильными», то есть соответствовали бы стереотипам. Например, уходя из дома, вы производите определенный набор действий: выключаете газ, свет, запираете дверь. Вышли — и чувствуете: что-то не так. Неизвестно что, но не так. Возвращаетесь и видите, что забыли выключить утюг. Вам помог детектор ошибок.

Этот же механизм следит и за тем, чтобы ваши возможности были нормальными, как на современных мощных автомобилях БМВ, «Ягуар» существует электронный механизм, ограничивающий максимальную скорость, на-

пример, до 250 километров в час. Машина способна и на большее, но нельзя, потому что опасно. Так и сверхвозможности мозга опасны. Возьмите наиболее близкий к нам по времени пример — жизнь и смерть В. Высоцкого. У него, несомненно, были сверхвозможности. И его ранняя смерть была закономерна: они его сожгли.

Еще один пример. Индеец Аляски, житель высокогорья. Все его адаптивные возможности предельно напряжены, чтобы приспособиться к среде. Он в состоянии мобилизовать свои сверхвозможности — переехать в город, окончить университет. Однако, как показывают и наши, и американские исследования, он может стать прекрасным рабочим или инженером, но умрет в 30 лет. Не выдержит.

Поэтому надо понимать, что если для развития возможностей цена — тренировка, то в случае сверхвозможностей — гипертрофия какого-то одного качества за счет других и, скорее всего, преждевременная смерть.

Можно ли с этим бороться? Вероятно, да. Если мы будем целенаправленно развивать какие-то сверхвозможности (а надо сказать, мы сейчас работаем и с феноменом так называемого ясновидения, и со многими другими), то, может быть, мы сможем сделать их безопасными для человека. Но это маловероятно. Все-таки это очень опасная вещь — сверхвозможности, и нужно быть предельно аккуратными, прикасаясь к этой сфере непознанного.

М. Г. АЛИЕВ,

председатель Народного собрания Республики Дагестан, доктор философских наук

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРА СОГЛАСИЯ

Как известно, в XX веке, особенно во второй его половине, усилились процессы слияния национальных историй, экономик и культур в единую всемирную историю, экономику и культуру. Человечество вступило на новую ступень своего развития, в длительный исторический процесс, обобщаемый понятием «глобализация».

Как пишет академик В. С. Степин, исторический процесс «чреват деформациями, наиболее опасными из которых является отказ от идеи глобализации ради сохранения национально-культурной самобытности или, напротив, отказ от национально-культурной идентичности во имя общечеловеческих ценностей»¹.

В этих условиях философия, и прежде всего социальная, не может занимать позицию «стороннего наблюдателя». Социальная философия становится все более значимой, привлекательной и живой философской теорией современности, которая может предложить обществу разумные варианты новых жизненных смыслов и ценностей. В качестве основополагающих идей «мировой философии» все больше выдвигаются следующие проблемы: глобализация человечества, взаимодействие техногенных и традиционных цивилизаций, насилие. Они стали определяться как современные мировоззренческие универсалии человеческой культуры. Поэтому естественно, что прежде всего к ним сейчас прикована мысль «новой философии», которую можно

назвать «философией объединения», или «философией примирения».

Мировоззренческие универсалии культуры все более формируют новый образ социума, как и всей духовной культуры народов и сменяющих друг друга поколений. В своей взаимосвязи и взаимодополнении глобализация человечества, диалог цивилизаций, ненасилие все более выступают важнейшей частью категориальной структуры сознания современного человека.

Важно отметить и то, что в литературе по вопросам новых смыслов и универсалий культуры, которая издается в разных государствах и в нашей стране, обращает на себя внимание все более частое применение или использование различных категорий культуры при объяснении их содержания. Современное понимание, к примеру, понятия «глобализация человечества» может быть прояснено лучше, если оно вовлекает в научный оборот понятия «культура» и «цивилизация», а «цивилизация» может быть осмыслена через понятие «глобализация человечества», «ненасилие» — через «насилие», и наоборот.

При знакомстве с новационной литературой обнаруживается, что все большее внимание исследователей привлекается к идее «согласия». В монографии с одноименным названием² мы предприняли попытку ввести в систему философских категорий понятие «согласие» как культурную универсалию и разработать на этой основе ряд актуальных воп-

¹ См.: Алиев М. Сogласие. М., 2001. С. 3.

² Алиев М. Указ. соч.

росов построения общей теории социальной философии, поднять согласие на уровень одной из крупных фундаментальных проблем гносеологии и практической философии.

В социальной философии согласие — атрибутивное свойство. Родовое понятие согласия конкретизируется применительно к социальным качествам человека, а человек определяется как субъект деятельности и мировоззрения. В различных формах и состояниях согласие и несогласие бытуют во многих сферах социума, социального бытия, социальных систем, общностей, институтов, а также в социальных образах жизни, социальных взаимодействиях, нормах, идеях и идеалах, в социальном познании и понимании.

Сейчас, когда полнее прояснилось реальное предметное поле и содержание согласия и несогласия, конкретизирующихся в понятиях самосогласия, единогласия, взаимосогласия, несогласия, разногласия и противостояния, появляется реальная возможность ввести категорию согласия для исследования актуализировавшихся проблем глобализации человечества, диалога и взаимодействия традиционных и техногенных цивилизаций, ненасилия. Это позволит философски обосновать множество перспективных направлений раз-

вития человеческого общества, его объединения в условиях многополярного мира.

Поскольку невозможно объяснить явления высшего порядка организации общества на основе закономерностей низшего порядка, сейчас необходимо провозглашение новых высоких идей национального уровня. Такими являются идеи «согласованного общества», «согласованной демократии», «рационального мира», «планового мира». Нужно всемирно-историческое согласие жителей планеты во главе с международными неправительственными учреждениями; нужны договоры, соглашения, конвенции, образующие общепринятую систему международного права.

Там, где существует насилие, нет благотворного согласия; а там, где господствует ненасилие, согласие утверждается и рационально, и спонтанно. Глобализация человечества дает понимание того, что требование отказаться от силы как средства решения споров является следствием этого процесса. В свою очередь, интеграция человечества, когда множатся его культурные традиции, остро ставит проблему согласия различных, часто противоположных, интересов, четкой организации диалога и согласия. Нам представляется, что только такая стратегия обеспечит выживание человечества.

В. В. АФАНАСЬЕВ,

ректор Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского,
доктор педагогических наук, профессор;

Е. И. СМЕРНОВ,

заведующий кафедрой математического анализа Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор педагогических наук, профессор

ГУМАНИТАРНАЯ РОЛЬ МАТЕМАТИКИ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЗАДАЧИ

Мы рассматривали идею выделения гуманитарной роли математики в образовании, в частности, на предыдущих Лихачевских чтениях¹.

Потребности общества в математическом образовании граждан сильно изменились за последние десятилетия. С одной стороны, теория игр, искусственный интеллект, стохастика, теория информации и другие области новейшего математического знания становятся все более доступными для массового исследователя, все более значимыми в практическом приложении, но фактически они еще не представлены в математическом образовании школьника. С другой стороны, именно эти но-

вые знания дают мощный мотивационный заряд к изучению математических дисциплин. Как следствие, повышается интерес к профессии учителя математики, поскольку математическое образование способствует развитию теоретического мышления (сравнение, эвристика, аналогия, интуиция, анализ, синтез и т. п.), его отличают доминирование логической схемы рассуждений, лаконизм, четкая распределенность хода рассуждений, умение выделить главное, способность к обобщению, анализу, синтезу. Не случайно известный математик и педагог А. Я. Хинчин считал, что высокий уровень математического мышления является необходимым элементом общей культуры человека².

¹ См.: Красовский Н. Н. Математика как элемент гуманитарного образования // III Международные Лихачевские чтения. СПб., 2003. С. 89–90.

² Хинчин А. Я. Педагогические статьи. М., 1963.

Математика, являясь дисциплиной естественно-научного цикла, не только способствует появлению нового знания о природе, обществе и человеке, но и находит в других науках реальные стимулы для своего развития. Так, развитие теории локально выпуклых пространств в функциональном анализе стимулировалось физическими проблемами квантовой электродинамики и задачами нахождения обобщенных решений уравнений математической физики; теория неограниченных операторов в банаховом пространстве — проблемами квантовой механики; тензорный анализ — проблемами механики упругих сред; теория функций многих комплексных переменных — проблемами квантовой теории поля и т. п.

Все более усиливающаяся тенденция к фундаментализации математического знания связана именно с интенсивным применением математических методов в других науках (в том числе гуманитарных), часть из которых непосредственно влияет на жизнедеятельность и социализацию личности в современном мире.

Математический аппарат предназначен и для описания целостных систем, функционирующих в реальном мире; он описывает их структуру и динамику, статику и интегральные характеристики. В то же время математические понятия, теоремы, алгоритмы, доказательства и тому подобное, будучи объектами педагогического процесса обучения математике, должны приобретать свойства и характеристики целостности как основы сохранения, обработки и переноса информации новому поколению.

В современных условиях, когда математические методы находят широкое применение не только в естествознании, технике и смежных науках, но и в экономике, что непременно должно быть отражено в программах школьного и вузовского математического образования, важной является также проблема более активного включения психофизиологических механизмов целостного восприятия информации обучаемым, развития его математических способностей, мышления и культуры.

Особое место в современном образовании занимают информационные технологии: мультимедиа, дистанционное обучение, телекоммуникации, графические калькуляторы и т. п. Так, на Международном форуме по проблемам математического образования в Италии¹ в большинстве докладов, сообщений и материалов «круглых столов» рассматривались

вопросы внедрения информационных технологий в учебный процесс. Сотни университетов мира (например, Американский консорциум дистанционного обучения, в состав которого входят 55 университетов) ведут информационный обмен образовательными программами через Интернет, осуществляя подготовку специалистов на основе дистанционного обучения (remote education). По последним данным, таких студентов уже сотни тысяч.

В этой связи необходимо четко расставить акценты относительно возможности профессиональной подготовки учителя: информационные технологии как средство обучения — да; информационные технологии как структурообразующий фактор педагогической системы — да; дистанционное обучение как парадигма в подготовке учителя, альтернативная личности преподавателя, — нет (по крайней мере, на данном этапе развития средств коммуникации и информационного обмена). В обоснование последнего положения приведем следующие аргументы:

— *неуправляемое становление приемов мыслительной деятельности.* Именно этот фактор привел к неудовлетворительным результатам реализации идей программированного обучения (Э. Торндайк, Б. Скиннер, Н. Краудер и др.) в 1960–1970-х годах. Причиной неудач стал необоснованный перенос принципов научения животного на процесс обучения человека с его специфическими особенностями. Н. Ф. Талызина объясняет неудачи скиннеровского подхода выбором неадекватной психологической теории;

— *отсутствие реального (а не интерактивного) взаимодействия учителя с учениками, между учениками,* вследствие чего исключается возможность активизации направленных и взаимообуславливающих полифункциональных факторов адекватного восприятия новой информации: перцептивных, мнемических, эмоциональных, волевых и т. п.;

— *нарушение целостности интериоризации* визуально-логического ряда перцептивных образов новой информации вследствие искусственного ограничения поля восприятия и динамики обращения с репертуаром кратковременной и долговременной памяти.

Все это относится к дистанционной и очной формам обучения в области профессионально-предметного блока подготовки учителя математики; естественно, что увеличение временных периодов для дистанционных форм обучения, создание специфических дидактических методов, совершенствование средств коммуникации, вероятно, смогут компенсировать отмеченные недостатки.

¹ The Humanistic Renaissance in Mathematics Education // Proceedings of the International Conference. Italy, 2002.

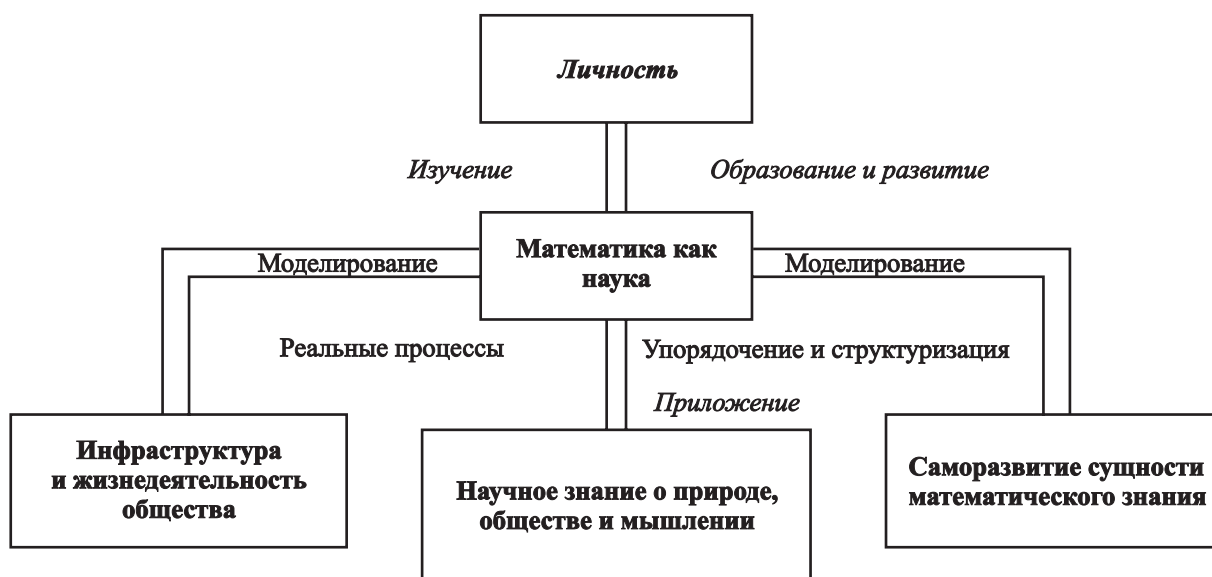

Рис. 1. Личность и математика

В последние десятилетия математика как педагогическая задача испытывает беспрецедентное давление со стороны общественности как по поводу содержания обучения, так и относительно методов ее преподавания. Дело в том, что глубина ее формализации даже в естественных приложениях и следование внутренним закономерностям строения здания математики входят в противоречие как с онтогенезом развития и социализации отдельного индивида, так и с потребностями общества по обеспечению своей жизнедеятельности. Поэтому обучение математике и содержание математического образования как в средней, так и в высшей школе должны пересматриваться в направлении большей визуализации, наглядного моделирования и раскрытия социального статуса математики.

Основным средством, способствующим появлению новообразований, является моделирование как высшая форма знаково-символической деятельности, ведущая к появлению нового знания о природе и технологических процессах в производстве, о законах общественного развития и закономерностях мышления, восприятия и памяти человека.

В современный период усиливается роль математики как средства гуманизации образования и социализации личности в современном обществе. Более того, математика все больше рассматривается как гуманитарная (общекультурная), а не естественно-научная дисциплина. Продуктивность мышления и восприятия, развитие предметной речи, логическая полноценность аргументации, развитие умственных способностей могут быть ре-

альным результатом математического образования при условии его разумной организации.

Социально-культурная роль математики представлена на рис. 1.

Рассматривая математику как педагогическую задачу, приходится сталкиваться с проблемами адекватного представления, различения, становления, устойчивости восприятия и воспроизведения математического знания и выявления специфических особенностей феномена математического мышления.

Как рассказать школьнику, что большая теорема Ферма, над которой триста лет бились лучшие умы человечества, доказана А. Вайлсом в 1995 году, а трисекция угла и построение квадратуры круга невозможны с помощью циркуля и линейки? Как наиболее эффективно развить мыслительные операции ученика (логику, анализ, синтез, обобщение, конкретизации, аналогии и т. п.) в процессе обучения математике, которая объективно должна быть самым мощным развивающим средством (и чего не наблюдается в настоящее время)? Как отразить в обучении роль математики в жизнедеятельности общества и развитии других наук, в том числе в обосновании космических полетов и безопасности воздушных перевозок?

Все эти вопросы и еще множество других отражают состояние школьной математики как в российских, так и в зарубежных образовательных системах.

Кроме того, возникает реальная перегрузка школьников, причем не столько в учебном процессе (который может контролиро-

ваться), сколько во внеучебное время (выполнение домашних заданий, дополнительное образование и т. п.). Многие учащиеся затрачивают больше времени на домашнее задание, чем на работу в классе. В конце концов это дает образовательный эффект, но за счет личного времени учащегося, которое он мог бы использовать для укрепления здоровья, расширения коммуникативных возможностей, повышения культуры.

Все это свидетельствует о необходимости переструктуризации содержания обучения математике (и других дисциплин) во все годы обучения. До 5-го класса математика должна максимально способствовать социализации и развитию личности, создавая необходимый фундамент знаний для основной школы. В 5–8-м классах основной школы математика должна быть универсальной и единой, учитель должен показать ее роль и место в жизни общества и использовании в других науках, добиваться формирования у учащихся средствами математики вычислительной и алгоритмичес-

кой культуры, функционального и модельного мышления. Старшая школа, сохраняя образовательное ядро, должна быть профильной, способной дать углубленную подготовку в различных направлениях: гуманитарном, инженерном, математическом, экономическом и др.

При этом, видимо, следует сократить общий объем математических знаний и переструктурировать их в начальной и основной школе при сохранении и даже усилении развивающего эффекта. Это возможно только за счет использования в практике школы современных теорий и технологий обучения, повышения качества подготовки учителей математики в высших учебных заведениях.

Помимо этого, необходим интенсивный обмен передовым опытом, накопленным различными образовательными системами, с целью выявления эффективных методов, форм и технологий обучения математике, определения оптимального содержания обучения и формирования математической культуры полноценных членов мирового сообщества.

А. Ф. ЗОТОВ,

заведующий кафедрой истории зарубежной философии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА РАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Несмотря на многие трудности, роль университетов в современной культуре и у нас, и на Западе, неизменно повышается. Позволю себе небольшой экскурс в историю. Вы знаете, что судьба европейской, западной культуры была трагичной. В Европе князья всегда воевали друг с другом, плюс всякие восточные неприятности, да еще чума, холера и т. д. Но европейская культура, подобно Фениксу, возродилась из пепла. Так, на базе монастырей, прежде всего католических, возникли университеты. Они стали духовными центрами, в которых была записана своего рода генетическая программа развития культуры. Когда где-либо появлялся университет, то очень скоро вокруг него формировалась и экономическая, и образовательная структура, а также сюда, как магнитом, притягивались другие гуманитарные продукты. Потом устанавливались связи между разными университетами, и сила их возрастала. В этом выводе — цель моего краткого исторического экскурса.

Лет 7–10 назад я, как и многие в нашей стране, был погружен в пучину пессимизма. Мне казалось, что какой бы ни была наша страна, культура и цивилизация в прошлом, ей приходит конец, все рушится. Но сейчас я

вижу, что это не совсем так, потому что сохраняются университеты. И не только сохраняются, но и становятся, так сказать, градо- и регионообразующими духовными центрами, как это было когда-то в Европе.

Надежда проснулась во мне после посещения университета в Оренбурге. Когда-то это был Технологический институт, где имелся, по-моему, только один транспортный факультет, на котором обучались 400–500 студентов. А сегодня в этом вузе около 65 000 студентов, за сравнительно небольшой срок он стал большим гуманитарным университетом. Вы знаете, что происходило на нашем Востоке в 1980–1990-е годы, и, казалось бы, судьба Оренбурга была предreshена: служить придатком «Газпрома» или что-нибудь в этом духе. В данный момент очевидно, что это совершенно не так.

Все изменилось благодаря тому, что появился там очень оригинальный человек — господин Бондаренко, который до сего дня остается ректором Оренбургского университета. Когда начался научный кризис, который затронул, между прочим, и наш сибирский Академгородок, господин Бондаренко стал принимать «под крылышко» университета

молодых и не очень молодых людей, которые искали себе прибежище и способ, как выжить в то смутное время. Он обеспечил талантливым людям возможность работать по тем проблемам, которые являлись сферой их научного интереса. Благодаря этому человеку в Оренбурге теперь занимаются нанотехнологиями. Весь цикл, начиная от обучения и заканчивая техническими разработками и созданием некоторых оснований для производства, вырастает из университета.

Разумеется, вовсе не обязательно заниматься всем нанотехнологиями, но некоторая связь с техническими вузами, какие-то ответвления сети в другие города и регионы необходимы для успешного развития. Это делает и наш Московский университет, у которого примерно каждые два года появляются новые филиалы; это делают и Белгородский, и Томский, и другие университеты.

Однако процесс возрождения культуры в самом широком смысле происходил бы гораздо быстрее, если бы не огромные препятствия, создаваемые нашей бюрократией, которая занимается вопросами образования. Одно из последних изобретений этой бюрократии — некая разработка закона, с помощью которого мы должны или можем войти в европейскую систему образования. В этом проекте предлагаются две (!) базовые дисциплины, не по выбору, а обязательные для всех учебных заведений, где будут готовить бакалавров. Это физкультура и иностранный язык (такие дисциплины предлагают нам товарищи Шадриков и Филиппов как базовые в системе высшей школы). Разве это правильно? На наш взгляд, базовыми дисциплинами для современного университета и наиболее важными для современной культуры являются лингвистика

(«В начале было слово...») и классическая русская литература.

Наши оппоненты считают базовой дисциплиной иностранный язык, но язык сам по себе — это минимум. Для того чтобы слово стало некоторым источником развития культуры, его необходимо дополнить неким словарным запасом, минимальным культурным богатством, если угодно. Другая сторона — это сама структура построения фраз, слов и т. п. Очевиден кризис русского языка. Вспомните, каким языком говорят современные политики, как делают ударения и как строят фразы наши дикторы Центрального телевидения, — это ужасно.

Язык — это одновременно и логика, а логика — это некое основание обмена информацией. Если разрушается язык, синтаксис, то разрываются коммуникации. Одна из основных бед современной культуры — и российской, и не только — это уход на второй план рационального мышления и языка, когда главной становится эмоциональная сторона жизни. Например, актеры говорят так, что понять их порой невозможно. Дикция оказывается вторичной. Человек выражается при помощи эмоций, а вовсе не выстраивает некую систему коммуникаций. Вот поэтому, думается, что самое обычное, начальное обучение языку совершенно необходимо. Кроме того, на всех факультетах университета надо ввести предмет «Основы культуры», или «Основы русской литературы». На Ученом совете нашего университета не один раз поднимался вопрос об этом.

Пренебрежение родной речью и классической литературой — очень болезненное явление наших дней, с которым необходимо бороться всеми мерами для сохранения национальной культуры.

Р. И. ТРИПОЛЬСКИЙ,

ректор Мурманского государственного педагогического университета, доктор философских наук, профессор

ЭКОНОМИКА КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

В отличие от английской языковой традиции в русском языке понятия «экономика» и «хозяйство» не совпадают. Приведем основные значения понятия «хозяйство». «Хозяйство — совокупность природных и сделанных руками человека средств, используемых людьми для создания, поддержания, улучшения условий и средств существования, жизнеобеспечения»¹.

¹ Райзенберг Б. А., Лозовская Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М., 2002. С. 432.

«Хозяйство — это вся творческая деятельность человека, направленная на преобразование природы, воспроизводство и совершенствование самого человека, создание материальных и духовных ценностей, формирование различных социальных институтов и отношений»². Соответственно это означает «хозяйничать, хозяйствовать, быть хозяином,

² Тутов Л. А. На пути к философии хозяйства: первые приближения // Вопросы философии. 2003. № 6. С. 157.

заниматься, управлять хозяйством; распоряжаться порядком занятий, работ, приходом и расходом, держать домашний порядок, копить, собирать. Хозяйство, то же домоводство, домостройство; заведывание, управление порядком и расходами по заведению, заводу»¹. Сравни: «Хозяйствующий субъект — юридическое или физическое лицо, ведущее от своего имени хозяйство, хозяйствующие операции; чаще всего это предприятие, фирма, предприниматель»².

Теперь обратимся к понятию «экономика». Для его определения Аристотель и А. Смит в качестве родового понятия используют слово «богатство»; Н. Д. Кондратьев, Я. Корнаи и В. В. Чекмарев — социальное или народное хозяйство; К. Полани — институциональное взаимодействие с природой; А. Маршал — сферу индивидуальных и общественных действий по созданию и использованию основ благосостояния; Ю. М. Осипов — стоимость; К. Р. Маккдоннел и С. Р. Брю — поведение людей; М. Блаут — экономическое поведение; К. Эклунд — выбор. Экономика также понимается как «правила ведения хозяйства» и как «наука о хозяйстве, способах его ведения людьми, отношениях между людьми в процессе производства и обмена товаров, закономерностях протекания хозяйственных процессов»³. Экономику рассматривают и как «такой аспект хозяйственной деятельности, в котором проявляются естественные ограничения культуры как формы социальной жизни»⁴.

В целом в отечественном знании можно выделить два подхода к соотношению понятий «хозяйство» и «экономика»: один рассматривает их как синонимы, второй — понятие «хозяйство» представляет более широким по своему содержанию, включающим в себя понятие «экономика».

Наша точка зрения на соотношение «хозяйства» и «экономики» основывается на том, что возникновение последней обусловлено всеохватывающим развитием товарно-денежных отношений, когда формирующийся капиталистический рынок устанавливает различ-

ным свойствам вещей, производимых хозяйствами (понимаемыми в самом широком смысле), денежный эквивалент. В этом мы следуем за Г. Зиммелем, которым в «Философии денег» была высказана мысль о знаково-символической роли денег и их функционировании как особого культурного феномена, опосредующего отношения людей.

Г. Зиммелем вводится представление об особом типе культуры, порождаемом деньгами. И в этом типе культуры деньги — исторически первый феномен такого рода — не только простые материальные предметы, но и своеобразные духовные сущности, ценности и «идеи», которые в ее рамках становятся автономными и объективными артефактами, функционирующими по своим собственным законам. И еще на одно важное свойство денег обращает особое внимание Г. Зиммель: на их способность превращать индивидуально неповторимые вещи, состояния, человеческие качества в количественные, калькулируемые объекты. Фактически, деньги как артефакт делают тип культуры, возникающей на их основе, расчетным в принципе, превращая личные отношения живущих в ней людей в безличные, раздробляя их поведение до поведения преследующих свои прагматические цели «автономных индивидов».

Сегодня такой тип культуры — а именно его я называю экономикой — заключает в своем содержании колоссальное количество артефактов, каждый из которых имеет свою историю возникновения и выполняет в данной культуре как соответствующую расчетную, так и регулирующую поведение ее носителей функцию. В силу этого различия между «хозяйством» и «экономикой» не могут устанавливаться по типу «вид — род». Это различие между двумя соответствующими типами культуры: с одной стороны, конкретно-историческим, хронологически всегда определенным, локальным «хозяйством»; с другой — с типом культуры, который все более и более приобретает сегодня глобальный характер.

Таким образом, переход от «хозяйства» к «экономике» есть, прежде всего, смена типов культуры, усвоение и «игра по правилам», которые задают артефакты последней. В каждом конкретном случае (какой-либо страны) такой переход есть сложнейшая проблема, не имеющая стандартных решений. И в силу своей культурной специфики она не может быть разрешена сегодня-завтра.

¹ Даль В. И. Словарь. М., 1991. Т. 4. С. 557.

² Райзенберг Б. А. и др. Там же. С. 432.

³ Там же. С. 458.

⁴ Розин В. М. Экономика с культурологической точки зрения // Вопросы философии. 2002. № 6. С. 109.

В. А. КОНЕВ,

заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского университета,
доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ

СМЕНА ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОТ «ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?» ДО «ЧТО ЕСТЬ КУЛЬТУРА?»

Современная европейская система образования, сформированная на принципах эпохи Просвещения, вырастает в рамках господства философии *cogito*, утверждающей в культуре приоритет разума и научной истины. Согласно просветителям, только разум и истина могут быть основанием правильного человеческого действия, а потому обучение истине и правилам ее разумения должно быть целью всякого образования и воспитания. Этому было подчинено строение педагогического пространства (классно-урочная система) и вся методика преподавания (основанная на логике предмета и психологии восприятия).

Сама же установка философии и науки на истину и логику ее постижения имеет почтенную историю. Когда Христос на допросе у Понтия Пилата заявил: «Я на то родился и пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине», то услышал в ответ: «А что есть истина?» Под знаком этого вопроса и родилась европейская философия. Под этим знаком она развивается вот уже более двух с половиной тысячелетий. Ответы на этот вопрос определяли и продолжают определять жизнь европейского человека. Знать истину — это устремление разумного человека, главный смысл его жизни. Мотто всей истории европейской философии: «Платон мне друг, но истина дороже!» За этой фразой — Архимед, чертящий на песке свои чертежи, когда вокруг идет сражение; Джордано Бруно, идущий на костер; Фауст, ищущий истину; врачи, испытывающие на себе новые препараты и множество других подвижников науки. Но всегда ли благородна эта преданность истине? Не этой ли преданностью истине руководствовались во все времена добровольные доносчики — в инквизицию, в Конвент, в ГПУ — НКВД — КГБ. Может быть, стоит подумать о весе и значимости дружбы и истины для человека? Во всяком случае, в начале XXI века выбор между истиной и ценностями жизни не кажется столь однозначным и очевидным.

Истина всегда трактовалась и как вечное, не нуждающееся ни в чем другом бытие, и как знание этого бытия. Философы величали это подлинное бытие по-разному — Идеи, Атомы, Бог, Абсолютная идея, Материя, Природа, но всегда с большой буквы, ибо это собственное имя бытия и истины. Но если Истинное Бытие — это Нечто с большой бук-

вы, тогда мое, твое, его бытие, наша жизнь — не подлинное бытие, а что-то жалкое и недостойное. Эту жизнь можно бранить, проклинать, принижать, ею можно пренебрегать, ее можно третировать. Жизнь, которой жил и живет человек, действительная, проходящая в постоянной заботе о достижении тех целей, которые ставятся перед ним внешними нуждами, и состоящая из множества случайных и преходящих событий, объявляется философией ничтожной и недостойной «здорового духа», по гегелевскому выражению.

Последствия противопоставления истины и повседневной жизни мы непосредственно ощущаем. Когда новоевропейская культура провозгласила устами Просвещения пришествие царства разума, торжество истины и науки, то наука, действительно, преобразила всю европейскую цивилизацию, весь уклад жизни на планете. Но царство научной истины оказалось не царством благополучия, а местом экологических бедствий, атомной угрозы, отчуждения людей друг от друга, превращением человека в машину или придаток машины — конвейера, автомобиля, государственного механизма и т. д. Наука — жрица истины, она постигает «подлинный», «истинный» мир, который существует вне человека, независимо от человека и без человека. Это истинное объективное знание о «вне», «независимо» и «без» рождает технику, индустрию, техническую цивилизацию, которая, хотя и создана для человека, но не считается с ним, не дает ему жизнь нормально, в буквальном смысле слова душист его, давит его, губит его тело и совершенно не учитывает человека как живую индивидуальность.

На вопрос «Что есть истина?» наука отвечает — это вечные и без-человека-существующие (бес-человечные!) законы. Это не тот мир, в котором мы живем, а абстракция этого мира, которая конструируется научным мышлением. Не удивительно, что технический мир современной повседневности, в котором мы живем, абстрагируется от человека. Но этот мир — единственный, с которым имеет дело человек. И если мы хотим знать подлинный мир, то надо знать этот мир, который перед нами здесь и сейчас.

Это мир нашей жизни. Истина этого мира совпадает с ним самим. Ведь истина этого стола, этой чашки не в том, что это «стол» или это «чашка», хотя и это подведение под аб-

страктное понятие важно, но в том, что этот стол такой, какой есть, каким стал, что с ним связана моя жизнь, что я вижу по каким-то отметинам на нем свое прошлое. И эта чашка тоже имеет свою судьбу, каких нет у других, у «чашки» как у понятия. Поэтому истина этого мира в том, что он такой, какой есть. Тогда вместо пилатовского «Что есть истина?» должно прозвучать «Что есть мир твой?» Мир, пережитый мною, и мир, прожитый мною, — мир, не отвлеченный от человека (и от меня), не дикий, природный, а мир освоенный, очеловеченный. Такой мир уже давно получил название культурного.

Так вместо «Что есть истина?» встает вопрос «Что есть культура?» Ответ на него столь же прост, сколь и сложен, ибо мы знаем, о чем спрашиваем, но не знаем, что ответить. А современная история, как никакая другая, нуждается в ответе на этот вопрос. Действительно, разве не кажется странным, что нация великой культуры, великих философов, поэтов, писателей, композиторов, нация, давшая мировой культуре такие шедевры, как «Фауст», «Критика чистого разума», «Героическая симфония» и многие другие, создала Освенцим, Бухенвальд, Майданек. Так что же такое культура? И разве в словах одного рьяного поборника Освенцима «когда я слышу слово “культура”», рука моя тянется к револьверу» не слышится именно этот вопрос как прямая параллель словам римского прокуратора в Палестине? А ГУЛАГ? Лагерь возникли в стране, которая дала миру Достоевского и Толстого. Так что же такое культура?

Прав был Теодор Адорно, который писал, что после Освенцима (добавим: и после ГУЛАГа) нельзя мыслить и жить так, как до него. «Тот, кто громко ратует за сохранение этой во всем виновной и жалкой культуры, превращается в ее пособника, но тот, кто отказывается от нее, прямо способствует варварству, которым эта культура и оказалась», — пишет Т. Адорно¹.

Эта парадоксальная антиномия европейской культуры рождена ее первородным грехом — забвением жизни ради высокой истины. А «после Освенцима нет такого слова, даже теологического, которое бы могло постоянно звучать с высоты»². Эта антиномия усугубилась разделением мира *cogito* и мира вещей, мира природы и культуры, которое породило новейшую европейскую культуру.

Как выйти из этого парадокса? Нужно понять не просто природу этой европейской культуры, но природу культуры вообще. Ибо не истина бытия, а бытие истины определяет человека. Кончилась эра истины³, которая началась жизненным подвигом Сократа, а завершилась тупиками технических проектов преобразования общества на основе Истины. Начинается эра культуры, эра культурного мышления. И как «пилатовский» вопрос дал пищу для двухтысячелетнего развития философии, науки и европейской цивилизации, так вопрос нашего времени «что такое культура?» начинает питать новое развитие человеческого духа. Именно ответ на этот вопрос способен разрешить те противоречия, с которыми столкнулась культура модерна.

Динамичное индустриальное развитие XIX века привело к становлению новой предметной реальности в XX столетии. Глобальная предметная среда требует от человека нового отношения. С ней уже нельзя обращаться так, как человек обращался с той второй природой, когда он создавал ее, постепенно вводя в ее систему новые предметы. Современный предметный мир не дает времени для естественной гармонизации всех своих составляющих. Необходимо сразу проектировать предметную среду, а не отдельный предмет или даже ряд предметов. Современный инженер, конструктор предметов, не может быть проектировщиком этого предмета, или этой машины, он должен создать целостную среду. Поэтому он не может мыслить партикулярно, как «узкий» специалист, он должен мыслить глобально и быть инженером как таковым. Но инженер-специалист вырастает на базе определенной технической науки и того типа мышления, который вышел из естественных наук и взрастил техническую рациональность. А на какой базе вырастет инженер как таковой? Этой базой должно стать знание о законах жизни предметного мира как единого и как специфическо-

³ Конечно, конец эры истины не означает, что истина отбрасывается культурой и наукой. Она продолжает сохранять все свое значение для познания и практики, но теперь не она «правит бал» в культуре, а ценностное восприятие жизни и мира, которое связано с истиной, но не так, как научное восприятие жизни. Истина, правда ценности, требует от человека поступка, утверждения. Ее истинность не в том, что она соответствует некоей объективной ценности, а в том, что она отвечает утверждаемой человеком действительности, которая объективно ратифицирует подлинную жизнь самого человека.

¹ Adorno T. *Dialektika negatywna*. PWN, Warszawa, 1986. S. 515.

² Там же. S. 516.

го бытия. Законы этого бытия — законы культурного мира, отличного от природы, но и неразрывно связанного с ним. Предметный мир, рожденный человеком, это мир, объединяющий человека и природу, мир, разрушающий декартовский дуализм. Но законы этого мира мало известны, во всяком случае, они не стали предметом изучения инженера. Для современного инженера требуется системное мышление, требуется мышление экологически безопасное, мышление аксиологически ориентированное. Системное же мышление и мышление экологическое, которое изначально, самой логикой своего рассуждения ориентировано на такое изменение среды обитания и такое проектирование «второй» природы, которое не будет противоречить первой природе и интересам человека, не может возникнуть на путях изучения существующих технических наук и на базе законов естествознания. Оно может возникнуть только на путях изучения законов и принципов жизни культурного бытия. Вот почему особенно значимо становится изучение культуры.

Двадцатое столетие характеризуется и становлением новой социальной реальности, которая также непонятна без знания культуры. Эта новая реальность поставила человека в абсолютно необычную и ранее неизвестную ему нравственную ситуацию. Обычно все моральные ценности и нормы получали свое подтверждение и содержание в непосредственном контакте одного человека с другим, моральный горизонт человека совпадал с границами результатов его поступков, он видел последствия своего морального деяния, и это становилось основой его нравственного развития. Он страдал или радовался вместе с теми, кто оказывался в зоне его морального действия. Его совесть (со-ведение, совместное знание) говорила ему голосом другого, которого он знал. А человек нашего времени может совершать такие поступки, последствия которых ему либо будут неизвестны, либо он их непосредственно не воспринимает. Как быть в этом случае с нравственной ответственностью, если не нарушен никакой закон и человек не несет юридической ответственности? Как поставить «виновника» нравственного проступка, который себя совсем так не чувствует, перед судом совести?

Современный немецкий философ Карл Апель говорит о необходимости разработки принципов этической рациональности, на которых должна быть основана коммуникативная общность, где все члены одним и тем же способом объясняют и понимают слож-

ные, «многоходовые» ситуации¹. Об этом говорят этики, различающие два типа морали — этику добродетелей и институциональную этику². В прошлые века только мудрецы прозревали необходимость расширения горизонта нравственной ответственности человека до пределов всего человечества, сейчас же это потребность нравственного сознания каждого человека. Идея нравственного сознания, выстраданная человечеством, — «люби ближнего как самого себя», несмотря на всю свою значимость, явно требует дополнения в направлении изменения ориентации нравственного сознания. Мы живем в мире, где любить надо также и дальнего, причем не как себя, а как его, со всеми его особенностями, которые могут быть совершенно непохожи на наши. Если Кант, формулируя требование нравственного закона, исходит от первого лица — «Я»: «Действуй так, чтобы максима твоей воли, стала всеобщим законодательством», то можно сказать, что современная нравственная ситуация настойчиво требует, чтобы нравственный закон исходил (или, по крайней мере, на равных учитывал) от второго лица — «Ты»: «Действуй так, чтобы максима его воли стала для тебя законодательством».

И мы снова видим необходимость исследования культурного бытия человека как бытия нравственного, без чего будет трудно, а то и невозможно, разрешить многие проблемы нашей жизни.

Наконец, изменилась и сама культурная реальность, с которой имеет дело человек XX столетия. Культура не просто предоставляет сейчас человеку какую-либо информацию, требует от человека не просто осмысления и правильного восприятия своего содержания, но и умения работы с самой информацией. Информационная революция в XX веке не только породила новые информационные технологии, но вызвала быстрый рост информации как в количественном — рост ее объема, так и в качественном отношении — возникновение новых смыслов, новых ценностей, видов искусства, жанров, наук, отраслей знаний и т. п. Общение с культурой становится эффективным только при условии видения и знания самих принципов жизни, смыслов и значений культуры, способов организации культурного про-

¹ См.: *Apel K. O. Die «Erklären: Verstehen» — Kontroverse in transzendental-pragmatischen Sieht. Frankfurt/Main, 1979.*

² См.: *Гусейнов А. А. Мораль и цивилизация // Первый Российский философский конгресс. Т. VI: Философия культуры. СПб., 1997. С. 252–254.*

странства и свободного движения в этом пространстве.

Отмеченные особенности культурного развития современности показывают, что, столкнувшись с целостностью мира как фактом своей реальной жизни, человек, ориентированный на познание абстрактной истины, оказался не в состоянии осмыслить эту целостность и действовать в ней как целостности, что и приводит к тупикам культурного развития, к кризисным ситуациям, выражающим отчужденность (а часто прямую чуждость) результатов человеческой деятельности от самого человека и его наме-

рений. Еще раз подтвердилась древняя мудрость: «Благими намерениями вымощена дорога в ад».

Но чтобы выбрать правильную дорогу, современный человек должен увидеть мир с позиции ценностной, постигнуть бытие и природы, и свое как значимое, за которое он несет ответственность. Таковым и выступает культурное бытие, логика коего становится определяющей логикой понимания и действия современного человека. На постижение этой логики и должно быть ориентировано современное знание и образование.

И. С. КОН,

доктор философских наук, профессор, академик РАО

ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА: ИННОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ

XXI век — время колоссального социального и культурного обновления. На наших глазах меняется буквально все — техника, быт, искусство, наука. В России, развитие которой искусственно задерживалось советской властью, изменения особенно заметны. Эти инновации многомерны, многогранны и часто болезненны. Напуганные ими люди хотели бы остановить ход истории и даже вернуться назад. Нам то и дело в разных формах навязывают мысль, что хорошо и правильно только старое, традиционное (оно же — национальное), а все то, что этому не соответствует, опасно, чужеродно и нежелательно.

Но традиции, как и инновации, бывают разными. Фетишизация исторического прошлого неизбежно оборачивается непониманием настоящего и будущего.

Развитие культуры народа, как и отдельного индивида, предполагает взаимодействие двух видов памяти: оперативной (краткосрочной) и долговременной. Первая включает в себя то, что сегодня находится на виду и на слуху — о чем говорят, спорят, без чего невозможно ориентироваться в современной быстротечной жизни. Оперативная память общества, как и отдельного индивида, имеет ограниченную емкость, ее содержание изменяется очень быстро. С появлением новых элементов что-то старое обязательно забывается, и нам кажется, что оно умирает. Однако оно сохраняется в долговременной памяти, которая в известном смысле и есть культура. Долговременная память содержит все то, что было когда-то человечеством создано,

даже если оно вытеснено из сознания и отчасти позабыто.

В юности на меня сильно повлияла многолетняя дружба-ученичество с четой Люблинских: Александрой Дмитриевной, выдающимся медиевистом, и Владимиром Сергеевичем, историком книги и хранителем библиотеки Вольтера. Я научился у них очень многому, однако, слушая их разговоры, я иногда приходил в отчаяние: сколько бы я ни учился, я никогда не стану таким образованным! Но точно такое же чувство оба они испытывали по отношению к своей учительнице — О. А. Добиаш-Рожественской.

Став старше, я понял, что в истории культуры все время происходит неумолимый естественный отбор. Открываю Пушкина и читаю:

Кастальский ключ волною вдохновенья

В степи мирской изгнанника поит.

А что такое Кастальский ключ?.. Образованной элите пушкинских времен эта метафора была понятна. Сегодня ее знает разве что филолог-классик. Всем остальным, чтобы понять Пушкина, нужно открыть мифологический словарь. Часто ли мы это делаем? То же самое происходит в изобразительном искусстве, философии и т. д.

Это касается не только отдельных метафор, но и целых жанров искусства. Вот уже много десятилетий всеми уважаемые люди, одни с ужасом, другие с восторгом, уверяют нас, что опера, художественная литература, театр и многие другие художественные жанры, стили и ценности отмирают. За этим стоят серьезные и реальные

проблемы, но меняется скорее соотношение разных форм художественного производства и потребления, чем их сущность. Люди пушкинской эпохи не знали многого, что было известно эрудитам XVIII века, зато они знали и умели многое другое. То же самое можно сказать и о нас. Мне жаль, что мои студенты не читали тех книг, которыми когда-то увлекался я сам (иногда они их просто не знают, а иногда они им не интересны). Но наши художественные вкусы также зачастую не совпадали со вкусами наших учителей, а сейчас выбор стал гораздо шире.

Долговременная память культуры имеет свои хранилища — архивы, музеи, библиотеки. Особую роль в ее поддержании играет гуманитарное образование как важнейший институт межпоколенной трансмиссии культуры. Приобщая молодых людей к современной культуре, гуманитарное образование одновременно способствует обновлению и переосмыслению культуры традиционной.

Это имеет свои институциональные, функциональные и символические аспекты, преломляющиеся в разных метафорах образования. Средневековый университет был, прежде всего, церковным институтом, его уставы напоминали монастырские. По мере секуляризации образования университет стал называться «храмом науки». Технизация и омасовление высшего образования превратили бывший храм в «кузницу кадров»; хотя эта формула звучит непоэтично, она довольно точно описывает суть процесса. Какой метафорой описать современный гуманитарный вуз, я не знаю.

Межпоколенная трансмиссия культуры неотделима от ее переосмысления и обновления. Так было, есть и будет всегда. Для профессионального историка слово «модернизация» звучит плохо, как «искажение». Человека, воспитанного на классических образцах, эстетика модернизма, особенно когда она проецируется на старое искусство, часто шокирует. Но разве старые мастера не одевали библейских героев в костюмы современных им людей? Вряд ли они делали это просто по незнанию истории. Современная форма позволяет мастеру вернее донести до аудитории выходящее за рамки конкретной эпохи и в этом, ограниченном, смысле слова вневременное содержание культуры.

Историки, филологи и прочие гуманитарии не просто хранят культурное наследие, но и интерпретируют, переосмысливают его. Умение прочесть старый текст новыми глазами и найти в нем красоту и

ценность для современного человека требует таланта. Так было всегда. Известны имена искусствоведов и литературных критиков, которые выносили из мрака забвения, переводя в оперативную память культуры, творчество великих художников, будь то Рубенс или Эль Греко. Но призыв возродить нечто забытое может быть услышан только, если это нечто действительно созвучно современной эпохе, а сам призыв сформулирован адекватными ей средствами. Навязать молодежи то, что ей неинтересно, только потому, что оно «традиционно», невозможно. Чаще всего это вызывает эффект бумеранга, хорошо знакомый нам с советских времен, в том числе и по печальному опыту преподавания русской литературы в школе.

Традиционализм, как и его прообраз — религиозный фундаментализм, изображает себя защитником непреходящих вечных ценностей, но фактически является могильщиком культуры. Отрыв традиций от обновления и развития не только превращает живые культурные ценности в мертвые музейные экспонаты, но и призывает людей жить по законам идеализированного, воображаемого, никогда не существовавшего прошлого. Его первый непосредственный эффект — углубление и расширение рва между поколениями, который в условиях быстрых социальных перемен и так достаточно глубок. В политическом плане традиционализм/фундаментализм представляет собой очередную реакционную утопию, попытка реализации которой неизбежно оборачивается непредсказуемыми (хотя бы потому, что смотрели не вперед, а назад) катастрофами и нежелательными социальными последствиями. Можно по-разному относиться к трудам и деятельности графа С. С. Уварова, но формула «православие, самодержавие и народность», которая справедливо считалась реакционной уже в первой трети XIX века, никак не может быть руководящим ориентиром для образования XXI столетия.

В то же время сохранение и поддержание культурных традиций не может быть пущено на самотек. В отличие от сорняков, выживающих практически везде, культурные растения требуют заботы и внимания. Дикое первоначальное накопление капитала и коммерциализация жизни сопровождаются не просто изменением, а снижением уровня стандартов массовой культуры. Это может иметь долгосрочные исторические последствия. Подростки, которые не приобщились к высокой культуре в детстве, вряд ли сделают это позже. Финансирова-

ние культуры и образования по остаточному принципу усугубляет и без того сильное социальное неравенство, тем более что новая российская правящая элита отнюдь не является носителем культурных и нравственных ценностей. Это угрожает таким же снижением культурного потенциала страны, какой в свое время произвело осуществление большевистской радикальной утопии. Тогда это было связано с физическим уничтожением

части культурного слоя, а теперь — с массовой бедностью и утечкой мозгов. Чтобы избежать этого, необходима планомерная забота о развитии культуры и образования.

Водораздел должен проходить не между традиционным и новым, что заведомо усугубляет конфликт поколений, а между высокой и массовой культурой. И действовать нужно не столько запретами, сколько положительным примером.

Круглый стол

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

УЧАСТНИКИ КРУГЛОГО СТОЛА:

- Н. Д. НИКАНДРОВ** президент Российской Академии образования (РАО), доктор педагогических наук, профессор
- И. С. КОН** доктор философских наук, профессор, академик РАО
- С. Н. ИКОННИКОВА** заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, профессор кафедры культурологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ
- В. А. КОНЕВ** заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ
- Г. А. ПРАЗДНИКОВ** заведующий кафедрой философии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, профессор
- Б. Д. ПАРЫГИН** заведующий кафедрой социальной психологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ
- Г. Г. СИЛЛАСТЕ** заведующая кафедрой социологии Финансовой академии при Правительстве РФ, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ
- Ю. В. СЕНЬКО** ректор Алтайского государственного университета, заведующий кафедрой педагогики, академик РАО

Н. Д. НИКАНДРОВ

Уважаемые коллеги, нам предлагается обсудить ряд вопросов: гуманитарное образование в духовном пространстве; современная цивилизация, глобализация и проблемы сохранения культурной идентичности; цивилизация и культура; противостояние силы и мудрости, культура и зло; мировоззренческие истоки насилия и терроризма; глобальные вызовы современной цивилизации и будущее России; культура и слово, проблема моральной ответственности интеллигенции.

Первой темой нашего обсуждения будет вопрос, что такое духовное пространство и духовность.

И. С. КОН

В свое время на ленинградском «капустнике», в одной из его историй, следующим

образом определялось, что такое духовные ценности. Некая Дунька ездила за границу, купила там туфли, привезла их домой, а потом оказалось — давят, размер не тот. Носить невозможно, продать жалко, поставила их в сервант, — все ходят и любуются. Вот это и есть образ духовных ценностей, — это то, что не имеет утилитарного значения и, в то же время, то, что отдать жалко. Лучшего определения духовных ценностей, которые стали модны в 1980-х годах, не придумаешь.

Н. Д. НИКАНДРОВ

Мы очень часто говорим о слове «духовность», поминаем ее всуе, а лучше бы — всерьез. Раньше было противопоставление материального и духовного, так сказать *био* и *социо*. Физическая природа есть, понятно,

и у нас с вами, и у животных. Что касается социю, то у высших животных это, безусловно, тоже есть; если взять, скажем, муравьев, там тоже есть социю, и достаточно интересное. Но в человеке есть что-то еще, явно идущее свыше, — то, чего нет у животных. Это я и назвал бы духовностью и духом.

Это можно принимать в нерелигиозном и в религиозном плане, в зависимости от того, как человек рассматривает ситуацию и жизнь. Мне кажется, нужно просто заменить диадой: био и социю, триадой — био, социю, дух. Наверное, это тоже не определение, и философы могут очень многое возразить по этому поводу, но я думаю, что когда мы очень часто говорим о духовности, хоть какое-то понимание нам нужно иметь в виду, иначе мы просто не найдем общего языка.

У кого-нибудь есть желание выступить на тему гуманитарного образования в духовном пространстве современной цивилизации?

С. Н. ИКОННИКОВА

Мне показалась удивительно интересной сама постановка вопроса о дальнейшей гуманитаризации высшего образования.

Сегодня на конференции многие доклады об этом звучали очень актуально, остро, полемично и с выражением тех позиций, которые имеются на этот счет. Конечно, не всегда можно полностью согласиться с высказанными точками зрения, но было очень много новаторского.

Что касается состояния гуманитарных дисциплин в вузах, то мне думается, здесь есть некоторый сдвиг. Всем вузам были предложены 10 стандартных дисциплин, в числе которых общественные и гуманитарные. Но потом этот выбор был ограничен двумя обязательными дисциплинами: иностранным языком и физкультурой. Затем были рекомендованы философия и история. То есть шесть из десяти вузовских дисциплин, по которым есть учебники, учебные пособия и в которых за 15 лет так или иначе продвинулись гуманитарные науки, оказались вычеркнутыми из программ большинства вузов, то есть Ученые советы могли принимать решения об их изъятии самостоятельно.

По-моему, такая позиция является паллиативом. Надо все-таки говорить о продвижении гуманитарного образования в полном объеме, тем более что в предписанной десятке дисциплин отсутствуют литература и искусство. Ни культурология, ни социология, ни история не смогут восполнить эти пробелы. Необходимо определить состояние гуманитаризации и последующих перспектив современного образования.

Хорошо, когда президентом страны становится юрист (это все-таки человек с классическим университетским образованием), но в нашем современном обществе всякое может быть. И бывало, что президентом или руководителями высшего ранга становились люди, являвшиеся по образованию строителями, химиками-технологами и т. д. Не умаляя этих профессий, нужно все-таки признать, что для руководства страной перечисленного явно недостаточно.

Для духовного богатства нации необходимо не просто личное развитие каждого человека, но и решение проблемы безопасности общества в целом. То есть я хочу сказать, что гуманитарное образование — это не просто совершенствование человека, но это и безопасность общества, потому что оно готовит человека, которому доверяются судьбы, решения, переговоры и многое другое.

В современном обществе ярко выражено ощущение нравственного кризиса. Однако, может быть, в силу природного оптимизма или по какой-либо другой причине, мне не кажется, что все плохо. Конечно, расслоение в обществе огромное и налицо множество других проблем, но также есть колоссальные возможности и перспективы. И это не может не радовать.

Существует еще одна сторона проблемы: у нас в городе больше 100 кинотеатров, больше 100 всяких групп и т. д. Увлечение массовой поп-культурой уже чрезмерно и опасно. И необходимо как-то выровнять баланс сил в сторону развития индивидуальности — не личности, а именно индивидуальности.

На мой взгляд, удачна последовательная система персонификации учебного процесса, которая происходит здесь, в Гуманитарном университете профсоюзов. В гуманитарных науках особенно необходимо уйти от массовой культуры: если не к элитарной, то к персонифицированной культуре, с ее знанием уникальных особенностей личных биографий. Я это называю «исторической персонологией».

И наконец, в гуманитарном образовании удивительно важно иметь региональный аспект. Хорошо, когда мы знаем о культуре народов маори или о еще более далеких от нас племенах и землях, это очень важно. Но Северо-Запад, наш собственный регион, нуждается в еще большем осмыслении и познании его истории. У многих наших студентов, когда их спрашивают: «Где была первая столица Древней Руси?», отражается такое искреннее недоумение на лицах, что просто диву даешься. «Ну а Ладогу знаете?» — «Да, Ладога — это озеро», — и не больше.

Это очень серьезно, это уже национальная проблема, если мы сами не чувствуем, что не знаем своей, так сказать, родословной. Необходимо выровнять этот перекосяк, и о своем регионе, о Северо-Западе, надо знать не меньше, чем о других странах, а гораздо больше.

В. А. КОНЕВ

Светлана Николаевна затронула очень болезненную тему — соотношение гуманитарных и других дисциплин в университетах и иных вузах. Действительно эта проблема всегда стоит очень остро, когда обсуждаются учебные планы. И это давно началось. Если помните, у Канта есть работа «Спор факультетов».

В современной ситуации всем более или менее ясно, что узкая специализация при подготовке любых специалистов, будь то технических или естественно-научных, или гуманитарных — это тупик. Современному миру требуется универсальное образование, и постмодернистская культура прямо об этом свидетельствует. Кроме того, присоединяясь к Болонскому процессу, следует вспомнить о том, что старые европейские университеты строились совершенно по иному принципу, чем наши современные вузы, и вначале имели только три пересекающихся между собой факультета. Новая европейская культура изменила это положение, и факультеты университетов стали более многочисленными и независимыми друг от друга.

И в наши дни вопрос открыт: должны ли быть 10 обязательных дисциплин, о которых мы все время спорим, или только две-три основные? А может быть, сделать один курс или два курса для всех вузов обязательными: общекультурные, общеобразовательные дисциплины, которые современному культурному человеку необходимо получить в образовании? Иначе та традиция передачи национального духовного и культурного опыта, который существовал в обществе раньше, просто уйдет из жизни общества. А начиная с III курса можно уже переходить на узкоспециальную подготовку, которая уже существует в наших вузах.

И я хотел бы обратиться к президенту нашей Российской академии образования, чтобы он этот вопрос обдумал и обсудил на Ученом совете, потому что, на мой взгляд, в такой логике есть рациональное зерно. Тогда исчезли бы все эти споры кафедр и факультетов, которые существуют в современном вузе и очень мешают нормальному процессу образования.

Н. Д. НИКАНДРОВ

Хотел бы добавить к вышесказанному следующее. На одном из совещаний у М. Е. Фрад-

кова, премьер-министра России, разговор неоднократно касался Болонского процесса. В документах Болонского процесса четко сказано: «Унифицируя в какой-то мере то, что есть в разных странах, нельзя потерять то лучшее, что есть в каждой стране». Поэтому нельзя говорить о том, что нужны только бакалавр, магистр, доктор, а от нашего специалиста постепенно отказываться. Нельзя столь узко интерпретировать документы Болонского процесса.

В 1992 году, когда все это только начиналось, речь тоже шла о системе подготовки бакалавров, которую нужно развивать. Но тогда четко говорилось, что это должно занимать не более 10–15%. И если брать это как общую стратегию развития нашего образования, то выравнивание по единому европейскому образцу не должно отменять то, что есть лучшего в каждой национальной системе.

Что до апокалипсических настроений в обществе, то американцы назвали этот социальный синдром «самооправдывающееся пророчество», или катастрофизм. Если мы постоянно будем говорить обществу, какое оно скверное, то лучше от этого оно не будет. Всем уже очевидно, что катастрофизм, доводимый до предела в некоторых наших телевизионных передачах, конечно же, не помогает нам действовать.

Г. А. ПРАЗДНИКОВ

Мы должны называть вещи своими именами и говорить достаточно резко, требовательно, как это свойственно русскому менталитету. Одна из особенностей гуманитаризации в том, что гуманитарий не только анализирует и объясняет вещи, но деятельно участвует в жизни. Мы должны стремиться к тому, о чем мы говорим. И тогда то, как мы понимаем те или иные вещи, станет явлением самой жизни.

В письме Пастернака Мандельштаму есть одна простая, но удивительно точная фраза: «Умирает то, чему дают умереть». Мы, спокойно наблюдая за тем, что происходит в нашем образовании, даем умереть тому, что не должно умирать.

Если средний возраст вузовского преподавателя, по статистике, сейчас равен 61 году, а средний возраст школьного преподавателя — 55 лет, то есть практически пенсионному, то здесь не нужно долго размышлять. Это катастрофическая ситуация. Это не то, что может когда-то произойти, это уже случилось. Старая система рухнула, и мы можем из-под глыб, как Солженицын говорит, выбираться и находить пути, каким об-

разом выйти из этой ситуации. Например, известно, что существует средняя зарплата. На каждом шагу объявления: «Требуется швея или электромонтер 4, 5-го разрядов (а не 7-го разряда), зарплата — 8–9 тысяч рублей». Но при этом в государственном бюджетном вузе профессор на руки получает 4 тысячи с небольшим... А если без абстракции, то можно найти пример и здесь: на философском факультете нашего Университета был профессор Сергей Старцев — «звезда» факультета, в 27 лет монография о Хайдеггере, философская премия года в прошлом году и т. д. А где Сергей Старцев сейчас? Менеджер в строительной компании. Могу я осуждать его? Нет, не могу. Им с женой по 30 лет, вся юность отдана науке, только сейчас родился ребенок, а живут в коммуналке. И его поступок — уход из университета — это ответственное поведение мужика, так и должен поступать настоящий мужчина, отец. А молодежь идет цветами торговать, ящики пивные носить и прочее.

Но это не решение проблемы. А кому же работать в вузах? Кому заниматься наукой? И если мы так понимаем гуманитарное образование, как оно понято у нас — только на законодательном уровне, то как иначе мы можем относиться к тому, что происходит?

При этом российский Закон «Об образовании», действительно, потрясающий закон, не случайно ЮНЕСКО признало его образцовым. По существу, в учебных планах всех наших университетов есть три блока дисциплин. Собственно специальности посвящена одна треть дисциплин, другая треть — вспомогательные дисциплины и последняя треть — общегуманитарные, которые направлены на формирование человека как такового. В любом университете мира этот блок, конечно, фундируется гуманитарными дисциплинами. И если это так, то, на мой взгляд, данный блок должен быть даже не в ведении министра образования, а в ведении президента страны. А сейчас Министерство образования передало функцию составления государственных стандартов, включая и блок общегуманитарных дисциплин, УМО (Учебно-методическому объединению юридических, медицинских институтов).

Что же получается? Приезжает к нам дама, начальник Управления гуманитарных дисциплин Министерства образования, собирает заведующих кафедрами и говорит нам, что надо работать с УМО, потому что у них с нами разные позиции. Например, в медицинских институтах хотят, чтобы у них была не всеобщая история, а история медицины, а финансисты хотят изучать историю денег

и т. д. Это все, крушение даже того малюсенького общегуманитарного блока, который остался.

Этот демократизм — пусть решает Ученый совет, пусть решает декан — не просто ложный, это самая настоящая безответственность. А ответственность — это когда в Финляндии президент страны подписывает учебные планы, и никакой ректор не может в свое дело вмешаться. Ректоры тоже бывают разные. Три месяца назад слышал разговор на одном из круглых столов, транслируемый по радио из Москвы, где ректор какого-то юридического института сокрушался по поводу госстандартов: мол, сколько ненужных дисциплин. «Нам не хватает времени на свои дисциплины, а нам приходится на юридическом факультете читать философию», — говорил этот ректор юридического вуза. И это говорится в России, где гуманитарное образование, юридическое образование было основой гуманитарного образования: Бердяев, Вышеславцев, Ильин и многие другие известные личности были дипломированными юристами.

А сейчас во всех российских художественных вузах из госстандартов исключена эстетика; в госстандарте юридических факультетов нет этики. Что касается юридических факультетов, вообще трудно представить себе, как можно читать право, минуя то основание, на котором оно возникает.

Я считаю, что нельзя об этом говорить спокойно, мы должны плакать и называть вещи своими именами. Понимаете, если у государства есть деньги на то, чтобы в несколько раз увеличивать зарплату госбюджетным чиновникам, если есть деньги содержать водителей с зарплатой от 500 долларов, который возит всякого маленького чиновника, то как же мы можем допустить, чтобы образование и наука находились в таком состоянии, в каком они сейчас оказались?

Николай Николаевич приводил нам данные статистики, что только 50 из 2000 выпускников Герценовского университета пришло в школы, и неизвестно, сколько из них там остались. При том, что самая большая нехватка учителей (о чем я узнал из опубликованного в газете заседания Коллегии Министерства образования) в Москве и в Петербурге, а не в провинции. Понятно, выпускнице филологического факультета лучше идти посудомойкой в бар, чем в нашу школу, на зарплату учительницы. И я не могу осуждать этих молодых людей. Это действительно нормальная ответственная позиция по отношению к семье, к ребенку, если есть, и к себе. Как-то недавно я встречаю женщину, у

которой был оппонентом на защите в Государственном университете. Она была аспиранткой Моисея Самойловича Кагана, блистательно защитилась. Спрашиваю ее: «Ну, как дела?», думаю, может уже докторскую готовит. А она говорит: «Ничего, нормально, Георгий Александрович. Вот, учусь на 2-м курсе экономического факультета по специальности «Аудит и бухгалтерский учет»»...

Идет колоссальный сдвиг в сознании нации. Мы сожалеем об утечке кадров за границу, но что людям остается, когда блестящая аспирантка, которая философией хочет заниматься, вынуждена изучать аудит, потому что знает, что только так она сможет заработать достойные деньги.

Настало время действовать, мы все ждали слишком долго, что все само произойдет. И молодые долго надеялись и ждали, поэтому и оставались работать в университете, шли в аспирантуру, писали научные труды. Но сейчас в аспирантуру очень трудно набрать людей. Ребята бегут от армии, никто не собирается писать диссертацию. Из интервью с Гаспаровым: «Да, есть талантливые ребята, но, к сожалению, никого не могу оставить, никто не идет в аспирантуру»...

Что к этому добавить? По-моему, катастрофическая ситуация. Но не плакать надо, а резко и серьезно говорить, дать понять правительству, что мы чего-то стоим. Перестройка осуществилась на плечах и с помощью мозга интеллигенции, но интеллигенция может начать думать и вести себя по-другому, и правильно сделает.

Н. Д. НИКАНДРОВ

Действительно, это расстраивает. Но лажировки не надо: если мы туберкулез назовем легкой простудой, то это не поможет его лечению. Что же касается выбора «плохо — хорошо», то это вечная проблема.

Однажды в одном небольшом вузе (недалеко от Москвы) я встречался с ребятами, и зашел у нас с ними разговор о том, что хорошо и что плохо применительно к современной музыке, и прежде всего речь шла о тенденциях в легкой музыке.

Конечно, никто не противопоставляет хорошую легкую музыку, скажем, классической музыке Чайковского или Бетховена. Это просто разные, несравнимые вещи. И я дал ребятам прослушать несколько вещей из современной эстрадной музыки, которые для меня являются символически безобразными вещами (например, «Зайка моя» Киркорова, «Муси-пуси» Кати Лель и другие — не знаю, все ли здесь слышали эти «произведения» современной культуры, но для меня это символ безобразия). А затем предло-

жил вниманию ребят ряд настоящих примеров хорошей эстрадной музыки и в качественном профессиональном исполнении. И знаете, они поняли разницу! Да, я прекрасно понимаю, что у меня в моем возрасте уже другие интересы и вкусы, но хорошее не может не нравиться, о какой бы возрастной категории слушателей ни шла речь. Это бесспорно.

Значит, вывод только один: нужно развивать вкус слушателей и предлагать их вниманию по-настоящему хорошую эстраду — российскую, американскую, французскую и всячески поддерживать ее. А легкая музыка всегда пробьет себе дорогу сама. Надо сделать так, чтобы люди поняли, что есть не только «муси-пуси», но и многое другое, значительно лучшее по качеству.

Б. Д. ПАРЫГИН

Вернусь к предложенному нашим председателем ракурсу рассмотрения проблемы: гуманитарная культура в контексте или в поле духовного пространства цивилизации.

Перед нами встал вопрос: то, что происходит с нашей культурой сегодня, — это драма, кризис или нет. Думаю, что это поверхностный знак еще более глубокого кризиса, социального.

Недавно вышла публикация Юрия Левады в «Аргументах и фактах», где остро выражена озабоченность тем, насколько мощное произошло расслоение в обществе. Сегодня 60% населения России живет за порогом бедности, на грани выживания; в целом по стране — миллион беспризорных детей. Такого не было даже после октябрьской революции и Гражданской войны.

Что это такое? Трагедия, за которой стоит непонимание, недооценка, невежество и острая недостаточность духовной составляющей в жизни общества. Эта драма — отражение нашей традиции одномерно смотреть на все проблемы. До октября 1917 года казалось, что если разрушим все до основания, то не будет и проблем. А когда все разрушили, оказалось — масса проблем. Потом было решено, что главная проблема — кадры: одних нужно ликвидировать, других поставить на место, и тогда все наладится. Оказалось, что и это всего лишь продолжение, углубление проблем. Ну, тогда пришло время перестройки. И главным стал человеческий фактор как таковой, но с ним разобраться не успели, слава Богу. С приходом в нашу жизнь демократов-рыночников всем вдруг стало ясно, что главное в человеческом факторе — это рынок: вот наладим рынок, и не будет никаких проблем. Но вскоре оказалось, что рынок рынком, а главное — это сила, власть. И тот,

кто на рынке власть приобретает любой ценой, и есть хозяин жизни.

Здесь как раз подходящий пример — США: сила есть, деталей, тонкостей не надо. Хотя США — конечно, государство высокой культуры, нельзя этого недооценивать. Но даже такое мощное государство, как США, которое очень сильно влияет на весь мир, сегодня все-таки оказалось перед моральным кризисом, одним из проявлений которого стала война в Ираке. Американцы переживают очередной, так сказать, «иракгейт» как кризис власти и всеобщее потрясение.

Дело в том, что США повторили нашу ошибку: их колоссальный психологический потенциал был поставлен на службу власти силы. А поскольку, по концепции бихевиоризма, человек — объект биологический, результат социальных влияний, то главное — это инструмент манипуляций человеком. И США подали нам пример этой силы и власти. Мы начали быстро копировать: реклама, черный пиар и т. п. Гордиться здесь нечем, это просто неприлично, а мы гордимся искусством изощренной манипуляции — уметь доказать превосходство силы, любой. И вдруг Америка, где, казалось бы, силы навалом, «лопается» — на моральном сюжете. И вот тут-то вдруг вспоминаешь, что действительно моральные ценности необходимы, нужна индивидуальность.

Уникальность личности, индивидуальность — это высшая ценность интеллигенции. Правда, отдельные мои коллеги считают, что в психологии такого объекта быть не может, потому что индивидуальность не предмет науки. Это тонкое дело, действительно, это искусство, публицистика, может быть.

Однако пойдя по американскому пути развития, мы вернулись к тому, от чего отказались, в чем потерпели поражение: взяв в пример страну, которая превзошла нас по части изощренности искусства манипуляции и, подражая по инерции ей, мы чувствуем дискомфорт, потому что это нам чужеродно, мы иные. Отсюда и глубочайший кризис во всех областях жизни.

Мне кажется, что выход из положения заключается в том, что нам нужно по-новому осознать бессмысленность, необоснованность, бесперспективность попыток инерционного одномерного подхода к многомерным явлениям, каким является и социум, и человек, и мы.

Мы не должны быть столь прямолинейными и зашоренными: или Восток, или Запад — вы правы или вы не правы. Мы одинаково можем заблуждаться относительно тех сложных явлений, с которыми мы имеем дело и в

рамках которых мы сопоставляем свои взгляды и дискутируем. Нужна более высокая планка видения гуманитарного потенциала. И если наше гуманитарное образование недооценивается где-то в верхних эшелонах чиновничьей власти, то за этим стоит, прежде всего, колоссальная отсталость определенной части народа именно в гуманитарной области, в духовной культуре, если хотите.

А парадокс в том, что только Россия и могла быть на старте прошлого века носителем высочайших эталонов духовно-нравственной культуры. Ну, по-большевистки решили просто: эти тонкости потом когда-нибудь, сначала — до основания, а потом вернемся. Но оказывается, вернуться не так просто: до сих пор мы не можем восстановить более тонкий взгляд на вещи.

И США нам не пример, потому что их квазидуховная гуманитарная культура оказалась на деле перевертышем — двойным стандартом. Поэтому и с Европейским Союзом у нас непростые отношения, но и у нас двойной стандарт вступает в силу. Но мы также заговорили и о духовных ценностях: индивидуальность, уникальность, духовность. Заговорили потому, что оказываемся в вечном долгу перед нереализованным колоссальным потенциалом российской духовно-нравственной культуры, которую нельзя реализовать, если мы начнем свертывать гуманитарное образование. Так мы никогда не выйдем из духовного кризиса. Между тем, это кризис не только наш, это кризис духовного пространства мировой цивилизации.

Американцы оказались перед фактом, что их претензия на мировое лидерство несостоятельна. И наша попытка подражать Америке тоже несостоятельна. Нужно вернуться к нашим истокам, но на другой основе, более фундаментальной, научной. Но как это сделать, если в стране идет процесс свертывания всех программ на развитие культуры и науки? А психология вообще не входит в ряд обязательных гуманитарных дисциплин. И это при том, что весь мир признает неповторимость и сложность русской души, русского духа.

Поэтому я целиком присоединяюсь к тем, кто озабочен проблемой доли гуманитарных дисциплин в общем поле образования и духовной культуры, потому что подлинную духовность несут в себе именно российские традиции философско-религиозного сознания.

Основная трудность здесь в том, что никак не удается нам соединить высокий полет духовно-нравственного видения с элементарным прагматическим подходом. Это вечный разрыв между высокими рубежами нашего

полета и прагматизмом в практическом действии. Американцы это сумели сделать, но лишь на более усеченном, суженном фронте видения этих явлений. А мы пожинаем плоды непонимания этой проблемы в высших эшелонах образовательной власти, поскольку в нашей действительности, увы, наиважнейшие вопросы нашего бытия нередко решают люди, не имеющие соответствующей подготовки.

Н. Д. НИКАНДРОВ

Есть, конечно, соблазн поговорить со статистиками насчет бедности и беспризорности, но я воздержусь, поскольку эти цифры очень разные и ничего не добавляют нового в нашей дискуссии. А вот о шестидесятниках скажу несколько слов. Дело в том, что были разные шестидесятники: речь шла о XX веке, но и в XIX столетии имелось такое течение. Одним из шестидесятников той поры являлся Федор Кони, который написал очень интересное стихотворение «Нельзя, чтобы цвела страна». Я по памяти его воспроизведу, и вы поймете, о чем идет речь:

Нельзя, чтобы цвела страна,
Где царство власти, не рассудка,
И где зависит все от сна
И от сварения желудка!
Где есть закон, чтоб понимать,
Как он изменчив и непрочен;
И как звездами лечат знать
От заслуженных ей пощечин!
Где недостатка нет в полах,
А веры не видать от века;
Где Бог в одних лишь образах,
Не в убеждениях человека!
Где все правительство живет
Растленьем нравственным народа;
На откуп пьянство отдает
Для умножения дохода!
Где в царство власти и чинов
Даны на откуп поколенья;
Где для затмения умов
Есть министерство просвещенья!

И многие другие вещи, весьма важные и в наше время, были отражены в творчестве того поколения шестидесятников. Когда мы говорим, что в советских период мы что-то недоделали или плохо делали, надо понимать: многие наши беды из давних-давних времен. И если мы пытаемся быстро, революционным путем менять ценности, то, как и показал опыт, они могут изменяться самым непредсказуемым образом.

И еще нормальному развитию страны очень мешает черный пиар. Термин появился в наши дни, но само явление было всегда.

Если говорить о XIX веке, то во времена Николая Алексеевича Некрасова был в Петербурге некий журналист Буренин, о нем мало кто знает, я тоже случайно о нем узнал, а вот эпитафию на него я хорошо знаю со студенческих времен:

Бежит по улице собака,
Идет Буренин, тих и мил.
Смотри, городской, однако,
Чтоб он ее не укусил!

Однажды я услышал от В. В. Познера по поводу обилия черного пиара: «Вы знаете, это естественная ситуация. Если мы напишем о том, что собака укусила человека, ну кого это может интересовать, а вот если мы напишем, что человек укусил собаку, это уже интересно».

Сделаю вывод, который, может быть, не примут многие: нам необходима мягкая, не политическая, но цензура. Н. А. Некрасов, например, как вы знаете, не однажды имел неприятности с цензурой, но когда в его время наступило некое послабление цензуры, совсем небольшое по нашим меркам, то этот великий поэт и гражданин написал:

Ай да свободная пресса!
Мало нам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый лесной...

Так что черный пиар, как его ни называй, существует давно. Однако это не повод с ним мириться. Необходимо ясно и громко заявлять о своей гражданской позиции с самых высоких трибун.

Г. Г. СИЛЛАСТЕ

Когда мы говорим о духовности, то можно четко заложить в это понятие наши представления о том, что у нации нет духовности, если у нее нет своей идеологии, нет идеалов, нет веры и главных целей, ради которых люди готовы жить, работать и даже умирать.

Вот так я понимаю наличие духовности у любой нации. И в этом контексте, если посмотреть на связь между развитием духовности нации и гуманитарным образованием, то, на мой взгляд, дело здесь не в нашем вузовском образовании, — мы получаем уже полупродукт. Истоки проблемы я вижу прежде всего в школе. И более того, если учиты-

вать, что такое суть школы, то практически стопроцентное гуманитарное образование закладывается там: от понимания гуманности, духовности, будущности и смысла всей жизни молодого человека, будущего специалиста, которому мы в вузе придадим лишь последнюю огранку. Поэтому мне хотелось бы обратить ваше внимание на то, о чем мы в последние 10 лет практически не говорим.

Русская национальная духовность тоже имеет свои истоки, которые лежат в русском селе, в деревне. И если мы с вами сегодня хотим реанимировать многие идеи, то необходимо вернуться к тем истокам, где аккумулировались эти идеи, из которых мы вышли и которые мы в самом трудном лихолетье всегда отчаянно защищали.

Начало русской духовности — в сельском социуме России.

Может быть, мои уважаемые коллеги со мной не согласятся, но я глубоко убеждена, что на сегодняшний день идет глобальное наступление на лучшие традиции российской школы, той школы, с которой я и рядом не поставлю ни одну национальную зарубежную школу (а я довольно много езжу за границу и вижу там многие лучшие вузы). Поэтому мне думается, что в этих условиях глобализация — одна из самых сложных и благодарных задач, которые должна решить вузовская общественность. Именно вузы должны сохранить те лучшие национальные традиции российской школы, которая никогда не ставила себе целью подготовить «узкощелевых» специалистов для определенного сектора рынка.

Наша традиционная школа видела две обязательные ступени в подготовке кадров: вначале дать специальность, высшее образование, получить специалиста, но только для того, чтобы в итоге в его лице увидеть представителя российской интеллигенции.

По результатам наших исследований, на сегодняшний день у нас формируются три слоя интеллигенции. Один из них всем нам хорошо известен — это гуманитарная интеллигенция, я о ней говорить не буду. Обращу внимание на два других ресурсных и противоположных друг другу слоя в нашей новой интеллигенции: это сельская интеллигенция России, которая была и раньше, и абсолютно новая, современная, очень плохо нами изученная, экономическая интеллигенция России.

Что же нам в условиях глобализации более необходимо: блестящий специалист, узкоотраслевой, для конкретного сектора рынка, или разносторонне развитой специалист, который будет так же широко вариативен на рынке, как и в прошлом веке во всех областях жизни. Наша высшая школа дает образо-

вание не только по конкретной специальности, необходимой в данный период времени, но закладывает общий комплекс образования с ресурсом его изменения по профилю профессий минимум на 10–12 лет. И мы можем этим гордиться.

Самый большой вопрос современной России: выживет ли сельская интеллигенция и сельский учитель под натиском ближайшей глобализации? Я приведу несколько цифр, которые во многом сами говорят за себя. Что мы сегодня имеем в России в сельском социуме? Ведь 2/3 российских школ — сельские (это примерно 44,5 тысячи школ), где сегодня работают 665 тысяч сельских учителей. Это колоссальный, феноменальный пласт центрального ядра сельской интеллигенции. И конечно, встает вопрос: если мы распространяем ЕГЭ, ГИФО и все прочее, то рассчитываем, что в Петербург и Москву будут приезжать из российской глубинки люди.

Поэтому для нас с вами важно иметь в виду, что сегодня в России осталось только 155 тысяч сел, и в 20% из них проживают не более 10 человек, а 8% — это «мертвые» села, где больше не осталось ни одного жителя. Встает вопрос: кого же мы готовим и что мы будем иметь в будущем из сельского социума?

Это вопрос, конечно, к духовности самого сельского учителя. За последние 15 лет мы впервые вернулись к проблеме сельского социума в России и провели исследования нравственных ценностей сельского учительства. Сейчас закончена уже вторая часть этого проекта — изучены влияния средств массовой информации, телевидения на поведенческие установки сельской учащейся молодежи.

Первая, пожалуй, самая тревожная тенденция: сегодня у нас сельский учитель — это деградирующий специалист. По шкале престижности для 60% всех категорий опрошенных людей (в том числе и сами учителя, и студенты) считают, что это больше не престижная профессия в России.

Кроме того, основные качества сельского учительства, которыми недовольны родители сегодня — это то, что у сельских учителей дети отошли на второй план, а собственное выживание и земельные участки занимают все более их внимание. И, кстати говоря, 25% учителей отметили, что у них сегодня нет времени для повышения квалификации, надо заниматься собственным участком.

Еще одна тревожная деталь: какие ценности сохраняются в плане образования среди сельского учительства? Мы обратили внимание, что на первом месте остается, к сча-

тью, повышение высшего педагогического образования. Но 45–48% сельских учителей считают для себя сегодня одной из важнейших ценностей переквалификацию и получение дополнительной профессии. А это явный крен на возможный выезд из села. Миграционные настроения сегодня в российском сельском учительском социуме очень серьезные: 28–32% учителей готовы уехать в любой момент, как только представится возможность.

Какие выводы? Во-первых, необходимо реанимировать сельское учительство России, и мы как гуманитарии должны быть в этом кровно заинтересованы и всячески содействовать улучшению положения сельской интеллигенции.

Во-вторых, в связи с проблемой сохранения духовных ценностей под натиском наступления глобальных ценностей я обращаю внимание только на одну очень характерную деталь. Принято считать, что с приходом демократического строя в России большинство населения, особенно интеллигенции, переняло так называемые новые ценности. Но вопреки всем гипотезам, опросы этого не подтвердили: 72% сельских учителей России сохраняют те ценности, которые у них были в прошлом, в том числе в советские годы, и только 17% — имеют новые ценности. Но прежде всего к вновь приобретенным относят ряд прав и свобод: на перемещение, получение дополнительной работы, добавочного заработка, независимость творчества и т. п. Это хорошие ценности, почему бы нет.

Несколько слов скажу о патриотизме как части национальной духовности. По результатам опросов, 52% сельского учительства испытывают до сих пор гордость за родную страну, хотя только 2% — полагают, что Россия стала демократической, и 12% — считают, что наша страна сегодня владеет передовыми технологиями.

Думаю, если 52% сельского учительства так или иначе заявили о том, что они при минимальной помощи готовы остаться жить и учить в деревнях и селах, то это уже очень хорошая база для уверенности в том, что мы не потеряем сельское учительство в ближайшие годы. И кроме того, одна любопытная деталь — отношение к армии. Вы знаете, мы были очень поражены, что среди сельских школьников готовность служить заняла второе место (впервые за последние 18 лет), но на первом месте, конечно, осталось желание уехать учиться в вузе.

В отношении пропаганды села избрана абсолютно неправильная тактика, точнее, налицо полное ее отсутствие. Исчезли практически все журналы, посвященные селу. За-

крыли и передачу «Сельский час», место которого заняли «два притопа, три прихлопа» на фоне рассказа о каких-то странных растениях, выращиваемых на вилле Березовского в Англии. Думаю, нашей вузовской гуманитарной интеллигенции стоило бы поставить вопрос перед общественностью о необходимости возвращения и «Сельского часа», и журналов и газет, посвященных сельским проблемам. В связи с чем вспоминается Андрей Болотов и его журнал под названием «Сельский житель». Понимаете, не сельский социум вообще, а «Сельский житель» интересовал блестящий просвещенный XVIII век.

Необходимо пересмотреть сложившуюся практику игнорирования сельских проблем и активизировать приток новых, свежих сил на периферии, потому что сельское учительство без поддержки гуманитарной вузовской интеллигенции не в состоянии решить многие свои проблемы.

Н. Д. НИКАНДРОВ

Мне пришлось бывать в очень дальних селах, и я видел полное подтверждение вышесказанному. Положение селян можно охарактеризовать одной очень серьезной фразой, сказанной в свое время Столыпиным: «Бедность — худшее из рабств».

Свобода — это величайшая человеческая ценность, но если свободы провозглашены, а экономической основы для их осуществления нет, то они немногого стоят.

Ю. Ф. КИРЮШИН

В своей практической деятельности я всегда предпочитал быть практиком, конкретным человеком. В 1997 году, когда я был избран ректором, оказалось, что воспитательная работа была у нас практически развалена. Студенты были предоставлены сами себе, а преподаватели бегали по разным «шарашкам», подрабатывая себе на жизнь. Потребовалось буквально года полтора-два, пока мы не навели порядок. Как? Просто создали преподавателям условия для совместительства, вернули институт кураторства и сделали воспитательную работу одной из главных в вузе. И дело сдвинулось с мертвой точки.

Я считаю, что никакая гуманитарная компонента в нашем образовательном стандарте никогда не повысит нам духовность, если мы не будем заниматься воспитанием этой духовности. Вот Николай Дмитриевич скажет, что наш эфир заполонила поп-музыка самой низкой пробы. Но ведь вкус-то надо прививать со школьной скамьи. У себя же в университете мы организовали на факультете искусств свой студенческий оркестр;

воссоздали капеллу, которая развалилась в 1990-е годы (сейчас у нас два состава капеллы); кроме того, на всех факультетах организовали театральные коллективы, самодеятельность и т. д. Но главное, мы сделали акцент на воспитание у студента сознания, что получение качественного гармоничного образования — это его будущее, хорошая возможность устроить свою жизнь и карьеру.

И сейчас отношение студентов к образованию резко изменилось к лучшему. Если раньше концерты оркестра и капеллы посещало очень небольшое количество студентов, то сейчас — большинство. Мы заключили договоры с театрами, покупаем через Лигу студентов билеты на лучшие спектакли, и студенты охотно заполняют залы целиком. Причем дискотека, имеющаяся при вузе, в конечном счете сама собой умерла, потому что не было желающих ходить на нее, — студентам стало некогда.

В целом у нас 17,5 тысячи студентов, в головном вузе где-то около 13 тысяч, и в прошлом году по зимней сессии было 1300 отличников, а в этом году — 1650. Так изменилось отношение к учебе.

Я глубоко убежден, что ни одна даже самая прекрасная книга, написанная ведущим ученым, не будет иметь того воспитательного значения, какой возможен, если он сам придет с этой книгой на лекцию или станет постоянно работать в качестве куратора группы студентов.

Мы часто говорим о том, что у нас происходит свертывание гуманитарного образования, а я абсолютно с этим не согласен. Например, у нас в университете из 16 факультетов — 12 гуманитарного профиля. За 5 лет мы открыли 36 новых специальностей, из них более 2/3 — гуманитарные. И конкурс на гуманитарные специальности у нас не падает, а наоборот, растет. Это говорит о том, что нам надо самим все-таки смотреть, какое гуманитарное образование мы даем, и заниматься именно воспитательной работой со студентами, развивая их духовность. Мы пнем на что угодно, только не на себя: мол, школы виноваты, получаем полуфабрикат, и в вузах тоже недодают. Так давайте изменим эту тенденцию. Понимаете, никто за нас ничего не изменит, и даже самое прекрасное постановление правительства не поможет.

Действительно, в сельской школе положение сложилось очень тяжелое. Но что конкретно делает университет для улучшения этой ситуации? С одной стороны, мы за два года переподготовили более 3,5 тысячи учителей в системе Интернет, и прежде всего —

по информатике. И сами сельские учителя с большим удовольствием ехали на переподготовку. С другой стороны, мы сейчас где-то в семи районах края открыли университетские лицеи и создали систему непрерывного образования, теперь это уже система колледжей. Одним из старейших является Михайловский лицей, который находится за 400 км от Барнаула, на границе с Казахстаном. Там каждый год около 85 учеников, из них более 90% поступают в вузы, причем не только Барнаула, Омска, Новосибирска, Новокузнецка, Кемерово, но и в столичные.

На сегодняшний день пять сельских учителей учатся у нас в аспирантуре, двое из них уже защитили кандидатские диссертации и будут преподавать в колледже. Это вот реальная возможность улучшить положение школьных учителей. Еще раз повторю, сколько бы мы не говорили, ситуация у нас не изменится, пока мы не научимся реально действовать сами и помогать другим.

Да, договор Болонского процесса подписали все европейские державы, но каждая страна оставила за собой право сохранить особенности национального образования, а мы почему-то об этом забываем. У нас все время в печати идут разговоры о том, что мы подписали этот договор для того, чтобы на Западе признавали наши дипломы. Но это лукавство: мы сами говорим, что идет огромная утечка мозгов, что многие западные страны охотно принимают выпускников наших вузов (правда, больше по техническим специальностям) и российские дипломы признают, только приезжайте. Главное все-таки в другом — надо сохранить особенности нашего образования.

Не знаю, обратили вы внимание или нет, но буквально перед тем, как наше правительство было отправлено в отставку, по субъектам Федерации Министерством по образованию было разослано письмо, где предлагалось комитетам по образованию субъектов Федерации обсудить вопрос, нельзя ли поручить колледжам готовить бакалавров. Вот это, на мой взгляд, самое страшное: если такое решение будет принято, то произойдет полное разрушение нашей системы высшего образования. Бывшие техникумы начнут готовить бакалавров, поскольку бывший министр Филиппов говорил, что диплом бакалавра приравнивается к диплому о высшем образовании, то вы понимаете, что это означает.

Это очень серьезный момент, и с этим действительно надо бороться всем нашим научным, преподавательским сообществам и отстаивать основные принципы высшей школы.

Ни для кого не секрет, что в различных вузах соотношение преподавателей и студентов совершенно разное. С 1998 года в большинстве вузов было введено новое соотношение: 10 студентов на одного преподавателя, а в МГУ и в ряде других ведущих вузов — сохранено прежнее: один преподаватель на четырех студентов. Это совершенно разные условия для подготовки специалистов. Здесь изначально заложена градация вузов внутри страны, а следовательно — определенная несправедливость в высшем образовании.

Мы также много говорим о введении ЕГЭ, но здесь тоже есть свои положительные и отрицательные моменты. Положительные моменты в чем? Ну, скажем, что у меня, как у ректора вуза, не болит голова, как там приняли экзамены: приехали лучшие, отобрал из них нужное количество студентов, и все.

Но как показала практика, в прошлом году резко возросло количество сельских ребят, поступивших в вузы по результатам ЕГЭ, однако это, скорее всего, не потому, что они более талантливые, чем городские дети, а в силу того, что условия сдачи экзаменов были настолько комфортными для них, что они показали более высокие результаты. В пользу этой версии говорит и тот факт, например, что самые высокие показатели по русскому языку были показаны у нас в северокавказских республиках, тогда как в другие времена сочинение на русском языке являлось для абитуриентов этого региона наибольшей проблемой.

Еще одной тревожной тенденцией является все увеличивающееся платное обучение. И наши городские школы очень увлекаются различными платными факультативами, они сокращают количество обязательных предметов, курсов, которые необходимы и которые изучаются в вузах, а добавляют этику, эстетику, латинский и какой-либо второй иностранный языки, — все, что можно втиснуть в дополнительный курс обучения и заставить родителей платить. Это очень тревожный момент, потому что с каждым годом общая подготовка выпускников школы падает. И если сейчас не вмешаться и не навести порядок, то мы с каждым годом будем иметь все более слабое качество подготовки наших абитуриентов.

Ю. В. СЕНЬКО

Мне хотелось бы вернуться к началу нашей дискуссии о гуманитарном образовании в духовном пространстве современной цивилизации. Я настаиваю на том, что у современной цивилизации духовного пространства

просто не существует. И одним из доказательств этого прискорбного факта является то, что в Законе РФ «Об образовании» нет слова «гуманитарный». Поэтому все, что мы делаем в рамках гуманитаризации, мы делаем против закона или, во всяком случае, не в его рамках.

Конечно, проблемы, связанные с гуманитаризацией, лежат гораздо глубже, потому что это проблемы сугубо цивилизационного подхода к образованию и в образовании. Мне думается, что цивилизация, если говорить о содержании образования, есть не что иное, как знание самодовольное, то, что наработано наукой, что человек должен усвоить, а потом использовать. А где есть такое самодовольство, там есть и самодостаточность, и давление науки, авторитета преподавателя и учителя. Еще Монтень в своих «Опытах» сказал замечательную фразу: «Авторитет учащего часто мешает желающему учиться». Однако М. В. Ломоносов говорил, что «науки затем изучать нужно, что они ум в порядок приводят».

Все образование выстраивается по некоей цивилизационной лестнице, где есть знающий, вперёдсмотрящий, и есть незнающий ученик, которые взаимодействуют. И если мы говорим о гуманитарной составляющей образования, тогда нужно учесть простое обстоятельство, что взаимодействуют не учитель и ученик, не преподаватель и студент (это только социальные функции, роли, маски), а реальные живые люди, которых образование свело друг с другом. Тогда выстраивается совершенно другая логика, и возникает необходимость выстраивания образования не на цивилизационных началах, то есть основываться не на наполнительной модели образования, а на культурологической.

Несколько лет назад Александр Невзоров — образованный, или, точнее, цивилизованный, человек — в передаче «600 секунд» показал репортаж, который он вел прямо с БТР. Еще бой гремит совсем рядом, шум вокруг и сумятица, а Невзоров лезет в ранец к бойцу, достает оттуда вяленое ухо и говорит, что каждый солдат, если он настоящий российский солдат, должен носить в своем ранце вяленое ухо чеченца... Невзоров — человек цивилизованный, но что касается его культуры и духовности — здесь очень большой вопрос.

Разумеется, вопрос о культуре — гораздо глубже, потому что цивилизация — это сила вещей, а культура — это связь людей, и последнее все-таки оказывается сильнее. Думаю, что разруха действительно не в клетках, а в наших головах, как говорил клас-

сик. И образование в той мере действительно образование, в какой оно гуманитарно, то есть обращено к другому. Образование — это встреча в осмысленном мире, иначе все остальное получается от лукавого.

Н. Д. НИКАНДРОВ

Мы обсуждали сегодня самые насущные проблемы, волнующие умы нашей интеллигенции, и прежде всего то, что нам всем как нации не хватает гуманитарной культуры, и это имеет очень серьезные последствия. Говорили также о том, что глобализация мешает нам решать разумно вопрос о сохранении национальных ценностей внутри общемирового и общечеловеческого духовного пространства. Как результат — появление так называемых

антиглобалистов, хулиганствующих субъектов, которые жгут машины, бьют витрины и т. д. Но ведь это социальное явление отражает устремления не только отдельных субъектов, но и значительной части общества.

Говорили мы и о том, что высокая культура должна получить большее место в наших средствах массовой информации, на радио и телевидении, а также о тяжелом экономическом положении в России и конечно же об образовании, о том, что оно очень многое может изменить в нашей жизни. И на макро-, и на микроуровне проблема недостаточного государственного финансирования системы образования очевидна. Все это действительно очень важные проблемы.

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ДУХОВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В. В. КРАЕВСКИЙ,

академик-секретарь Отделения философии образования и теоретической педагогики РАО,
доктор педагогических наук, профессор, действительный член РАО

РАВНОДУШИЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПАТОЛОГИЯ

Каждая эпоха помечает себя, делая «зарубку» в народном сознании в виде супер-популярной мелодии, прически, покроя одежды, характерных пословиц и поговорок. Начало XXI века у нас отмечено общенародным присловьем: «От меня ничего не зависит». Это ответ на все вызовы времени, на все проблемы: не зависит от меня стихия — потепление, похолодание, мороз и оттепель в природе и обществе, настроение начальства, его решения и т. д.

Мне довелось в одном не очень известном журнале прочитать статью «Жить без боли» об американской девочке, еще ребенке-семи-летке, пораженной уникальным недугом — она не чувствует боли. Казалось бы, жизнь в раю. Анестезиолог отдыхает. Можно удалять зубы, оперировать что угодно — пациент будет шутить и смеяться. На самом деле это тяжелейшая патология. Организм лишается обратной связи, не воспринимает сигналов опасности и может погибнуть, даже не заметив этого. Приходится с девочки глаз не спускать — в любую минуту она может получить тяжелую травму, несовместимую с жизнью.

Болезнь общества, не ощущающего боли, так же смертельно опасна для него. О бездушии чиновников говорится немало. Но вот новое — бессердечие простого человека, непроницаемость души для болевых сигналов. Моих коллег — мирных чеченских педагогов, возвращавшихся с конференции, хладнокровно расстреляли военные несколько часов спустя после задержания, отлично зная, что перед ними не бандиты, а учителя. И присяжные вынесли вердикт — не виновны, даже вопреки мнению государственного обвинения. Суд присяжных (по идее, глас народа), оправдывающий убийц и осуждающий невиновных, — не симптом ли это затухания естественного инстинкта социального самосохранения, атомизации общества? Награждение, присвоение степеней и званий не по уму и таланту, а по личным связям, очевидное для всех и не вызывающее протеста, — не издевательство ли над общественным благоустройством,

социальной и просто человеческой справедливостью?

Пример попроще. Попробуйте задать простенький вопрос, например, в транспорте: «Выходите ли на следующей остановке?» Почти наверняка ответа не получите, в лучшем случае еле заметный кивок головы. Не хотят люди общаться. Но ведь общество без общения невозможно по определению.

Могут сказать, что позиция «не высывайся» стара, как мир. Раньше называли ее обывательской. Предоставим слово настоящим экспертам по проблеме — жертвам репрессий. Писатель Бруно Ясенский, сгинувший в ГУЛАГе: «Бойтесь равнодушных!» Немецкий пастор-протестант, долгие годы проведенный в концлагере: «Когда громили евреев, я за них не заступился, потому что я не еврей. Когда принялись за социалистов, я тоже промолчал, потому что я не социалист. За католиков я тоже не заступился, потому что я не католик. Когда подошла моя очередь, заступиться за меня было уже некому».

Видно без особого анализа, что ареал равнодушия опасно расширился. И вот уже интеллигент проходит мимо глупости, несправедливости и прямого надругательства над человеком, показывая этим, что он не интеллигент.

Вряд ли нужно продолжать. Понятно, о чем речь. Более или менее известны и причины. Их много, но я попробую рассмотреть только то, что относится к моей профессии — педагогической. Из двух знаменитых русских вопросов остановлюсь на втором: что делать?

Реформирование образования, которое теперь называется модернизацией, идет перманентно. Уже забывается время, когда оно началось. Может быть, и не начиналось, а было всегда. Скорее всего, так оно и есть. Образование по своей природе стремится обогнать действительность, строит идеалы, воздушные замки и на этом проигрывает, отрывается, как говорят, от жизни. Академики хотят, чтобы школьники знали науки так

же, как они сами, и не замечают разницы между собой и учениками.

Вот замечания Комиссии РАН по поводу того, что написано в подготовленном в 2002 году проекте Федерального компонента стандарта общего образования¹. Не удовлетворил академиков этот проект. Но и поистине мудро было бы сделать так, чтобы все были довольны. Пока педагоги сетовали на перегрузку, которая, вопреки стараниям разработчиков, в какой-то степени явила себя в полученных к тому времени образовательных стандартах, академические математики «вступились за свою дисциплину: часы, отведенные на обучение математике, сокращаются, упрощается ее преподавание»². Это же касается и других естественно-научных дисциплин.

Наступаем на те же грабли. Еще в 1970-х годах в печати указывалось, что школьные программы и учебники, разработанные группой специалистов, не соответствуют целям общего среднего образования и реальным условиям обучения, а если говорить более точно — сильно расходятся с ними.

Не будем повторять то, с чего начали: неправда, что «от меня ничего не зависит». Зависит, и в очень большой степени. Многие решают деятели образования. По определению, образование это не что иное, как приобщение подрастающих людей к культуре. Культура — зримое воплощение цивилизации. Это средство выживания человечества. Неполнота, ущербность содержания образования — одна из причин отчужденности, равнодушия к происходящему, касающемуся каждого человека, которое нельзя не заметить в нашей жизни.

Мне приходилось уже в этом замечательном университете говорить о необходимости воспитания интеллигентности как качества личности, без которого нельзя одолеть социальную патологию, корни которой — в индивидуальном, психологическом. Многие было сказано и написано о культурологической концепции содержания образования, которая ориентирует педагогическую практику на воспитание культурного человека. Культурного, интеллигентного — значит неравнодушного. Недостаточно констатировать, что равнодушные, то есть ущербность эмоционально-ценностных отношений, перерастает рамки отдельной личности и становится бедой общества. Главное — как с этим бороться?

¹ Олег Лезин. Компонент и оппоненты: Российскую академию наук не удовлетворил проект Федерального компонента государственного стандарта общего образования // Поиск. 2002, 29 ноября.

² Там же.

В поисках ответа приходится обратиться к старым истинам, с которыми не надо бы спорить. Но фактически спор идет, и верх в нем одерживает, казалось бы, изжившая себя позиция, плохо совместимая с тем, что недавно еще казалось бесспорным. Речь идет о реставрации приоритета естественно-научного образования по отношению к гуманитарному. Как нельзя более своевременно напоминание о первостепенном значении именно гуманитарного образования. И если уж говорить о традициях России, не противопоставляющих нашу страну и школу остальному миру, а включающих их в мировой цивилизационный процесс, то уместно обратиться к классической российской педагогике и вспомнить, что говорил по поводу гуманитарного (или, как он его назвал, гуманного) образования К. Д. Ушинский.

Отвергая пренебрежительное отношение к гуманитарному знанию и задачам общего гуманного развития современного человека, Ушинский неоднократно весьма саркастически высказывался о культе математики в российской школе того времени. Он отмечал, что «нередко с глубоким знанием математики уживаются в голове самые дикие, уродливые фантазии и упорнейшие, ограниченнейшие предрассудки»³, что «исключительное занятие математикой кладет иногда особенно вредный в жизни отпечаток на человека, сообщает его мыслям именно эту математическую прямолинейность, делает его взгляды на жизнь односторонними, придает им какую-то особенную сухость и безжизненность»⁴.

Этот технократически-математический крен в образовании имеет очевидные отрицательные последствия в реальной жизни. «Недостаток общего гуманного образования, — писал Ушинский, — недостаток знакомства с специальными общественными науками и преобладание математического и технического направления составляют, без сомнения, одну не из последних причин замечательного бессилия и бесплодия нашей администрации, которая, несмотря на свою громадность, математическую рассчитанность и вечное движение своих бесчисленных колес, дает так мало положительных результатов»⁵.

Этим словам около полутора столетия. Безжалостный XX век, казалось бы, показал

³ Ушинский К. Д. Педагогические сочинения Н. И. Пирогова // К. Д. Ушинский. Проблемы педагогики. М., 2002. С. 265.

⁴ Ушинский К. Д. Письма о воспитании наследника престола // К. Д. Ушинский. Проблемы педагогики. М., 2002. С. 147.

⁵ Там же. С. 148, 109.

губительность интеллекта без чувства, бездну жестокости, затягивающую человека, лишённого гуманитарного и, стало быть, гуманного стержня. Опыт минувшего столетия показал, как тонок культурный слой — не только в геологических раскопках, но и в отдельном человеке. Если бы нашёлся в начале XIX века человек, который предсказал бы, что в середине XX века в центре Европы будут действовать фабрики по ликвидации людей, а миллионы невинных будут замучены и уничтожены в мирное время с соблюдением наработанных человечеством юридических формальностей — такого провидца, скорее всего, ждал бы сумасшедший дом. Разумеется, не математика виновата. Но если «чувства добрые» оставить за дверями школы, заботиться лишь о том, чтобы не расплескать ни капли драгоценного научного напитка, который мы несем в школу, — это означает близорукость, непростительную в нашу эпоху. Между тем, попытки обуздать обучение самой жизни за счет сохранения и увеличения всего объема математики и других специальных наук ни к чему хорошему не могут привести.

Необыкновенно живучим оказалось сциентистское представление о содержании образования, сводящее последнее к основам наук. Эта концепция направлена на приобщение школьников к науке и производству, но не к полноценной самостоятельной жизни в открытом обществе. Фактически человек выступает здесь в ряду средств производства как «производительная сила». Такое представление о целях и содержании образования было заложено в постановлениях ЦК ВКП(б) о школе, принятых в 1930-х годах.

Сциентизм абсолютизирует роль науки в системе культуры человеческого общества. При этом наивысшей ценностью считаются стиль и общие методы построения знания, свойственные естественным и точным наукам, которые рассматриваются в качестве образца научного знания вообще.

Как это нередко случается, проясняет ситуацию обращение к древней мудрости. Наши далекие предки на латыни выразили мысль, вполне актуальную и в эпоху сплошной информатизации и компьютеризации: *Non ad scholam, sed ad vitam discimus* («Мы учимся не для школы, а для жизни»).

Хотелось бы аккуратно и сбалансировано уложить то, чем мы руководствуемся в подготовке молодежи к жизни, в стройную систему. Но не получается. Борются два гиганта — гуманизация и информатизация. Информация и информатизация — одно из средств благоустройства человечества, а не наоборот. Ин-

форматизация для человека, а не человек для информатизации. Хорошо бы и содержание образования выстраивать соответственно.

Не думаю, что скажу нечто чересчур оригинальное, если напомним, чем должно руководствоваться то образование, которое Ушинский называл гуманным.

Главный принцип образования — его *гуманистическая ориентация*. Он предполагает направленность образовательного процесса на возможно полное развитие тех способностей личности, которые нужны и ей, и обществу, приобщение к активному участию в жизни, соединение бытия индивидуального человека с культурой. При этом важной характеристикой образовательного процесса будет доброжелательное отношение друг к другу его участников, уважение к личности. Этот принцип — основной и системообразующий. В сущности, все разделы педагогики раскрывают и конкретизируют способы его реализации.

Другим общим для всего образовательного процесса является *принцип информатизации образования*, которая представляет собой часть процесса информатизации современного общества. Наша эпоха характеризуется «информационным взрывом», под которым понимают резкое возрастание количества информации — научной, технической, культурной.

Без информатизации сферы образования отставание экономики страны будет складываться еще в средней и высшей школе. Однако при всей важности принципа информатизации он не должен вступать в противоречие с главным направлением — *гуманизацией образования*, имеющим *абсолютный приоритет*. Информатизация не должна вести к сокращению возможностей простого человеческого общения за счет увеличения доли и роли обезличенной информации в школьной жизни детей. К чему может привести уход от живого общения в мир виртуальной реальности, говорит один шестиклассник в бесхитростных стихах:

Наверно, каждый из ребят
Имеет милую игрушку...
А я люблю уже давно
Играть с компьютером бесшумным.
И мне не нужно ничего,
А лишь общаться с другом умным...
Я так люблю свою «игрушку»,
Не променяю ни на что.
Она поможет в жизни трудной
Мне разобраться «кто есть кто».

Это, конечно, мечты ранней юности, не более. Разобраться в жизненных ситуациях по-

может живой, доброжелательный и умный друг, а не хитроумная машина. А вот то, что юному автору «не нужно ничего», кроме компьютера, должно быть для педагога сигналом — занимаясь информатизацией, не забывать о человеке.

Но есть нечто еще более органичное, чем культура, на чем, в конечном счете, она и основывается. Это удививший Канта «нравственный закон внутри нас», который заложен генетически как социальный механизм самозащиты человеческого вида. У человека нет врожденных физиологических механизмов самозащиты, выживания человечества, и остается опора на механизм социальный. Он воплощается в разных формах и сохраняется примерно в одном и том же виде в разных исторических памятниках и документах, от библейских заповедей до «Кодекса строителя коммунизма»: «Не убий», «Не укради» и дальше по тексту.

Как сделать, чтобы каждый человек ощущал этот механизм как нечто лично значимое для него? Один из возможных путей может быть таким. Нужно показать человеку, что бороться с индивидуализмом трудно. На наших глазах атомизируется общество, которое столько лет обучали коллективизму. Значит, это свойственно человеческой природе. Выход в том, чтобы сделать такие человеческие качества, как честность и совесть, честь и достоинство *лично значимыми*. Иными словами — показать, что нечестным быть невыгодно. Мы сейчас живем в эпоху «дикого капитализ-

ма», который основан на незамысловатой модели поведения: схватил кусок — и бежать. Надо, чтобы человек понял, что, поступая так, он навредит себе, то есть один кусок возьмет, а другой уже не сможет, потому что ему больше не будут доверять. В устроенном рыночном хозяйстве многое держится на честном слове, и вовсе не потому, что там все внутренне хорошо. Невыгодно быть нечестным. В следующий раз тебе не поверят, поэтому приходится вести себя соответственно. Может быть, это и есть начало пути в приобщении отдельного человека к высшим ценностям.

В заключение скажу, что в школе и в жизни невозможно безнаказанно игнорировать личностное, эмоционально-ценностное отношение к миру и к другим людям. Сочувствие, сострадание — это совместное чувство, совместное страдание. Отсутствие этих чувств — болезнь. Ее симптомы — ущербность воображения, невозможность поставить себя на место другого. Это патология, ненормальность. Но болезнь пройдет, а здоровье останется. Через столетия звучат пронзительные строки, которыми начал свое знаменитое «Путешествие...» первый русский интеллигент Радищев: «Душа моя уязвлена страданиями человеческими стала».

Лучший способ помянуть человека, который воистину сочувствовал и сострадал, — Дмитрия Сергеевича Лихачева — это не только словами, но и делом помочь тем, кто заблудился, вернуть себе сполна и жизнь, и слезы, и любовь.

А. С. КОНДРАТЬЕВ,

доктор физико-математических наук, профессор, академик РАО, Заслуженный работник высшей школы РФ

О НАСЛЕДИИ Д. С. ЛИХАЧЕВА В ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Современное естествознание, и в частности физика как наиболее развитая в методологическом отношении его часть, представляет собой один из самых важных компонентов общечеловеческой культуры, характеризующих как уровень развития цивилизации, так и интеллектуальный потенциал общества, степень понимания основ мироздания. Здесь тесно переплетаются как представления о содержании этого компонента культуры, так и представления о культурных нормах действующих лиц-создателей этого компонента. Говоря о признаках культурного человека, Д. С. Лихачев отличал, что, прежде всего, культурный человек не агрессивен.

Это свойство человеческой личности приобретает особый смысл, когда речь идет о ду-

шевных качествах и принципиальных позициях ученых-исследователей, добывающих крупницы нового знания, из которых складывается все здание современной науки. И в первую очередь это относится к нравственной позиции ученого по отношению к делу своей жизни — области знания, которой он занимается.

Как справедливо отмечает С. В. Кежк, среди особых требований к науке и современной системе образования на первое место выступает «создание основы ценностей под девизом: терпимость и этика ответственности»¹.

¹ Кежк Р. В. Перспективы развития школьного образования на пути в XXI век // Образование в условиях формирования нового типа культуры. СПб., 2003. С. 54.

Хотелось бы конкретизировать — терпимость к другому мнению и этика ответственности за собственные действия.

Созвучие этого девиза тезису Д. С. Лихачева не вызывает никаких сомнений. Именно отсутствие терпимости и этики ответственности за свои действия проявились в агрессивности власть предержащих и, к сожалению, ряда ученых, по отношению к инакомыслию в научных исследованиях. Это откликнулось огромным отставанием отечественной науки в середине XX века в таких областях, как генетика, кибернетика и т. д. Отставанием, за которое в полной мере приходится расплачиваться вплоть до настоящего времени и которое привело на определенном этапе к засилью лысенковщины и ряда других лженаук.

Но есть и вторая, не менее значимая, хотя и не столь очевидная сторона этой медали, связанная именно с этикой ответственности деятелей науки. Речь идет о беспрецедентном событии в истории науки, связанном с крушением концепции лапласовского детерминизма в классической механике. На протяжении трех веков длилось заблуждение самых выдающихся ученых относительно сферы применимости и значения основного положения той самой области, в которой они работали: детерминизм, казавшийся символом научного познания, в настоящее время сведен до положения частного свойства, справедливого только в ограниченном круге ситуаций.

Положение здесь ярко иллюстрируется заявлением президента международного союза теоретической и прикладной механики Дж. Лайтхилла, сделанным им в 1986 году: «Мы все глубоко сознаем сегодня, что энтузиазм наших предшественников по поводу великолепных достижений ньютоновской механики побудил их к обобщениям в этой области предсказуемости, в которые до 1960 года мы все охотно верили, но которые, как мы теперь понимаем, были ложными. Нас не покидает коллективное желание признать свою вину за то, что мы вводили в заблуждение широкие круги образованных людей, распространяя идеи о детерминизме систем, удовлетворяющих законам движения Ньютона, — идеи, которые, как выяснилось после 1960 года, оказались неправильными»¹.

Здесь сошлось воедино все — и неоправданная терпимость (и слепое доверие) к мнению великих предшественников, и отсутствие

этики ответственности за собственную позицию, что часто оборачивалось агрессивностью по отношению к другому мнению, попирающему, казалось бы, нерушимые основы. Достаточно только вспомнить, что еще в 1950-е годы сомнения в неизбежности положения о лапласовском детерминизме высказывались В. А. Фоком.

С не менее выразительной ситуацией мы сталкиваемся в настоящее время. Эта ситуация связана с широким внедрением новой методологии научного исследования — математического моделирования во все сферы исследовательской деятельности. Математическое моделирование рассматривается сейчас как универсальная методология, основной инструмент математизации научного прогресса. Само математическое моделирование развилось и оформилось в научную систему получения новых знаний в процессе закрытых исследований по созданию современного оружия и средств его доставки, выполненных во второй половине XX века, главным образом, в СССР и США. Именно в процессе этих исследований оформились как научные понятия и получили смысл многие фундаментальные характеристики математических моделей реальных явлений: универсальность, иерархичность, адекватность, оснащенность и другие, которые в своей совокупности обозначили рождение новой методологии поиска научной истины.

Рождение этой новой области, произошедшее в глубинных «недрах» взаимоотношений между математикой и физикой (и, вообще, естествознанием в более широком плане) заставило по-новому взглянуть на эту извечную проблему и вызвало резкую дискуссию о преподавании математики на разных уровнях. По мнению выдающегося математика современности В. И. Арнольда, выхолощенное и формализованное преподавание математики сделалось, к несчастью, системой. Выросли целые поколения профессиональных математиков, не представляющих себе возможности какого-либо другого способа преподавания. Между тем, «математика является экспериментальной наукой — частью теоретической физики и членом семейства естественных наук. Основные принципы построения и преподавания всех этих наук применимы и к математике <...>. Умение составлять адекватные математические модели реальных ситуаций должно составлять неотъемлемую часть математического образования»². Сюда непосредственно примыкает мнение известного

¹ *Lighthill J. The Recently Recognized Failure of Predictability in Newtonian Dynamics // Proceedings of the Royal Society. 1986. P. 38.*

² *Арнольд В. И. «Жесткие» и «мягкие» математические модели. М., 2000. С. 28.*

специалиста по математическому моделированию В. П. Маслова: «...на самом деле современная математика и физика — это просто одна и та же наука. Вовсе не много-много разных наук, как часто думают, а — с достаточно глубокой физико-математической точки зрения — просто одна и та же наука»¹.

На опасность увлечения формальным алгоритмическим способом мышления в математике указывает и Н. Н. Красовский: «Однако на пути к истине располагается барьер,

отделяющий познанное от непознанного, и там, за этим барьером, нас может встретить неожиданное. Оно потому и непознанное, потому и неожиданное, что не укладывается в привычные формы мышления»².

В эпоху происходящего в острых дискуссиях становления и утверждения новых принципов образования уместно было бы помнить о заветах Д. С. Лихачева, следовать его этическим нормам в практической деятельности.

Ю. В. СЕНЬКО,

ректор Алтайского государственного университета, заведующий кафедрой педагогики, академик РАО

ГУМАНИТАРНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ДИАЛОГЕ

Диалог в «большом времени», диалог культур, роль которого Д. С. Лихачев полагал определяющей в саморазвитии культурной системы, конкретизируется в реальной образовательной практике в диалоге «малого времени». Здесь его участниками выступают:

— культура студента, в том числе его жизненный опыт;

— культура преподавателя, в том числе его профессиональный опыт;

— «ставшая» культура (социальный опыт) — часть общественно исторического опыта, изоморфная и зафиксированная в проектах содержания образования (стандарт образования, учебный план, учебная программа, учебные пособия и др.).

Это действительно пока еще проекты, которым в ходе обучения и воспитания предстоит встреча с культурами непосредственных участников педагогического процесса. В этой встрече обязательно произойдут изменения в содержании образования — его обретения и потери. Оно будет преобразовано конкретным учеником и учителем в содержание обучения, которое включает в свой состав культуру непосредственных участников обучения. Ведь усваивать — это, по И. М. Сеченову, сливать продукты чужого общественно-исторического опыта с показаниями собственного.

Очевидно, что содержание образования не тождественно содержанию обучения. Содержание образования стандартно, анонимно, всеобщее, статично, внелично, получено кем-то и когда-то («личность притаилась, погибла в параболе» — А. И. Герцен). Содержание же обучения лично, интимно, не

тиражируемо, разворачивается «здесь и сейчас», на данном учебном занятии, именно этим преподавателем и студентами.

Если содержание образования дано, то содержание обучения задано самими участниками процесса обучения в ходе этого процесса. Иными словами, до начала процесса обучения его содержания еще не было. Что будет вычерпано из содержания образования, и что будет внесено в это содержание учителем и учащимся, как причудливо это будет переплавлено в их образах, действиях, мыслях, чувствах, что из «мертвого», чужого знания станет знанием «живым» (В. П. Зинченко), родным, насущным, пристрастным — вопрос всегда открытый.

Содержание образования представлено в педагогическом процессе текстами культуры. Однако не всякий текст культуры становится текстом образовательным. Образовательным этот текст станет для конкретного ученика при условии, что перед ним не безличное вещное сообщение, а духовное послание автора текста, который ожидает встречи со своим читателем-учеником. Содержание образования — это «горизонт ожидания» (Х.-Г. Гадамер), точка возможного пересечения мира текста и миров учащего и учащегося.

Понимающий контекст — результат деятельности преподавателя и студента, отражающий сложное диалогическое взаимодействие своего и чужого опыта, слова и действия, мысли и чувства на разных уровнях осмысления. Он предполагает создание «встречных» текстов, поиск собственных смыслов, корректирует дидактический контекст.

¹ Интервью с академиком В. П. Масловым // Квант. 1988. № 5. С. 14.

² Красовский Н. Н. Математика как элемент гуманитарного образования // Образование в условиях формирования нового типа культуры. СПб., 2003. С. 89.

Понимание текста «ставшей» культуры предполагает внутреннюю работу ученика, соединенную с «даром» текста. В сознании учащегося осуществляется работа со смыслом и временем, та, о которой говорил св. Августин: «Текст тонет в памяти читателя и зовет к продуктивному воображению». К продуктивному воображению зовет студента и «дар» хорошего преподавателя. Как посредник между миром культуры и миром ученика хороший педагог разыгрывает институционализованное знание, персонифицирует его и оформляет жизненным контекстом. Это способствует узнаванию, как утверждает В. П. Зинченко, завершая свою краткую характеристику хорошего педагога. Узнаванию учеником собственного знания в знании институционализованном.

Чтобы обеспечить понимание, то есть превращение чужого в свое-чужое, преподавателю необходимо раскрыть не только значение того или иного элемента содержания образования, но и его смысл в контексте и в связи с другими элементами социального опыта — знаниями, умениями, навыками, опытом творческой деятельности, опытом эмоционально-ценностных отношений (И. Я. Лернер, В. В. Краевский). Контекстуальные же смыслы существуют лишь в сфере субъект-субъектных отношений, то есть в диалоге. Диалог и понимание — вот что сегодня, как никогда, насущно современной школе.

Вместе с тем образовательные возможности текста как гуманитарного феномена остаются далеко не выявленными. По-видимому, дополнение существующей практики объяснения диалогическим по своей природе пониманием позволит сделать потенциальные возможности исходного текста «реальными

учебными возможностями». При этом понимание как постижение смысла при взаимодействии культур — участниц процесса обучения с необходимостью требует выявления и «удержания» барьеров понимания, поскольку «дельта понимания-непонимания» фиксирует точки роста и развития человека и культуры, определяет движущие силы диалогически организованного процесса обучения.

Путь преодоления барьеров понимания вербальных и невербальных текстов — погружение их в широкий диалогический контекст, включающий «частные» контексты. Движение по этому пути предполагает создание участниками процесса обучения «встречных» текстов различного уровня и использование для них различных языков. Педагогическая функция текста и языков его выражения состоит в организации поиска смыслов и их осуществлении.

Образование по природе своей диалогично. Действительно, участвовать в этом процессе — значит не «отбывать» его, а «проживать» в нем свою жизнь. Проживать, как сказал бы М. М. Бахтин, глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками.

Краткие выводы:

— диалог — онтологическое основание образования. Он не сюжет, не фрагмент образовательной практики. В отличие от той или иной образовательной ситуации, диалог не начинается и не кончается вместе с ней, поскольку «всесюжетен»;

— образование действительно в той мере, в какой оно диалогично, то есть в той мере, в какой оно обращено к духовному опыту непосредственных его участников. Именно это обращение и придает образованию гуманитарную определенность.

А. А. ОВОДЕНКО,

ректор Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,
доктор технических наук, профессор;

И. П. ПАВЛОВА,

декан гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения, профессор

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ВУЗЕ

Сегодня нет необходимости доказывать значимость гуманитарного образования. Бесспорно, оно является важнейшей составляющей в духовном пространстве современной цивилизации.

В Государственном университете аэрокосмического приборостроения (ГУАП) препода-

ванию гуманитарных и социально-экономических дисциплин уделяется большое внимание. Функционирует гуманитарный факультет и Ученый совет гуманитарного факультета (членом которого является один из проректоров вуза). Факультет объединяет кафедры экономической теории и истории, философии, те-

ории и истории культуры, иностранных языков, что позволяет планировать необходимую структуру гуманитарного образования, осуществлять взаимодействие кафедр, согласование программ. Регулярно заслушиваются отчеты декана на ректорате и Ученом совете вуза, где оцениваются результаты работы, ставятся новые задачи, планируется необходимая помощь. Практикуются выступления ректора перед преподавателями. Гуманитарный факультет участвует в создании внутри-вузовской системы управления качеством образования. Регулярно осуществляются комплексные проверки знаний по циклу гуманитарных и социальных дисциплин. В этих целях разработаны соответствующие фонды тестовых заданий. В связи с развитием Болонского процесса этому вопросу уделено особое внимание, в том числе для внедрения рейтинговой системы оценки знаний студентов.

Большое внимание уделяется комплектованию библиотеки учебной, учебно-методической и научно-методической литературой. Для этого выделяются существенные финансовые средства. Большим спросом со стороны студентов пользуются учебные пособия, написанные преподавателями вуза.

Преподаватели гуманитарных и социально-экономических дисциплин участвуют в работе факультета повышения квалификации, функционирующем в вузе и осуществляющем дополнительное и послевузовское образование.

Ежегодно проводятся студенческие научные, в том числе межвузовские, конференции, на которых обсуждаются современные социально-экономические проблемы России, издаются материалы конференций.

В то же время к числу важнейших проблем гуманитаризации образования относятся следующие:

— сокращение в вузах различного профиля (особенно негуманитарных) реальной педагогической нагрузки по циклу «Общие гуманитарные и социально-экономические дисциплины» и, как результат, снижение значимости этих дисциплин в подготовке специалистов высшей квалификации;

— недостаточное финансирование вузов, которое привело к неудовлетворительному кадровому обеспечению преподавателями (не только гуманитарных дисциплин), нехватке

штатных преподавателей высокой квалификации, отсутствию интереса молодежи среди выпускников гуманитарных вузов к педагогической карьере, слабым возможностям повышения квалификации профессорско-преподавательского состава;

— отсутствие концептуального осмысления принципов и механизмов реализации ответственности и непрерывности гуманитарного и социально-экономического образования на его различных ступенях (начальное, среднее, высшее и послевузовское);

— низкий уровень подготовки школьников, которым в школьных программах в ущерб гуманитарным дисциплинам дается большое количество других, якобы нацеленных на профориентацию. Отсюда — безграмотность с точки зрения русского языка, весьма слабые знания по истории, математике, иностранным языкам. В условиях сокращения в вузах аудиторных часов это ставит перед преподавателями зачастую неразрешимые проблемы;

— существенные недостатки Государственных образовательных стандартов (ГОС), в частности структура установленных ими дисциплин, не всегда отвечает сущности того или иного направления или будущей специальности. Так, в ГОСах по сервису — в целом гуманитарной специальности — предусмотрены такие дисциплины, как химия, физика, материаловедение и тому подобные, что существенно сокращает возможности гуманитарного и социально-экономического образования. Совершенно не понятно, почему из обязательных дисциплин исключена экономика — это в наше-то время трансформации российской экономики! Сама содержательная часть предполагаемых ГОСами дисциплин имеет противоречия, логические нестыковки, дублирование.

Имеются проблемы и в области повышения квалификации. В частности, увеличение нагрузки профессорско-преподавательского состава снижает возможности кафедр отпускать преподавателей в институты повышения квалификации. К тому же, зачастую программы этих институтов не отвечают современным нуждам.

Все это требует модернизации системы образования в целом, в том числе гуманитарного и социально-экономического.

Г. В. МУХАМЕТЗЯНОВА,

директор Института среднего профессионального образования РАО,
доктор педагогических наук, профессор, академик РАО;

Р. И. ЗИНУРОВА,

кандидат педагогических наук

ОБРАЗОВАНИЕ КАК КУЛЬТУРА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Дискуссии о состоянии и перспективах образования в России основаны на базовых парадигмах, определяющих понимание проблемы научным сообществом.

Для первой парадигмы ключевым словом оказывается «востребованность», для второй — «развитие». В первом случае речь идет, прежде всего, об образовании в контексте потребности общества в квалифицированных работниках, способных решать предлагаемые стремительным усложнением «второй среды» задачи. Во втором случае — о качественном росте индивидуального сознания (как правило, понимаемого не только в аспекте когнитивных способностей, но и шире, вплоть до анализа воздействия образовательных процессов на системы метаценностей).

Взаимодействие, в определенной степени пересечение этих парадигм, происходит на основе фиксации значимости развивающего начала в образовании для его инструментальной эффективности. При этом подчеркивается высокий темп устаревания знаний (в сфере компьютеризации, например, востребованной отнюдь не уникальные, а массовые профессии, «процесс полураспада» знаний, действительно, занимает два-три года). Этим предполагается формирование навыков непрерывного повышения квалификации, самостоятельности в обращении к соответствующим ресурсам, что в свою очередь диктует вытеснение репродуктивных форм освоения знаний творческими, и следовательно, ориентацию образования в целом на поддержку процесса формирования творческой личности.

Основу кризиса образования составляют так называемые цивилизационные разрывы между:

- ориентацией образования на передачу учащимся как можно большего объема производимого знания и физической невозможностью усвоения этой лавины знания;

- традиционным «поддерживающим» классическим образованием, рассчитанным на относительную стабильность общества и постепенность протекания социальных процессов, и все более динамично и сложно развивающимся нетрадиционным и новотрадиционным социальным миром;

- культурно-национальной спецификой образовательных систем и потребностью со-

временного технологического мира в единых стандартах образования;

- повернутостью образования все еще в прошлое, а не в настоящее и будущее (то есть на усвоение готового знания, а не на обучение решению проблем).

Можно констатировать, что ресурсы традиционных, классических подходов исчерпаны, и непродуктивность их проявляется в:

- устоявшихся постулатах об основных факторах и условиях развития личности. На этих постулатах строятся в основном рефлексологические, стимульно-реактивные модели человека. В них нет места саморазвитию, самодетальности, самоосуществлению, самостоятельству человека;

- проникновении технократических подходов в психологию и педагогику. Экспансия технократизма наблюдается как на теоретическом, так и на праксеологическом уровне;

- возможностях понятийно-терминологического аппарата нормативной педагогики адекватно отражать новый современный уровень сложности (системности) педагогической реальности;

- «застывших» формах и методах организации обучения и воспитания в образовательных учреждениях, сформировавшихся еще в рамках традиционного (по классификации ЮНЕСКО — «поддерживающего») обучения.

Одним словом, разрыв пошел между старой информационной моделью образования и необходимостью новой креативной модели. Остановимся на них более подробно.

Информационная модель построена на изучении различных «историй»: философии, науки, культуры, религии и т. д. Это хорошо, но недостаточно сегодня. Негативными здесь являются следующие моменты:

- застревание и остановка на прошлом вместо продвижения в настоящее и будущее, хотя бы на один шаг;

- восхищение авторитетами, а не тем, что они открыли;

- монологически проповедническая передача знаний от старшего поколения к младшему, в результате которой студенты, владея информацией о философии, не умеют видеть в окружающей их жизни (а не в работах классиков) проблемные ситуации, грамотно задавать вопросы, формулировать

проблемы и, тем более, самостоятельно решать их.

Таким образом, они что-то знают, но не могут применить это на практике. Еще Декарт утверждал, что недостаточно иметь хороший ум, очень важно применить его.

Креативная модель образования включает в себя: проблемоцентричность; диалогичность; дискуссионность; технологичность. Однако данная модель формирует творческих, предприимчивых, толковых людей, но нередко циничных и опасных своей циничностью, бездушностью, бездуховностью.

Способность конструировать ненужное, негативное становится опасной, поэтому сегодня фиксируется еще один разрыв: между креативной моделью и необходимостью воспитывать и обучать духовно развитых людей.

Выход из обозначенных проблем возможен в создании образования на основе не только познающей, но и понимающей парадигмы. Во всяком случае, есть еще научный и педагогический потенциал, полностью не утрачен престиж и ценность образования. И если говорить о перспективе следующей модели, то, на наш взгляд, это будет духовная модель образования, которая соединит все ценное и отсеет слабые и негативные стороны предыдущих моделей.

Образование в современном обществе обретает новое, культуроцентрирующее качество. Главными его характеристиками становятся:

— самоценность, обусловленная информационной основой постиндустриального общества;

— все большее возрастание роли школы как транслятора фундаментальной культуры, усиления формирования «человека культуры» и жизни «человека в культуре», дальнейшего синтеза культуры и образования; возрастание регулятивной функции образования в культуре, определяющей целостное мировоззрение людей и соответственно их мироотношение и мироизменение;

— формирование новых систем нравственных ценностей, обеспечивающих преодоление отчуждения человека от природы, социума;

— формирование процессов воспроизводства качества образования «через культуру», создание корпоративной культуры образовательных учреждений, которые признают и исповедуют их выпускники; формирование традиций и имиджа школ, утверждаемых и пропагандируемых их выпускниками в обществе; формирование корпораций выпускников, преподавателей и родителей, создающих свою особую «ауру» учебного заведения в социуме.

Можно систематизировать несколько основных принципов, которые и составляют методологию высшего образования.

На современном этапе меняется соотношение ролей, которые преподаватели и студенты играют как партнеры в становлении гражданского общества, индивидуализации обучения, виртуальной культуры. Педагог в идеальном случае выступает по отношению к ученику вначале как антрополог, как социальный работник, и лишь затем играет роль социального менеджера в жизни молодого человека, оказывая ненавязчивое влияние на изменение ценностных мотиваций, поиск личностных ресурсов. Это обычно шифруется в отечественной дискуссии как сфера «преподаватель — студент».

Дальнейшее изменение глобальных целей образования требует трансформирования и сферы административного управления, отношения к персоналу, понимания стратифицированности и социального здоровья контингента вузов, делового климата, научного потенциала высшей школы, изучения адаптации выпускников. Отношения преподавателя и студента утрачивают характер принуждения, переходя к сотрудничеству, взаимопомощи. Институт образования реализует молодежную политику на индивидуальном и групповом уровне приоритетным осуществлением интервенции в молодежные субкультуры.

Самое первое требование относится к связи научной дисциплины с ее инструментальным исследованием, к необходимости отойти от традиционной логики, ознакомиться с практикой продвинутых отечественных и зарубежных вузов, артикулировать обновление курсов, иначе преподаватель и его ученики останутся за рамками мирового уровня. Современная технология образования предполагает диалог, дискуссию, то есть разговор друг с другом. Это — конструирование друг друга, нужна многоаспектная мотивация преподавателя, в итоге решается проблема присоединения, воссоединения, партнерства. Не повышение квалификации важно для преподавателя, а обмен опытом, включение в учебный процесс другого вуза, другого профессора, то есть мобильность.

Стратегией изменения перегруженных учебных планов является увеличение часов на самостоятельную работу, студенты должны жить не от лекции к лекции, а от эссе к эссе. Они не должны учиться все на свете, должны быть некие точки роста, комплекс по выбору студента, перекрестки выводят студентов на личностно-определяемые тематики, собственный выбор маршрута и паке-

та знаний молодого человека. В содержании образования важна установка на мультипарадигмальность научного знания и междисциплинарность учебных дисциплин.

Однозначно противопоставление учебно-методических и научно-исследовательских инноваций в системе образования. Нет преподавателя без исследований, английские университеты относятся к студентам как к молодым ученым, а российские — как к стареющим школьникам. Мастер-класс — это кухня исследовательского процесса: теория не дана раз и навсегда, она конструируется, продуцируется. Некоторые проблемы вуза — в неразвитости науки, хотя традиционно совмещение научного и педагогического труда в одном лице вузовского преподавателя, когда научные достижения по короткой траектории становятся достоянием индивида и ценностями общества. Ошибочно поэтому разделение целей исследователя и практического педагога, преподавать надо науку, если мы хотим получить на выходе квалифицированного, конкурентоспособного, а не отсталого специалиста. В идеале необходимо, чтобы различные методы и стили обучения оценивались и поощрялись как нечто существенное для передачи знаний и нравственного воспитания, такое образование называют практикой свободы.

Развитию образования способствует синтез трех факторов: плюрализма, научной культуры, солидарности. Реформа — это не только много рисков, но и ресурс свободы. Реформа современного образования видится, поэтому, в переходе к инновационной модели, универсализации, дистанционному обучению, внедрению междисциплинарных программ, расширению свободы выбора, смене генерации профессорского состава, усилении роли высшей школы в становлении гражданского общества.

Высшее образование как элемент духовной сферы включено в широкий социокультурный контекст, его состояние и перспективы развития во многом определяются системой существующих в социуме связей и отношений. Экономика определяет материальную базу, обуславливает содержание высшего образования в плане структуры дисциплин, спектра специальностей и профессий. В то же время, от уровня образования напрямую зависит качество трудовых ресурсов, а следовательно, и состояние экономики общества. Политическая сфера также оказывает самое непосредственное воздействие. В зависимости от уровня демократичности социальной системы, от степени ее открытости, складывается и соответствующая система образова-

ния, как в плане ее структуры, так и содержания. С другой стороны, вузы, формируя гражданина, тем самым оказывают воздействие на социально-политические отношения. Кроме того, образование — это серьезный инструмент для достижения национального единства и политического согласия в обществе. В социальном плане высшее образование — важный механизм, поддерживающий как воспроизводство социальной структуры, так и социальную мобильность. Накопленный в рамках учебного заведения потенциал знаний и личностных ориентаций предоставляет активной части населения возможность перехода в более престижные социальные слои.

Социокультурная среда как на макро-, так и на микроуровне также влияет на систему высшего образования. Здесь имеются в виду определенные нравственные ценности общества, существующие традиции, влияние социальной структуры. В свою очередь, высшее образование — один из важнейших способов трансляции новым поколениям накопленного человечеством знаний и опыта и один из ведущих институтов социализации студенчества. Очевидно, что общие закономерности взаимозависимости социокультурной среды и системы высшего образования проявляются и в контексте этнического фактора. Специфическая природа этничности как социального феномена проявляет себя как интеграционный и дезинтеграционный фактор образовательного процесса.

Интеграционное содержание фактора этничности проявляется в следующем:

— стремление к общемировым стандартам в образовательной сфере;

— формирование национальной педагогики (институтов, факультетов, образовательных курсов и предметов, обучающих пособий и т. д.; как результат — развитие национальной культуры и, что особенно значимо для формирующихся наций, ее высшего нациообразовательного уровня — «высокой» культуры;

— обогащение педагогического процесса культурно-историческим содержанием различных этнических традиций и, соответственно, воспитание толерантного и адаптационного мировоззрения;

— использование в учебно-воспитательном процессе апробированных и состоятельных элементов народной педагогики, этикета, династийных, семейных традиций, традиций и ценностей национальных культур в условиях кризиса духовности;

— создание дополнительного «фона доверия», образовательных и воспитательных стимулов на базе единой этничности в системах «педагог — ученик», «ученик — ученик».

Дезинтеграционное содержание фактора этничности можно отметить в следующих процессах:

— этничность как одна из форм идентификации личности создает основы для несовпадения мировоззренческих и ценностных картин, что, соответственно, становится основой конфликтных ситуаций межличностного, личностно-группового и межгруппового типов;

— этничность осложняет социальный фон педагогического процесса и требует от педагога деликатности, понимания, терпимости и высокой личной ответственности за свои слова и действия;

— этничность становится более важным фактором в процессе социализации личности, нежели общечеловеческие ценности и нормы морали, особенно в условиях кризисного, катастрофического развития общества; давление средств массовой информации, отсутствие элементарных норм человеческого общежития формируют определенные мыслительные и поведенческие реакции детей и молодежи, ограничивают кругозор и жизненный выбор подрастающего поколения;

— кризис национальной самоидентификации молодежи, отказ от своей национальности, незнание родного языка, истории народа, традиций культуры.

В этом контексте особую актуальность приобретает проблема возникновения и развития поликультурного образовательного пространства в полиэтничном российском обществе.

Современный этап развития социума характеризуется глобальной тенденцией усиления этнических процессов, роста значимости этнических факторов в жизнедеятельности человеческого сообщества, повышения роли этнических общностей в социальной жизни, актуализации проблем социокультурной и этнической идентичности для отдельных личностей. Современные социальные, политические, культурные, духовные реалии, связанные с жизнедеятельностью этносов, демонстрируют несостоятельность теорий о быстром и легком преодолении национальных различий. Глубокие трансформации, происходящие в нашей стране, сопровождаются повышением роли этносов как субъектов социальной жизни, активизацией процессов этнической консолидации, государственной суверенизацией национальных республик, изменениями их национально-языкового устройства.

Тенденция к установлению универсально-го образа жизни, интернационализации социокультурных и экономических взаимоотношений, глобализации образовательного процесса не противостоит тенденции культур-

ного, лингвистического национализма, сохранения национальных ценностей и культур, поиску национальных основ обучения и воспитания. Эти тенденции не являются несоместимыми, они глубоко диалектично связаны. Чем больше наши образы жизни становятся похожими, тем более прочно мы будем держаться за такие ценности как религия, язык, искусство, литература. По мере того, как внешние стороны нашей жизни сближаются, мы будем все больше дорожить традициями, порождаемыми внутри нашего общества.

Обозначенная трансформация общества в корне меняет приоритеты образовательной, кадровой и молодежной политики регионов. Система образования, находясь в эпицентре этих противоречий, также объединяет в себе два фактора: всеобщее и специфически-культурное, этническое. В данных направлениях актуализируются проблемы сохранения и развития культур народов, а также поиск эффективных путей взаимодействия различных этнокультур.

На современном этапе развития общества в странах СНГ, как и во всем мире, складывается новая образовательная ситуация, для которой характерно усиление этнизации содержания образования, возрастание роли родного языка, повышение интереса к историческому наследию, традициям, актуализации идей народной педагогики. Одновременно особую значимость приобретают становление и развитие поликультурного образовательного пространства. Поликультурное образование является средством снижения напряженности в обществе, так как одной из важнейших его функций является обучение людей принципиально новому отношению к совместной жизни в одном государстве представителей различных этносов.

Современное поликультурное образование призвано заложить гражданское начало в человеке, сформировать у него умение жить в гармонии с другими народами и нациями, пробудить в нем совесть, выработать стремление к самосовершенствованию и самообразованию, к обогащению своего духовного, морально-нравственного статуса современного человека, способного возродить культуру, экономику, изменить окружающую действительность.

При этом поликультурное образование призвано учитывать целостную картину мира и, прежде всего, быть направленным на:

— очеловечивание знаний, формирование гуманистического мироощущения как основы нравственной ответственности человека перед другими людьми, обществом и природой;

— выстраивание особых гуманных человеческих отношений с каждым воспитанником как неповторимой личностью;

— оказание поддержки и помощи учащимся в их культурной идентификации, учитывая особенности субъектов образования в их культурной идентификации для способствования более успешной адаптации посредством образования.

Поликультурное образование, как правило, сфокусировано на освоении культурообразных ценностей, на ситуациях плюралистической культурной среды, на его нынешнем состоянии. Содержание поликультурного образования нуждается в серьезном обновлении. Образование в своем традиционном классическом виде оказалось не приспособленным к новым экономическим отношениям, оно слабо увязано с национальными, региональными условиями, недостаточно учитывает народную и духовную культуру, потребности национально-культурного развития этносов.

Современные педагогические реалии требуют, с одной стороны, учитывания в образовании этнокультурного фактора, а с другой — создания условий для познания культуры других народов, воспитания толерантных отношений между людьми, принадлежащим к различным этносам, конфессиям и расам.

Полиэтничность, многоязычность, поликультурность и полиментальность населения России должны задавать российской образовательной школе как социокультурному институту, обуславливающему конкретный социум и обеспечивающему его общественную целостность, особый комплекс практических и научно-теоретических педагогических проблем разного уровня, которые обобщенно можно определить как национальные.

Вышесказанное определяет проблему соотношения и взаимодействия родной и русской, а в конечном счете — мировой культуры в общем содержании образования. Это, прежде всего, задача сопряжения различных картин, трактовок мира, аккумулирующих содержание социально-исторического опыта отдельных этносов.

Национальное образование, готовящее к жизни в своей культуре, возможно только в интеграции с мировыми культурами с учетом освоения национальных и общечеловеческих ценностей. Именно соотношенность народа с мировой культурой и культурой других народов, а не замкнутость на самого себя, делают его нацией. При этом история, наука показывают, что целью обучения, воспитания не может быть соиздание абстрактного универсального человека. Человек всегда принадлежит к определенной нации, обществен-

ным условиям, культурным традициям, исторической эпохе. Человек — дитя определенного этносоциума, и настаивать на его универсализме, космополитизме — это все равно, что заставлять его отказаться от родителей.

С первых мгновений своей жизни человек погружается в специфическую культурную среду, традицию, покинуть которую почти невозможно. В то же время классическое образование не способно воздействовать на уже сложившиеся, исторически закрепленные традиции, в том числе и семейные. Поэтому поликультурное образовательное пространство призвано помочь, точнее, учитывать особенности учащихся в их культурной идентификации.

Полиэтничность России вносит в реализацию содержания поликультурного образования и его организацию ряд объективных сложностей. Они обусловлены: во-первых, языковой, культурной, ментальной разнородностью общества; во-вторых, задачей обеспечения духовного формирования личности как члена единого социального, экономического, политического, духовного пространства, государственной общности, что предполагает единство языка и культуры; в-третьих, необходимостью осуществления этих целей на двуязычной, биполярной и биментальной основе.

Положение ведущей роли социокультурного контекста в развитии человека предполагает учет в становлении личности конкретных реалий, определяет значимость формирования сознания индивида от окружающей среды, отношений с людьми, тех или иных культурных ценностей.

С учетом новых социокультурных реалий мировая педагогическая мысль разрабатывает соответствующую образовательную стратегию. Международная энциклопедия образования, обобщая теоретические положения и складывающуюся практику в учебно-воспитательных учреждениях, рассматривает поликультурное образование как важную часть современного общего образования, способствующего усвоению знаний о других культурах, уяснения общего и особенного в традициях, образе жизни, культурных ценностях народов, воспитание молодежи в духе уважения к инокультурным системам.

В этом ключе в современной западной и отечественной философии и практике образования активно идут дебаты о педагогике мультикультурализма. Мультикультурное образование является средством снижения напряженности в обществе, так как одной из важнейших его функций является обучение

людей принципиально новому отношению к совместной жизни в одном государстве представителей различных этносов.

Термин «мультикультурное образование» появился в 70-е годы XX века, когда проблема мультикультурализма была уже сфокусирована на человеческих отношениях. Данное направление в мультикультурном образовании сохранилось и продолжает развиваться по сей день. Сегодня в поддержку этой концепции активно выступают Совет Европы, ЮНЕСКО и ряд других общественных организаций. Мультикультурное образование первоначально было «географически определено» и основывалось на изучении культуры других стран и концепции земли как глобального поселения — «Земля — наш общий дом». В ее основе лежит тезис, что ни одна культура не является незванным гостем в истории человеческой мысли и ни один человек не должен рассматриваться как культурный самозванец в Европе.

Никогда необходимость в мультикультурном образовании в российском полиэтническом социуме не была такой очевидной, как сейчас. В совместном проживании людей постоянно существуют конфликты, дающие негативные эффекты, возникающие из предрасудков и дискриминации в отношении определенных групп внутри одного общества. Вплоть до сегодняшнего дня многие относятся с подозрением, враждебностью или занимают оборонительную позицию по отношению к тем людям, которые отличаются от них как по очевидным физическим признакам (цвет кожи, форма носа), так и по культурным: манеры поведения, религия.

Конечно, наше мышление в последние годы изменилось очень сильно. Достаточно вспомнить, что вплоть до конца XX века в вопросе о взаимоотношении различных культур главенствующей доктриной стала теория «плавильного котла». Получив развитие в США, эта концепция была применима и к условиям построения советского общества. Национальной целью в данном случае стала ассимиляция эмигрантов в американскую культуру как можно быстрее. Ожидалось, что новые люди забудут свои родные языки, научатся писать и говорить на английском — принятом языке нации, бизнеса и общества. Выражаясь метафорически, США рассматривались в этой концепции как огромный плавильный котел, в который сваливалось множество культур. И до тех пор пока их острые грани, различия не оплавятся, они не станут похожими друг на друга.

Термин «плавильный котел» заимствован из одноименной пьесы Израэля Зангвилла

(«Melting pot»), написанной в 1909 году. Эта ситуация может напомнить нам годы социализма, когда жила идея о том, что скоро не будет ни наций, ни народностей, а будет одна общность — советский народ. Но случится это после того, как человек обретет высокую нравственность и мораль, будет ощущать себя частью единой культуры, единого народа. Только тогда не будет предпосылок к национальным конфликтам.

В наши дни образ «плавильного котла» стал неуместным, несоответствующим реальной действительности, потому что мы подошли к пониманию существования культурного разнообразия как сильной, а не слабой стороны. Сегодня мы рассматриваем мультикультурное общество, скорее, как смешанный салат или фруктовый сад, то есть с различными группами, обогащающими национальную мультикультуру, но в то же время имеющими свою отличительную идентичность. В результате индивиды могут гордиться своим этническим богатством, вместо того чтобы стыдиться данных отличий. Это новое понимание напрямую влияет на содержание мультикультурного учебного плана.

Основной вопрос, поднимаемый мультикультурным образованием, состоит в следующем: является ли целью образования обнаружение и развитие в каждом индивидууме сторон, делающих его похожим на всех других и опирающихся прежде всего на его разум, деятельности которого считаются универсальными? Или это диаметрально противоположный процесс, который состоит в интеграции индивидуума в специфические группы и сообщества, являющиеся носителями специфической культуры, в группы, действующие как ролевые модели и защищающие поэтому свое право на существование и самовыражение. В настоящее время этот вопрос решающий.

Несмотря на то что индивидуум все более и более становится человеком-проводником — антенной из-за огромного информационного потока по сравнению с человеком впитывающим (человек-корень), за последнее десятилетие мы стали свидетелями массового возвращения к регионализму и местничеству, развитию коллективных личностей, возрождению национализма и все более настоятельному заявлению этноса о себе как о социальной категории. С другой стороны, мы видим растущее расхождение между культурой и экономикой с технологией.

В то время как все больше и больше глобализируются экономические, финансовые и информационные технологии, культура имеет тенденцию к локализации, принятию об-

щинных размеров и в какой-то степени становится племенной. Подобная тенденция может вызвать негативные процессы исключения, дискриминации и нетерпимости. Этнические связи (этнокультурная и языковая принадлежность) и связи по региональной территориальности (существование на собственной земле, борьба против посягательства на собственную территорию) свидетельствуют о решительном возврате к коллективному сознанию. Некоторые явления — растущая подвижность людей и идей и новые информационные и коммуникационные технологии — создали новые ситуации, все больше и больше усложняющие для индивидуума построение независимой и ответственной личности, которая является конечной целью любой системы образования. Как реакция на кризисы идентичности, порожденные этими явлениями, возникла тенденция подчеркивать общинную идентичность, например, принадлежность к этнической группе, народу, религии или территории, и это заслоняет основные права индивидуумов, свободу их совести, их разум и тяготение к всеобщности (универсальность). Однако именно социальный организм главным образом поставлен под угрозу кризиса, вытекающего из феномена идентификации.

В этом меняющемся мире образование не может ограничиваться сохранением и передачей культурного наследия: ему необходимо предоставить другие функции. Как указывает Ален Турен («Сможем ли мы жить вместе?»), «должна быть занята четкая позиция против отождествления образования с определенной общиной и, следовательно, с культурой и обществом. Правила общинной жизни существенно отличаются от факторов, действующих в направлении гомогенизации и социально-культурной интеграции. Невозмож-

но ограничить демократический дух, основой которого является плюрализм, одной лишь политической ареной, — он должен распространяться на культуру в целом. Научный дух — это дух свободного поиска, который не может присутствовать там, где религиозные убеждения, права и ценности делаются государством принудительными и рассматриваются как условия принадлежности к конкретному обществу».

Современное образование основано на балансе между индивидуальной свободой и членством в этнической группе. Но оно не сможет сохранить этого баланса, если отождествит себя всецело и единственно с современностью или же напротив полностью порвет с традицией, вместо того чтобы задуматься о способности общества совмещать рационалистическое мышление, свободу индивидуума и реинтерпретацию культурных традиций.

Интеркультурное образование стремится обеспечить взаимозависимость и взаимосцепление, посредничество, помогая будущим гражданам осознавать культурное многообразие нашего общества. Межкультурное образование — это попытка перевести политическую задачу на языки образования и культуры. Политическая же задача состоит в том, чтобы найти верное соотношение между культурным многообразием и социальными связями. Найти его сегодня, не откладывая на завтрашний день, не только потому, что многообразие в обществе никогда не исчезнет, но и потому, что именно на нем строится истинная демократия.

Осознание проблемы, столь важной для национальной безопасности любого государства, предполагает необходимость педагогической интерпретации мультикультурализма.

А. Г. КУТУЗОВ,

ректор Московского гуманитарного педагогического института, профессор

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Сущность, направленность, глубину изменений, происходящих ныне в глобальном общемировом масштабе, современная наука только пытается осознать. Об этом свидетельствуют острые научные дискуссии, идущие практически во всех отраслях общественного и гуманитарного знания.

По характеру подходов к научному осмыслению этих общественных процессов

можно выделить две принципиально противоположных позиции. Первая позиция — кризисная. Она рассматривает происходящие изменения в категориях кризиса и условий его преодоления. Вторая позиция — трансформационная. Для нее характерно осмысление происходящих перемен как системной трансформации общества. Мы принимаем эту позицию, основные положения ко-

торой сформулированы в теории системной трансформации.

Системные трансформационные процессы, происходящие в современной России, исторически закономерно выдвигают перед обществом и наукой важнейшую общественно-государственную проблему перемены духовно-культурных ориентиров общественного развития. Образование, являясь базовой формирующей и воспроизводящей основой общества, по самой своей сущности в первую очередь призвано находить адекватное ее решение.

Но, как известно, развитие, модернизация, реформирование, иначе говоря, любое существенное изменение образования, претендующее на получение реального общественно-воспринимаемого результата, невозможно без изменения двух важнейших взаимосвязанных элементов: целей образования и содержания образования. Эти элементы являются неотъемлемой частью всего многообразия аспектов понятия образования: образования как системы, процесса, деятельности, результата.

К сожалению, в последние десятилетия наметилась определенная тенденция, связанная с тем, что повсеместно предпринимаются эмпирические попытки изменения содержания образования без серьезного теоретического осмысления проблемы.

А между тем педагогическая наука не раз доказывала свою способность не только теоретически осмысливать произошедшие в практике процессы, но и создавать прогностические теоретические концепции. Иными словами, наука может сказать, как нам следует жить, а не только анализировать текущее состояние жизни.

Серьезное внимание к целям и содержанию образования в целом характерно для всех периодов развития педагогической мысли и науки в России. Однако можно отметить сложившуюся историческую закономерность: актуализация проблем целей и содержания образования до общесоциального уровня возникает в те исторические эпохи, когда в обществе возникают глобальные социальные противоречия. Наиболее показательные с этой точки зрения периоды реформ 1860-х годов, Октябрьской революции 1917 года, становления советской государственности в 1930-х годах, реформирования этой государственности в начале 1960-х годов. Подтверждением данной тенденции являются и 1990-е годы.

Педагогическая наука добилась определенных результатов в осмыслении проблем целеполагания содержания образования. Однако анализ психолого-педагогической литературы, диссертационных исследований, нор-

мативных документов и практики создания нового поколения учебной литературы показывает, что содержание образования нередко продолжает строиться на уровне интуиции и собственного профессионального преподавательского опыта разработчиков содержания предметных отраслей. Не решена проблема конструирования системы содержания гуманитарного образования не как совокупности предметных составляющих, а как целостной общей системы. Не определены и принципы трансформации научных знаний в образовательные. Остается открытым вопрос о сущности образовательного минимума, принципах его соотношения с дополнительным дифференцированным содержанием.

Принципиально новые социокультурные условия развития общества требуют новых подходов к решению глобальных проблем современности и при этом открывают возможности нового взгляда.

Одной из них является проблема развития системы гуманитарного образования. Сейчас открываются возможности нового взгляда на образование с позиции синергетики как на открытую, нелинейную систему с множественными подходами и альтернативными путями развития, систему, основанную на свободе выбора и обеспечивающую удовлетворение потребности в деятельности.

При таком подходе возможно восприятие содержания образования как своего рода компаса, с одной стороны, а с другой — приводного ремня процесса образования как целостного действия, воссоздающего «картину мира» во всем его многообразии, сложности и противоречии. А пока в России утвердилась новая формула развития образования: увеличение количества реформ обратно пропорционально их результативности.

Почему так происходит? На наш взгляд, потому, что мы как общество не можем донести до власти, казалось бы, простую истину: образование — это не одна из сфер «социалки», причем убыточная, и не «кузница кадров народного хозяйства», а онтологическая основа существования и воспроизводства народа.

Еще Данте говорил, что потомство души не имеет. Культура всегда рождается заново (или не рождается) каждым поколением, если оно оказывается готовым к этому. Тогда завязывается история, проявляется все, что было до нас. Если же предыдущее поколение не ставит перед собой такую задачу подготовки следующего поколения, то культура не рождается, народ перестает быть народом, и в лучшем случае, сохраняется только в виде населения определенной территории.

К сожалению, сейчас этой задачи общество перед собой не ставит. Или ставит недостаточно активно. Потому что чрезвычайно велика многолетняя инерция реформирования и модернизация образования в направлении формализации и материализации всего общего образования и даже его гуманитарной составляющей. Движение в этом направлении привело к тому, что система образования приобрела чрезвычайно опасную деформацию сторону профессионализации, потеряв при этом свои нравственно-воспитательные, духовные традиции.

В конце XIX века русские педагоги говорили о «нравственном воспитательном образовании» как высшей цели обучения. А сейчас даже главная цель образования сформулирована без осознания источника цели. Один из очень известных современных специалистов в этой области пишет, что глобальной целью образования является всестороннее развитие личности. Вот почему в прогрессивной педагогике прочно утвердилось положение о том, что к определению целей образования, его содержания и структуры нужно подходить с позиции современной концепции человека.

Кажется, это положение выглядит вполне логично. Но давайте поставим перед собой несколько вопросов. Во-первых, сколько существует современных концепций человека? В биологии — своя, в психологии — тоже. А религиозная концепция? Этот список можно продолжать. Способен ли студент педвуза или даже прекрасный школьный учитель их освоить? Но дело даже не столько в этом: можно ли их все объединить?!

Далее вопрос о «необходимости анализа структуры личности»: личности вообще или каждого конкретного учащегося? Если вообще, то задача становится просто бессмысленной, если речь идет о каждом ученике, то кроме того, что она объективно нереализуема, она также не имеет смысла с точки зрения глобальной цели, а главное, с позиции того, что эта самая структура личности — вещь постоянно изменяющаяся под влиянием очень большого количества факторов.

Такое же количество «простых» вопросов возникает и в связи с проблемой содержания образования. Бьются над ней многие поколения прекрасных ученых, а даже общепринятых основ теории содержания пока не существует. Осмелюсь высказать предположение, почему. Педагогические науки до сих пор в большинстве своем используют методологическую парадигму классических естественных наук: они пытаются разложить свою область до мельчайших составных, назовем их «кирпичиками», описать их, систематизировать, увидеть, как из них построен мир. Но после такого разъединения, кроме свойств материала, из которого здание построено, ничего другого о нем узнать не удастся.

Для того чтобы вернуть процесс развития образования в нормальное гуманитарное русло, необходимо понять, что главное в образовании — помочь человеку сформировать образ окружающего мира и себя в этом мире. А на этой основе воспитание и развитие в человеке дисциплины ума и воли, нравственных устоев, способности к самообразованию, которые вместе именуются характером человека. Тогда можно будет говорить как о реальности о нравственном воспитательном образовании. Тогда отбор содержания и его передача будут построены на основе технологий моделирования символов образования как социально-психологических основ воспитания характера человека. Тем более что современная теория социального научения Альберта Бандуры доказала огромную роль символического моделирования в формировании и распространении новых форм поведения и социальных отношений. А с развитием современных коммуникационных технологий такое моделирование, несомненно, будет играть все возрастающую роль в распространении идей, ценностей и стилей поведения.

Для разработки на этой основе современной системы образования необходимо, причем в обозримо короткие сроки, создать целостное видение нового образования третьего тысячелетия, иначе говоря, новую философию образования.

Р. М. ЮСУПОВ,

директор Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации РАН

ИНТЕЛЛИГЕНТАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

Слово «интеллигент» было введено в русскую речь писателем, почетным членом Петербургской академии наук Петром Дмитриевичем Боборыкиным (1836–1921). Термин является производным от латинского слова

intelligens и означает «понимающий, мыслящий, разумный». В более широком смысле интеллигенция — это «общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным твор-

ческим трудом, развитием и распространением культуры»¹.

Трудно представить развитие любого общества или государства без существования слоя интеллигенции в науке, культуре, а также в сфере государственного управления. Однако вышеназванные качества не даются человеку при рождении, даже если его родители были истинными интеллигентами. Несмотря на то что академик Д. С. Лихачев в ответ на заданный ему на одной из публичных встреч вопрос: «Как стать интеллигентом?», ответил, чуть улыбувшись: «Интеллигентом можно быть или не быть», все же следует признать, что такого человека можно воспитать.

Воспитание — процесс сложный, длительный и далеко не всегда дающий нужные результаты. Воспитание начинается в семье, где закладываются основы, которые закрепляются и окончательно оформляются при активной роли школы. «Главная цель школы — воспитание. Образование должно быть подчинено воспитанию»². Но не каждое среднее учебное заведение, особенно в наше время, так понимает свою основную задачу, и уж, тем более, далеко не каждое успешно справляется с ее решением. А от этого зависит очень многое, едва ли не судьба государства, ибо корни всех проблем, от грязи на улицах до коррупции в различных эшелонах власти, лежат в воспитании.

Быть может, у кого-то возникает вопрос, возможно ли добиться заметных результатов в деле воспитания в школе не единичных, а многочисленных представителей интеллигенции? Подтверждением такой возможности является пример многолетней деятельности школы, где первые четыре года, основополагающие с точки зрения воспитания, учился будущий академик Д. С. Лихачев. Ее название хорошо известно — Гимназия и реальное училище Карла Мая.

Изначально, со времен основания в 1856 году, воспитанию здесь уделялось первостепенное внимание. В основу педагогической системы был положен девиз «Сперва любить — потом учить». Исходя из этого принципа из поколения в поколение формировался педагогический коллектив. К. И. Май полагал, что если учитель не может со всей ответственностью сказать «люблю», то есть если он не в состоянии беззаветно отдавать детям не только профессиональные знания, но и всю свою душу, сердце и время, то он

должен избрать для себя другую профессию. Один из выпускников гимназии К. Мая 1918 года, писатель Лев Успенский, впоследствии писал, что «...у Мая нет и быть не может педагогов-мракобесов, учителей-черносотенцев, людей в футлярах, чиновников в мундирах. Преподаватели, поколение за поколением подбирались у Мая по принципу своей научной и педагогической одаренности»³. Эти люди, взявшие на себя ответственность за подготовку полноценных граждан, способных плодотворно и честно трудиться на благо общества, строили свои отношения с учениками, основываясь на том, что каждый из них — независимо от возраста, сословного положения родителей, вероисповедания — является личностью, заслуживающей индивидуального подхода, уважения и доверия. Каждого мальчика или юношу, независимо от возраста, называли на «Вы», с каждым по утрам директор здоровался за руку. Школа видела в качестве одной из определяющих задач выявление и развитие у каждого ученика данных ему природой способностей, что являлось важнейшей предпосылкой для наиболее полезного служения Отечеству в дальнейшем. Со временем в этом учебном заведении создалась почти уникальная педагогическая атмосфера, одним из подтверждений чего является, например, публикация в журнале «Нива». В заметке говорилось о том, что когда отец спросил сына: «Какое наказание полагается в вашей школе за ложь, сказанную учителю?», мальчик удивленно вскинул глаза и ответил: «У нас говорить неправду не принято»⁴. Вот как прочно, с малых лет, закладывалась одна из важнейших нравственных черт интеллигентного человека.

Благодаря высококлассным педагогам, выпускники получали глубокие и прочные знания, что подтверждает и статистика: 32% окончивших гимназию удостоивались золотых или серебряных медалей. И поскольку школа уделяла внимание не только умственному, но и нравственному, эстетическому и физическому развитию своих питомцев, то в большинстве своем они еще во время учебы приобретали основные черты интеллигентного человека. В справедливости этого утверждения можно убедиться, если взглянуть на плеяду замечательных «майских жуков» (как они себя называли), украсивших своими именами мировую и отечественную науку и культуру, проявивших себя на государственной службе и на ниве предпринимательства. Например,

¹ БЭС. М., 2002. С. 452.

² Лихачев Д. С. Школа на Васильевском. М., 1990. С. 5.

³ Успенский Л. В. Записки старого петербуржца. Л., 1970. С. 211.

⁴ Нива. 1895. Март.

в прославленном художественном объединении «Мир искусства» семь его ведущих членов были «майцами»: А. Н. Бенуа, К. А. Сомов, В. А. Серов, Д. В. Философов, В. Нувель, Н. К. Рерих, А. Е. Яковлев. К «звучным» именам тех, кто учился в этой школе, можно отнести выдающегося ученого XX века, главу физиков-теоретиков СССР Я. И. Френкеля, который к тому же отлично играл на скрипке, а также увлекался портретной живописью — пример разностороннего развития; его коллегу по профессии О. Д. Хвольсона; математика Н. М. Гюнтера; химика Н. Н. Качалова; архитекторов Ю. Ю. Бенуа, А. А. Оля, И. И. Фомина; языковеда М. Ю. Фасмера и др. Только высших академических званий удостоены 27 воспитанников школы К. Мая, не говоря уже о более чем ста профессорах, а также государственных деятелях (три члена Государственного Совета, два министра).

Но пожалуй, наиболее существенно, как отметил в своем обращении к бывшим ученикам этой школы на одном из ее юбилеев, П. П. Семенов-Тяньшанский, что «ни один из бывших воспитанников не пал нравственно». И за данное им воспитание и образование эти люди сохранили глубокую пожизненную признательность своим педагогам. В качестве примера приведем лишь три мнения. Александр Николаевич Бенуа: «...здесь я получал те более или менее прочные основы, на которых потом построилась моя «образованность». <...> Наконец, я сохранил совершенно особое воспоминание о гимназии Мая — род сердечной благодарности»¹. Лев Васильевич Успенский: «Я прошел два института, но в моем багаже две трети, если не три четверти того, что дала мне гимназия Мая». И наконец, слова Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Школа Мая наложила сильный отпечаток и на мои интересы, и на мой жизненный, я бы сказал мировоззренческий, опыт. <...> Я вспоминаю те несколько лет, которые я провел у Мая, с великой благодарностью»².

Подобной оценки это учебное заведение заслужило едва ли не у каждого из почти 4000 учившихся в ней петербургских мальчиков, независимо от того, достигли они больших успехов в жизни или нет. Но качествами петербургского интеллигента, безусловно, обладало большинство из них, причем даже с каким-то особым «майским» оттенком, о чем упоминал и Дмитрий Сергеевич.

Жаль, что этот «таинственный остров, отделенный бесконечным океаном от казенщи-

ны», как именовали эту школу в то время, оказался уничтоженным волнами революционных преобразований. Однако педагогические достижения нескольких поколений «майских» учителей могут и должны быть востребованы в наши дни — время губельного падения нравов, общечеловеческой культуры, гуманизма, носителями которых всегда были интеллигентные люди.

Естественно, что сегодня социальные, политические и экономические условия существенно отличаются от тех, что были в «майские» времена. В связи с этим хотелось бы отметить только два фактора, которые могут серьезно повлиять на процесс формирования интеллигенции и, возможно, на ее судьбу в целом. Первый фактор связан с информатизацией общества, в том числе и образования, с широким внедрением в нашу жизнь компьютеров, Интернета и различных информационных технологий. Кроме явных позитивных проявлений, информатизация имеет аспекты, которые могут негативно повлиять на процесс воспитания молодежи.

Информатизация, глобальное информационное общество, воспитание и обучение — это отдельная серьезная и еще мало изученная тема для широкого обсуждения. Но уже сейчас можно перечислить ряд моментов, не способствующих улучшению воспитательного процесса. Так, широко рекламируемое дистанционное обучение отдаляет (изолирует) учащегося от преподавателя. Через Интернет кроме полезной информации человек может получить поток сведений о магии, колдовстве, сектантстве, насилии, пошлости, порнографии и т. п. Для многих детей и молодых людей компьютер становится наркотиком (компьютерная зависимость), и они в значительной мере живут в своем виртуальном мире, чем серьезно ограничивается их общее культурное развитие. Многофункциональная глобальная система Интернет, телевидение, журналистика и другие средства массовой информации в условиях нашей рыночной экономики оказывают существенное и часто негативное влияние на психику людей и общества в целом. Сохранение и воспитание интеллигенции в аналогичных условиях — серьезная проблема, решение которой невозможно без участия государства и общества в целом.

Второй фактор связан с развитием интеллигенции в условиях глобализации и интеграции российской экономики, культуры и образования (Болонский процесс) в европейскую и мировую системы. Русская интеллигенция — явление уникальное и характерное только для России. Какова будет ее судьба в современных условиях глобализации, сохра-

¹ Бенуа А. Н. Мои воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 473.

² Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 91.

нит ли она присущие ей черты духовности, душевного богатства и благородности, или трансформируется под влиянием глобальных мировых процессов в новую русскую интел-

лигенцию, или растворится (исчезнет) под натиском западного прагматизма и духовной бедности. Это проблема, требующая серьезного комплексного исследования.

Б. Д. ПАРЫГИН,

заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ДУХ РОССИИ

Вопрос места и роли образования в процессе гуманизации современного мира является частью более широкой темы гуманитарных проблем цивилизации. Бесспорна актуальность осмысления состояния образования в нашей стране, равно как и сопоставление аргументов в пользу той или иной степени видения остроты связанных с этим проблем изменения нынешней системы высшего образования в России. Все это обязывает к рассмотрению данной темы в контексте глобальных явлений современной цивилизации.

В этой связи уже затронутый участниками дискуссии вопрос о природе тенденции к свертыванию гуманитарной составляющей в отечественной системе высшего образования может получить дополнительный импульс для дальнейшего осмысления. Наряду с возложением ответственности за развитие этой тенденции на вертикальные структуры систем управления отечественным образованием необходимо, как нам кажется, более внимательно посмотреть и на степень ее сопряженности с рядом глобальных характеристик нашего времени, культуры и цивилизации. К последним можно отнести стремительно растущую популярность унификации стандартизации, информатизации (особенно компьютеризации) систем образования разных стран, сопровождаемую динамичным включением в них средств массового воздействия, всеобщей информатизации, особенно TV, рекламы и PR, которые сказываются на сознании молодежи, в том числе и студенчества.

Глобальные процессы в социокультурном и духовно-нравственном пространстве современной цивилизации оказывают противоречивое, двоякое влияние на всю жизнедеятельность людей, в том числе и на сферу образования. С одной стороны, эти тенденции, порождаемые ходом современного социального и научно-технического прогресса, в значительной степени стимулируют как развитие образовательных систем, эволюцию социокультурных и духовно нравственных ценностей и нормативов, так и межкультурное общение между людьми. Потому что социально-психологический механизм идентификации

(или уподобления), без которого невозможно достижение «элементарного» взаимопонимания, получает наиболее благоприятные возможности для себя в условиях глобальной стандартизации и унификации массового сознания, культуры и социальных норм. Однако, с другой стороны, эти же самые тенденции сопровождают (если не порождают) негативные процессы социокультурной трансформации: рост суррогатной массовой и поп-культуры, снижение уровня восприимчивости к подлинным духовно-нравственным и самобытным художественным ценностям и в образовании, и в культуре в целом.

В этой связи остро встает вопрос об угрозе утраты понимания и поддержки духовной уникальности, индивидуальной неповторимости не только тех или иных культурных слоев и общностей, но и самой индивидуальности личности как высочайшей социальной и нравственной ценности. Поэтому традиционная ориентация российской культуры и образования на приоритет духовно-нравственных ценностей человека в современном динамично изменяющемся мире приобретает новую актуальность. Это позволяет говорить об особой роли России, ее духа и национальной культуры в современных условиях роста противоречивых последствий развития глобальных тенденций как в процессе социокультурных перемен в образовании, так и в обществе в целом.

Вместе с тем эта роль духовной культуры России перед лицом вызова времени и его испытанием на готовность к адекватному ответу на противоречивые эффекты и последствия научно-технического прогресса не может быть реализована без мощного социокультурного, научного и социально-психологического обеспечения.

Перед российской культурой сегодня стоит актуальная задача не утратить свой самобытный дух, устоять перед соблазном растворения во всемирном карнавале глобальных трансформаций, осуществить свою историческую миссию не только в качестве хранителя, но и лидера поддержки подлинных духовно нравственных ценностей в современном духовном пространстве мира.

В. И. ЧЕРНИЧЕНКО,

проректор по научной работе Московского государственного университета культуры и искусств,

доктор педагогических наук, профессор

КУЛЬТУРА КАК РЕЗУЛЬТАТ ЗНАНИЙ

Культуру принято понимать как результат материальной и духовной деятельности человечества. Культура в различных ее проявлениях может быть усвоена каждым человеком и стать его достоянием. Это глубокое явление, вбирающее в себя огромный исторический пласт, национальное и общечеловеческое в развитии всех сторон человеческого существования, способствующее достойной жизни сегодня.

Культурологи считают, что важным признаком культуры является ее неразрывность с жизнью человека в обществе. Однако никто не может ею овладеть без приложения собственных усилий. Сферой культуры является мир, сотворенный человеком, то есть мир материальных и духовных ценностей, дающих представление о том, что свято для человека и для общества в целом. Культура озабочена тем, чтобы создавать и сохранять эти ценности (П. С. Гуревич).

Это достаточно сложные задачи, и чтобы успешно решать их, нужно владеть необходимым объемом знаний. В связи с этим актуализируется мысль Д. С. Лихачева о том, что культура основывается на знаниях, хотя сама не является просто большим объемом знаний. Можно многое знать и не быть при этом культурным человеком. Культура — это прежде всего результат знаний, упорядоченных и вместе с тем осознающих свою недостаточность¹.

Не случайно при анализе культуры на любом этапе ее развития принято вычленять четыре элемента. Первый и главный элемент — знания, добытые человечеством о природе, обществе, человеческом мышлении, различных средствах и способах деятельности. Этот элемент служит инструментом деятельности (познавательной, творческой, научной, профессиональной и т. д.). Второй элемент — умения и навыки — позволяет создавать культуру и сохранять ее. Третий — обеспечивает дальнейшее развитие культуры, а это невозможно осуществить без творческой деятельности. Четвертый элемент культуры предполагает разносторонние отношения личности к деятельности, ее продуктам, к людям. Все это обуславливает нравственные стимулы, эстетическую потребность, мотивы де-

ятельности, психофизиологическую направленность личности и т. д.

Культура, воздействующая на духовно-личностный строй человека, также является результатом знаний. При этом нельзя отрицать, что каждый элемент выполняет свою специфическую функцию. Предшествующие элементы могут существовать отдельно, но каждый последующий невозможен без предыдущих. Можно знать, но не уметь; можно знать и уметь выполнять известные способы деятельности, но не быть подготовленным к творчеству; можно знать, уметь и творить, но быть безразличным к выполняемой деятельности.

Деятельность людей, живущих в мире культуры, исключительно разнообразна и сложна, специфична для разных профессий и специальностей. Так, например, важнейшим компонентом профессиональной деятельности выпускников МГУКИ, имеющих дело с людьми, особенно в работе с молодежью, является культура как неотъемлемая часть мастерства. Принцип гуманизма в культуре специалиста социокультурной сферы регулирует отношения его с коллегами по работе, а гуманное отношение к людям — важнейшее условие его успешной работы.

Достаточно трудно дифференцировать общее, профессиональное и педагогическое в культуре специалиста, работающего в социокультурной сфере. Студенты университета неоднократно (не одно поколение выпускников) выполняли эту задачу по моей просьбе и всегда приходили к выводу, что это единое образование — профессионально-педагогическая культура.

Следует заметить, что культура как часть профессионально-педагогического мастерства тесно связана с психологией личности. Общими здесь будут и субъект, и объект исследования — человеческая личность, мотивы ее поведения, нравственность, духовность.

Культура также тесно связана и с этикой. Такие этические образования, как долг, добро, совесть, справедливость, ответственность, смысл жизни — имеют непосредственный выход на нравственность специалиста как качество личности и его культуру.

Гражданственность и человечность, любовь к людям и свобода в действиях и мыслях, чувство профессионального долга являются не просто словами, они регулируют поступки и действия по отношению к основным требова-

¹ См.: Лихачев Д. Книга беспокойств. М., 1991. С. 479.

ниям, которые предъявляет к ним профессия специалиста в области социокультурной сферы.

Можно ли в культурно-досуговом учреждении или библиотеке сделать достоянием человека все виды творческой деятельности, которые присущи этим социальным институтам? Сделать это достаточно сложно. Но книга как носитель материальной и духовной культуры и библиотекарь как профессионал в какой-то степени компенсируют этот недостаток.

Культуру творит лишь та деятельность, которая имеет смысл и стремится к цели. Творческая деятельность, основанная на знаниях, имеет возможность получать положительный результат. В этом смысле, мы можем утверждать, что культура — мощнейшее средство против негативных явлений, происходящих в обществе и в жизни конкретного человека.

В МГУКИ уже много лет идет исследование по программе «Культура против наркотиков». В исследовании заняты известные ученые Т. Г. Киселева, Ю. Д. Красильников, М. И. Мосягин, а также студенты, аспиранты, докторанты и преподаватели. Просвещение населения о вреде наркотиков и работа

с молодежью на региональном уровне приносят положительный результат. Творческие коллективы университета работают непосредственно с населением, заполняют досуг молодежи, используя различные средства, в том числе искусство.

Исходя из вышеизложенного, в подготовку специалистов для социокультурной сферы могут включаться все перечисленные элементы культуры, основанные на системе знаний. Только в этом случае к образованию можно подходить как к синтезу познавательной и практической деятельности, на научной основе, и рассматривать его как систему интеллектуальных и практических навыков и умений, являющихся основой множества конкретных действий, составляющих любую деятельность, в том числе и социокультурную.

Знания, творческая деятельность, ее специфические черты, которые сложились в результате усвоения общечеловеческого опыта, культурных ценностей, реализуются в ходе развития практической деятельности специалиста через систему разносторонних отношений личности к миру культуры, к людям, к самой себе в мире культуры. На основе этого и складывается культура современного человека.

Л. Н. МОСКВИЧЕВ,

заведующий кафедрой философии Российской академии государственной службы при Президенте РФ, профессор

СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМА КРИЗИСА ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Тема духовного кризиса современной цивилизации стала одной из ведущих в социальных и гуманитарных науках. Следует различать разные типы такого кризиса. Однако возникает вопрос, что такое современная цивилизация? Видимо, наиболее распространенным сейчас является понимание цивилизации, разработанное в традиции Н. Данилевского, О. Шпенглера и особенно А. Тойнби. Тогда можно считать, что ныне существуют несколько основных цивилизаций, существенно различающихся в социокультурном отношении. В таком случае проблема духовно-нравственных ценностей и их возможного кризиса приобретает специфический характер — по преимуществу этнический, национальный, религиозный.

Вместе с тем вопрос о современной цивилизации можно рассматривать и с иной стороны. Наша цивилизация как некоторая социокультурная система в своих принципиальных чертах обусловлена в первую очередь науч-

но-техническим прогрессом. Используя формулировку академика РАН В. С. Степина, это техногенная цивилизация, то есть такой тип общества, функционирование и трансформация которого (на Западе и на Востоке) базируется на новейших достижениях науки, технологии, менеджмента. Иными словами, базируется на техногенном развитии.

Техногенное развитие как непрерывные и убыстряющиеся научно-технические и технологические инновации, постоянное совершенствование способов и методов управления и так далее, объективно формирует особый рационалистический образ мышления и рационалистические ценности, которые приходят в некоторое противоречие с традиционными цивилизационными ориентациями общества. И это служит одной из причин духовно-нравственного кризиса общества. Такие кризисы, проявляющиеся как несоответствие и даже конфликт между интеллектуальными и моральными императивами техногенного

развития, с одной стороны, и базисными цивилизационными ценностями — с другой, — явления частые, обычные и даже неизбежные. История европейских, американских, ряда азиатских стран, а также России, на протяжении длительного времени подтверждает это со всей очевидностью.

Однако сейчас в российском обществе мы имеем кризис духовно-нравственных ценностей человека, который, как представляется, носит существенно иной характер. И причины его не столько объективно техногенного происхождения, сколько субъективно управленческого. Они порождены импровизационным, шокным стилем управления государством и обществом со стороны пришедших к власти в начале 1990-х годов неолибералов. Вместо продуманных, просчитанных реформ, в которых общество, безусловно, нуждалось, народу была навязана линия на разрушение государства (Советского Союза) и экономики. В результате произошло невиданное в мире экономическое расслоение населения («золотая сотня» миллиардеров и миллионеров и более 30% населения — живущие за чертой бедности), негативистское отрицание общенародных идеалов и самоценности духовной жизни, даже ценности человеческой жизни вообще, культ денежной составляющей жизненного успеха человека.

Все это стимулировало небывалый кризис духовно-нравственных ценностей человека российского общества. Проявления его многообразны — в экономике, политике, управленческой сфере, в СМИ, в обыденном общении и т. д. Назову лишь некоторые: беспрецедентное воровство общенародных, государственных богатств, личного имущества; коррупция и взяточничество, поразившие чуть ли не все уровни государственного и муниципального управления, системы образования, даже органы охраны общественного порядка; систематические заказные убийства конкурентов в бизнесе, политических оппонентов, стражей закона во имя достижения «своих» целей (на фоне принятого закона о запрете смертной казни для особо опасных преступников); миллионы сирот и детей-беспризорников при живых родителях.

Складывается негативистское отношение к базисным ценностям общества как такового — к ценности человеческой жизни, свободы личности, святости семьи, продолжения рода и т. д. Не будет преувеличением утверждать, что деградация нравственного поведения значительных масс населения грозит государству большими бедами, чем экономическая разруха и распад Советского Союза в 1990-е годы. Необходимо со всей открытостью осознать опасности, ожидающие страну, если подобная деградация не будет остановлена. При этом исходным моментом должно быть правильное понимание самой природы базисных духовно-нравственных ценностей человека, которые по своему содержанию, гуманистической значимости абсолютны и вечны, поскольку существует человеческое общество. Духовные ценности не могут быть ввергнуты в кризис, не случайно их называют вечными. Кризис не в них самих, а в том, что в обществе человеческими же руками созданы условия для доминирования других ценностей, лучше сказать — антиценностей. Но во власти человека изменить ситуацию, хотя это и непросто.

Складывается негативистское отношение к базисным ценностям общества как такового — к ценности человеческой жизни, свободы личности, святости семьи, продолжения рода и т. д. Не будет преувеличением утверждать, что деградация нравственного поведения значительных масс населения грозит государству большими бедами, чем экономическая разруха и распад Советского Союза в 1990-е годы. Необходимо со всей открытостью осознать опасности, ожидающие страну, если подобная деградация не будет остановлена. При этом исходным моментом должно быть правильное понимание самой природы базисных духовно-нравственных ценностей человека, которые по своему содержанию, гуманистической значимости абсолютны и вечны, поскольку существует человеческое общество. Духовные ценности не могут быть ввергнуты в кризис, не случайно их называют вечными. Кризис не в них самих, а в том, что в обществе человеческими же руками созданы условия для доминирования других ценностей, лучше сказать — антиценностей. Но во власти человека изменить ситуацию, хотя это и непросто.

С. Н. ИКОННИКОВА,

заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ В НОВОЙ ПАРАДИГМЕ XXI ВЕКА

Современный этап развития гуманитарного знания характеризуется обновлением научного языка описания и объяснения реальности, усилением междисциплинарных связей, выявлением новых тенденций и процессов. Стремительный темп перемен создает ощущение нестабильности и неустойчивости мира, вызывает стремление обрести надежные ориентиры в универсальных ценностях культуры. Однако многие традиции, стереотипы сознания и поведения сметаются под натиском происходящих изменений.

Именно поэтому столь большое распространение получило понятие «смена парадигмы». В философии термин «парадигма» использовался еще во времена античности. Он служил для обозначения комплекса идей, моделей, принципов теоретического объяснения сущности происходящих процессов. Это был некий «образец» решения реальных проблем, который принимался за эталон ученым сообществом.

Необходимо иметь в виду, что научная теория лишь постепенно становится господ-

ствующей, проникает в глубину объяснения мира, захватывает научное пространство, распространяет свою терминологию, исключает или отстраняет иные идеи и концепции. Конкурентная борьба в мире науки не менее остра и напряженна, чем в экономике или политике. Господствующие идеи приобретают приоритет, авторы получают доступ к публикациям и иным формам распространения своих взглядов. Однородность объяснения реальности закрепляется в категориях и терминах, навыках мышления, способах аргументации научной позиции. Эти формы признаются самоочевидными, истинными и проявляются в менталитете, бесконечно повторяются в сознании, передаются новым поколениям ученых.

В рамках определенной парадигмы как комплекса идей и теорий осуществляется процесс образования. Эти концепции существуют и в обыденном сознании достаточно долго, воспринимаются большинством с должным почтением, не допускающим иного объяснения реальности. В этом проявляется «интеллектуальный деспотизм» или авторитаризм науки. Теоретическая парадигма соответствует в определенной степени типу цивилизации и культуры и использует все возможности для самоутверждения. Однако в истории науки и общества так происходит «до поры, до времени».

Экстенсивное развитие теоретической парадигмы имеет свои пределы, за которыми она перестает быть плодотворной и эффективной. Развитие реальности опережает теоретические конструкции, новые явления и тенденции не укладываются в предлагаемые схемы или даже опровергают установленные модели и способы понимания. Возникают кризисные ситуации, которые обычно объявляют досадными исключениями, недоразумениями или «происками» враждебных сил в политике. Прежние теории обнаруживают беспомощность и неспособность объяснения происходящих процессов, предлагаемые принципы становятся пустыми, лишенными практического значения. Именно в этот момент наступает «смена парадигм». Она отражает социальную потребность в разработке новой теории, системы понятий, идейных принципов, ценностных установок, необходимых для разрешения проблемных ситуаций и прогнозирования тенденций развития.

В философию науки понятие «парадигма» введено позитивистом Г. Бергманом, но тогда термин остался незамеченным. Необычайно быстрое распространение он получил в трудах американского историка науки и социолога Томаса Куна (1922–1996). Книга

«Структура научных революций», опубликованная в США в 1960-е годы и переведенная на русский язык в 1975 году, стала популярной среди ученых.

Смена парадигм — нечто большее, нежели появление новой теории. Это явление характеризуется изменением статуса науки в обществе, появлением новых направлений и междисциплинарных связей, влиянием на политические структуры, систему образования и способы обоснования принимаемых решений.

Другими словами, смена парадигмы означает фундаментальные перемены в мире. Т. Кун назвал это время периодом научных революций, слома прежних теорий, крушения авторитетов, ценностей и образов мира. Переход на новую парадигму требует длительного времени, происходит в течение многих десятилетий, пока формируется новая теория, определяется способ объяснения реальности. В это время возникают конкурентные идеи, альтернативные концепции, которые прежде не получали социальной поддержки, находились на периферии общего русла развития науки, в «тени» великих научных систем.

Смена парадигм всегда сопровождает становление нового типа культуры и цивилизации, проявляется в философии, естественных и гуманитарных науках, экономике и политике, морали и искусстве, праве и повседневной жизни, религии и мировосприятии. Смена идей выдвигает новых деятелей культуры, связана с возникновением и утверждением иных авторитетов, публикацией свежих трудов, распространением инновационного стиля мышления и образа жизни.

Было бы наивным считать, что новая парадигма утверждается беспрепятственно. Она встречает жестокое сопротивление с использованием идеологического и политического давления, цензуры, запрета, высмеивания. Инерция сознания цепляется за привычные формулы, понятия, стереотипы и догмы. Соединение культурного наследия и новаторства — чрезвычайно сложная, противоречивая и напряженно конфликтная зона человеческих отношений. В нее включаются личные симпатии и антипатии, консерватизм и склонность к порядку, боязнь утраты авторитета и социального статуса могут оказывать влияние на отношение к новым теориям и направлениям в научной, политической и художественной жизни. В этой ситуации не исключены формы псевдоноваторства, эпигонства, спекуляции на прежде запрещенных, а теперь дозволенных темах, создании мифов и легенд, потворства массовым вкусам и пред-

рассудкам. Возможны и такие проявления инноваций как эпатаж, бунтарский мятеж против авторитетов и лидеров, эмоциональный порыв вместо рациональной логичности, изобретение непривычных терминов и понятий, уход в мистику.

Новая парадигма формируется в течение длительного времени. История общественной мысли представляет нам не только всемирно признанные концепции, но и теории, которые не укладывались в общее русло или находились в «тени» великих систем, рассматривали «частные» сюжеты культуры и социальной жизни.

Господство научной теории никогда не бывает исчерпывающим и полным. В нем всегда можно обнаружить лакуны, ниши, «ничейные» поля, тайны и загадки, которые привлекали исследователей. Их идеи не всегда получали известность при жизни, но приобретали особую значимость и признание спустя много лет. История культуры убедительно свидетельствует о многообразии интеллектуальных потоков общественной мысли, неисчерпаемости творческих устремлений человека.

Парадигма XXI века выдвинула на авансцену гуманитарных наук новые направления исследований социальной и культурной жизни. Многие из них сформировались в предшествующие десятилетия, но находились на периферии научного поиска, не привлекали внимания научного сообщества. Некоторые существовали как автономные «осколки» западной науки. Такая судьба постигла комплекс антропологических наук. Лишь с конца 1990-х годов в России стали ускоренным темпом развиваться философская, социальная, культурная, педагогическая, физическая антропологии, но отставание от уровня развития мировой науки до сих пор преодолеть довольно трудно.

С большим опозданием развиваются гендерные исследования, изучение межкультурных коммуникаций, глобализма и мультикультурализма, культуры повседневности, особенности этнических, сословных, возрастных, корпоративных субкультур. Сдерживалось развитие многих направлений социологии и психологии, психоанализа, сексологии.

Культурология проходит достаточно сложный и драматичный этап, ибо возникновение новой отрасли науки всегда вызывает неоднозначную реакцию в научном сообществе. О культурологии высказываются диаметрально противоположные точки зрения, восторженные или скептические оценки. Существуют разные мнения о статусе культурологии в системе гуманитарного знания, сфере социаль-

ной практики, предмете и методах исследования, функциях в обществе.

Даже среди культурологов не всегда можно обнаружить общие позиции. По-разному именуют науку о культуре: культурология, теория и история культуры, культуроведение, гуманитарная культурология, социальная культурология, историческая культурология, философия культуры, культурная антропология, прикладная культурология. Множество названий отражает состояние исследований, имеет своих сторонников и последователей. При более подробном рассмотрении, все эти направления лишь самостоятельные разделы интегральной науки о культуре как целостном общественном явлении, которые отличаются между собой выделением тех или иных аспектов исследования.

Культурология успешно осваивает научное и образовательное пространство, входит в число гуманитарных дисциплин в вузах, по культурологическим наукам защищают докторские и кандидатские диссертации, издаются учебники, монографии, проводятся конференции. Но это лишь «первая волна», которая, отхлынув, обнажает подводные рифы и камни. Неясность общих границ предмета и ареала культурологии, соотношения ее структурных разделов и логики построения, механическое соединение различных сфер духовной и материальной жизни общества, неумение исследователей применить системный подход — значительно снижают уровень культурологических исследований. Очень беден и подражателен не лучшим образом научной литературы язык статей и монографий. Увлечение абстрактными схемами, перегруженность понятиями и терминами, отсутствие анализа реальных явлений и процессов, подрывают интерес к науке.

Многие учебные пособия написаны, что называется, «с колес», сборным авторским коллективом, без особого опыта в чтении целостного курса, а чаще всего специалистами иных гуманитарных наук. Кстати надо отметить, что профессиональных культурологов начали готовить лишь в 1990-е годы. Вполне естественно, что должно пройти некоторое время, пока новые специалисты приобретут авторитет и уверенность.

Однако, несмотря на все критические замечания, я оцениваю сложившуюся ситуацию вполне оптимистически. Радует признание научного статуса культурологии, включение в систему гуманитарного образования, привлечение интеллектуальных сил российской науки к разработке теоретических проблем и перспективных научных направлений. Есть уверенность, что траектория подъема куль-

турологии будет свидетельством ее расцвета уже в ближайшие годы.

Наука о культуре не менее, а возможно и более, сложна, чем наука об обществе. Культура — это сложная, открытая, диффузная, самоорганизующаяся система. Она охватывает различные стороны взаимодействия человека с другими людьми и с самим собой, с природой и обществом. Коммуникативная сущность культуры побуждает к диалогу, стимулирует творчество и активность, познание и понимание. Как неотъемлемый атрибут человеческого существования она «везде и всюду». Эта широта культурного ареала затрудняет определение ее предметной области.

Человек как создатель культуры «обручен» с ней тесными узами повседневной жизни и обречен осваивать ее нормы и ценности, символы и традиции. Творчество и новаторство — необходимые импульсы динамики культуры, но человечество лишь постепенно принимает их как благо и ценность. Эти два лика культуры порождали отношение к ней либо как к высшему достижению разума и таланта, либо как к оковам, ограничивающим свободу.

Кроме того, явления культуры «ускользают» от рационалистического анализа, не всегда поддаются точному описанию и объяс-

нению. В них остается неопределенность, недосказанность, загадочность и таинственность. Культура внутренне противоречива и трудно предсказуема. Все эти особенности феномена культуры затрудняют ее исследование. Ученые неоднократно размышляли о путях и судьбах развития культур и цивилизаций, о механизмах исторической преемственности и трансляции культур, о единстве и многообразии культур народов мира.

Культурология — это комплекс наук о культуре, каждая из которых имеет свой ареал и предмет исследования, предпочитаемые категории и термины, методы и источниковедческую базу. Процесс возникновения специальных культурологических теорий свидетельствует о развитии науки. Сейчас он идет ускоренным темпом, хотя и несколько хаотично. Происходит и другой процесс, когда внутри общих разделов выделяются области знания, приобретающие самостоятельный научный статус.

Разрозненный мир обретает единство в культуре. В наши дни человечество как никогда прежде ощутило потребность во взаимном понимании и общении, интерес к самобытности народов, стремление к бережному сохранению уникальной природной среды и культурного наследия.

В. С. ГОНЧАРОВ,

заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, кандидат философских наук

ОТ ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ К ГУМАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Тематика сегодняшних Международных Лихачевских научных чтений, проблемы, которые вынесены на обсуждение, весьма актуальны для нашего общества. Развитие национального образования в условиях современного мира, правовые аспекты развития образования в период становления рыночных отношений в нашей стране для профсоюзов имеют первостепенное значение. Очевидно, что поступательное развитие российского общества зависит не только от результатов политических и социально-экономических преобразований, но и в меньшей степени — от человеческого фактора, образованности, духовного и физического здоровья человека и нации в целом.

В Российской Федерации завершился первый этап модернизации системы образования. Все предлагаемые или внедряемые новации, на наш взгляд, были направлены на ограничение или отказ от государственных гарантий в области образования. Нарастание ком-

мерциализации высшего образования стало реальностью. В том, что касается повышения престижности педагогического труда, статуса преподавателя и его материального положения, к сожалению, реальных шагов за этот период не было предпринято.

Сегодня мы находимся на новом этапе социально-политического развития нашего общества. Можно с определенной долей оптимизма говорить об изменении курса в сторону наиболее взвешенного проведения реформ, в том числе и в области образования. Это введение государственных заданий на подготовку специалистов, государственных субсидий и кредита в системе образования, целевой подготовки кадров для удовлетворения государственных потребностей в специалистах, имеющих особую социальную значимость, персонифицированного финансирования в системе повышения квалификации педагогических кадров, а также соучредительства в системе профессионального образования.

С участием профсоюзов подготовлены предложения по повышению социального статуса педагога, включая переход на отраслевую систему оплаты труда, выделение дополнительных ресурсов, в том числе бюджетных, для совершенствования пенсионного обеспечения, улучшения медицинского обслуживания, жилищных условий работников образования.

Вместе с тем озабоченность у нас вызывает политика коммерциализации учреждений образования за счет изменения их организационно-правовой формы, отказ от субсидиарной ответственности государства в сфере образования. Возможные последствия от предлагаемой реорганизации — снижение экономической эффективности деятельности основной массы учебных заведений и общего объема привлекаемых финансовых ресурсов в систему образования в легальной форме.

По планам Правительства РФ процесс принятия всех принципиальных решений и их законодательного оформления должен быть завершён в течение этого года. Поэтому у профсоюзов очень ответственная пора, напряжённая работа на всех уровнях: в регионах, с Правительством, депутатами Госдумы РФ.

Одним из действенных механизмов, позволяющих решать многие социально-трудовые проблемы в сфере образования, является социальное партнёрство. Надо отметить, что на федеральном уровне в социальном партнёрстве интересы вузов представлены достаточно полно. Благодаря действиям профсоюзов удалось решить ряд вопросов по улучшению положения студентов. Удвоена с 1 октября прошлого года величина стипендии в вузах. В бюджете этого года появились 418 млн рублей на финансирование санаториев-профилакториев вузов системы Министерства образования РФ. С 1 сентября этого года на 20% должен увеличиться фонд поддержки малообеспеченных студентов. Вместе с тем нас не может удовлетворить такая проблема в жизни вузов как очень большая дифференциация материального положения работников. Важной для социальной поддержки работников образования задачей является их обязательное дополнительное пенсионное обеспечение. В настоящее время подготовлен законопроект «Об обязательном дополнительном пенсионном обеспечении работников образования РФ», предусматривающий возможность значительного увеличения общего размера пенсионной пенсии по старости для работников образования.

Не ставя своей задачей в рамках данного выступления дать обоснование сущности и актуальности гуманизации образования, его ориентации в контексте современной жизни

общества, ибо это заняло бы слишком много времени, остановлюсь лишь на некоторых аспектах этой проблемы.

Гуманизация общественной жизни в современном мире подразумевает гуманизацию и образования. Для высшей школы эта тема сама по себе предстает как фундаментальная и комплексная научная проблема. Ее решение зависит от интеллектуального климата эпохи, доминирующих ценностей» мировоззренческих устремлений, богатства, многообразия духовных потребностей общества. Главным, на наш взгляд, является гуманизация воспитательного процесса образования, личности преподавателя и студента. Вне этой своеобразной триады говорить о реальном совершенствовании общественной жизни вряд ли возможно.

Обучение в высшей школе, по нашему глубокому убеждению, должно происходить, если можно так выразиться, в пространстве культуры. Культурологическая основа высшего образования становится абсолютно необходимой. Это относится не только к вузам гуманитарного направления, где подобный подход достаточно очевиден, но и к вузам естественно-научного и технического профиля. Несомненно, выпускник университета должен быть образован разносторонне, иначе его деятельность никогда не станет по-настоящему профессиональной.

Гуманизация жизни в современном мире предопределяет необходимость формирования у студента потребности не только в образовании, но и критического мышления, гражданской и политической культуры. Очевидно, гуманизацию образования правомерно рассматривать как шаг к внедрению новой гуманистической идеологии в обществе. Под этим термином мы понимаем приобщение студенчества к выработанной обществом системе так называемых вечных (общечеловеческих) ценностей, имеющих решающее значение для человека, его выживания и развития. Это, в конечном счете, приобщение к здоровым моральным устоям, к этике в пределах современного социума, в рамках нашей цивилизации.

Сегодня уже не требуется специальных доказательств того, что само наше существование зависит от признания ценности человека как личности, утверждения его права на свободное развитие и проявление способностей, заботы о благе человека как критерия оценки общественных отношений и социального прогресса.

По-видимому, ведущими компонентами гуманизации образования, и в частности высшей школы, выступают ориентации на цен-

ностно-смысловое и нравственно-эстетическое содержание обучения, внесение в образовательный процесс элементов духовной самобытности и реальной самодеятельности. За этим стоит осознанное стремление к новому качеству подготовки специалистов, необходимых в современной цивилизации. Это, прежде всего, овладение способностью ориентироваться в сложных социокультурных проблемах, овладение комплексом знаний, его практическим применением через навыки и способности передачи накопленного опыта.

В связи с этим, на наш взгляд, представляет определенный интерес опыт СПбГУП, который в процессе обучения активно способствует формированию у студентов гуманистической позиции, утверждению у молодежи чувства здорового оптимизма, веры в свои силы, устойчивое восприятие жизненных ситуаций. Очень важно, что здесь изучают, с каким настроением студенты смотрят в будущее, с каким ощущением выходят из университета. Важно подчеркнуть личностную ответственность профессорско-преподавательского состава университета за итоги своей работы.

Рассматривая лишь некоторые аспекты этой фундаментальной проблемы, следует отметить, что речь идет, по существу, о новой философии образования, об исчерпанности прежней системы в условиях изменившегося общества. В сентябре прошлого года было подписано соглашение о вступлении России в Болонский процесс, предусматривающее интеграцию системы образования России в международное образовательное пространство. Сегодня есть полное осознание необходимости такого объединяющего действия, это веление времени. Конечно, при этом для нас очень важно сохранить богатые традиции нашего национального образования, имеющийся у нас положительный опыт.

И последнее. Решение стоящих перед Россией задач во многом зависит от духовно-нравственного состояния общества, каждой личности, участвующей в созидательном процессе. В связи с этим хотел бы напомнить слова, высказанные Д. С. Лихачевым в адрес библиотечных работников: «Вы — главные лица в государстве, потому что от вас зависит образование страны, ее культура. Без нравственности не действуют никакие экономические законы, вообще все идет напропалую».

И. А. ТАНКИЕВ,

министр общего и профессионального образования Республики Ингушетия

ОБРАЗОВАНИЕ В ПРОЦЕССЕ ГУМАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Среди парадоксов, которые оставил нам в наследство XX век, есть и такой: оказывается, жить в условиях свободы во многих отношениях тяжелее, чем жить в несвободе. Многие наши граждане растерялись оттого, что государство отныне «не дает» работу, бесплатную квартиру, что за многие привычно бесплатные услуги надо платить, что самые высокие государственные посты не гарантируют безопасности жизни. Но, пожалуй, в большей степени тяжесть свободы отразилась на духовной, нравственной сфере жизни общества.

Перестройка позволила все наши беды свалить на командно-административную систему. Казалось, общество обрело, наконец, долгожданную свободу. Но свобода обернулась жесточайшим духовным террором по отношению к нравственной стороне общества. Люди встали сегодня перед новой проблемой, невиданной прежде: невозможно найти адекватную реакцию на происходящее.

Во все времена молодежь подражала взрослым, копировала их поступки, брала с них пример. Какой пример являет сегодняшнее обще-

ство молодежи? Чтобы нам, взрослым, иметь моральное право воспитывать молодежь, нужно для начала научиться называть вещи своими именами: цинизм — цинизмом, бесстыдство — бесстыдством, жестокость — жестокостью, не прикрывая свой конформизм туманным флером прагматического соглашательства.

Сейчас российское общество перестраивается, переосмысливает свои ценности и цели. Эти перемены влекут за собой демократизацию и в образовательной сфере. Ситуация сегодняшнего дня очевидна: воспитание молодежи обретает характер стратегической проблемы государственного значения. И школа сейчас, может быть, единственный оплот, который держит мощную «круговую оборону» против новых «идеалов», сводящихся к всесторонней реализации сексуально-финансовых инстинктов и агрессивной сытости. Учителя оказались один на один с этой сложнейшей проблемой. И школа, несмотря на все препоны, чинимые ей, продолжает искать формы и методы воспитания — сама, без серьезной научно-методической и методологической помощи.

Гуманизация, индивидуализация, новые концепции образования уже нашли свое место в практике работы школ. Воспитательные задачи в разных школах различны, но этого не стоит опасаться. Важно, что они гуманистичны и не асоциальны. Главная цель — воспитать не «нового человека», а человека порядочного, патриота, гражданина и гуманиста.

Преодоление порочных наклонностей личности и воспитание добродетели не обходится без борьбы, требует постоянного напряжения духовных сил, жесткой самодисциплины и постоянных упражнений в поступках. И педагоги образовательных учреждений Республики Ингушетия ведут систематическую повседневную работу с учащимися в этом направлении.

Успешное развитие практики воспитания во многом зависит от знания духовных ценностей, этнопедагогической культуры народа и умения использования их в развитии и формировании человека.

В современных условиях, сложившихся в нашей стране, педагогический опыт народа особенно важен и ценен как потенциальный источник подготовки порастающего поколения.

Исходя из этого, в учебный план 8–9-х классов общеобразовательных школ Республики Ингушетия включен такой предмет, как основы ингушской этики. Целью этой учебной дисциплины является нравственное воспитание учащихся, превращение моральных принципов поведения в личные убеждения. Одним из главных нравственных качеств, которыми должен обладать человек, ингуши всегда считали гуманность, и детей воспитывали в духе гуманизма и взаимного уважения между людьми. Примером такого воспитания являются проводимые в школах и на базе Министерства образования республики ежегодные благотворительные акции «Къахетам» («Милосердие») и др. В ходе благотворительных акций собираются детские вещи, обувь, книги, игрушки и другие пожертвования, которые затем передаются детям из семей беженцев, многодетных малообеспеченных семей, детям из детского дома для детей-инвалидов. Так, после наводнения летом 2002 года в результате проведения благотворительной акции Министерства образования было собрано 170 тыс. рублей, на которые были куплены и розданы детям из семей, пострадавших от стихийного бедствия, одежда, обувь и школьная форма. В 2003 году на средства, собранные при проведении гуманитарной акции, была оказана помощь теплой одеждой, обувью и школьной формой детям-

сиротам, детям из малообеспеченных семей, инвалидам.

Важным проявлением гуманизма является тот факт, что в 1992 году только что созданная Ингушская Республика приняла свыше 60 тыс. вынужденных переселенцев из РСО — Алания, а в 1994–1996 годах — 200 тыс. беженцев из Чеченской Республики. Этим несчастных людей, в одночасье лишившихся крова, имущества, родных и близких, надо было обустроить, накормить, определить в школы их детей. И Ингушетия справилась с этой нелегкой задачей. Ни один ребенок школьного возраста из семей беженцев не остался за порогом школы, хотя 40% общеобразовательных учреждений занимались в две, три, а то и в четыре смены.

За период военных действий в Чеченской Республике с 1994 по 2000 год на территории Республики Ингушетия проживали около 200 тыс. беженцев из Чечни; из них свыше 25 тыс. детей школьного возраста, 16 546 человек из которых были сразу же охвачены обучением. В 2000 году в различных населенных пунктах Ингушетии было создано 10 палаточных школ с 3577 учащихся. При 6 общеобразовательных школах республики было открыто 76 специальных классов для этой категории детей, где обучалось 2489 учащихся из Чеченской Республики, так как большинство чеченских детей в течение ряда лет не учились вообще и их образовательный уровень был самый разный. Кроме того, в общеобразовательных школах Республики по различным классам было распределено 10 480 детей внутриперемещенных лиц.

Значительную помощь в этот трудный для республики период оказало Министерство образования РФ. В 1999–2001 годах Минобразованием РФ на обучение и содержание детей-беженцев из Чеченской Республики было выделено более 12 491 тыс. рублей.

Диагностика готовности детей к различным ступеням образования проводилась в местах компактного проживания беженцев из Чеченской Республики: специальная медико-педагогическая служба выявляла уровень знаний учащихся, на основании чего детей определяли в тот или иной класс. Для решения языковых проблем, связанных с языком обучения, использовалась система дополнительных занятий.

И родители, и педагоги, обучавшие детей, высоко оценили помощь Министерства образования РФ и РИ в гуманитарной акции в трудное для них время. Наплыв детей, желавших учиться, был столь велик, что школы Республики Ингушетия не в состоянии были охватить всех, и в преодолении этой

проблемы огромную гуманитарную помощь оказали международные организации, прибывшие в республику по мере развития событий. Это детский фонд УВКБ ООН (ЮНИСЕФ), чеченская организация «Человек в беде», австрийская «Армия спасения», «Международный комитет спасения» и др. За счет этих организаций в 2001 году было организовано 34 палаточные школы с общим охватом 7192 школьника. Они же помогли со школьной мебелью, учебниками, школьно-письменными принадлежностями, мощными средствами и т. п.

На сегодняшний день на территории Ингушетии проживает свыше 19 тыс. вынужденных переселенцев из РСО-Алания (Республики Северная Осетия-Алания) и 44 тыс. беженцев из Чечни. В общеобразовательных школах республики обучаются 2609 школьников из РСО-Алания и 6156 — из Чеченской Республики.

С целью отдыха и оздоровления школьников в летний период при средних общеобразовательных школах организуются лагеря дневного пребывания с бесплатным питанием, в которых преобладают дети-сироты и дети из семей беженцев и вынужденных переселенцев. Так, за июнь-июль 2000 года в них отдохнуло 10 000 детей-беженцев из Чеченской Республики, в течение лета 2003 года из 21 672 детей, отдохнувших в оздоровительных лагерях, 19 650 было из многодетных и малообеспеченных семей, из них 9180 — из семей беженцев.

Ингушетия, как и все субъекты Российской Федерации, строит рыночную экономику. Рынок преодолевает любые границы: идеологические, географические, национальные. С одной стороны, общество может стать экономически процветающим на пути рыночного развития. Но с другой — рынок, делая все предметом купли-продажи, подвергает сильнейшей эрозии духовно-нравственные ценности, то есть разрушает общество.

Республика делает свои первые шаги; у нас есть практическая возможность сразу же делать все правильно и нет тяжелой необходимости исправлять прошлые ошибки.

Духовно-нравственные ценности ингушского народа: честь, достоинство, гуманность, гостеприимство — помогли ему выжить в тяжелые годы бесправия и депортации 1944 и 1992 годов. Ингушам есть что сохранять и нет необходимости создавать что-либо заново или искать потерянное, как многим другим народам.

Необходимо отметить, что система образования Республики Ингушетия является приоритетом в политике нашего Президента М. М. Зязикова, кстати, начинавшего свой трудовой путь учителем сельской школы. И одна из самых престижных наград Организации Объединенных Наций — «Золотой знак отличия», которой он отмечен в этом году, говорит о том, что вектор политики в республике верно направлен на развитие гуманистических проблем современной цивилизации.

Е. М. МУРАВЬЕВ,

начальник Департамента образования Тверской области

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В СТАНОВЛЕНИИ ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ

Осмысление глубинных оснований образования, его роли в обществе, социальных функций, отношения образования к «жизненному миру» человека приобретает особое значение в современных условиях бурного развития техногенной цивилизации. Научно-технический прогресс подарил человеку мощные орудия воздействия на окружающую природу и натуру самого человека. Вместе с тем эти орудия в руках нравственно ущербного человека способны привести к катастрофическим последствиям. Техника, которая могла бы избавить человека от нищеты, превратилась в силу, отчуждающую человека от человека, да и от самой техники. Духовная деградация человека грозит превратить его в «обезьяну цивилизации» (М. Хайдеггер).

Сегодня особенно актуальна мысль Д. С. Лихачева о том, что образование, под-

чиненное задачам воспитания, возрождение репутации человека как чего-то высшего, ответственности и понятия чести — то, что нам нужно в XXI веке.

Воспитание мобильной, духовно богатой личности, способной творить условия своей жизнедеятельности через приобщение к идеалам, нормам, ценностям культуры, мировоззренческим установкам, отвечающим стратегическим интересам человечества, является важнейшей задачей современного российского общества.

В решении этой задачи важнейшую роль играет образование: приобщая к ценностям культуры, оно помогает человеку гуманистически-ориентированно самоутверждаться и самовыражаться, способствует становлению свободной, ответственной личности, обладающей широким мировоззренческим кругозо-

ром и нравственным сознанием. Вводя человека в мир культурных ценностей, помогая ему понять собственное «я», свое место в природном и общественном мире, формируя «доминанту на другое лицо», образование способствует вхождению всего окружающего (природного и социального) в сферу нравственной ответственности человека.

Тревожной тенденцией развития российского общества является углубляющийся разрыв между поколениями. А это неизбежно ведет к нарушению процесса наследования, передачи духовных ценностей, социального опыта от одного поколения к другому.

Трансляция традиций, аккумулирующих социально значимый опыт, является важнейшей функцией образования. Традиция возникает как отражение многократно повторенных общественных отношений. Причем из этих отношений устойчивостью и длительностью во времени обладают лишь социально значимые, способствующие воспроизводству общественной жизни. В этом плане традиции выступают как момент единства истории, преемственности поколений. Освоение традиций порождает творческую активность через осознание человеком своей личной причастности к прошлому, ответственности за настоящее и будущее, что предполагает превращение социально значимого в индивидуально значимое как необходимое условие активной жизненной позиции. Традиции как один из механизмов воспроизводства культуры тесно связаны с потребностями личности, эмоционально окрашены, а потому играют огромную воспитательную роль. Сохранение традиций способно поддерживать уклад народной жизни, оберегать «душу народа» от растления. А сейчас это, как никогда, актуально.

«Базовые» ценности культуры создают специфику образования — основного механизма трансляции и воспроизводства культуры, определяют социокультурный тип образования. И в то же время экономическое, технологическое и общекультурное состояние общества напрямую зависит от ситуации в образовании.

Традиционным для русской культуры было рассмотрение культуры как среды, «растящей и питающей личность» (отец Павел Флоренский). Существует гипотеза о наличии у человека особой потребности быть личностью. Обретение человеком себя как личности происходит там и тогда, где и когда происходит его встреча с «другим», в процессе социализации, общения с другими людьми. Другое «я» является необходимой предпосылкой выделения моего собственного «я».

Образование, как и культура в целом, диалогично по своей природе. Оно помогает че-

ловеку понять уникальность и самобытность «я» и в то же время вступать в диалог с «ты» и «мы», с другой культурой, природой. М. М. Бахтин, создатель диалогической концепции культуры, подчеркивал, что подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в нее, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя. Выдающийся психолог А. Маслоу считал, что у высокоразвитых личностей сочетается повышенный уровень самодостаточности со способностью глубокой духовной связи с другими людьми, одновременной вовлеченностью личности в разные общности, которая связана с уважением к себе и готовностью уважать других. Именно в диалоге, общении происходит становление морального сознания, формируется система ценностей, мотивационная направленность личности.

Система образования, отрешившись от тоталитарно-идеологического управления, не может отказаться от идейно-мировоззренческого и ценностного программирования своей деятельности. И здесь исходным приоритетом должно быть создание условий для развития личности, способной продуктивно самоопределяться в системе социальных и культурных связей, нравственно самоутверждаться.

Если образование гуманистично, оно ориентировано на процесс формирования личности во всей полноте культурного, психологического, духовно-нравственного и социального развития человека. Настоящее образование открывает человеку мир в его целостности и значимости для человека, побуждает определить свое отношение ко всему окружающему. В этом смысле образование и есть процесс становления личности через отношение к миру, к другим людям, а через это отношение — осознание себя как уникально-неповторимого и вместе с тем причастного к миру существа. Это обстоятельство чрезвычайно важно учитывать в условиях развития рыночных отношений. Понятно, что образование не может не считаться с требованиями рынка, но и полностью подчиниться прагматическим требованиям рынка тоже не может. Это связано, прежде всего, с тем, что высокоразвитое моральное сознание является необходимым условием существования экономически стабильного общества. Понижение уровня моральных обязательств открывает дорогу коррупции, которая действует как тормоз экономических преобразований.

Экономические и социально-политические процессы, протекающие в современном российском обществе, смена ценностных ориентиров и социальных приоритетов требуют от системы образования ответа на «вызовы вре-

мени». Школа призвана стать важнейшим фактором гуманизации общественно-экономических отношений, формирования новых жизненных установок личности.

Развивающемуся обществу нужны люди, современно образованные, инициативные, самостоятельные, способные к конструктивному диалогу, к успешной социализации в обществе и активной адаптации на рынке труда. Государство и общество пришли к пони-

манию того, что качественное образование создает условия для становления культурного человека, дает человеку право на осознанный выбор ценностей и социальной позиции, на самоопределение и выбор стиля общения с другими людьми. Обеспечение современного качества образования, отвечающего жизненным потребностям личности, общества и государства, — важнейшая задача модернизации российского образования.

К. И. КАРАСЕВ,

заместитель главы Администрации Читинской области, доктор технических наук, профессор;

В. А. КОБЫЛЯНСКИЙ,

заведующий лабораторией по комплексному изучению человека Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАО

РЕГИОНАЛЬНАЯ НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ КАК ФАКТОР ГУМАНИЗАЦИИ ЖИЗНИ В ПРОВИНЦИИ

Вопросы гуманизации жизни в провинции — это не дань философским рассуждениям. Они гораздо принципиальнее и затрагивают самую суть проблемы возрождения России: оптимальное управление страной невозможно без соответствующего управления регионами и гуманизации всех сторон жизни населения.

Оптимальность управления страной и отдельными территориями требует должного внимания к развитию региональной науки. В составе последней приоритет должен быть отдан тем направлениям, которые менее всего развиты в регионе, и, прежде всего, изучению человека, условиям его существования, раскрытию его потенциала в конкретной природно-социальной обстановке.

Основной методологической установкой региональной науки о человеке должна стать общая концепция человека как природного и социального явления, как духовного существа. Важно особо подчеркнуть, что разрушение духовных основ бытия человека, игнорирование того обстоятельства, что духовность должна пронизывать все сферы деятельности человека, делает невозможным (и бессмысленным) решение любых человеческих задач. Конечно, следует держать в поле зрения и другие аспекты проблемы, в частности природный и социальный.

Пониманию сложной диалектики взаимосвязи, взаимопроникновения, переплетения природного и социального как в самом человеке, так и в соответствующей сфере его существования «природа — общество» будет способствовать разработка философско-социологических основ теории бытия и взаимодей-

ствия природы и общества. Важное значение при разработке этой теории должно придаваться созданию методологической основы для изучения пространственно-временных различий самого бытия человека и условий его существования в зависимости от окружающей (природной и социальной) среды, анализа особенностей соотношения глобального и регионального и т. д. Безо всякого преувеличения можно сказать, что от правильного методологического обеспечения во многом будет зависеть успех всей работы.

Что касается такой комплексной области исследований, как социально-демографическая, то на данном этапе нашей истории она должна занимать одно из самых видных мест в региональной науке о человеке. В серьезном анализе нуждается изучение особенностей воспроизводства населения, путей увеличения продолжительности жизни, типов семей и миграционных процессов, методов прогнозирования.

На должный уровень необходимо поставить региональную социологию, включающую в себя исследование региональной дифференциации социальных условий и уровня жизни, специфики и подходов к образу жизни различных социальных слоев населения, особенностей интеллектуального потенциала и культуры людей. Очень важна постановка социологических наблюдений — полных и репрезентативных, без какой-либо предвзятой идеи, охватывающих все стороны социальной жизни жителей регионов.

Интересен и необходим историко-социальный аспект, которому пока придается нео-

правданно малое значение. Между тем, есть отличная возможность изучить типы хозяйствования в разные временные периоды, исследовать динамику использования природного потенциала регионов, проследить в динамике за изменением традиционного образа жизни, его ломкой, приводящей только к ослаблению территории. Исторический аспект позволяет восстановить картину специализации хозяйства, перебросить мосты между прошлым и настоящим.

Важное значение имеет медико-географическое изучение территории: исследование заболеваемости и причин смертности населения в зависимости от особенностей окружающей среды, конкретной пространственной привязки человека. Нуждаются в серьезном изучении природный потенциал для лечения и отдыха, особенности профессиональной заболеваемости, исходя из условий труда — бытовых, санитарно-гигиенических и технологических.

Необходимо уделить большее внимание этнографическому аспекту, так актуальному для восточных регионов страны. Он включает в себя изучение территориальной специфики уклада жизни и хозяйствования всех этнических групп. Нужно смелее и полнее исследовать

влияние «цивилизации» на уклад жизни, все ее позитивы и негативы, а также изучить последствия миграции и ассимиляции различных этнических групп.

Требуются специальные исследования по выработке региональной социоэкологической стратегии и по определению оптимальной структуры деятельности людей, больше всего способствующей прогрессивному развитию природной и социальной среды существования человека. Важное место в социоэкологических исследованиях должно занять изучение богатых рекреационных возможностей рассматриваемой территории.

Перечень аспектов, составляющих основу деятельности научных учреждений по региональному человековедению, может быть расширен по мере развития исследований, а также в зависимости от спроса (и опережая этот спрос) на определенную тематику изучения человеческого фактора.

Региональная наука о человеке должна явиться основным ядром активно формирующейся в наши дни комплексной науки о России — россиеведении. Сегодня должно быть ясно каждому, что возрождение России невозможно без включения в этот процесс всех регионов страны, всей провинции.

И. Г. АРЖИТОВА,

начальник управления образования Администрации Усть-Ордынского Бурятского автономного округа,
кандидат педагогических наук, Заслуженный учитель РФ

ОБ ОПЫТЕ РАБОТЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ УСТЬ-ОРДЫНСКОГО БУРЯТСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА ПО СОХРАНЕНИЮ И РАЗВИТИЮ РОДНОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Образование подрастающего поколения — важнейшая часть богатства народа. Каждый этнос прилагает большие усилия по образованию и воспитанию детей на всех этапах своего развития. Не являются исключением и буряты.

Изучение бурятского языка — благодатная среда познания истории своего народа, его духа, мировосприятия и мироощущения, воспитания любви, уважения и национальной гордости. Безусловно, не утратило своей ценности и важности высказывание Л. В. Щербы о том, что «каждый язык отражает культуру того народа, который на нем говорит». Изучая язык того или другого народа, мы постигаем исторически сложившуюся систему понятий, сквозь которую он воспринимает действительность. Поэтому сохранение и дальнейшее развитие бурятского языка, создание необходимых условий для приобщения учащихся к материальной и ду-

ховной культуре народа — одна из главных задач развития национальной системы образования в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе.

Сегодня национальная система образования во всех странах рассматривается как гарант национальной безопасности, национального процветания, стабильного развития общества. В связи с этим национальная школа призвана обеспечить высокий уровень образования, способствующий, в свою очередь, созданию и развитию профессионального потенциала региона, страны.

В округе в настоящее время бурятский язык изучают в 100 общеобразовательных школах из 236, что составляет 42,4% от общего числа: 43 начальных, 11 основных, 46 средних. Однако в 2002/03 учебном году обучались бурятскому языку в 102 школах, то есть в этом году эта цифра снизилась. Закрыта на капитальный ремонт окружная школа-

интернат, где около 150 детей изучали бурятский язык. Бохолдойская и Хинейская начальные школы Баяндаевского района закрыты по причине отсутствия детей младшего школьного возраста. Но вместе с тем в этом году начаты факультативные занятия по бурятскому языку в Осинской средней школе № 2. Языком обучения во всех вышеперечисленных школах является русский, лишь в Обусинской средней школе Осинского района в начальном звене язык обучения — бурятский.

Число изучающих бурятский язык составляет 6778 учащихся, или 57,3% от числа всех детей бурятской национальности. Потенциально 42,7% учащихся не изучают родной язык, а следовательно, они остаются без информации о бурятской культуре и языке. Тому есть свои причины: в окружном и районных центрах, на главных усадьбах хозяйств многие родители не желают отдавать детей в бурятские классы и не говорят с детьми дома на родном языке. Пока редко услышишь бурятскую речь на улице, в государственных учреждениях, на заседаниях, совещаниях и собраниях в государственных органах. Бурятский язык активно не функционирует в повседневной практике, поэтому эффект обучения детей родному языку невысок, так как у учащихся нет стимула учить его. Зачастую возникают и такие ситуации, когда руководители школ начинают уменьшать часы на преподавание родного языка или же вовсе отказываются от его изучения.

Наибольшее количество изучающих родной язык, неподдельный интерес к сохранению и изучению духовных ценностей родной культуры и языка характерны для школ Осинского (1905 учеников), Баяндаевского (1220 учеников) и Эхирит-Булагатского (1479 учеников) районов. Здесь удачно сошлось многое: наличие необходимой языковой среды, хорошо подготовленных педагогических кадров и желания родителей, самих детей постигать азы «материнского языка». И как результат, призовые места на окружных олимпиадах по бурятскому языку и литературе на протяжении последних лет (2001–2003) у Алевтины Малгатаевой, Анны Шобогоровой (Гаханская средняя школа Баяндаевского района), Вали Ларионовой, Елены Могзоевой (Олойская средняя школа), Даримы Шадаевой, Алены Балдаевой (Обусинская средняя школа).

Бурятский язык в школах округа преподают 255 учителей, из них: с высшим образованием — 122, с незаконченным высшим — 8, со средне-специальным — 125 человек. Учителей, удостоенных званий: «Заслуженный учитель Российской Федерации» — 2, «От-

личник просвещения» — 11 человек; высшей квалификационной категории — 11, первой — 55, второй — 114 человек.

Большинство учителей много работают над развитием творческого потенциала, ими накоплен огромный опыт по изучению родного языка и формированию нравственной культуры у детей на традициях народной педагогики, который успешно перенимается их молодыми коллегами. Хочется надеяться, что они продолжат добрые традиции своих наставников и выведут преподавание бурятского языка на качественно иной уровень.

В последние годы во многих школах накоплен положительный опыт внедрения национально-регионального компонента в различных образовательных областях. Эти компоненты содержания включают в себя родной язык, устное народное творчество и родную литературу, историю народа и его культуру, характеристику административно-территориального устройства региона, природно-климатических условий, специфику уклада жизни и быта, традиции и нормы взаимоотношений в семье и обществе, экологическую культуру, знакомство с народными праздниками и обрядностью. С учетом этого проводится инновационная работа (в Гаханской и Кырменской средних школах Баяндаевского района, Куйтинской основной школе Аларского района).

Бурятская национальная школа, функционирующая на территории округа, сохранив только один признак национальности — обучение родному языку по принципу предметного преподавания, в значительной мере утратила свое предназначение — играть роль решающего фактора в поддержании связи времен, в обеспечении преемственности поколений. В 55 школах занимаются по национальных программе: бурятским разговорным — 33, факультативно — 13 школ. В 12 школах Аларского района бурятский язык изучается по 3-му варианту учебной программы, хотя в таких школах, как Бахтайская, Ныгдинская, Куйтинская в полной мере может осуществляться обучение по национальной программе. Всерьез заняться родным языком здесь позволяет речевая среда, имеются высококвалифицированные кадры: во всех 4 школах работают учителя, за плечами которых свыше 20 лет педагогического стажа. Есть школы и в Эхирит-Булагатском (Булусинская, Гаханская средняя школа), Баяндаевском (Люрская средняя школа), Нукутском (Верхне-Куйтинская общеобразовательная школа), Боханском (Дундайская, Укырская средняя школа) районах, где в перспективе возможно преподавание родного языка по национальной программе. Также считаем необходимым ре-

шение вопроса введения факультативных курсов по бурятскому языку и культуре во всех школах, где превалирует число детей, в той или иной мере владеющих бурятским.

Раннее изучение бурятского языка ведется в 44 дошкольных образовательных учреждениях из 99, что составляет 44,4% от числа всех ДООУ. По районам это выглядит таким образом: в Аларском — 4, Баяндаевском — 9, Боханском — 8, Нукутском — 6, Осинском — 11, Эхирит-Булагатском — 6 (всего 1258 детей).

Функционирование национально-регионального компонента в системе дошкольного образования, на наш взгляд, представлено по линии отбора содержания, отражающего специфику природно-климатического, культурно-исторического, национально-специфического окружения ребенка, что позволяет обогатить и дифференцировать задачу формирования национального самосознания, патриотического, трудового, эстетического, нравственного, экологического разделов воспитания.

Наблюдение и анализ практики воспитания показывают, что воспитатели дошкольных учреждений в последние годы активно ведут поиски содержания, форм и методов приобщения детей к истокам народной культуры, накоплен богатый и интересный материал по народной педагогике, но нет полного систематического использования этого материала в практической деятельности. Наиболее интересным, содержательным и эффективным является педагогический опыт работы по развитию бурятского языка, культуры и традиций в таких дошкольных учреждениях округа, как детские сады п. Бохан, с. Обуса, п. Усть-Ордынский, с. Закулей Нукутского района, где с большим энтузиазмом трудятся замечательные педагоги.

Рассматривая образовательные учреждения как социальный институт формирования национального самосознания, администрация округа принимает ряд мер по сохранению и развитию бурятского языка как основного средства функционирования культуры народа. Сегодняшняя конференция — тому подтверждение. Кроме того, вопросы состояния и перспектив развития бурятского языка в округе регулярно рассматриваются на заседаниях Ассоциации парламентов трех регионов: Республики Бурятия, Агинского и Усть-Ордынского автономных округов.

Понятно, что развитие национальной системы образования происходит в сложной ситуации. На деятельность национальных школ, как и всех образовательных учреждений, дестабилизирующее воздействие оказывают

социальная и экономическая нестабильность в обществе, дефицит финансовых средств, неполнота нормативной правовой базы в области образования и др.

Поддержка и развитие материально-технической базы образовательных учреждений является одним из основных условий успешного осуществления учебного процесса. Имеющиеся кабинеты бурятского языка и литературы в полной мере не всегда становятся центрами развития традиционной культуры из-за слабого финансирования: отсутствуют необходимые технические средства оснащения — аудио-, видеоаппаратура и т. п. В условиях преподавания детям, чьи родители не изучали родного языка, а значит, дети фактически нигде не слышат родной речи, крайне важно эмоциональное подключение учащихся к теме, момент сопереживания. Современный ребенок — самый активный потребитель продуктов компьютеризации и многочисленных телевизионных каналов, которые охватили практически все сферы жизнедеятельности человека. Разнообразие аудио- и видеоматериалов, несомненно, помогло бы учителям активизировать учебный процесс, а учащимся более успешно овладевать знаниями по родному языку и литературе.

Одной из трудных задач развития национальной системы образования является подготовка и издание оригинальных программ, наглядных учебно-методических комплексов. Изучение языка немислимо без наличия пособий-самоучителей, словарей, разговорников. Как бы то ни было, нам все же удастся проводить определенную работу в этом направлении: в национальные школы округа поступили изданные в декабре 2002 года пособия по бурятскому языку для начинающих «Мэндэ-э!». В 2003 году при содействии Фонда социально-экономическим программам депутата Государственной Думы В. В. Кузина выпущены 5000 экземпляров «Узэглэл» (для детей дошкольного и младшего школьного возраста), авторами которого являются учителя Обусинской средней школы Осинского района: Е. Н. Шайнова, В. М. Мантыков и кандидат педагогических наук Н. Р. Петрова.

За последние два года приобретены 400 экземпляров учебников бурятского языка для 1-го класса русскоязычных школ, дидактические пособия по бурятскому языку для 5–9-х классов национальных школ, 600 экземпляров учебников бурятского языка и литературы для 3, 4 и 5-х классов. Но это не решает проблемы. Учебный фонд безнадежно устарел: ощущается острая нехватка учебной литературы в среднем звене национальных школ, нет в наличии сборников диктантов,

изложений, тестовых заданий, наглядных пособий. Положение с изданием учебников по предметам федеральных и национально-региональных компонентов государственных образовательных стандартов остается критическим. В книжных издательствах Бурятии учебная литература издается только на условиях софинансирования, и мы вынуждены приобретать учебники по остаточному принципу.

В целом остается проблемой и кадровое обеспечение национальных школ и дошкольных учреждений. Сохраняется устойчивая тенденция старения педагогических кадров, недостаточно молодых специалистов. В отдаленных районах (Аларском и Нукутском) не хватает квалифицированных учителей бурятского языка. Низок процент учителей с высшим образованием: 47,8% от общего числа учителей бурятского языка.

Продолжает сохраняться тенденция в изменении качественной структуры педагогических кадров: количество учителей с высшей и первой квалификационной категорией существенно меньше — 25,9% от общего количества учителей, преподающих бурятский язык. Администрациям школ и отделам образования на местах необходимо создать все условия для творческого роста, повышения квалификации и своевременной переподготовки педагогов всех уровней образования, обеспечить привлечение в национальную систему образования талантливых специалистов, способных на высоком уровне осуществлять учебный процесс, вести научные исследования, осваивать новые технологии, воспитывать у обучающихся духовность и нравственность.

Проблемой остается и отсутствие необходимой преемственности в обучении бурятскому языку уровней дошкольного и начального общего образования, а также начального и основного общего образования. Воспитанники 37 из 44 дошкольных учреждений в какой-то мере могут продолжить обучение родному языку в начальном звене, но и здесь может быть «камень преткновения». В таких детских садах, как «Аленушка», «Туяна», «Елочка» п. Усть-Ордынский пятичасовое обучение в неделю, то есть учебный материал по родному языку изучается в полном объеме, в начальном же звене они вынуждены заниматься языком факультативно. Поэтому перед нами стоит важнейшая задача развития бурятского языка в дошкольном и начальном звене, ведь именно здесь должны быть заложены основы формирования личности детей, приобщения их к национальной культуре и морали.

Современное состояние преподавания бурятского языка требует дальнейшего обновления содержания обучения и воспитания,

учитывающего конкретную национальную культуру. Необходимо обратить серьезное внимание на содержание методической работы в отделах образования. Следует организовать более целенаправленную работу с учителями в плане обогащения их знаний в области истории, культуры, искусства народа, развития современного стиля педагогического мышления, профессиональных навыков, потребности в постоянном самообразовании.

Требуется коренная реконструкция внутришкольного управления. Руководитель школы обязан уметь создавать целевую основу управления исходя из задач, стоящих перед национальной школой. Большое внимание должно быть уделено проблемам изучения родного языка, вопросам истории и культуры бурятского народа. Развитие личности на основе познания национальной культуры и языка требует от руководителя школы критического осмысления ситуации, целенаправленной аналитической деятельности. Например, необходим анализ того, в какой мере сохранился родной язык, как им владеют дети, родители, учителя. На основе аргументированных выводов, полученных в результате такого анализа, можно направить усилия коллектива на выполнение этой программы, сформулировать реальные задачи по развитию языка, разработать программу реализации.

Важным в направлении деятельности руководителя является развитие сотрудничества с социальной средой, — это одно из условий дальнейшего развития национальной школы. Школе не прибавит авторитета ее замкнутость. Учебным заведениям, связи которых с внешней средой недостаточны, не избежать отчужденности со стороны родителей и общественности. Осмысление этого в педагогических коллективах необходимо, чтобы используя все самое ценное в бурятской культуре и традициях, коснуться чувствительных струн, национального своеобразия каждой семьи, сделать две могучие силы воспитания — семью и школу — настоящими союзниками, прекрасно осознающими цели благородного союзничества.

Изучение бурятского языка — это реализация учебной программы, формирование языковых и интеллектуальных способностей, развитие этнопсихологических особенностей личности учащихся, систематическое приобщение к национальной культуре, традициям и обычаям родного народа, к его духовным и социально-этическим ценностям, воспитание межнационально-гуманистического отношения к другим народам не только полиэтнического округа, но и социокультурного пространства в мировом масштабе.

Г. И. ЛОВЕЦКИЙ,

директор Департамента образования и науки Калужской области, доктор философских наук

РУССКАЯ КУЛЬТУРА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Одним из ярких проявлений глобализации является кризис идентичности человека как атомарного явления культуры, его языковых границ, интерпретации происходящего в качестве смыслообразующего целостного начала. Мнимая угроза национальной принадлежности в виде глобального наступления и насаждения английского языка развеивается при ярком свете узкотехнического его применения. И трансформация производственных отношений, следствием которой становятся проявления способностей производства, переработки и творческого использования знания (каким бы радикальным ни был данный процесс), меркнет в сравнении с глубинными процессами распада классической русской культуры. Социологические исследования жестко фиксируют, что поколения перестают понимать друг друга. Жизненным установкам современной молодежи свойственны пренебрежение гражданским долгом, молодые люди хотели бы стать «крутыми», то есть развязанными, освобожденными от моральных обязанностей перед отцами¹.

Для русского народа всегда была чрезвычайно важна связь поколений, восприятие времени как реально происходящего, о чем проникновенно писал Д. С. Лихачев. Поэтому возникает критический вопрос о способности современников преодолеть монотонность исторического развития в виде регулярного возврата к одним и тем же политико-культурным конструктам, к упрощенным способам жизнедеятельности социума: полусказочная вера в счастье дополнялась механизмом точечных воздействий, когда небольшая группа (большевики, инициаторы перестройки и др.) приводила в действие широкие массы народа. Преодолеть подобное положение возможно лишь путем культурного обновления, корни которого так настойчиво искали в образовании И. В. Киреевский в середине XIX века и Д. С. Лихачев.

До сегодняшнего дня остается актуальной мысль Киреевского о концентрации усилий школы на формировании цельной личности, для которой вера и разум существуют только в согласии. Это является ключевым условием для познания сущностей, недоступных отвлеченному логическому мышлению. Необ-

ходимо вхождение в познание всем существом, а не только разумом, ибо только так преодолевается зависимость человечества от слепого копирования априорных форм мыслительной деятельности.

Итогом размышлений над вопросом о том пути, по которому надо идти России — следовать ли за достижениями западной философии, развивать ли собственные оригинальные направления, что заимствовать у античной культуры, в сокровищнице христианской духовной мысли, — является незавершенная работа И. В. Киреевского «О новых началах русской философии», которая возрождает и золотой век русской философии и серебряный век русской литературы.

Наиболее ценные мысли Киреевского получают развитие в работах П. Д. Юркевича (идеи цельной философии применительно к педагогике)², Вл. Соловьева³, Г. Г. Шпета⁴.

Зависимость схемы внутри вещи, изучаемой от кинестетического движения в виде тех или иных образов, связана с так называемой психофизической причинностью, включая ощущения, эмоции, переживания. Осадки пережитого и есть социализация, считает Шпет⁵.

Эмпатия ведет к конструированию интерсубъективной объективности вещей и людей как физиопсихологических единств (в материальном воплощено социальное, а не только идеальное, и в отношении другого к нему рождается в моем переживании идентификационность). Слово как знак имеет своим коррелятом значение, а знак как физиологическая, природная вещь является чувственно воспринимаемым. Но к числу вещей природы, или чувствительности, следует отнести также социальные вещи.

Ребенок различает в системе форм действительности «свои» виды знака:

² Юркевич П. Д. Курс общей педагогики с приложениями. М., 1869.

³ Соловьев В. Философские начала цельного знания // Соловьев В. Собр. соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2.

⁴ Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. М., 1921.

⁵ См.: Бычков В. В. Феномен неклассического эстетического сознания // Вопросы философии. 2002. № 12. Ч. 2. С. 80–93; Щедрина Т. Г. Коммуникативное пространство русского философского сообщества (опыт реконструкции философского архива Густава Шпета) // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 106–119.

¹ См.: Муздыбаев К. Жизненные стратегии современной молодежи: межпоколенческий анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 1. С. 175–189.

- как продукты внутреннего переживания;
- как знаки со значением (а это и есть сфера социального);
- как признаки предметов.

Шпет полагает, что мышление оформляется чувственностью. Говоря о значении контекста, он пишет, что в действительном мире ни одно средство не может быть дано нам иначе, как в виде вещи, осуществления. Любую вещь «природы» мы делаем из вещи естественной вещью социальной (и исторической). Слово как знак и как данный факт подходит под все сказанное, оно — социальный и исторический факт.

В работах Выготского («Проблема культурного развития ребенка», «Мышление и речь») показано, что развитие ребенка имеет две линии — естественного созревания организма и культурного совершенствования психологических функций, выработки новых способов мышления, овладения культурными средствами поведения. Ребенок, писал Выготский, может и запоминает лучше оттого, что развились и усовершенствовались в тот же период времени нервно-психические процессы.

Культурное развитие заключается в усвоении таких приемов поведения, которые основываются на использовании и употреблении навыков в качестве средств для осуществления той или иной психологической операции; оно заключается в овладении такими вспомогательными средствами поведения, которые человечество создало в процессе исторического развития, и какими являются язык, письмо, система счисления.

Инструментальная функция слова состоит в том, что каждая вещь имеет свое имя. Этот перелом в сознании ребенка сказывается объективно в том, что ребенок начинает активно расширять свой словарь, спрашивая о каждой вещи. Следующий важный шаг — переход внешней речи во внутреннюю. Ребенок в овладении собой (своим поведением) идет в общем тем же путем, что и в овладении внешней природой, то есть извне. Человек овладевает собой как одной из сил природы, извне — при помощи особой культурной техники знаков.

Этот метод по существу является методом историко-генетическим. Поведение может быть понято только как история поведения. Метод этот является не только ключом к пониманию высших, возникающих в процессе культурного развития форм поведения ребенка, но и путем к практическому овладению ими в воспитании и школьном обучении.

Применение этого метода возможно в плане:

- анализа состава культурного приема поведения;
- структуры этого приема как целого и как функционального единства всех входящих в его состав процессов;
- психогенеза культурного поведения ребенка.

Объективность роднит этот метод с естественно-научными методами изучения поведения. Вместе с тем, исследуя поведение, мы поступаем так, как поступил бы тот, кто хотел бы проследить путь, который проходит рыба в глубине от того места, где она погружается в воду, до той точки, где она снова всплывает на поверхность. Мы все время стараемся удержать в своих руках внешнюю нить от внутреннего процесса.

Старая психология рассматривала слово в качестве внешнего выражения мысли, которое не принимает никакого участия в ее внутренней жизни. Между тем слово представляет вещь в сознании. Оно является обобщением своеобразного способа отражения действительности в сознании, оно психологически насыщено.

Значение слова не константно: оно изменяется вместе с развитием ребенка, а также при разных способах функционирования мысли; оно — динамическое образование, которое меняется в процессе функционирования значений в живом ходе словесного мышления. Мы должны показать, что на каждой ступени развития существует не только своя особенная структура словесного значения, но также определяемое этой структурой особое отношение между мышлением и речью.

Звуковая и смысловая стороны слова для ребенка первоначально представляют непосредственное единство, недифференцированное и неосознанное. В начале развития имеет место слияние обоих планов речи и постепенное их разделение, так что дистанция между ними растет вместе с возрастом, и каждой ступени в развитии словесных значений и их осознанности соответствует свое специфическое отношение семантической и фазической стороны речи и свой специфический путь перехода от значения к звуку.

Предметная соотнесенность слова выражена у ребенка сильнее и ярче, чем у взрослого (например учителя или методиста), в силу чего оно легче может быть оторвано от предмета и способно начать жить самостоятельной жизнью в его мыслях. Но семантический план речи есть только начальный и первый из ее внутренних планов. Без правильного понимания психологической природы внутрен-

ней речи нет и не может быть никакой возможности выяснить отношения мысли к слову во всей их действительной сложности.

Ценные мысли Киреевского, Шпета, Выготского остались не то чтобы незамеченными и непонятными, но подавленными рутинным слогом той педагогики, которая является механическим началом в обучении. В связи с этим предельно важно признание ведущих психологов страны, что отличительной чертой развивающего обучения становится сознание учащегося, а не только уровень обученности по учебным предметам и социальным нормам поведения в соответствии с образовательными стандартами¹.

В ходе экспериментальной и инновационной работы, проделанной коллективом ученых и учителей Калужской области под руководством профессора А. Ф. Малышевского (Санкт-Петербург), создана методологическая база по изменению содержания общего школьного образования. Разработаны и апробированы учебники для начальной школы, принципиальное отличие которых в том, что учебный материал приведен в соответствие с закономерностями развития мозговых структур и психолого-возрастными особенностями детей младшего школьного возраста. Обучение чтению ведется не по слогам, а целыми сло-

вами. Подбор текстов позволяет последовательно и осмысленно развивать мышление ребенка от абсолютного уровня спонтанного мышления до самого высокого, доступного в возрасте 12–13 лет — начального уровня этики, квазиэтических отношений, формирующегося параллельно с абстрактным мышлением. Одновременно последовательно формируется объективное сознание, уровни творческого пробуждения, соответствующие нейро-психическому развитию ребенка, которые для каждого соответствующего уровня повторяются с периодичностью чередования уровней развития мышления. Закладываются навыки моделирования элементарных и более сложных процессов: прохождение курса естествознания и биологии предполагает моделирование на уровне клетки и клеточных соединений, физики и химии — на молекулярном, атомном и субатомном уровнях.

Все это вместе взятое — и этические начала, и возможности моделирования окружающего мира с помощью тех языков, которые дает школа, — обеспечивает решение важнейшей стратегической задачи: подготовку людей к жизни в условиях нанотехнологий, биоинженерии и культурных инноваций глобального мира.

В. А. НЕКРАСОВ,

председатель Комитета образования Курской области, кандидат социологических наук;

Н. В. БОЛОТОВ,

начальник отдела Комитета образования Курской области, кандидат исторических наук

ПРАВО И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ

Система образования Курской области — неотъемлемая часть российского образования. Она выдержала испытания временем, по многим направлениям получила дальнейшее развитие. Сегодня она включает в себя более 1,4 тыс. образовательных учреждений, в которых обучаются и работают около 300 тыс. человек.

В условиях, когда отрасль, как и вся Россия, находилась в глубоком кризисе, подавляющее большинство педагогических коллективов области самоотверженно трудились над обновлением содержания образования, улучшением качества обучения и воспитания школьников. Важно, что в 1990-е годы уда-

лось не растерять накопленный опыт, сохранить педагогические кадры. Используя теоретический и практический багаж, многие школьные коллективы региона включились в творческий поиск лучших форм и методов обучения и воспитания.

В воспитательной работе с учащимися важное место отводится духовно-нравственному формированию. Нет сомнения, что преодолеть многие проблемы в развитии можно, восстанавливая духовную, традиционную культуру и воспитание. Именно поэтому многие педагогические коллективы региона начали возрождать православное просвещение, знакомящее детей с родной верой, культурой, христианскими святынями, нравственными ценностями, историческими и культурными памятниками.

Проблема обретения церковью прочного общественного статуса, сохранения своего до-

¹ Панов В. И. Психологические аспекты построения образовательных технологий как условие оптимизации развития // Мир психологии. 2004. № 1. С. 33–44.

стоинства, выполнения важнейшей задачи возрождения духовности народа является весьма актуальной. Формирование нравственных основ личности может стать одним из путей плодотворного сотрудничества церкви, государства и школы. Залогом духовного и материального процветания общества должно стать воспитание в подрастающем поколении патриотизма, чувства ответственности перед обществом за свои поступки, осознанной свободы совести, опирающейся на высокую нравственность.

Для российского государства важно выстроить такую модель взаимоотношений с религиозными организациями, которая отвечала бы российским традициям и менталитету, учитывала опыт прошлых лет, а также непростую ситуацию в религиозной сфере современного общества. Речь должна идти о сосуществовании светской и религиозной духовности, о проявлении должной терпимости в их взаимоотношениях, ибо религия является частью человеческой культуры. Сегодня ясно, что система гражданского образования должна складываться, начиная с младших классов, и опираться на все здоровые идеологические силы общества, в том числе и церковь.

В 1997 году во многих школах Курской области был введен курс «Основы православной культуры», который был призван укрепить образовательный и духовный потенциал школы. В 2003 году данный курс изучался в 365 школах области. Давая согласие на включение этого курса в учебные планы государственных школ, органы управления образованием исходили из требований федеральных нормативных актов и инструкций:

— преподавание должно носить информативный, религиозно-познавательный характер без совершения религиозных обрядов;

— необходимо изучение истории, нравственных принципов, современного состояния православия;

— должна воспитываться веротерпимость, уважительное отношение и лояльность к убеждениям других людей.

При этом учитывалась особая роль православия в формировании ценностных ориентаций учащихся. Однако органы управления образованием занимают принципиальную позицию в отношении попыток отдельных иерархов местной епархии по трансформации курса «Основы православной культуры» в изучение Закона Божия.

Можно выделить два основополагающих принципа совместной работы органов управления образованием и церкви — добровольность и постепенность внедрения курса в мас-

совую практику. Без сомнения, время будет вносить свои коррективы и в содержательную, и в организационную стороны процесса. При этом все должны учиться разумному компромиссу.

Основные направления работы, общий порядок процесса изучения православной культуры в Курской области определяет Общественный совет по развитию православной культуры, утвержденный распоряжением губернатора Курской области № 227-р от 10 апреля 1997 года, в который входят руководители органов государственной власти области и общественных организаций, учебных учреждений, преподаватели, священнослужители.

Постановлением Курской областной думы № 587-III ОД от 26 ноября 2002 года была утверждена областная программа «Изучение православной культуры в Курской области на 2003–2005 годы», которая предполагает поэтапное введение изучения православной культуры в общеобразовательных учреждениях Курской области. В том числе: в 2002/03 учебном году — в начальной школе, в 2003/04 году — в 5–9-х классах, в 2004/05 году — в старших классах.

При Комитете образования Курской области создан и функционирует совет по экспертизе образовательных программ религиозно-ведческой ориентации, который анализирует состояние соблюдения принципов светского характера образования.

Опыт реализации Программы православной культуры 1996–2004 годов показал ее жизненность и востребованность школами области. С 1997 по 2004 год на базе ФГЖ и ПРО КГУ подготовлены более 1000 учителей по программе православной культуры. Необходимую консультативную помощь учителям в изучении предмета «Основы православной культуры» оказывают священнослужители Курской епархии. С этой целью за каждой школой закреплен священник.

В 2002 году в Курском государственном университете открыто отделение «теологии и религиоведения», на которое ежегодно осуществляется набор студентов в количестве 25 человек. Наиболее успешно работа по изучению основ православной культуры поставлена в Хомутовском, Суджанском, Щигровском, Курском, Солнцевском, Б. Солдатском и других районах области.

В конце 2003 года Комитетом образования совместно с лабораторией русской школы было проведено широкомасштабное анкетирование. В нем приняли участие 1823 учащихся, 1367 родителей, 185 учителей, 124 директора школ и 28 руководителей органов управления образованием. Большинство опрошенных поддерживают дальнейшее изуче-

ние основ православной культуры в школах области.

Принцип светского характера системы государственного образования определяется прежде всего тем, что государство берет на себя обязанность уважать право каждого учащегося и его родителей на свободный выбор атеистического или религиозного воспитания в любых его формах, не противоречащих действующему законодательству. Учитель государственной системы образования должен учитывать тот бесспорный факт, что граждане Российской Федерации в своем отношении к религии и атеизму придерживаются самых различных убеждений. Одни из них исповедуют религию, другие по самым различным

причинам не исповедуют никакой религии и являются атеистами. Но с другой стороны, учитель не может не учитывать особую роль в формировании нравственных ценностей учащихся органических религий, в нашем случае православия. Поэтому органы управления образованием должны проводить работу по организации изучения истории, нравственных принципов, содержания православия.

Сегодня мы осознаем, что у нас одна история, одно Отечество и одно будущее, которое мы строим. Совершенствование взаимодействия гражданского и религиозного воспитания молодежи становится важным фактором укрепления социально-политической безопасности.

В. И. БЕЛОУС,

заведующий кафедрой современной отечественной истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор исторических наук, профессор

ЛИЧНОСТЬ УЧЕНОГО В ГУМАНИТАРНОМ ОБРАЗОВАНИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

История во многом развивается благодаря воздействию на нее крупных личностей. В этом отношении процесс гуманизации современного российского общества и общественного сознания его носителей не может проходить без изучения биографий выдающихся деятелей науки, к которым относится и Сергей Иванович Архангельский — талантливый ученый с европейским именем, крупный организатор высшего образования и исторической науки, общественный деятель. Пройти путь от безвестного провинциала до члена-корреспондента Академии наук СССР дано далеко не каждому. Для этого необходимо обладать не только блестящими способностями, но и немалым трудолюбием, целеустремленностью, умением «держать удар». Этими качествами С. И. Архангельский обладал в полной мере.

Биографы рисуют благостный образ нижегородского историка¹, что не всегда соответствует истине. Это был не простой человек, со своими страстями и противоречивостью характера. С. И. Архангельский родился в маленьком провинциальном городке Семенове Нижегородской губернии 10 января 1882 года. Его отец Иван Андреевич служил чиновником, мать Вера Константиновна была домо-

хозяйкой. Родители рано скончались, и мальчика воспитывала сестра отца.

В 1900 году Сергей Иванович окончил с золотой медалью гимназию и поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Московского университета, который и окончил в 1907 году по специальности «история». Столь длительное обучение было обусловлено тем, что за участие в студенческом движении в 1902 году он был отчислен из университета и заключен на три месяца в тюрьму, но впоследствии восстановлен. В университете слушал лекции и занимался в семинарах профессоров П. Г. Виноградова, Р. Ю. Виппера, А. Н. Савина. Дипломная работа С. И. Архангельского, которую он писал под руководством Р. Ю. Винтера, называлась «Социальная история Флоренции и политическое учение Макиавелли». В 1911 году часть ее была опубликована в журнале Министерства народного просвещения². После окончания университета, с августа 1907 по 1916 год Сергей Иванович работал преподавателем истории Мариинской женской гимназии и одновременно с августа 1912 по 1918 год преподавал в губернской гимназии Нижнего Новгорода³. В это же время он стал готовиться к магистерскому экзамену по всеоб-

¹ См.: Сергей Иванович Архангельский: жизнь в науке. Н. Новгород, 2002. С. 65; Нижегородская элита — XX век: Региональный энциклопедический биографический словарь. Нижний Новгород, 2001. С. 143.

² Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО), ф. 3, оп. 1, д. 5995, л. 46.

³ ГОПАНО, ф. 3, оп. 1, д. 5995, л. 44 об.

щей истории, но Первая мировая война преврала его занятия.

В августе 1917 года С. И. Архангельский становится преподавателем истории Нижегородского педагогического института¹. Был председателем комиссии по общественным наукам и заведующим, позднее деканом общественно-экономического и исторического факультетов. С мая 1934 года — профессор кафедры всеобщей истории Горьковского педагогического института, а с 1 сентября 1946 года в Горьковском государственном университете им. Н. И. Лобачевского — декан историко-филологического факультета, заведующий кафедрой всеобщей истории, где и проработал до своей кончины в 1958 году.

Деятельность С. И. Архангельского складывалась из трех, теснейшим образом связанных частей: научной, организационной и общественной. Он был широко образованным человеком. Современники отмечают его солидную базовую подготовку. Он хорошо знал английский, французский, немецкий, итальянский, латинский и греческий языки. Все это позволило ему стать одним из крупнейших историков СССР.

С 1925 года С. И. Архангельский стал писать свою главную работу «Аграрное законодательство Английской революции», первый том которой вышел в свет в 1935 году, а второй — в 1940 году. И в том же году ученый совет исторического факультета МГУ за представленную в качестве диссертации вторую часть книги присудил Архангельскому ученую степень доктора исторических наук. С 1940 года он изучал крестьянские движения в 40–50-е годы XVII века и внешнюю политику Англии в годы революции².

Вместе с тем С. И. Архангельский был и крупным краеведом, занимаясь проблемами крепостного хозяйства, крестьянского движения, возникновения и развития промышленного пролетариата, истории развития краеведческих идей в Нижегородской области и

Нижегородском ополчении 1812 года³. За свою научную деятельность С. И. Архангельский в 1946 году был избран членом-корреспондентом АН СССР. Отмечу, что это был единственный представитель провинциальной России того времени.

С. И. Архангельский — прирожденный организатор. За свою жизнь он был и заведующим кафедрой, и проректором педагогического института. Вершиной его организационной работы, на мой взгляд, было создание и руководство историко-филологическим факультетом Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского с 1945 по 1958 год⁴. В предельно короткий срок, буквально за три месяца, им был собран коллектив квалифицированных преподавателей, и началась нормальная учеба студентов и работа двух кафедр. Справедливости ради отмечу, что когда ректор университета того времени профессор А. Н. Мельниченко характеризовал С. И. Архангельского как «блестящего» лектора⁵, он явно преувеличил. По отзывам современников лекции, он читал слишком академично. И конечно, С. И. Архангельский вел большую общественную работу, хотя никогда не был членом КПСС. До революции он был членом Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, в 1920-е годы председателем Нижегородского научного общества по изучению истории местного края, одним из руководителей областной организации общества «Знание» и т. д.

Как представляется, С. И. Архангельский, несмотря на внимание к нему советской власти, все же был нетипичным ученым в типичную сталинскую эпоху.

³ Галай Ю. Г. С. И. Архангельский как практик, историк и теоретик краеведения // Галай Ю. Г. Сергей Иванович Архангельский: жизнь в науке. С. 34–42; Добротвор М. Н. Актуальность исследований С. И. Архангельского по аграрному вопросу в Нижегородском крае на рубеже XIX–XX веков // Добротвор М. Н. Сергей Иванович Архангельский: жизнь в науке. С. 43–47; Седов А. В. С. И. Архангельский — выдающийся краевед // Седов А. В. Сергей Иванович Архангельский: жизнь в науке. С. 48–56.

⁴ Подробнее см.: Молев Е. А. С. И. Архангельский как руководитель // Молев Е. А. Сергей Иванович Архангельский: жизнь в науке. С. 3–7.

⁵ ГОПАНО, ф. 3, оп. 1, д. 5995, л. 47.

¹ ГОПАНО, ф. 3, оп. 1, д. 5995, л. 44 об.

² Подробнее см.: Лукоянов В. В. С. И. Архангельский как медиевист // Лукоянов В. В. Сергей Иванович Архангельский: жизнь в науке. С. 17–22; Телегина Э. П. С. И. Архангельский — историк Английской буржуазной революции // Там же. С. 22–34.

М. Ш. БОНФЕЛЬД,

заведующий кафедрой теории и истории музыки Вологодского государственного педагогического университета, доктор искусствоведения, профессор

КОНТИНУАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ — НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ АТРИБУТ ПРИОБЩЕНИЯ К ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

В последней четверти XX века в отечественную науку замечательным ученым, специалистом по вероятностным процессам В. В. Налимовым было введено сравнительно малоизвестное понятие «континуальное мышление»¹. Рассматривая взаимодействие языка и мышления, он обратился к тем сферам человеческой мысли, которые не поддаются опосредованию словом и, соответственно, языком. Существование таких проявлений мышления было зафиксировано и раньше в трудах многих ученых в разных областях знания и отмечено творцами почти во всех видах искусства.

Термин «континуальное мышление» обозначает тип мыслительной деятельности, протекающий как единое целое, то есть не делимый на какие-то этапы, которые могут быть опосредованы словами-знаками. Отсюда его название — «континуальное», то есть непрерывное, не членищееся, в отличие от мышления дискретного — прерывистого, опосредованного отдельными словами.

Континуальное мышление — это мыслительный поток, протекающий параллельно обычному, дискретному мышлению, но поскольку он не сочетается со словами, то существует неосознаваемо: мы не в состоянии проследить за этим процессом. Возникает естественный вопрос, как же можно выявить наличие такой мыслительной деятельности, которая никак не проявляется в сознании? Ответ на него можно сформулировать следующим образом.

У каждого человека возникают ситуации, когда некое решение, ответ на сложный вопрос появляются не в результате последовательного, шаг за шагом, размышления, а как бы ниоткуда, разом, как уже полностью готовые. Для таких ситуаций существует даже поговорка, которая отражает их повторяемость в определенных условиях: «Утро вечера мудренее». Что здесь имеется в виду? Вы засыпаете вечером с грузом нерешенной проблемы, которая вас волнует, над решением которой мысль работает, но ответ тем не менее ускользает. И вдруг, просыпаясь утром, обнаруживается это решение, причем оно пришло сразу, готовым,

без постепенного сознательного к нему приближения.

Однако, в отличие от обыденной жизни, когда континуальное мышление дает о себе знать сравнительно редко, творчество в любой сфере неотделимо от деятельности этого типа мышления. Даже хорошая шутка, острота есть проявление не только таланта, но и отчетливо выраженного континуального мышления: она, шутка, не вычисляется, не калькулируется, а приходит сразу, готовой.

Как мне удалось доказать, понятия континуальное мышление и художественное мышление в значительной мере совпадают². Это значит, что континуальное мышление есть непреременный участник творческого процесса. Но — и это особенно важно — не только процесса, коль скоро речь идет об искусстве.

В науке, приводя к впечатляющим результатам, в самих результатах — законах, формулах, таблицах, графиках и тому подобном — континуальное мышление как бы гаснет, «умирает»: ни для восприятия, ни для пользования этими формулами в практике уже не требуется какого-то иного типа мышления, помимо обыденного, дискретного. Не так обстоит дело с результатами творчества художественного. Заключение в произведениях искусства континуальная мысль творца, являясь неотъемлемым компонентом этих произведений, пробуждается всякий раз, когда художественное творение становится объектом восприятия. И только присутствие и действием континуального мышления под влиянием тех сигналов, которые посылает художественное произведение, в каждом воспринимающем человеке может быть залогом адекватного понимания смысла данного художественного текста.

Процесс воздействия и пробуждения континуальной мысли, запечатленной в художественном творении, осуществляется, когда накапливается некая «критическая масса» впечатлений, когда слушающий, читающий или зрящий это творение внезапно ощущает его во всем многообразии деталей и в то же время как некое внутренне спаянное целое. Именно на этом этапе можно говорить о полноцен-

¹ Налимов В. В. Непрерывность против дискретности в языке и мышлении // Бессознательное. Тбилиси, 1978. Т. 3. С. 289.

² См.: Бонфельд М. Музыка: Язык. Речь. Мышление (Опыт системного анализа музыкального искусства): Тезисы. М., 1991. Ч. 1.

ном постижении этого творения искусства. «Зритель проходит через <...> стадии постепенного накопления данных, внезапно на каком-то моменте изложения вспыхивающих ощущением своего единства», — писал С. Эйзенштейн¹.

Наличие такого эффекта сформулировано Л. С. Выготским в его теории катарсиса и законе эстетической реакции, где он пишет, что эстетическая реакция «заключает в себе эффект, развивающийся в двух противоположных направлениях, который в завершительной точке, как бы в коротком замыкании, находит свое уничтожение <...> этот процесс мы хотели бы определить словом “катарсис”»². А вот какое определение катарсису дал недавно ушедший от нас С. Аверин-

цев: «Глаза плачут, и сердце уязвлено, однако и согрето, на душу сходит умиротворение, а мысль яснее и твердеет»³ — это можно было бы назвать и «радостью со слезами на глазах».

Следовательно, пробуждение континуального мышления — необходимый атрибут всякого полноценного восприятия любого художественного произведения. Но пробуждение континуального мышления — это одновременно пробуждение самого человеческого в человеке, это абсолютная «гуманизация» его мышления и чувствования. Возникает этот эффект только в результате приобщения к художественной культуре — единственному в своем роде феномену, дарованному человечеством человечеству.

Г. Е. ЗБОРОВСКИЙ,

декан социологического факультета Гуманитарного университета (Екатеринбург),
заведующий кафедрой социологии, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСТУПЛЕНИЯ РОССИИ В ЕВРОПЕЙСКОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Вхождение России в Болонский процесс предъявляет целый ряд новых требований к развитию высшего образования в стране. Поскольку оно рассматривается как неотъемлемая часть формирующейся в Европе единой образовательной системы, основанной на общности целого ряда фундаментальных принципов ее функционирования, постольку развитие высшего образования в России должно их учитывать в той мере, в какой это необходимо для его официального признания в Европе.

По нашему мнению, это означает, с одной стороны, учет лучших достижений в организации высшего образования ряда европейских университетов, с другой — сохранение сложившихся традиций отечественного образования, от которых ни коем случае нельзя отказываться. Самый бесперспективный путь — полное и слепое соблюдение и следование тому, что имеется в европейском высшем образовании.

Спорные проблемы содержатся по существу во всех основополагающих принципах Болонского процесса. Так, один из них касается создания системы легко сравнимых академических степеней за счет внедрения Приложения к диплому. Предполагается, что единая

система академических квалификаций должна обеспечить возможность трудоустройства граждан из тех европейских стран, которые вошли в европейское образовательное пространство. Однако за рубежом реальное признание дипломов осуществляется не через систему государственной аккредитации (как в России), а в рамках профессиональных ассоциаций, мнение которых является решающим для работодателей. Это означает в условиях жесточайшей конкуренции на рынке труда весьма ограниченные возможности трудоустройства лиц из других стран.

Другой принцип Болонского процесса означает введение двухуровневой системы высшего образования через бакалавриат и магистратуру. При этом степень бакалавра у нас вводилась в основном по американскому образцу, что означало доминирование общего, неспециализированного образования. Не случайно российские работодатели в большинстве своем до сих пор рассматривают бакалавра как недоучившегося специалиста и не расположены его признавать. Рынок труда для бакалавров в России так и не сложился. Следовательно, речь идет о качественной трансформации подготовки бакалавра (в соответ-

¹ Эйзенштейн С. Избр. произв.: В 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 119.

² Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1968. С. 272.

³ Аверинцев С. С. На границе цивилизаций и эпох: вклад восточных окраин римско-византийского мира в подготовку духовной культуры европейского средневековья // Восток — Запад. М., 1985. Вып. II. С. 15.

ствии с европейскими традициями) в сторону углубления специализации и расширения профильных курсов.

Однако здесь мы сразу сталкиваемся с реальной угрозой потери самых сильных и выигрышных сторон отечественного высшего образования — его глубины и фундаментальности. Возникает и другой вопрос: каким образом строить обучение магистров? Направлять ли его на подготовку педагогических кадров, научных работников или просто узких специалистов в определенной сфере деятельности? Четких ответов здесь пока нет.

Не менее спорным является положение Болонского процесса, касающееся введения во всех национальных системах образования системы учета трудоемкости учебной работы в кредитах, которая рассматривается как средство поддержки студенческой мобильности. Насколько мы готовы к ее принятию? Здесь необходимо учесть то обстоятельство, что нам придется переводить часы учебной нагрузки в кредитные единицы, что отчасти является механической процедурой, вдобавок уравнивающей в своем статусе все преподаваемые дисциплины.

Нельзя забывать, что основой кредитной системы является отсутствие нормативно установленного срока обучения и строго фиксированного перечня изучаемых курсов. За этим стоит слишком большая свобода выбора, что может привести к смешиванию студентами кредитов различных типов и уровней, а также к нарушению логики изучения курсов. Вряд ли целесообразно допускать появление такой индивидуальной образовательной траектории, которая основана на неограниченной свободе выбора.

Еще одним спорным положением Болонского процесса является признание необходимости для студента в течение одного года проходить обучение в другом вузе. За сменой в процессе обучения вузов (возможно, и не одного)

совсем не обязательно стоит повышение профессионального статуса будущего специалиста. Ситуация может иметь и иной, даже обратный, характер, особенно если студент обучается в сильном образовательном учреждении. Не случайно ректоры ряда российских университетов резко выступают против такой студенческой мобильности. Здесь возникает и еще одна серьезная проблема — финансовая, связанная с материальными возможностями студента получать образование в другом вузе, если он находится далеко от «родных пенатов», тем более за рубежом.

Спорные проблемы вступления России в европейское образовательное пространство можно еще долго перечислять и обсуждать, чем, собственно говоря, и занимается на протяжении последнего периода научная и вузовская общественность, особенно после того, как в сентябре 2003 года в Берлине российской делегацией была подписана Болонская декларация. Поскольку Болонский процесс является составной частью единого интеграционного процесса и реализуется в рамках всеобщей концепции глобализации, избежать вступления в него скорее всего вряд ли удастся. Речь идет о том, какой должна быть цена не только приобретений, но и потерь.

Российская система высшего образования имеет целый ряд неоспоримых достоинств, доказательством которых является успешная работа за рубежом многих выпускников отечественных вузов. Нашу систему образования признают и ценят за фундаментальную общенаучную и профессиональную подготовку кадров специалистов. Согласиться безоговорочно со всеми положениями Болонского процесса означает неминуемую утрату многих из достижений отечественного высшего образования. Нужна скрупулезная работа на всех уровнях вхождения в Болонский процесс по отстаиванию этих достижений.

В. А. КОСТИН,

заведующий кафедрой теории и практики управления Уральской академии государственной службы,
доктор философских наук, профессор

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Гуманизация образования представляет собой сложный процесс выработки и использования направленной на решение социальных проблем новой модели деятельности и отношений, связанных с трансляцией социального опыта, формированием и проявлением способностей человека. Процесс создания такой модели является сложным и включает в себя ценностные, поведенческие, когнитивно-проек-

тивные и методологические аспекты, которые не всегда развиваются соразмерно: зачастую между ними возникают коллизии, несоответствия, что не способствует успешной реализации поставленной цели.

Мы хотели бы обратить внимание на незавершенность осмысления методологических оснований проекта гуманизации, их противоречивость и недостаточность. Это свидетельствует

об отставании теоретической мысли от ценностно-проективной в осмыслении не только образования, но и других социальных феноменов. Такими методологическими основаниями, унаследованными от философии Просвещения, выступают методологический индивидуализм (наиболее разработанный вариант антропоцентризма) и социоцентризм, современной формой которого является объектный системный подход.

Смысл методологического индивидуализма заключается в том, что любую совокупную деятельность людей можно без остатка разложить на сумму индивидуальных действий, тем самым неявно подразумевается, что социум не представляет собой некой особой надындивидуальной реальности. Центральной идеей данного подхода, связанной с пониманием сосуществования индивидов, выступает осознание необходимости ограничения их индивидуальной деятельности для достижения того, чтобы действия одних не нарушали прав и свобод других. Сильной его стороной выступает идея о том, что человек является единственным субъектом истории и творцом своей собственной жизни, слабой — социологический солипсизм и утопизм.

Социоцентризм, напротив, исходит из того, что общество — это особая реальность, которая в прошлом интерпретировалась как организм, а в настоящее время — как система, существование которой подчинено объективным законам, а происходящие в ней изменения обладают определенной логикой. В социоцентристской интерпретации человек утрачивает значение субъекта-творца, выступает частью целого и его слугой и в этом качестве воспроизводится в составе целого. Действующие индивиды, с позиций этой концепции, подразделяются на две группы. К первой относятся те, кто способен осознавать логику целого, а стало быть, выступать в роли лидеров и учителей для другой части, участь которой — быть ведомыми. Трактовка человека как орудия неких сил представляет собой, по сути, теоретическое отрицание гуманизма. Тем не менее, несмотря на отмеченные особенности, сильной стороной концепции социоцентризма является учет синергетического эффекта в социальной жизни.

Нам представляется, что оба методологических подхода недостаточны для объяснения организованной совместной деятельности людей, будь то сфера производства или образования. В качестве альтернативы существующим парадигмам можно предложить концепцию системно-деятельного подхода, основная идея которого заключается в том, что социальные системы представляют собой упорядоченность действий людей. Действия, осуществляемые ин-

дивидами, а не они сами, выступают элементами социальных систем, в то время как индивиды являются субъектами деятельности. При этом средства осуществления последней представляют собой ее условия. Действия образуют систему, которая, однако, создается и воссоздается субъектами, а законы деятельности выступают не какими-то действующими сущностями, а ограничениями, которые должны учитывать люди в своих поступках.

Еще один концептуальный вывод, вытекающий из критического рассмотрения названных методологических подходов, заключается в том, что группа людей, осуществляющих совместную деятельность, является не организацией, а общностью, каждый член которой есть относительно автономный субъект совместной организованной деятельности. Организация в таком понимании — это не система, не объект, а свойство систем.

Из предложенных концептуальных идей следует, что субъекты выступают творцами системы деятельности. Речь идет о сотворчестве и сотрудничестве множества людей, однако их деятельность может иметь либо репродуктивный, либо творческий характер. Особенностью современного общества, в связи с автоматизацией всех видов деятельности, является возрастание масштаба и значения творчества, что и ведет к перестройке системы современного образования, которое не может выполнять свою роль, опираясь на прежние методологические схемы.

Образование по сути является системой коммуникативно-продуктивной информационно-деятельности, в ходе которой должна происходить не только социализация человека, освоение им уже выработанных и накопленных знаний, но и формирование креативных способностей, позитивных социальных ценностей. По-видимому, вторая задача образования становится ведущей в современном мире, ее обеспечение требует новых видов технологий обучения, мотивации, контроля, нового типа педагогических работников. Решение этой задачи вряд ли совместимо с жесткой стандартизацией как процесса обучения, так и его результата. Творчество как способность разнообразно и уникально по многим признакам: масштабу, сфере, способам, затрачиваемому времени и другому, поэтому индивидуализация образования — это не утопия, а настоятельная необходимость.

Таким образом, методологические основания изучения деятельности общностей должны представлять обобщенную и реальную характеристику человека и его жизни, искажения в этих вопросах неизбежно приводят к деформациям в решении конкретных вопросов, связанных с технологией, формами коммуникации, полномочиями, мотивацией и т. д.

О. А. ЛЕЙБОВИЧ,

заведующий кафедрой культурологии Пермского государственного технического университета,
доктор исторических наук, профессор

КОСНОЯЗЫЧИЕ КАК ВЛАСТНЫЙ ДИСКУРС В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В высших учебных заведениях изменяется языковая среда. Уличная речь теснит ее этикетные формы. Студенческие ответы, выступления административных лиц, преподавательская лексика — все обновляется за счет новых сленговых или рекламных, даже инвективных, оборотов, упрощается, становится невнятной. Косноязычие приобретает права, ранее в образовательных учреждениях запретные. Явление это не случайное. Вызванное к жизни современными культурными тенденциями, оно опирается на долговременную властную традицию.

В одной из книг о Кавказской войне цитируется обширный фрагмент из рапорта генерала Цицианова императору Александру. Вот небольшой отрывок из него: «...если б В. И. В. к совершенной для меня гибели соизволили когда-либо помыслить, что иная причина производит во мне желание удалиться со службы, посредством коей, начав ея от 13-летнего возраста, достиг до высочайшей степени блаженства моего приобретением неоценимого благоволения В. И. В. и такового же блаженной и вечной памяти государыни императрицы Екатерины Великой».

Я. Гордин в своем историческом исследовании, указывая на «невнятность и запутанность стиля генерала», умевшего «писать очень ясно, четко и лапидарно», предположил, что таким образом тот старался затемнить истинный смысл своего обращения к государю элементарно традиционной мотивацией¹.

Речь здесь идет, конечно, не столько о мотивации, сколько о речевом ритуале, к тому времени уже выглядевшем старомодным, но от того еще более акцентированным. Изложение своей просьбы витиеватым, вялым языком, избыточным немецкими оборотами, свидетельствовало как о респекте по отношению к государю, так и о лишающем дара речи трепете перед ним. Оно позволяет адресату выбрать любой из предложенных смыслов или найти собственный, то есть произвести редакторскую правку послания. В этом контексте косноязычие несет в себе обрядовую функцию, более сильную, нежели затверженные формулы. Косноязычие их дополняет, насыщая содержанием пустую оболочку, и превращает в метафоры

вежливые обороты, вроде «покорного слуги», «верноподданного», или в светской версии «*humble et tres obeissante Serviteur*».

Нарочито невнятная речь могла быть обращена и к иным лицам, занимающим равное или подчиненное положение по отношению к говорящему или пишущему. Ее крайнее выражение можно обнаружить в глоссо-лалическом языке А. В. Суворова, применяемом им и в устной речи, и в частной переписке. Фельдмаршал, блестяще владевший множеством языковых стилей, легко переходил от патетики к имитации детской речи, от размеренного слога, восходящего к римским образцам, к сбивчивой скороговорке, даже к подражанию петушиным крикам. По мнению Ю. Лотмана, такая свобода во владении языком — «лишь отражение богатства фантазии»².

Не оспаривая этого суждения, заметим только, что намеренное косноязычие А. В. Суворова несло в себе и другие, служебные смыслы: дистанцированность от этикетных форм речевого общения, подчеркивание своего особого высокого статуса и — не в последнюю очередь — установление речевого контакта с людьми, принадлежащими иным культурным мирам. Речевой строй суворовских солдат коренным образом отличался и от регламента уставной речи, и от *просвещенного* офранцузенного языка их офицеров. В такой ситуации сознательное отступление фельдмаршала от принятых языковых правил представляется сугубо инструментальным действием, способом организовать эффективную коммуникацию с солдатской массой, добиться ее признания и понимания.

Такая же практика в отношении генералов и царедворцев выполняла иную задачу: это заставляло собеседников или адресатов подчиняться авторским ритмам, принимать заданные им сниженные нормы общения, отказываться от освоенных заранее правил речевого этикета. А. В. Суворов таким способом принуждал этих людей сдавать завоеванные ими престижные статусы (светскость, просвещенность) и спускаться по социальной лестнице на несколько ступеней вплоть до детского или солдатского состояния.

¹ Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. СПб., 2000. С. 79.

² Лотман Ю. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 275.

Начальственное косноязычие приобрело особую актуальность в новую пореволюционную эпоху. Выступления комиссаров перед академической или писательской аудиторией не только содержанием своим, но и формой, даже обликом новых ораторов свидетельствовали о совершившемся перевороте¹. «Революция была почище любого землетрясения. Она перепахала, перевернула, вздыбила, перемешала все устоявшиеся слои быта, языка, цивилизованности и медвежьей российской дремучести <...> Землю продолжало трясти, вроде бы в продолжение прежнего. Все-му этому под стать из рупоров звучали бездарные, неприличные слова»².

О нарочитости в этом случае вести речь не приходится. Новые люди говорили, как умели. Нельзя исключить, однако, и социального высокомерия: нежелания подчиняться правилам старой культуры, совсем не обязательно дворянской, интеллигентской, научной или бюрократической, но также и социал-демократической. Косноязычие превратилось во властный дискурс.

Наиболее выразительным примером начальственной речи, наполненной безадресными угрозами, глухими намеками, неясными насмешками, многочисленными оговорками и отступлениями от всех и вся языковых правил, может служить речь наркома Н. И. Ежова перед новобранцами НКВД в марте 1937 года. Прочитируем краткий фрагмент, касающийся классификации агентуры: «Более широкая сеть, это сеть осведомителей, которая в известном смысле может быть названа агентурой, но она не представляет собой категории агентуры в том смысле, в каком мы привыкли ее понимать»³. Оратор не заботится о том, чтобы его верно и однозначно поняли. Для него главное указать слушателям на место, не позволяющее им рассуждать о начальственных указаниях, и напротив, обязывающее их к немедленному исполнению и — что само по себе немаловажно — к готовности принять заслуженное наказание за неизбежные ошибки.

Новый слог представлял собой сочетание канцелярских оборотов с просторечиями, патетических фраз с инвективами, контаминацию научных терминов (идеологем) и площадных выражений. Такой способ начальственной риторики стал образцом для речевых пуб-

личных практик во властных институтах⁴. В последние десятилетия советской истории он существовал параллельно с официальным, торжественным, газетным по происхождению языковым каноном, не предназначенным для живой речи, но исключительно для зачитывания с поднятой над залом трибуны. Советский канцелярит служил надстройкой над архаичными языковыми практиками, едва затронутыми книжной культурой. Промежуточный уровень, соответствующий профессиональным и социальным (интеллигентским) статусным позициям, во многих случаях обнаружил свою неразвитость, хрупкость, неукорененность.

Слом советской эпохи среди множества иных последствий повлек за собой и разрушение созданной ею системы официальной речи. В такой ситуации во властных дискурсах возобладал низкий стиль, восприимчивый к уличной языковой стихии. Освобожденные от обязательств, наложенных советским профессиональным каноном, должностные лица ввели в официальную речь низкие, бытовые или казарменные, упрощенные языковые фигуры и устойчивые идиомы. Неточность и размытость смыслов восполняется спонтанной экспрессией. В образовательных учреждениях его использование прежде всего обуславливается тем, что с его помощью администрация вузов стремится восстановить контроль над профессиональным поведением преподавателей, игнорирующих ранее установленные институциональные правила, вернуть или, вернее, усилить собственные иерархические статусы, подавить возможную оппозицию. Косноязычные речевые практики в новой ситуации представляются более эффективными, нежели те, что использовались на ученических советах или торжественных заседаниях.

Преподаватели, в свою очередь, обращаются к невнятному языку улицы в общении со студенческой аудиторией не только для того, чтобы установить с ней первичный контакт или организовать устойчивую коммуникацию. Чем менее преподаватель профессионален, тем он чаще попадает в такт культурному молодежному мэйнстриму. Если он толкует о преимуществах социализма, то сразу принимает образ домашнего дедушки, ворчащего на новые времена. Если он разоб-

¹ См.: Чуковский К. Дневник: 1910–1929. М., 1991. С. 275; Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С. 36, 289.

² Баткин Л. Сон разума // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 26.

³ Лубянка: органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ: Справочник. М., 2003. С. 574.

⁴ Недостаток места не позволяет здесь обсуждать проблемы, связанные как с изменениями внутри властного дискурса в позднюю сталинскую и последующие эпохи, так и с его трансляцией в иные речевые пласты. См.: Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2001; Геллер М. Машина и винтики. М., 1994.

лачает разврат, поселившийся в Интернете, на телевидении и в иных местах, то в чем-то повторяет мамыны упреки касательно длины юбок, манеры обращения с молодым человеком и нарушений временного домашнего режима. Если он публично обличает иноземцев-иноверцев-инородцев, то в его словах находит подтверждение и оправдание распространенная в молодежной городской субкультуре ксенофобия в самых разных ее формах. Если же он просто рассказывает истории из своей жизни, то тем самым также попадает в такт необязательной болтовне, характерной для повседневного молодежного общения. (Мы не касаемся здесь ни собственно культурных, ни социальных причин этого явления, сложившихся под воздействием двух параллельных процессов: пауперизации преподавательского корпуса и методологического хаоса, характерного для современного состояния гуманитарного знания. Отметим только, что распад гуманитарных парадигм оказал воздействие и на мировоззренческие основания фундаментальных естественных дисциплин, а

тем самым и на вербальное поведение преподавателей.)

Здесь также важна функция доминирования, требующая применения бессвязных эмоционально насыщенных речевых оборотов, резонирующих с подобными языковыми практиками, свойственными молодежной субкультуре. Учащиеся вузов следуют моделям поведения, укорененным в городской среде: упрощенным, брутальным, потребительским, инфантильным, закрытым. Речевые дисциплинарные практики могут быть эффективными, если в них присутствуют знакомые интонации.

Властный дискурс, озвученный на языке улицы, — невнятный, темный, угрожающий, бессвязный — организует сегодня университетскую среду. В нем воспроизводятся доминирующие властные языковые практики, адаптированные к условиям существования образовательных институтов. Начальственное косноязычие служит средством установления новой иерархии взамен прежней, поколебленной общественными потрясениями.

О. Ф. РУСАКОВА,

заведующая отделом философии Института философии и права Уральского отделения РАН,
доктор политических наук, профессор;

М. Е. ГЛАВАЦКИЙ,

директор Центра «XX век в судьбах интеллигенции России», профессор Уральского государственного университета,
доктор исторических наук

ВЛИЯНИЕ ДИСКУРСА МАСС-МЕДИА НА ГУМАНИТАРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ¹

Инфосфера, или медиaprостранство, в конце XX — начале XXI века является уже не столько информационной инфраструктурой общества, сколько влиятельным демиургом, конструктором новой социокультурной реальности, гуманитарных коммуникаций. Об этой функции масс-медиа писали многие медиа-аналитики от Маршалла Маклюэна до Ноама Хомского и Ричарда Харриса.

Существует несколько теорий, акцентирующих внимание на ментальнопреобразующей и социоконструирующей роли средств массовой коммуникации (СМК), перечислим некоторые из них: теория социального научения, теория культивирования, теория унификации, теория социализации, теория использования и удовлетворения, теория установления повестки дня².

Ряд концепций рассматривают современные СМК как проявление информационного насилия и тоталитаризма, альтернативой которым выступает модель медиавируса, разрушающего процесс тотальной стандартизации и унификации путем разоблачений и умножения смыслов (метод приколов)³.

Среди современных методов исследования масс-медиа широкое распространение и популярность получил метод дискурс-анализа. Его ведущими теоретиками на сегодняшний день являются Т. А. ван Дейк, Д. А. Кристал, П. Серио и др. Одной из важнейших задач дискурс-анализа стало исследование приемов формирования ментальных структур в процессе создания медиапродуктов. По ван Дейку, на формирование у читателей и зрителей определенных моделей реальности большое влияние оказывает субъективная стратегия интерпретаций событий журналистами.

Под дискурсом значительная часть исследователей понимает коммуникативную ситуа-

¹ Статья написана при поддержке Совета по грантам при Президенте РФ: НШ — 2228.2003.6

² См.: Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб., 2003. С. 45–55; Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Массовая коммуникация: модели влияния. Как формируется «повестка дня». Екатеринбург, 2001.

³ См.: Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М., 2003.

цию, включающую сознание коммуникантов (партнеров общения) и создающийся в процессе общения текст (продукт коммуникации — как вербальный, так и невербальный). Дискурсом часто называется социальная интерактивная коммуникация. Важно отметить, что дискурс — это сложноструктурированное явление, которое включает социокультурный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации, так и о среде производства, передачи и восприятия сообщения.

С нашей точки зрения, в качестве коммуникативной системы дискурс имеет четыре основных структурных плана: интенциональный, актуальный (перформанс, акция репрезентации), виртуальный (ментальный), контекстуальный¹.

Процедура дискурс-анализа предполагает изучение лингвосоциальных, идеологических и коммуникативных особенностей конкретных исторических дискурс-ситуаций. Основными особенностями дискурс-ситуации в современной России являются следующие:

- увеличение удельного веса оценочной лексики и агрессивность диалога;
- расширение психологической готовности носителей языка — интеллигенции, журналистов, политиков — к публичному употреблению табуированной лексики;
- ускорение динамики общения, распространение клипового стиля;

— номинативный взрыв, активизация словотворчества;

— коллоквиализация языка, широкое проникновение разговорной речи в печать и видеопублицистику;

— постмодернистическое эклектическое соединение высокого и низкого стилей;

— усиление *body*-ценностных ориентаций под воздействием коммерческой рекламы;

— визуализация медиасообщений (увеличение объемов визуальных, иллюстрированных материалов в СМИ; литературная грамотность уступает место «визуальной грамотности») и др.

Что касается визуализации медиасферы, то это объективная тенденция, связанная с развитием электронных СМИ. Социокультурный эффект от данного процесса имеет противоречивый характер в плане развития интеллекта. Гуманитарное знание отреагировало на данную ситуацию возникновением новых дисциплин — визуальной антропологии, визуальной культурологии, теории визуальных коммуникаций и др. Возникла особая дисциплина *Visual Studies*, исследующая приемы создания визуальных образов действительности (изображений)².

Сегодня для многих телевизионная картинка, видеоизображение обладают большей степенью достоверности, чем письменный документ. Визуальный дискурс превращается в основной канал концептуализации таких понятий, как «государство», «нация», «общество», «власть», «народ».

Н. М. СМИРНОВА,

профессор Российского государственного гуманитарного университета, профессор Университета РАО, ведущий научный сотрудник Института философии РАН

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА РАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Специфическая «западная» форма культуры возникла как рациональная, наследуя традицию платонизма, и успешно развивалась в русле этой традиции, создав теоретическое естествознание — питательную почву современных высоких технологий — и римское право — основу современной европейской государственности. Однако сегодня эта культура переживает не лучшие времена, причем это касается и нас вовсе не потому, что Запад поставляет нам настоящую лавину культурных продуктов далеко не лучшего качества. Важнее другое — как бы ни были мы

озабочены задачами сохранения и даже возрождения собственной, российской, культуры, обращения к национальным корням, наша современная культура в значительной мере является культурой европейского типа, и среди интеллектуалов-гуманитариев, не говоря уже о тех, кто свою жизнь посвятил точным наукам и естествознанию, мало таких, кто вынашивает планы культурного изоляционизма. Если это так, то болезни западной культуры (которая, повторяю, по своим истокам, традициям есть культура рациональная) не переносятся к нам наподобие гриппа, и никакой культурный карантин нас не спа-

¹ См.: Русакова О. Ф. Дискурс, политический дискурс, политическая дискурсология // Многообразие политического дискурса. Екатеринбург, 2004.

² См.: Leenwen Th. van, Sewitt C. Handbook of Visual Analysis. Thousand Oaks, CA. Sage Publications, 2001.

сет: это наши болезни, они не только находят у нас благоприятную почву, но здесь и рождаются. Поэтому я, говоря о кризисе рациональной культуры, вправе считать эту проблему и нашей собственной.

Если процесс деградации рациональной культуры сегодня не остановить, то ни у России, ни у Европы нет будущего. Нет будущего и у остального человечества — если не полагать таковым процесс быстрой или медленной деградации, которая затронет и «элиту общества», скорее всего, еще в нынешнем поколении. Так что грядущий «потоп», если он состоится, будет не «после нас».

Поэтому я вижу свою задачу в том, чтобы попытаться поставить диагноз болезни и наметить некоторые моменты стратегии лечения (которое, как я надеюсь, пока еще возможно). Что же такое рациональная культура, каковы симптомы ее глубокого кризиса и в чем его опасность?

Рациональная культура — это тот способ социального бытия, который начал формироваться в послемикенскую эпоху истории Древней Греции и наиболее четко воплотился в социальной и культурной жизни афинского города-государства. Именно отсюда берет начало европейская («западная») культура, стержнем которой является демократическая форма социальности, вместе с философией, теоретической наукой, правом как специфическим механизмом организации межлических отношений. Рассматриваемый способ бытия держится на «трех китах». Первый — развитая культура слова, ставшая социально значимой ценностью высшего ранга. Второй — демократический способ организации социума, органической частью которого выступает особый вид дискурсивной практики как формы политической жизни, которая нуждается в отточенном всеобщем «универсальном» языке. Кстати говоря, под таким углом зрения понятно, насколько естественно было для греческих философов отождествить грамматическую структуру со структурой мысли. Слово и демократический дискурс, взаимодействуя, создали греческий логос как особую форму организации мыслительной работы — дедуктивную (формальную) логику. Речь идет о системе норм убеждения посредством систематически выстроенного доказательства — особого вида убеждения, имперсонального и «холодного», поставленного выше личностных предпочтений и авторитетов. Дискурсивная техника сделала из слова *понятие*, то есть нечто большее, нежели знак индивидуальной ситуации, конкретизированное «это»: некоторые слова обрели статус *категорий*, сохраняющихся в социальной

памяти *всеобщего*, которое было наделено субстанциональными характеристиками. Результатом было великое почтение к стабильному, «причастному» к неизменности и совершенству. Этот идеал социокультурной организации греки вознесли на вершину Олимпа, где обитали их боги, и даже еще выше — к сфере вечных и неподвижных звезд. Небесная твердь по своему происхождению — это воплощенная мысль в ее идеальном совершенстве. Поэтому логика — это «тайна» греческой математики. Позаимствовав, в какой-то мере, вавилонскую практику счета и геометрического чертежа, греки радикально изменили ее, подогнав под требования, которые диктовал им логос. Результатом стало мировоззренческое единство числовых отношений (пропорций), струнных музыкальных инструментов (Аполлон не случайно предпочитал арфу флейте, не говоря уже о пастушьем рожке Фавна) и гармонии небесных сфер.

Продуктом обратного воздействия столь своеобразного (идеалистического) мировоззрения на практику регулирования социальных отношений стало римское право с соответствующим образом отработанной лексикой.

Таким образом, применительно к данной культуре наиболее адекватно звучит тезис, которым начинается «Книга Бытия»: «Вначале было Слово». Ведь ни демократия, ни ее производные, которые были названы выше, не могли бы возникнуть без развитой культуры слова.

Конечно, по большому счету, человеческий мир вообще начинался с языка; культура и язык везде развивались как органическая целостность. Язык, в его специфической человеческой форме, не только играет определенную роль в общении человеческих существ — только он и способен превратить группу человеческих существ в сообщество, в социальный организм. Он так устроен (фонетически), что, используя достаточно скромные средства, открывает возможность создавать бесчисленное количество хорошо различимых комплексов, которые могут служить знаками чего угодно, и потому представлять в сознании индивида и других людей то, что человек выделяет в наличном мире. Тем самым мир чувственный превращается в мир предметный, то есть становится человеческим «окружающим миром». Более того — язык как система знаков, замещающих в сознании реальные объекты, открывает и возможность *выходить за пределы чувственно данного*, конструируя идеальные предметы, которые сами по себе не являются знаками чувственно данной реальности. Тем самым открывается безграничная перспектива твор-

ческой деятельности: человек, владеющий языком, становится конструктором, творцом «вторичной» искусственной реальности — мира культуры. И поэтому никакая культура невозможна без постоянного присутствия, помощи языка.

Вряд ли нужно доказывать, что ребенок становится человеком, социальным существом, входит в культурное сообщество, общается с другими людьми, осваивая тот язык, который обретает для него статус родного. Человек, овладевая любой специальностью, также осваивает специфический язык профессионального сообщества. Мы живем как люди, пока живем в культуре, а живем в культуре лишь постольку, поскольку работаем со смыслами, носителем которых является язык культуры, поэтому слово «язык» было тождественно по смыслу слову «народ» (вспомним стихотворение Пушкина «Памятник»). Без языка — значит без общества, а без культуры — без мышления и творчества. Поэтому утрата национального языка неминуемо означает и потерю культурной и социальной идентичности.

Признание множественности культур не случайно шло рука об руку не только с развитием гуманистических принципов европейской культуры, но и с развитием структурной лингвистики, которая была «привита» к антропологии в исследованиях К. Леви-Стросса. Соответственно, любая национальная политика не может пройти мимо темы национального языка как государственного (или, для случая многонациональных государственных образований, проблемы отношения нескольких языков), а в большинстве современных международных и внутригосударственных конфликтов тема языка выходит на передний план. Обращаясь к теме глобализации, тоже нельзя игнорировать языковые проблемы. Кажется, сказанного уже достаточно, чтобы осознать, что совокупность наук о языке должна быть основой любого, и прежде всего гуманитарного, образования.

Тем не менее повсюду заметно снижение языковой культуры, даже устойчивая тенденция к ее полной деградации, причем происходит это не только в нашей стране. Каковы же возможные последствия этой устойчивой тенденции и где ее корни?

С одной стороны, если многим представителям старшего поколения, воспитанным в традициях классической культуры, режут слух вульгаризмы в выступлениях многих, и притом самых популярных, политических лидеров; если им неприятны стилистика, множество орфографических ошибок и причудливый синтаксис «молодежной» литературы;

если разговоры героев большинства современных кинофильмов и книг кажутся им грубыми, неприличными и примитивными, то, по большому счету, это не что иное, как «дело вкуса», и ни о каком кризисе не может быть и речи. С другой — вспомним традиции классического европейского университета, программы которого непременно включали в качестве главных предметов грамматику, логику и теологию (метафизику), то есть образование предполагало обучение правильно говорить и правильно мыслить, чтобы постигать истину. Университет был призван сохранять, развивать и транслировать культурные универсалии. Не потому ли университетская наука в основе своей была «книжной», а освоение *учебника* — краеугольным камнем всей системы образования? М. В. Ломоносов, напомним, считал «воротами своей учености» учебник арифметики Магницкого и «Граматику» Смотрицкого.

Сегодня все вышеперечисленные компоненты, на мой взгляд, в плачевном состоянии. Не обращаясь к деталям, только перечислю те факторы кризиса рациональной культуры, которые представляются мне важнейшими. Во-первых, это кризис понятия письменного языка и устной речи. Он начинается с языковой небрежности, далее происходит гиперболизация чувственно-выразительных сторон языка и речи в ущерб семантической стороне языка и завершается деградацией всех компонентов рационального дискурса (правосознания, науки, всех развитых форм социальности — за исключением коллективных игровых средств). Это кризис образования в классическом европейском смысле как поддерживаемой обществом и государством системы сохранения, совершенствования и распространения знания как основы социальности. Во-вторых, нельзя не упомянуть и о таких симптомах, как снижение социального статуса учителя и ученого по сравнению с «функционерами» шоу, власти и многочисленных игровых практик. В-третьих, очевидна тенденция к минимизации рациональных компонентов в политике, праве и даже в экономической деятельности. В-четвертых, опасный рост «удельного веса» отчужденных форм социальности (которые сами суть не что иное, как «вторичные» в отношении рациональности) и, соответственно, разрастание насилия на всех уровнях общественной жизни.

«Вторичными» признаками деградации рациональной культуры являются обретение самими продуктами рациональной культуры игровых и эмоциональных качеств (примеры — компьютер как «устройство для отдыха» и средство «убить время», автомобиль как спо-

соб самовыражения, даже собственное тело в роли «инструмента» игры, развлечения, самовыражения и моды).

XIX век к «трем китам», на которых держалась рациональная европейская культура, добавил еще одну дисциплину — историю. Собственно, до «философии истории» Гегеля, которая вдохновила его наследников — Дильтея и «историческую школу» (Моммзена, Дройзена и др.) — истории как науки в Европе не было, хотя существовала хронология. Память служила традиции и, как уже было замечено, в этом качестве была основанием формирования рациональности. Гегель добавил к истории «по Геродоту» великую идею прогресса. В результате история перестала быть только инобытием памяти народа (или человечества), она стала вдобавок орудием развития, обрела вектор, направленный от прошлого через настоящее к будущему. Соответственно, наука истории, помимо функций хранителя прошлого, взяла на себя задачу постижения тенденции развития. Если идеологию истории «по Геродоту» выражало завещание старца Пимена из трагедии Пушкина «Борис Годунов», обращенное к молодому монаху, его воспитаннику: «Описывай, не мудрствуя лукаво, все то, чему свидетель в жизни будешь...», главным вопросом историка Нового времени стал вопрос о смысле и назначении истории (К. Ясперс). Были сформированы понятия «исторического опыта», «уроков истории» и «исторических ошибок». И сколько бы ни повторяли, как заклинание, многие журналисты наших дней тезис, что «история-де не знает сослагательного наклонения», они лукавят, чувствуя и даже понимая, что без «сослагательного наклонения» их собственное обращение к прошлому потеряло бы всякую ценность в глазах потребителей их продукции. И потому возможна утрата исторического сознания благодаря тем, кто твердит, подобно дятлу, что история сослагательного наклонения не ведает, поддерживая настроения исторического фатализма. Это не только созвучно безнадежности, которая охватила значительную

часть населения нашей страны, но и чувству собственной правоты тех, кто, воспользовавшись смутой, стал собственником всего того, что создали прошлые поколения. И в самом деле, если «однова живем», а к тому же «Бога нет» и потому «все позволено», тогда что такое совесть, как не жалкий миф слабых и неудачливых? Не отсюда ли распад тех форм социальности, которые выходят за пределы индивидуального существования, даже таких, как семья, нация, человечество, а в конечном счете — «конец истории» как способа человеческого бытия. Поэтому *наука история* должна быть одним из важнейших предметов всякого (и прежде всего университетского) образования. Без воспитания исторического сознания невозможна демократия как самоуправление народа, а ее место неизбежно займет та или другая разновидность бюрократии, которая будет опираться на «силовые структуры» и в какой-то степени пользоваться услугами специалистов PR, которые уже сегодня заняты разработкой способов манипулирования массовым сознанием как специфической разновидности рекламы.

Соответственно, роль гуманитарного образования, по большому счету, — поддержание и сохранение рационального импульса культуры как ядра человеческого бытия. И здесь прежде всего нужна стратегия — не гнаться за «рыночным спросом», а организовывать этот спрос так, чтобы стихия рынка не размыла окончательно рациональную основу европейской культуры (и в перспективе — культуру вообще). И, пожалуй, прежде всего требуется широкое обсуждение модели университета как «генетической программы» воспроизводства общества, способного противостоять разрушительным тенденциям, которые сегодня очевидны. Нужна политическая стратегия в области образования (прежде всего — гуманитарного), а не попытки поставить образование на службу сиюминутным политическим (или финансовым) интересам своекорыстной финансовой или бюрократической «элиты».

И. Г. ВОРОБЬЕВА,

профессор Тверского государственного университета

СЛАВИСТИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ В ФОРМИРОВАНИИ ДУХОВНОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ

Современное вузовское гуманитарное образование в России включает учебные дисциплины, которые не только имеют важное мировоззренческое значение, но и несут

высоконравственное начало. Таковыми можно считать славистические дисциплины: славянская филология, история славянских народов, культура славянских народов.

Сравнительное изучение славянских языков убеждает студентов-филологов в наличии их сходства с русским языком. Студенты изучают этногенетические мифы славянских народов, деятельность равноапостольных Кирилла и Мефодия воспринимается ими как великий подвиг в деле создания славянской письменности и литературы. Христианские славянские святыни — Нилова пустынь на Селигере, Крушка гора, Милешево, Дечаны в Сербии, Боянская церковь в Болгарии, православные монастыри Афона — изучаются студентами-культурологами как культурное ядро всего национального наследия восточно-христианской цивилизации. Политические и культурные деятели Чехии (Ян Гус, Й. Добровский, Т. Масарик, В. Гавел), Польши (Ян Кохановский, А. Мицкевич, А. Вайда), Хорватии (М. Марулич, И. Кукулевич-Сакцинский, И. Мешкович), Сербии (Вук Караджич, Б. Нушич), Болгарии (И. Вазов, Хр. Ботев, Б. Райнов) оцениваются студентами как носители гуманизма и национальной самобытности.

В Твери сегодня наряду с классическим университетом уже более десяти лет работает филиал Государственной академии славянской культуры, где на факультете культурологии в течение двух лет студенты изучают историю славянских народов и их культуру. В учебных программах реализуется объяснительная модель традиционного сознания русского этноса как составной части славянского мира.

Думаю, большинство преподавателей вузов согласятся, что решающую роль в жизни человека играет его личное самосознание, включающее самооценку и жизненное самоопределение. Для мыслящего человека, которого «вращивает» гуманитарный вуз, основными должны стать следующие вопросы: Что я значу как личность? Каковы мои жизненные ценности? За что я готов вести духовную борьбу? Русская философия изначально придавала решающее значение человеческой личности. «В устройстве русского общества личность есть первое основание», — писал Иван Киреевский.

В то же время составная часть полноценного личного самосознания — национальное, этническое самосознание. Каждый человек смотрит на мир через призму этнической культуры. Благодаря ей, личность получает такой образ окружающего, в котором все элементы структурированы и соотнесены с ней самой. Этнос адаптируется к реальному миру тем, что всему дает свое название, определяет его место в мироздании. Так формируется этническая картина мира, которую можно рассматривать как *защитный механизм* этноса, а следовательно, и каждого члена это-

го этноса (С. В. Лурье). Таким образом, чем прочнее эта защита, тем устойчивей психика личности. Этнопсихологи полагают, что этническая традиция снимает психологическую угрозу со стороны окружающего мира и обеспечивает этносу возможность действовать.

Поясним действие этого механизма на конкретных примерах. В традиционной картине мира русских нынешние Тверские земли представлялись центром формирования Руси. В «Повести временных лет» этот центр именован Оковским лесом, географы называют его Валдайской возвышенностью. В переводе Д. С. Лихачева слова летописца звучат так: «Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса течет, и направляется на север, и впадает в море Варяжское. Из того же леса течет Волга на восток и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалиское». Этимология этого замечательного природного объекта — Оковский лес — «родниковый лес» (О. Н. Трубачев). Славянские племена благодаря многочисленным рекам и речушкам вступили в область Великого водораздела, в местность, легко доступную во всех направлениях. Но только русские, славяне сумели внести в восточноевропейскую культуру новацию — водную волоковую систему. Для этого требовалась некоторая предрасположенность этноса — меньшая родоплеменная замкнутость, значительно большая готовность к новациям, включая языковое творчество, что и было проявлено славянской Русью.

Тверское население всегда считало себя русским. В словаре В. И. Даля зафиксировано замечательное тверское выражение: «Совсем на руси», то есть на виду, на открытом месте, на юру.

Через Оковский лес по пути «из варяг в греки» ходили древние русичи в Черное море и на Дунай, а по нему — в земли, освоенные болгарами и сербами. После Крещения тверская земля оказалась, как и другие русские земли, крепко связанной с христианским славянским миром. Возможно, не случайно в Тверском архиве сохранилась рукопись XVII века «первого панслависта» хорвата Юрия Крижанича, пытавшегося создать общеславянский литературный язык, и рукописный рассказ серба Симеона, дьякона Павловского монастыря на Афоне, побывавшего в России в начале XVIII века. Они то и рассказывали русским о «сербах и болгарях словенского роду и языка, токмо наречия у нас свои».

Межславянские культурные взаимодействия — основа наших учебных славистических дисциплин. Они подкрепляются реалиями

современной жизни. Тверь — город-побратим старой столицы Болгарии Тырнова. К нам на учебу приезжают болгарские студенты, профессора читают лекции по болгарской культуре, тверские студенты бывают на практике в Болгарии, предварительно изучив болгарский язык как один из славянских и болгарскую историю.

Интерес к славянской Болгарии сформировался еще в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, когда тверитяне, как и другие русские, собирали деньги и вещи в помощь «страждущим славянам» и воевали в

отрядах русской армии при освобождении Тырнова, Плевны, Софии. Связан с Тверью герой Болгарии — генерал Иосиф Гурко, похороненный недалеко от нашего города. Его могила и восстановленный храм — место встреч болгар и тверитян.

Вот так мы и живем — в «поисках единства». Об этом единстве живого целого сказано в первом послании к коринфянам святого Павла: «Тело же не из одного члена, но из многих...» В этой лаконичной простоте высказана мудрая мысль о сложности всякого целого, о единстве в сложности.

А. П. МАРКОВ,

профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП,
доктор педагогических наук, доктор культурологии

МИССИЯ КУЛЬТУРЫ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Смену культурных эпох можно представить как своеобразный ответ коллективного субъекта на вызовы времени. Содержание и характер этих вызовов меняется, но при этом сохраняется их внутренний нерв, связанный с укрощением тех природных инстинктов, которые стимулируют и питают деструктивные формы человеческого поведения. Центральным здесь является агрессивность — инстинкт, общий для человека и животных и выполняющий в животном мире важнейшие функции в системе выживания (агрессивность характерна, в основном, для отношений животных внутри одного вида и связана с борьбой за жизненное пространство, обладание самкой и т. п.). В животном мире агрессивность укрощается иерархией, которую поддерживают все особи (так называемое «моралеподобное» поведение), а также врожденными механизмами торможения агрессии (ритуалы умиротворения — крик птенца, «позы покорности» у собак, оленей, обезьян). В целом механизмы агрессии и торможения у животных находятся в равновесии.

Человек от природы был оснащен другими инстинктами умиротворения — *эмпатией* (способностью переживать боль и страдания другого как собственные) и *чувством отвращения*, вызываемым видом крови. До какого-то периода этих механизмов было вполне достаточно, тем более, что врожденные «орудия убийства» у человека гораздо слабее в сравнении с животными.

Но на определенном этапе человеческой истории это равновесие стало периодически нарушаться — и прежде всего в те эпохи, когда условия бытия явно или косвенно поощряли агрессивные формы поведения. Аг-

рессивность стимулировалась системой социальной организации, искусственно созданными орудиями убийства (легче убить, не видя свою жертву — подписав приговор, нажав на пусковую кнопку ракеты) и прочим. Этому дисбалансу в определенной степени способствовал природный фактор — врожденная высокая агрессивность человека (как известно, при глубоком гипнозе агрессивно-оборонительный инстинкт угасает последним). Агрессивность была востребована уже на ранних этапах социальной организации, но значительных масштабов она достигла в эпоху расцвета язычества.

В то же время, вместе с развитием орудий, культура вырабатывала способы сдерживания агрессивности — в форме традиций (например, кровная месть, сдерживающая персональную экспансию насилия родовой ответственностью), в форме кодифицированного права и т. д. Но ключевым в человеческой истории стало так называемое «осевое время» — период зарождения великих культурных систем, основанных на *Норме, Законе* (это характерно и для конфуцианства, и для Ветхого Завета, о котором апостол Павел в послании к галатам писал: «До пришествия веры мы заключены были под стражею закона, до того времени, как надлежало открыться вере. <...> Плод духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На них нет Закона»).

Нормы смогли как-то ограничить разгул жестокости, возникший в языческом мире в результате культа гордости, чувственности и поклонения обожествленному человеку. Закон формировался в соответствии с базовыми потребностями, определяющими смысл и функции социума, а именно:

— *потребность в безопасности* человеческой жизни (цель социума — защита от насилия). Данная потребность чрезвычайно актуальна с точки зрения целостности социума — у человека, в отличие от животных, нет заложенного природой инстинкта ограничения насилия, а потому с созданием опосредованных орудий убийства экспансия насилия становится неудержимой;

— *потребность в стабильности*, предсказуемости отношений (цель социума — гарантия выполнения соглашений и договоренностей между людьми). Для социума это чрезвычайно важно — только человеку присуща такая форма деструктивного поведения, как ложь.

Нормы закона носят внешний по отношению к личности характер. Удерживать социум в рамках закона не легко, поэтому нормы подаются как исходящие от абсолютного авторитета, носящего статус сакрального (заповеди Моисея — от имени Бога) или персонифицируются и утверждаются источником силы. Если норма не обеспечена соответствующим образом, закон перестает действовать.

В определенный период истории закон парадоксальным образом стал резонировать с тем, что он запрещал, и тем самым поддерживать свой объект отрицания (по утверждению апостола Павла, «*жало смерти — грех, а сила греха — закон*»).

Новый Завет принес человечеству более совершенную систему нравственных регуляторов — *ценности*. Две тысячи лет культура старалась удержать себя в границах ценностно-нормативного ядра Нагорной проповеди Христа, «краеугольным камнем» которой стали: любовь, страдание («блаженны плачущие, кроткие, гонимые за правду»), нестяжательство (отказ от материальных благ согласно духовному выбору — «блаженны нищие духом»).

Сегодня христианская культура утрачивает свою духовную идентичность и переходит к стадии, которую можно обозначить как *цивилизация*. В определенном смысле культура и цивилизация — это два взаимно исключающих типа общественного устройства (по ценностям, социальным регуляторам и пр.). Традиционно культура — это система, выстраивающаяся вокруг персонифицированного этического идеала. Цивилизация — это общественный организм, в основе которого две группы ценностей: *свобода* (автономия) и *материальные блага* (обогащение, потребление, гедонизм, чувственные удовольствия). По существу, цивилизация есть форма воплощения языческой системы ценностей. Наиболее яркий исторический вариант такого культур-

ного типа — языческая модель халдеев (Вавилон), основанная на пантеизме (как известно, халдеи упразднили Создателя), антропоцентризме (еще 3000 лет назад там была создана религия поклонения человеческой гордости, был развит культ обожествления человека) и гедонизме (практикуемая в то время «технология» удовлетворения человеческих похотей в истории не знает себе равных).

Если культура ориентирована на духовность, аскетизм, социальность, соборность, она стыдлива и греховна, то цивилизация агрессивна и самодостаточна, она не знает греха. Если в культуре действуют моральные регуляторы — вера, совесть как внутренняя настроенность на другого, мысль, проникнутая чужой болью, моральная ответственность, то в цивилизации — рациональные: разум, закон как внешнее принуждение, юридическая ответственность как осознание степени соответствия или несоответствия человеческого поступка закону.

Цивилизаций в истории было немало, и у всех финал весьма печальный — распад души, а затем исчезновение государства и народа (наш известный соотечественник, историк Л. А. Тихомиров убедительно раскрыл этапы эволюции язычества: многобожие — всебожие или пантеизм — безбожие — человекобожие — сатанобожие. И эта логика закономерна — как известно, если нет Бога, идеалом человека всегда становится образ сатаны).

Наиболее яркой моделью современной цивилизации является США — государство, которое изначально создавалось на базе языческого идеала. Источниками ценностно-нормативной модели американского общества стали: существенно скорректированный во времена реформации вариант западного христианства; языческое мировоззрение сект, члены которых в большом количестве мигрировали в США (как известно, многие секты исповедовали культ сатаны, например тамплиеры, альбигойские катары, орден храмовников, франко-масоны и др.); социальная философия иудаизма (американцы сами идентифицируют свою культурную модель в ценностном плане как иудео-христианскую). В XX веке эта модель скорректирована и дополнена философией мондиализма, которая обосновала необходимость и неизбежность установления нового глобального Мирового порядка (новую модель «политического мессианизма» — америкоцентризм).

Исповедующая финансовый успех вместо традиционных ценностей честного труда, агрессивно антиморальная, зараженная вирусом гедонистического индивидуализма, современная цивилизация возвращает нас во вре-

мена язычества. Мы видим, как классический образ сатаны перемещается в центр сегодняшнего западного (и прежде всего американского) антропоцентризма. Человек цивилизации оказывается в плену у самой заманчивой иллюзии — свободы, он поклоняется власти, силе, богатству, исповедует культ социального признания, успеха. Во имя достижения этих целей он готов обоготворить зло, отказаться от нравственных принципов, совершить любые формы насилия. Цивилизация — это мир псевдосвободы, где «свободой» потребительского безумия смирятся «бунт рабов» и достигается иллюзорное чувство личной независимости. Человеку цивилизации неведома подлинная свобода, которая реальна лишь в сфере духа (в том числе и свобода добровольно пожертвовать своей жизнью во имя того, что обеспечивает ее смысл).

Именно цивилизация, породив идеологию постмодернизма, своим орудием сделала глобализм, который способствует реализации ее стратегических целей. С приходом новых эффективных технологий обработки массового сознания активно разрушаются традиционные моральные нормы, представления о добре и зле, расширяются границы культурной аномии и все стремительнее утверждается «царство хаоса». Мировоззренческий двойник глобализма — философия и идеология постмодернизма становится естественной средой обитания человека-потребителя, она задает весьма специфичный антропокультурный тип

личности с размытостью и неопределенностью нравственных качеств, моральной неотягощенностью, безразличием к истине. Идеологи этой духовной «эпидемии» отрицают возможность существования истины как внеличностного и универсального знания, выходящего за рамки индивида и его мира.

Дальнейшая агрессивная экспансия идеологии глобализации неизбежна. В этой ситуации *миссия культуры* — по возможности обуздать человеческую агрессивность, культивируемую электронными СМИ, скорректировать (а может быть, даже и выработать новые) моральные механизмы сдерживания глобальной экспансии, минимизировать неизбежные негативные последствия этих процессов на внутриличностном уровне, помочь человеку обрести и удержаться в рамках базовых ценностей и нравственных качеств, способствовавших его становлению. Речь идет о духовности как сопричастности высшим ценностям бытия, моральной ответственности, совести, справедливости, милосердия. Именно эти ценности питают человеческую энергию *милосердия* и *прощения* — тех личностных качеств, с помощью которых минимизируется агрессия, идущая из Прошлого (прощая зло, мы лишаем его силы — оно усиливается лишь в противостоянии). Эти же ценности обеспечивают обращенное к Другому морально ответственное и не требующее «законной» поддержки человеческое Слово, сокращающее область компетенции хаоса в Будущем.

Г. М. БИРЖЕНЮК,

заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА (Исторический аспект)

Сложные и неоднозначные процессы, происходящие в российской культуре и характеризующиеся утратой духовно-нравственных ориентиров развития общества, вымыванием из общественного сознания традиционных ценностей и их заменой на инокультурные ценностные идентификаты, придали дополнительную актуальность проблеме гуманизации общества. Ее решение средствами культуры в целом и конкретно на уровне регулирования культурных процессов во многом усложнилось в последние два десятилетия в связи с тем, что произошла децентрализация управления отраслью культуры, ее регионализация, усугубилось хроническое недофинан-

сирование данной сферы. Все это требует разработки теоретико-методологических основ формирования и организационно-управленческих механизмов реализации культурной политики.

Кризис культурной политики вызван, с одной стороны, несоответствием традиционных теоретических моделей изменившейся социокультурной ситуации, с другой — декларативным характером государственной политики в области культуры, допущенными ошибками в определении приоритетов развития социально-культурной сферы, отсутствием стратегически выверенных и научно обоснованных направлений культурной поли-

тики как на федеральном, так и на региональном уровнях, отсутствием в системе структур власти элементов, способных оценивать реальные проблемы и отражать их в форме государственных решений. Сегодня проблемы культуры возникают в вакууме пассивности власти, они не имеют интенциональной направленности, что чревато дальнейшим усилением деструктивных процессов в этой сфере.

Культурная политика России является во многих отношениях преемницей культурной политики бывшего СССР, которую по организационно-управленческим критериям можно отнести к тоталитарной модели. В мировоззренческом плане последняя также претерпевала определенные модификации, вызванные содержанием и характером проблем, возникающих в ходе общественного развития.

Формирование культурной политики, отвечающей реалиям современной России, предполагает осмысление исторического опыта регулирования культурных процессов. Для этого необходимо обратиться к истокам российской государственности и формировавшейся в ее русле культурной политике.

Вопрос о так называемом «начале» культурной политики в России интересен не только с точки зрения рассмотрения «начала» вообще. Он имеет немаловажное значение, поскольку может пролить свет как на проблему культурной политики в ее онтогенезе, так и на логику ее модификации на различных этапах истории Российского государства, и одновременно составить более обоснованный прогноз относительно оптимальных и реальных моделей, адекватных социально-культурной ситуации и специфике России.

В принципе можно с полным основанием утверждать, что история культурной политики в России — это в определенном смысле срез самой истории государства Российского. Ее ключевой момент — введение христианства (а значит и соответствующего типа культуры с ее специфическими нормами, ценностями и другими компонентами) было актом государственной власти и осуществлялось носителем этой власти — киевским князем Владимиром Святославичем. В 988 году государство осуществило смену языческой культуры на христианскую.

В результате возникли условия для преодоления локальной замкнутости культур различных славянских племен, составлявших Киевское государство, начала набирать силу тенденция к их слиянию и интеграции в значительно более широкую культурную общность, представляющую восточно-православный вариант христианского мира. Важно от-

метить, что именно в этот период были заложены основные механизмы выработки и реализации культурной политики, каналы трансляции культурных норм и другие компоненты системы «государство (власть) — культура».

Однако имелось достаточно объективных факторов формирования именно того типа культурной политики, который складывался в России на заре российской государственности. Что можно к ним отнести?

В. Ключевский отмечал, что «наш народ поставлен был судьбой у постоянных ворот Европы, на страже ломившейся в них кочевой хищной Азии. Целые века истощал он свои силы, сдерживая этот напор азиатов, одних отбивал, удобряя широкие донские и волжские степи своими и ихними костями, других через двери христианской церкви мирно вводил в европейское общество»¹. Это было одним из главных обстоятельств превращения истории народа в историю государства Российского.

В работах В. Ключевского мы находим оригинальный и аргументированный анализ того, как русский народ нуждался в системе государственности, возникшей в XIV веке на основе Московского княжества. Историк убедительно доказывает, что народ сам способствовал ее становлению, а она — его выживанию и развитию. Речь идет о том, что в ситуации распада Киевской Руси в народе начали нарастать озлобленность и одичание. Именно жесткая государственность в этой ситуации могла обеспечить сохранение единства народа и его культуры. «Выросши среди внешних угроз и внутренних бед, — пишет историк, — быстро уничтожавших плоды долголетней кропотливой работы, оно (речь идет о великорусском племени. — *Авт.*) чувствовало потребность в политическом сосредоточении своих неустроенных сил, в твердом государственном порядке, чтобы выйти из удельной неурядицы и татарского порабощения»². По мнению В. Ключевского, именно это обстоятельство, а не личностные качества московского князя Василия, стало причиной того, что он начал возвышаться в глазах народа.

Не случайно поэтому глава государства выступал в качестве мощного духовного референта для своих подданных и воспринимался всеми как образец для подражания. Именно это служило механизмом трансляции культурных норм, образцов и прочего — от христианского вероучения до форм искусства,

¹ Ключевский В. Соч.: В 9 т. М., 1987. Т. 2. С. 373.

² Там же. С. 45.

имеющего поддержку княжеского, а затем и царского двора.

Характерно, что в самом начале становления российской государственности и как одного из ее базовых элементов — государственной культурной политики — сложились формы влияния на культурную жизнь, сохранившиеся практически до настоящего времени. Прежде всего это был государственный заказ — как форма и поддержка желаемых с точки зрения власти направлений развития культуры, так и распространение культурных образцов, стиля и тому подобного. Государственный заказ был весьма распространен в области архитектуры. Так, главные городские соборы строились почти целиком на княжеские или царские средства. Понятно, что заказчик оказывал влияние на формирование их общего архитектурного замысла, детали украшения, подбор исполнителей и пр. Государственный заказ охватывал деятельность летописцев и переписчиков книг, иконописцев, ювелиров.

Православная церковь определяла основы и характер духовной жизни общества и также выступала в роли заказчика. Однако, во-первых, ее роль в этом плане была менее значительной; во-вторых, государственный характер религии в России возводил эту деятельность, в определенном смысле, в ранг государственной культурной политики.

Здесь нельзя не отметить еще одну черту раннего этапа российской государственной культурной политики. Государство не ограничивало развитие российской культуры только собственными традициями. Выраженной чертой проводимой культурной политики было приглашение зарубежных мастеров, которые приносили в русскую культуру свои национальные элементы и в то же время подчиняли художественные традиции своих стран православным канонам. Польские строители во многом определили облик владимиро-суздальских храмов; Московский Кремль, который строился итальянскими специалистами, по возведению фортификационных сооружений по сей день воспринимается как крепость, воплотившая в себе мировой уровень строительства подобных сооружений XIV–XV веков. Масштабные градообразующие сооружения, созданные иноземными мастерами, сформировали городскую среду многих русских городов. Таким образом, неповторимый облик русской культуры можно рассматривать как результат именно государственной культурной политики.

Понятно, что говорить о существовании некой единой, цельной и главное — отрефлексированной и тем более вербализованной

государственной культурной политики в обозреваемый период нет оснований. Существовали различные общественные силы, представлявшие несовпадающие, а иногда и противоречащие друг другу интересы, что находило выражение в числе прочего и в проводимой ими культурной политике. Речь идет, в частности, о митрополитах-греках, которые в основном способствовали развитию «грекофильского» направления в культуре России. Патриарх Никон в XVII веке пытался возродить «древлеправославные» образцы. Были определенные региональные различия в направлениях, формах и других параметрах культурной политики. Так, в Новгороде, представлявшем до 1478 года олигархическую боярскую республику, масштабное княжеское строительство характерно только до XI — первой половины XII века, затем субъектами «заказа» (и соответственно — культурной политики) выступали преимущественно бояре, купцы и корпорации горожан.

Еще одним субъектом культурной политики выступали монастыри, которые уже в домонгольской Руси превратились в своеобразные центры культуры и хранилища национальных традиций и во многом обеспечили ее целостность и преемственность в период монгольского владычества (1243–1480).

Усиление роли централизованной царской власти постоянно сопровождалось формированием все более выраженной культурной политики и совершенствованием механизмов ее выработки и реализации. Так, Иваном Грозным было инициировано создание Стоглавого собора, решавшего в числе других ключевых проблем дискуссионные вопросы церковного искусства. В то же время при царском дворе создавался Лицевой летописный свод — компендиум по русской истории. В 1533 году по указу царя открывается первая русская типография, значение которой в контексте развития культуры того периода трудно переоценить.

Благодаря целенаправленной культурной политике, в XVII веке в российской культуре начался переход от греко-византийской средневековой традиции к новоевропейской. Во многом он шел успешно в силу того, что субъект этой политики (прежде всего царь как «наиболее информированный и богатый заказчик») имел возможность знакомиться с культурой других народов и в итоге «формулировать заказ» мастерам, которые подчас были привержены еще средневековым традициям.

Среди важных направлений культурной политики следует отметить создание единой системы подготовки художественных кадров.

Она включала Приказ каменных дел, ведавший строительством, мастерские Оружейной палаты, где трудились иконники, золотописцы, резчики, ювелиры и предводители других ремесел. Во всех этих структурах существовала четкая система обучения, обеспечивавшая переход от роли новичка к подмастерью и далее к мастеру на основе индивидуального наставничества, что обеспечивало преемственность не только технологий, но и художественных традиций. Существовал также определенный механизм распространения новых технологий: так, для исполнения больших государственных заказов в Оружейную палату приглашали мастеров из других городов, которые перенимали московские новшества и распространяли их по всей стране.

В XVI веке оформилась существенная черта культурной ситуации в России, которую не могла не учитывать складывающаяся культурная политика. Речь идет о разделении культуры на столичную и периферийную, причем вторая выступала не как «сниженный» вариант первой — налицо было два равнозначных явления. Именно эта специфика культурной ситуации в XVI–XVII веках породила своеобразный культурный плюрализм на региональном и социальном уровне. Москва и царь определяли одну линию развития культуры, и одновременно существовали другие региональные и социальные культурные традиции — в обычаях, языке, архитектуре, живописи, прикладном искусстве.

С именем Петра I связано зарождение целенаправленной, масштабной, общегосударственной культурной политики. Никогда прежде история не знала столь обширного законодательно закрепленного влияния государства на культуру. Начинается переориентация русской культуры на европейские образцы, церковь подчиняется государству, вся культурная жизнь приобретает преимущественно светский характер.

Осуществляются и конкретные шаги в сфере культурных практик. В 1702 году в Москве начала выходить правительственная газета «Ведомости», был выстроен общедоступный театр. Позднее театр получил статус государственного учреждения, и на него были возложены воспитательные задачи.

В 1719 году открылся первый Российский музей — Кунсткамера, вошедший затем в состав Российской академии наук. Сенатским указом 6 ноября 1757 года при Московском университете была создана Академия художеств, с которой была придана функция руководства всей художественной жизнью России (подготовка профессиональных кадров в области живописи, скульптуры, архитектуры,

руководство работой художественных обществ и музеев, организация выставок, создание и охрана памятников и т. д.).

Петр начал решительное наступление на частную жизнь граждан. До сих пор Россия не знала такого прямого декретирования непосредственно бытового поведения: издавались указы по самым частным подробностям — как одеваться и причесываться, как развлекаться, где и как отдыхать.

От Петра идет родословная массовых праздников. Он относился к празднествам как к значительным идеологическим мероприятиям, смысл которых — укрепить уважение к мощи государства, воспитать в подданных патриотизм. В целом можно сказать, что Петр внес в досуг элемент официальности, преследуя главную во всех преобразованиях цель — укрепление государственности. Он покончил с положением, когда досуг был исключительно частным делом, поднял его организацию на уровень государственной политики, превратил в часть воспитательной сферы, в объект государственной регламентации.

Процесс огосударствления культурной жизни и усиления роли государства в руководстве культурой в дальнейшем развивался по нарастающей. При Екатерине II было разрешено открывать частные типографии, что привело к динамичному развитию издательского дела (в общей сложности в XVIII веке в России было издано около 10 тысяч книг). В 1786 году были проведены реформы в области образования, итогом которых стало усиление роли государства во всех звеньях образования.

Одновременно росли государственные расходы на культуру. Средства шли на содержание Эрмитажа, ставшего к концу XVIII века одной из лучших картинных галерей мира, балетных трупп Большого театра в Москве и Мариинского театра в Петербурге, развитие оперного искусства, в том числе придворного оперного оркестра, состоявшего из 36 человек и считавшегося лучшим оркестром России. Такая расточительность объяснялась тем, что культура должна была, помимо прочего, служить для всего мира показателем богатства и могущества Российской империи.

Характерно, что в России на образование и культуру власть возлагала близкие по сути функции, связанные с воспитанием, усилением этатических начал в сознании населения. Так, образованное в 1802 году Министерство народного просвещения стало одним из важнейших органов управления культурой. Оно ведало всеми учебными заведениями, Академией наук, библиотеками, типографи-

ями и значительной частью музеев. Ежегодный бюджет его составлял 1–2% от общего бюджета государства, причем большая часть расходовалась на учебные и научные учреждения. Одновременно ряд учреждений культуры находился в ведении Министерства Императорского двора и уделов, образованного в 1826 году и подчинявшегося непосредственно императору.

Дальнейшее развитие культурной политики в России представляет интерес в историко-культурологическом аспекте, который в данном исследовании является скорее фактативным. Можно зафиксировать определенные факты, отражающие те особенности проводимой политики, которые варьировали в зависимости как от конкретных исторических обстоятельств, так и от личных пристрастий главного субъекта культурной политики — верховной власти.

В царствование Елизаветы (1741–1762) французский язык стал официальным языком общения дворянства. С именами Петра III и Павла I связано усиление влияния прусской военной дисциплины в сфере культурной жизни и культурной политики. Правление Александра I (1801–1825) ознаменовано национальным возрождением, обусловленным патриотическим подъемом как реакцией на наполеоновское вторжение. Для эпохи Николая I (1825–1855) характерно преобладание политического консерватизма, обусловленного восстанием декабристов. В этот же период была выработана концепция официальной культуры, которую кратко сформулировал министр народного просвещения С. С. Уваров: «Православие — самодержавие — народность».

Либеральные реформы Александра II (1855–1881) создали определенные условия для смягчения государственного вмешательства в культуру. Однако после его убийства Россия постепенно стала обретать черты полицейского государства, что немедленно нашло отражение в культурной политике — департамент полиции и жандармский корпус получили право надзирать за всеми видами культурной деятельности, усилилась цензура, которая стала тотальной.

1917 год ознаменовал наступление новой эпохи в развитии культурной политики, причем особой новизны не наблюдалось: парадоксальным образом в ней сочетались российские имперские традиции и ориентации на радикальную модернизацию страны — ее экономики, идеологии, политики, культуры и других сфер.

В течение последующих 70 лет государственная культурная политика в той или иной

мере воспроизводила аналогичные процессы в других областях общественной практики. Справедливости ради отметим, что в первое десятилетие советской власти культурная жизнь обладала некоторым плюрализмом, что можно проследить на примере разнообразия авангардистских тенденций. Основным предметом государственного регулирования в первые послереволюционные годы стало формирование государственной сети учреждений культуры и создание четкой, вертикально выстроенной централизованной системы управления культурой.

Анализ директивных документов и материалов многочисленных дискуссий 1920–1930-х годов показывает, что в этот период государственная политика базировалась на двух основаниях: нигилизм (вплоть до призыва к разрушению) по отношению к культуре прошлого и созидание культуры будущего (в лексике идеологических документов того периода этот ценностный вектор формулировался в качестве ведущей цели партии и государства — построить новую социалистическую культуру и воспитать «новый тип личности» — ее носителя). Функции культуры сводились к решению прагматической задачи приобщения «широких масс пролетариев» к социализму. Этому же были призваны служить конкретные социальные институты культуры — библиотеки, клубы, музеи, а также формы культурной деятельности — искусство, художественная самодеятельность, массовые праздники, обряды, ритуалы и т. д.

С конца 1930-х годов созидание как ценность и социально-культурный феномен было выведено на периферию культурной политики и существенно ограничено как идеологическими (соцреализм), так и профессионально-статусными рамками (творческие союзы). Причем эта тенденция была характерна не только для художественной культуры (ликвидация Пролеткульта), но и для других сфер социальной практики — все, что было связано с инновационной деятельностью, или подверглось существенной ревизии, или было уничтожено (педагогика, педология, психология и др.).

Мировоззренческие приоритеты культурной политики на данном этапе начинают смещаться в сторону сохранения и потребления культурных ценностей, норм. Именно с этого времени активно эксплуатируется идея патриотизма, о чем свидетельствуют художественные произведения, созданные при поддержке, а подчас и по инициативе «главного идеолога страны» (роман А. Толстого «Петр Первый», фильмы «Александр Невский», «Иван Грозный» и др.).

На уровне деятельности конкретных учреждений культуры и досуга эти изменения в приоритетах культурной политики нашли выражение в концепции культурного обслуживания населения. Вытеснение из мировоззренческой парадигмы культурной политики вектора созидания неизбежно привело к усилению идеологического контроля государства над всеми областями духовной жизни.

В 1960-е годы в модели культурной политики расширяется функция потребления, что находит выражение в ряде партийно-государственных документов, где была сформулирована задача приобщения широких масс трудящихся к самодеятельному творчеству. Именно в этот период растет количество публикаций в специальной литературе, посвященных расширению диапазона культурных услуг, созданию любительских объединений и клубов по интересам, стимулированию различных видов самодеятельного художественного и научно-технического творчества, оптимизации самоуправления и самоорганизации в сфере досуга.

Начиная с середины 1980-х годов предпринимаются попытки переосмыслить функции культуры в обществе и выстроить мировоззренческие основания культурной политики, соответствующие меняющейся социокультурной ситуации. Культура начинает мыслиться не просто как средство идеологического воспитания и культурного обслуживания, но и как форма проявления активности людей. В управленческом плане новые функции культуры требовали перехода от нормирования и администрирования к созданию необходимых условий, способствующих стимулированию культурной деятельности населения и в целом — модернизации общества. Однако в реальности в течение последнего десятилетия складывалась довольно противоречивая модель культурной политики, в которой во второй половине 1980-х годов преобладал вектор изменения (преимущественно в формах созидания, о чем свидетельствует бурный рост различных форм социального, политического и художественного творчества), а с 1991 года — вектор потребления.

Современная культурная политика России является примером неоптимального соединения «конфликтующих» элементов, она некритично заимствует ценности, цели и приоритеты либеральной модели (с ее индивидуализмом, плюрализмом, второстепенной ролью государства) и тем самым противоречит мировоззренческому ядру российской культуры (которое включает противоположные либерализму ценности сохранения, социальности, высокой значимости государства).

Проблемное поле современной государственной культурной политики России определяется и корректируется на основе анализа социокультурной ситуации, которая сегодня весьма многосложна и противоречива. С одной стороны, наблюдаются позитивные перемены, связанные с существенной активизацией социально-культурного творчества, обогащением спектра культурных инициатив за счет развития различного рода общественных объединений, движений, клубов, ассоциаций. Модернизационные процессы последнего десятилетия породили новые объекты культуры, расширили сферу услуг, значительно увеличили культурный потенциал общества. В то же время в культурной жизни общества наблюдаются противоположные тенденции и процессы. Результаты многочисленных исследований фиксируют увеличение разрыва между инновационным потенциалом культуры и массовой способностью его освоения и использования в повседневной социокультурной практике (Э. А. Орлова). Динамизм общественной и культурной жизни вызвал значительное усложнение структуры и содержания отношений людей друг с другом, с природным и искусственным окружением, что выражается как в объективных показателях (увеличении качественно разнообразных предметов, научных идей, художественных образов, образцов поведения и взаимодействия), так и в субъективной плоскости — речь идет об уровне психической и социальной напряженности, которым сопровождается такого рода усложнение. Наиболее существенными проблемами, отражающими характер социокультурного окружения людей и не имеющими пока эффективных средств решения, являются:

- массовая неосвоенность имеющихся в культуре инноваций;
- расхождения между запросами различных членов общества и возможностями их удовлетворения;
- отсутствие технологических средств обобщения и интегрирования нового социокультурного опыта.

Все более заметной становится тенденция социального расслоения по таким социокультурным основаниям, как образ и стиль жизни, социальная идентичность, позиция, статус. Одним из источников социально-культурных и личностных проблем являются интенсивные миграционные процессы, разрушающие культурную целостность поселений, «выключающие» из процесса культурного саморазвития большие социальные группы.

Социально-культурный кризис в обществе усугубляется продолжающимся этническим расслоением и ростом межэтнической напря-

женности, во многом обусловленными просчетами национальной политики, которая на протяжении ряда десятилетий ограничивала возможности сохранения и развития культурной самобытности народов, их языка, традиций, исторической памяти. Все более заметным становится агрессивность по отношению к другой точке зрения, другой системе ценностей, стремление обнаружить врага в лице представителей иной веры, национальности, усиливается экстремизм в политической и об-

щественной жизни. Все это обуславливает достаточно серьезные расхождения между главной целью культурной политики и ее текущими задачами.

Как представляется, рассмотрение (и использование) культурной политики как ресурса гуманизации общества возможно при условии приведения всех составляющих этой политики в соответствие с целями и ценностями гуманизации различных областей социальной практики.

А. В. СОКОЛОВ,

профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор педагогических наук,
Заслуженный деятель науки РФ

МЕСТО ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ КОНТИНУУМЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В 1987 году в одной из своих статей Даниил Александрович Гранин сделал следующий вывод: «Боюсь, что безвозвратно уходит со сцены славная русская интеллигенция. Очевидно, нам предстоит та же структура, которую имеет общество развитого капитализма в других странах, где нет интеллигенции, а есть интеллектуалы. Совершенно иная должность»¹. Правда, сам Гранин сомневается, что «этого хватит». Другие представители постсоветской интеллектуальной элиты в этом не сомневаются и без всяких оговорок пророчат «конец русской интеллигенции». Например, один из лидеров нашей социологии Н. Е. Покровский в статье, многозначительно озаглавленной «Прощай, интеллигенция!», проследив драматическую биографию русской интеллигенции, провозглашает: «Волею исторического случая мы оказались свидетелями и участниками окончательного разрушения интеллигенции и ухода ее с исторической арены... Вместе с интеллигенцией уходит и мир ее идеалов. Ему нет места в новой климатической ситуации»².

Подобные похоронные мотивы обескураживают и ошеломляют. Антропология и культурология, историческая психология, история культуры и научно-технического прогресса всегда радовали нас поступательной эволюцией человеческого интеллекта, расширением круга образованных, творческих, гуманных людей, которых в России традиционно

называли интеллигентами. Интеллигенция — одна из больших социальных групп, выполнявшая важные социально-культурные и духовно-производственные функции, каким образом она может вдруг трансформироваться в иную социальную группу с иной функциональной «должностью» или вообще исчезнуть с исторической арены? Для того чтобы разобраться в этом вопросе, нужно уяснить, что представляет собой *интеллигентность* — то самое качество, которое отличает интеллигентов от неинтеллигентов. Попробуем вывести формулу, определяющую русского интеллигента.

Обратимся к «Толковому словарю живого великорусского языка», где слово «интеллигенция» впервые обозначило особую социальную группу. Формулировка В. И. Даля «интеллигенция — разумная, образованная, умственно развитая часть жителей» была повторена всеми дореволюционными энциклопедическими словарями. Итак, в качестве признаков «интеллигентности» здесь выступают: во-первых, *образованность*, во-вторых, разумность, умственное развитие, то есть способность к духовному творчеству, или, говоря современным языком, *креативность*. Налицо два бесспорных элемента формулы интеллигентности. Но этого мало.

Русская интеллигенция со времен А. И. Герцена, осудившего мещанство как «последнее слово цивилизации, основанной на безусловном самодержавии собственности»³, отрицала мещанские добродетели. Таковыми считались стяжательство, серость, пошлость, безликость, прислужничество, раболепие,

¹ Гранин Д. Интеллигенция: Что с ней? Где она? // Час пик. 1997. 17 сентября.

² Покровский Н. Е. Прощай, интеллигенция! // На перепутье (Новые вехи): Сб. статей. М., 1999. С. 50.

³ Колокол. 1862. 1 июля.

стремление «быть как все», плоское и трафаретное мышление. Р. В. Иванов-Разумник в 1907 году, осмысливая сущность русской интеллигенции, пришел к выводу, что «интеллигенция и мещанство — это две силы, действующие в диаметрально противоположных направлениях, две непримиримо враждебные силы; мещанство — это та среда, в неустанной борьбе с которой происходил процесс развития русской интеллигенции»¹. Именно антимещанское самоопределение отличает настоящего интеллигента от обывателя. Уже в наши дни М. С. Каган отчеканил афоризм: «Интеллигент — образованный человек с больной совестью»². Таким образом, обнаружился третий элемент формулы: *антимещанское этическое самоопределение*, выражающееся, во-первых, в альтруистической направленности личности; во-вторых, в противостоянии насилию всеми средствами; в-третьих, в благоговении перед культурой.

В результате получилась следующая формула: *интеллигентность = образованность + креативность + антимещанское этическое самоопределение*.

Первые два элемента образуют *интеллектуальность*, состоящую из образованности и креативности. Человек, обладающий свойством интеллектуальности, — именно так и трактуется в англоязычных словарях интеллектуал западного образца. Например, в Энциклопедическом словаре английского языка Уэбстера, изданном в 1989 году, можно прочитать следующее: «интеллектуал — крайне рациональный человек, который больше руководствуется интеллектом, чем эмоциями или чувствами». Русский же интеллигент, как показывает формула, руководствуется не только своим просвещенным разумом и развитым интеллектом, но еще и этическим самоопределением, включающим чувства совести, стыда и личного достоинства, а также эмоции сострадания и благоговения. Этическое самоопределение либо вырабатывается самостоятельно — это удел духовно сильных личностей (аристократов духа), либо приобретается путем приобщения к какой-либо интеллигентской субкультуре. В отличие от образованности и креативности — постоянных членов формулы, этическое самоопределение —

переменная составляющая, направленность которой может меняться в широком диапазоне. В каждую историческую эпоху к интеллигенции относятся люди с наиболее сложной духовностью, описываемой формулой интеллигентности. Путем упрощения формулы интеллигента можно получить *формулу интеллектуала*: сохранив качества образованности и креативности, нужно исключить этическую переменную, ибо интеллектуалы, согласно определению, руководствуются разумом, а не эмоциями и чувствами. Если нет в наличии образованности или креативности, то, независимо от уровня этической переменной, получается *формула полуинтеллигента*. Разумеется, нет четкого разделения между интеллигентами, интеллектуалами и полуинтеллигентами, поскольку все составляющие формулы интеллигентности не дискретные, а непрерывные величины. Отсюда следует, что если современное общество ранжировать по признаку интеллигентности, получится *интеллектуальный континуум* с полюсами: неинтеллигент — полуинтеллигент — интеллектуал — интеллигент.

Как свидетельствуют антропологи и историки, интеллектуальный слой обнаруживается во всяком сообществе людей. Создатели языческих культов, племенных мифов и фольклора, первобытные художники и врачеватели — предшественники нынешней интеллигенции; изобретатели копыя, лука, колеса были интеллектуальными гениями и столь же гениальны селекционеры, вырастившие домашних животных и культурные растения. Но это были единицы в невежественной и дикой среде. Интеллектуальный слой, состоящий из достаточно многочисленных профессиональных групп работников умственного труда, появляется в Европе в XVII веке, а в России — во второй половине XIX века. В XX столетии повсеместно происходит интеллектуализация индустриального общества — необходимая предпосылка его становления и развития. Увеличивается количество разнообразных специалистов, занятых в традиционных отраслях духовного производства — народном образовании, государственном управлении, науке, книжном деле, литературе, журналистике, искусстве, а также во вновь возникающих коммерчески ангажированных областях — рекламе, связях с общественностью, маркетинговой коммуникации, телекоммуникации, прикладной информатике и т. д.

Количественный рост интеллектуального слоя сопровождается, во-первых, массовым производством профессионалов умственного труда, которых стали называть «интеллигентами», «интеллектуалами», иногда — «обра-

¹ Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли. Т. 1: Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. Спб., 1907. С. 16.

² Каган М. С. Воспроизводство российской интеллигенции как педагогическая проблема // Формирование российского интеллигента в университете. СПб., 2000. С. 130–133.

зованцами» (естественным следствием массовости стала девальвация социального статуса интеллигентских профессий); во-вторых, социально-функциональной дифференциацией интеллектуального слоя на:

— элиту, обладающую способностями и возможностями реально создавать новые духовные ценности;

— специалистов-исполнителей — образованных и квалифицированных людей, непосредственно удовлетворяющих духовные потребности общества;

— вспомогательный обслуживающий персонал.

Теперь обратимся к интеллектуальному континууму. Очевидно, что вспомогательный обслуживающий персонал рекрутируется из числа полуинтеллигентов, в крайнем случае — неинтеллигентов. Интеллектуальную элиту и обширный корпус специалистов-исполнителей образуют интеллигенты и интеллектуалы, обладающие в равной мере образованностью и творческими способностями, но различающиеся этическим самоопределением. Если «интеллигенция уходит», то культурная элита и следующие вслед за ней специалисты-исполнители будут представлять собой мещански ориентированных эгоистов, не пренебрегающих любыми средствами для достижения своих личных целей. Ясно, что подобная духовная трансформация означает гибель русской духовной культуры, а вероятно, и государственной целостности и независимости страны. Как предотвратить «уход интеллигенции»? Для этого нужно активизировать *механизм воспроизводства русской интеллигенции*.

Традиционно этот механизм образовывали два коммуникационных канала: во-первых, документный канал, включающий художественную литературу, журналы и газеты, неопубликованные произведения, в том числе «тамиздат» и «самиздат»; во-вторых, канал устного общения, охватывающий семейный круг, различные интеллигентские кружки (вспомним народников и марксистов конца XIX века), наконец высшую школу — *alma mater* русской интеллигенции. Первый канал в постсоветской России коммерциализировался и представляет собой скорее средство дезинтеллектуализации общества, чем его интеллектуализации. Интернет и другие достижения электронной коммуникации служат целям глобализации, а не возрождения русской интеллигентности. Второй канал не столь безнадёжен. Интеллигентские кружки, правда, сейчас вышли из моды, сила же семейных традиций высока по-прежнему, хотя проблема «отцов и детей» вовсе не снята с повестки дня и далеко не все «отцы» интеллигенты.

Главную и решающую роль в механизме воспроизводства русской интеллигенции в наши дни может сыграть *только высшая школа*.

Постсоветская высшая школа оказалась перед выбором стратегии своего развития из двух альтернатив:

— *гуманистическая* — целеустремленно продолжающая в новых условиях традиции народного просвещения и воспроизводящая педагогическими методами альтруистически и патриотически ориентированных русских интеллигентов согласно формуле интеллигентности;

— *маркетинговая* — состоящая в предоставлении образовательных услуг в соответствии с платежеспособным спросом. Школа становится органичным звеном рыночной системы, обеспечивающим подготовку интеллектуалов, способных в условиях конкурентной борьбы сделать успешную карьеру, создать свою фирму, обеспечить ее процветание и т. д. Вместо гуманистического воспитания предполагается психологический тренинг, развивающий технократическое мышление.

Какая стратегия предпочтительнее? С точки зрения коммерческой рентабельности выгоднее вторая, раскрывающая соблазнительные перспективы расширения платного обучения. Не удивительно, что лишённые государственной поддержки вузы в меру своей предприимчивости успешно эксплуатируют открывшиеся возможности. При этом прогрессивно мыслящие педагоги ссылаются на то, что «нам нужны не интеллигенты, а интеллектуалы — люди, исповедующие универсальную прагматику, а не метафизику и поэтику бытия»¹.

С точки зрения долгосрочных интересов России предпочтительнее первая альтернатива, потому что она, в конечном счете, нацелена на всестороннее развитие творческого потенциала образованных людей, на преодоление морально-нравственного кризиса в нашей стране. Но государственная власть необъяснимым образом игнорирует интересы своего государства. Студенты же раскололись на две группы: эгоистов-интеллектуалов устраивает маркетинговая стратегия (заплатил деньги — получи образовательные услуги и вузовский диплом); будущих интеллигентов тревожит дегуманизация и утилитаризация *alma mater*, и они ностальгически вспоминают о прошлых студенческих поколениях. Окончательный выбор и, разумеется, ответственность за него остается за педагогическими коллективами вузов.

¹ Гречко П. Гуманитаризация: проблемы без перспективы // *Alma-mater*. 1998. № 8. С. 31–32.

ВОЕННАЯ ЭЛИТА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ XVIII–XX ВЕКОВ

История Санкт-Петербурга неотделима от истории российской армии. Основанный Петром Великим «назло надменному соседу» город сразу стал и крепостью, и военно-морской базой, и, самое главное, центром создания новых регулярных вооруженных сил. При этом особое значение царь-реформатор придавал гвардейским полкам. «Гвардия, — отмечает историк Я. А. Гордин, — была той идеальной моделью, ориентируясь на которую, Петр мечтал создать свое идеальное государство... Петровский гвардеец понимал себя создателем нового и небывалого»¹. Действительно, в петровское время гвардейцы привлекались к решению самых разнообразных вопросов государственной жизни, иногда весьма далеких от собственно военной сферы. Гвардейцам даже поручали ревизию гражданских органов управления, причем иногда они получали право сажать нерадивых чиновников в тюрьмы и заковывать в кандалы. Кроме того, гвардия являлась школой подготовки командных кадров для армейских полков. В феврале 1714 года Петр I издал указ, согласно которому для производства в офицеры дворянин был обязан отслужить рядовым в гвардии.

Гвардия, таким образом, составила ядро российской военной элиты. В эпоху дворцовых переворотов она зачастую являлась решающей силой в борьбе за власть. Пользуясь положением, гвардейцы часто выступали «радетелями» за привилегии и интересы всего дворянского сословия, носителями идеологии которого безусловно являлись.

В XIX веке гвардейские полки постепенно утрачивают роль школы офицерства (она переходит к кадетским корпусам и другим военно-учебным заведениям), но неизменно сохраняют роль элитных воинских формирований и «полигона» для испытания новых «технологий» ведения войны. С 1813 года начался процесс разделения гвардии на «старую» и «молодую». «Старая гвардия» (Лейб-гвардии Преображенский, Семеновский, Измайловский, Конный, Кирасирский, Егерский, Гусарский, Казачий и Кавалергардский полки) получила ряд привилегий. В это время ее офицерский корпус почти полностью принадлежал к российской аристократии и представлял своего рода «сверхэлику» в русском обществе. Нужно заметить, что военная служба вообще считалась у дворянства более почетной и более соответствующей традициям, чем гражданская. В итоге уже во времена

Александра I гвардейцы воспринимались современниками как люди особые. В силу своего происхождения, родственных связей и самой принадлежности к прославленным полкам они играли в жизни столичного общества совершенно исключительную роль. Даже в начале XX века современник отмечал: «Положение простого гвардейского офицера в обществе и свете было исключительным... Порою министры и послы великих держав отдавали визиты молодым офицерам»².

Кроме гвардейских частей, в Петербурге были сосредоточены высшие органы руководства вооруженными силами. Лица, возглавлявшие их, также входили в военную элиту. Среди военно-учебных заведений, несомненно, носили элитарный характер учрежденный в 1802 году Пажеский корпус и Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Первое заведение просуществовало до 1917 года, а второе в 1859 году было преобразовано в Николаевское училище гвардейских юнкеров, которое в свою очередь послужило основой для создания Николаевского кавалерийского училища (1865). При этом училище имелся пригосударственный пансион (позже Николаевский кадетский корпус), в который, в отличие от других общеобразовательных военно-учебных заведений (военных гимназий и затем кадетских корпусов), принимали не только детей офицеров, но и детей буржуазии, правда, за довольно высокую плату. К названным заведениям примыкал и Первый кадетский корпус. Хотя по своей организации он со второй половины XIX века не отличался от аналогичных заведений в провинции (Орловского, Псковского, Симбирского и других), но стольное положение и слава история (с 1732 года) привлекали в него детей высшего (в том числе гвардейского) офицерства. Особую часть военной элиты составляли также офицеры Генерального штаба, которых готовила созданная в 1832 году Императорская военная академия (с 1855 года — Николаевская академия Генерального штаба).

Военная элита, несомненно, была интереснейшим социокультурным феноменом, носителем вполне значимого элемента культуры Петербурга и России в целом. Она фактически «вросла» в государственный аппарат Российской империи, и влияние гвардейского офицерства или иных групп военной элиты на социокультурный фон оставалось очень значительным вплоть до крушения Российской империи в 1917 году.

¹ Гордин Я. А. Наследие Петра и судьбы наследников // В борьбе за власть: Страницы политической истории России XVIII в. М., 1988. С. 6.

² Шостаковский П. П. Путь к правде. Минск, 1960. С. 44–45.

Ю. М. ШОР,

профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук

ЗНАНИЕ КАК НЕПРАГМАТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ. К СПЕЦИФИКЕ ГУМАНИТАРНОГО ПРЕПОДАВАНИЯ В ВУЗЕ

Великий античный мыслитель Аристотель когда-то подразделял науки на три группы: продуктивные, практические и теоретические. Продуктивные — знание ради конкретной пользы (например, гончару необходимо знание того, как сделать горшок). Практические — науки о достижении морально совершенного состояния. Высшую группу составляют науки теоретические (к которым относятся физика, психология, математика и метафизика). Они ведут поиск знания ради него самого.

Знание ради знания... Достаточно неприлично звучат эти слова в наш утилитарный век, когда мы прежде всего стремимся извлечь практическую пользу, «корысть» из любого поступка, предмета или события. Действительно, вопрос «для чего?» не может остаться без ответа, он составляет, может быть, важнейшую сторону смысла нашего пребывания в этом мире. Вся современная цивилизация построена на четких ответах на вопросы «зачем?» и «для чего?», на постановке конкретных целей и их реализации.

Однако сами эти цели в гуманитарном и технократическом сознании принципиально разные, а в чем-то и противоположные. Например: для чего учиться? Кажалось бы, ясно: чтобы приобрести профессию, поступить в вуз, чтобы занять достойное место в обществе, чтобы удовлетворить, наконец, свои притязания и амбиции. А великий педагог XX века В. Сухомлинский говорил: «Человек должен учиться, потому что он — человек».

Проблема человечности (которую в «классовые времена» клеймили как «абстрактную», «буржуазную»), то есть реальной, содержательной наполненности понятия «человек», вопрос о его высшем предназначении всегда, а сегодня особенно, принадлежит к числу самых актуальных. Если попытаться охватить единой формулой бесконечную сложность современной, несомненно, больной цивилизации, поставить ей диагноз, мы выбрали бы следующий: «Дефицит человечности».

Сегодня по-новому видятся знакомые страницы духовного наследия. За что, например, романтики или Карл Маркс на Западе, славянофилы и народники в России (при всей несомненной качественной разнице их взглядов) беспощадно бичевали капиталистический строй (великую прогрессивную роль которого тот же Маркс прекрасно видел)? За бездуховность, отсутствие поэзии, антигуман-

ность и поглощение человека рыночной товарно-денежной стихией, за разрушение «подлинной» человеческой сущности.

Вспоминается рассказ-легенда о древнегреческом философе-кинике Диогене Синопском. Залитая солнцем, заполненная народом площадь Афин. В толпе пробирается Диоген с фонарем. «Кого ищешь?» — спрашивают Диогена окружающие. — «Ищу человека». Легенда несет в себе глубокий смысл. В чем здесь дело? Представители всех профессий есть на площади: политики и судьи, учителя и ремесленники, врачи и астрологи, жрецы и гетеры — а человека нет.

Все вышесказанное достаточно банально и общеизвестно. Но суть в том, что этой «абстрактной», непрагматической ценности наличия и поддержания человеческого в человеке должен соответствовать дополняющий прагматику и даже в существенных чертах противоречащий ей тип преподавания, особый способ понимания целей и задач образования в целом. Такое понимание и истолкование мы и назовем гуманитарностью в широком смысле слова. Проблема коренится именно в том, что такое понимание смысла образования трудно «подстроить» под существующие образовательные структуры. Оно как бы достаточно «расплывчато» по своим целям и задачам, неопределенно по процедурам. В самом деле: что значит растить «человеческое в человеке», как это «реально делать»?

Между тем перед нами совершенно особая парадигма: вопрос о природе гуманитарности предстает тем более глубоким и сложным, чем больше в него вдумываешься. Ясно, например, что гуманитарность определяется не по предмету (культурология, искусствоведение, история вполне могут и не быть гуманитарными) и даже не по методу, а по типу сознания, по внутренним глубинным структурам способов понимания, по исходным схемам восприятия и истолкования. Но гуманитарность — не только тип знания и сознания, она еще и специфическая реальность («феноменологическая реальность», по Э. Гуссерлю), коррелирующая с соответствующим типом рефлексии. По нашей формуле, это «знание — переживание»¹, что не мо-

¹ См. об этом: Шор Ю. М. Культура как переживание (Гуманитарность культуры). СПб., 2003.

жет не затрагивать самые основы преподавательской деятельности, понимания ее целей, смысла и задач.

Сузим проблему, попытаемся выделить некоторые аспекты специфики гуманитарной лекции.

Одним из наиболее острых (и наиболее уязвимых для критики) моментов гуманитарного преподавания является именно то, что оно — не столько «передача знаний от учителя к ученику», сколько «передача» чувств, эмоций, состояний, образов. Причем сам процесс (а не конечные цели) выходит на первый план.

Гуманитарное знание — это живой поток живого сознания, духовное пространство, в котором студент должен «слиться с предметом, постичь его в непосредственном соприкосновении с собой, со своим внутренним миром». Роль лектора тут особая: он не просто «транслятор знаний», но создает напряженное энергетическое эмоционально-смысловое поле, объединяющее преподавателя и аудиторию, создающее общее пространство духовного поиска, в котором все участники (в идеале, конечно) думают об одном, чувствуют одно.

Интеллектуальный компонент гуманитарного познания идет рука об руку с эмоциональным, знание не просто «связано» с переживанием, «дополняется» им, а неотъемлемо от него. Скажем острее: знание тут и есть само переживание. В гуманитарном преподавании задействуются все компоненты человеческой психики: разумные и чувственные, рациональные и иррациональные, интуитивные и дискурсивные. Сознательное соединяется тут с бессознательным, подсознательным и подключает «сверхсознание». Студент должен не «усвоить» предмет, а «погрузиться в него» и «зажить» в нем, осуществить подлинный эрос познания.

Но эта возможность может и не осуществиться (в действительности сплошь и рядом не осуществляется), если сам студент не работает, не способен на осуществление «внутреннего духовного детства». Гуманитарное преподавание напоминает, поэтому, сократовский диалог: слово лектора — только толчок, начало, «нажатие спускового крючка» познания, как это и было в беседах с Сократом, который «только» слушал, ставил вопросы, заставлял усомниться, а дальнейшее передоверял собеседнику. Причем, важно было пробудить источник знания именно в душе участника диалога, раскрыть его внутренние воз-

можности. «Знание есть припоминание», — эта великая мысль Платона не понята еще до конца. Подлинное знание извлекается из потаенных кладовых души. Внешнее (информация) — только возбудитель процесса.

Гуманитарное знание, поэтому, — знание «субъективно-объективное». В нем истина — не «дважды два — четыре», а то, что я по-сократовски нашел сам для себя работой души, и ответственность за что тоже беру на себя. Гуманитарная лекция, следовательно, несет в себе некоторые свойства художественного сознания.

Чем так дорога нам поэзия? Поэтический мир — это субъективное знание, пережитое мной и никем другим — и, в то же время, общее, объективно значимое. Я люблю, скажем, Александра Блока, потому что мне близко его мироощущение, его уникальное миропереживание, которое в чем-то и мое тоже, ибо душа моя в высшем своем подъеме сливается с Божественными гармониями блоковской поэзии. То же самое происходит (должно происходить!) на гуманитарной лекции. Ее цель — создание яркого, непосредственно созерцаемого художественного образа предмета — красочного, осязаемого, объемного образа, скажем, Античности, или гегелевского Абсолютного Духа, или ницшевской «воли к власти». Именно образа, а не рассудочного рассказа, расчлененного по пунктам и параграфам. К стати, лекцию такого типа и записать бывает достаточно трудно, поэтому вполне возможно использование диктофона с последующей расшифровкой.

Конечно, такой тип лекции ближе всего сознанию студентов художественно-творческих специальностей (актерам, режиссерам, искусствоведам). Думается, однако, что он имеет и более широкое значение и в каком-то смысле выступает определенной альтернативой «традиционной» педагогике.

Гуманитарное преподавание ставит целый ряд острых вопросов, однозначных ответов на которые сегодня нет. На кого все-таки оно рассчитано, всякий ли студент способен соответствовать критериям такого преподавания? (Ответ напрашивается сам собой.) Далее, если перед нами знание — диалог, знание — чувствование, знание — погружение, как оценивать его на зачетах и экзаменах? Работает ли тут вообще традиционная система отметок? Над этим стоит задуматься. Нашей задачей, во всяком случае, было очертить возможные грани проблемы.

М. Т. ЛОБЖА,

профессор кафедры физического воспитания СПбГУП, доктор педагогических наук

СОЦИАЛЬНО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Определение сущности физической культуры необходимо тесно увязывать с родовым понятием «культура», это слово в переводе с латинского языка означает «возделывание», «обрабатывание». Появление культуры философов и историки связывают с изготовлением орудий труда и использованием продукта труда. В ходе эволюционного развития человечества культура стала дифференцироваться, отражать все более узкие, частные стороны деятельности общества и отдельных его индивидов. Так, можно выделить культуру быта, культуру производства орудий труда, культуру возделывания сельскохозяйственных растений и выращивания домашних животных, появление искусства. Одной из ветвей культуры стала и культура физическая.

Физическая культура — часть общей культуры общества, она представляет собой совокупность материальных и духовных ценностей, достигнутых человечеством и используемых для целенаправленного физического совершенствования. В свою очередь, физическое совершенствование понимается как процесс улучшения физического состояния человека, которое обусловлено совокупностью показателей физического развития, функционального состояния и физической подготовленности. Наиболее существенное, а главное — специфическое, влияние физические упражнения оказывают на физическую подготовленность. Это проявляется в повышении уровня развития физических качеств, упрочнении двигательных навыков и расширении их содержательного аспекта. Именно физические упражнения (в сочетании с гигиеническими и экологическими — солнце, воздух и вода — факторами) являются основным средством физической культуры.

Известно, что особую роль в истории человечества сыграл труд, трудовая деятельность, как основа воспроизводства и дальнейшего непрерывного развития общества. Именно трудовая деятельность человека явила собой объективную предпосылку зарождения физической культуры. Охота, земледелие, ремесло и другие жизненно важные занятия требовали определенного напряжения физических сил и проявления многих двигательных умений и навыков. Отправляясь на охоту, древние люди изображали на земле силуэт животного и стреляли по нему из лука или наносили удары дубиной, копьем. Вероятно, обрядовые танцы перед охотой (сражением с соседним племенем) включали действия, движения, схожие с предполагаемой реальностью. Видимо так появились физические упражнения и способы их систематического использования — то есть процесс

физического воспитания главным образом молодых охотников и воинов. В родовом обществе воспитание, трудовая деятельность, обрядовые праздники носили ярко выраженный коллективный характер, что помогало людям переносить суровые условия бытия. С усложнением средств производства, технологии земледелия, скотоводства и ремесла, а также с повышением роли военной организации общины, физические упражнения и обрядовые игры постепенно превращались в важное средство воспитания подрастающего поколения. Физическое воспитание осуществлялось в тесной связи с другими видами воспитания — трудовым, воинским, бытовым.

Коль скоро физическая культура является частью общей культуры, то и в процессе физического воспитания решаются вопросы общего воспитания. Человек является в этом смысле объектом воспитания, одной из составных частей общественных отношений, воспринимая нормы, традиции, обычаи, установки общества, социальной (национальной) группы, к которой он принадлежит. Процесс усвоения этих категорий, имеющих важнейшее значение для общества и его развития, называют социализацией личности.

Известно, что личность характеризуется такими признаками, как *активность* (стремление субъекта расширять сферу своей деятельности), *направленность* (сильные, устойчивые мотивы, интересы, убеждения), *степень осознанности* своих отношений к факторам действительности. Личность формируется в процессе общественной практики, в предметной деятельности и общении, в том числе и физкультурной деятельности. Многоаспектность содержания физической культуры и ее функций уже давно является предметом изучения ученых разных специальностей: педагогов, психологов, философов, социологов. Исследование ее социальных функций обуславливает раскрытие аксиологического (ценностного) аспекта в формировании личности, принадлежащей современному обществу.

Ценностные аспекты физической культуры целесообразно рассматривать через призму отношения к ним как к *потребности* и *средству* удовлетворения потребностей. Иными словами, человек, для которого физическая культура вообще или ее отдельные факторы в частности представляют определенную ценность, ощущает потребность, необходимость выполнять физические упражнения повседневной жизни, регулярно участвовать в спортивных соревнованиях и других формах проявления двигательной активности.

Реализуется же эта потребность использованием конкретных упражнений, занятием видами спорта, наиболее эффективно обеспечивающими установку (установки), стимулирующую каждого человека к включению этих средств в сферу своих интересов.

Потребность в физической культуре реализуется также с привлечением других ее ценностей материального и духовного порядка. К первой категории можно отнести категории вещественные: спортивные сооружения, инвентарь, снаряжение, оборудование и т. п. Духовные же ценности включают такие компоненты, как знания и принципы. Знания интегрируют в себе следующие элементы: теория и методика — как отрасль знаний; проблемная литература — как хранитель знаний; учебные заведения и специалисты — как носители и ретрансляторы соответствующих знаний. Принципы характеризуют основные подходы, правила в этой сфере человеческой деятельности. В ходе общественно-исторической практики сложилась определенная структура принципов, регламентирующая специфику деятельности в различных сферах физической культуры. Речь идет о принципах обучения физическим упражнениям, воспитания в процессе обучения, принципах спортивной тренировки.

Указанные выше материальные и духовные ценности можно назвать первичными или базовыми: все они создают условия, в которых рождаются вторичные ценности. Ценности первого порядка обусловлены структурно-компонентным составом исторически сложившейся системы физической культуры общества. Ценности же второго порядка являются следствием реализации функциональных возможностей этой системы, то есть достигается определенный, по выражению академика

П. К. Анохина, «фокусированный, полезный» результат системы.

Созданные новые ценности можно разделить на две группы: материальные и духовные. К материальным ценностям относятся совокупность положительных соматических изменений в организме человека, проявляющихся в количественно-качественных показателях: физического развития (рост, вес, мышечная масса и т. п.), функционального состояния (состояния здоровья) и физической подготовленности (уровень развития силы, ловкости, быстроты, выносливости и т. п.). Духовные ценности составляют все те позитивные изменения, произошедшие в сознании человека в результате регулярных занятий физической культурой. Здесь можно выделить по крайней мере три группы ценностей:

— интеллектуальные — новые знания в данной области;

— психические — уровень развития психических качеств (воля, память, внимание и т. п.) и свойств личности (мотивы, характер и т. п.);

— социальные — общительность, усердие, трудолюбие, самоутверждение и т. п.

Формируются вторичные ценности только в процессе физкультурно-спортивной деятельности, под которой понимают систематическое использование человеком различных ценностей физической культуры (средств, форм, методов, тренажеров, спортивных снарядов и т. п.) в режиме дня, недели, месяца и других временных отрезков. В существенной мере эффективность физкультурно-спортивной деятельности зависит от уровня осознанности личностью объективных законов, регламентирующих субъектно-объектные отношения в этой сфере человеческого бытия, от понимания своей роли в этом процессе.

А. И. ФИЛАТОВА,

профессор кафедры литературы СПбГУП, доктор филологических наук

Д. С. ЛИХАЧЕВ: У ИСТОКОВ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В ноябре 1992 года на научной конференции «А. Солженицын. К 30-летию выхода в свет повести “Один день Ивана Денисовича”» (ИРЛИ РАН — Пушкинский дом) прозвучал доклад члена Санкт-Петербургского русского исторического общества Е. В. Лукина «Русская идея и соловецкие сидельцы. За строкой “Архипелага ГУЛАГ”». Речь шла о религиозно-философских кружках 1920-х годов («Воскресение», «Братство преподобного Серафима Саровского» и др.)¹.

¹ Запевалов В. Н. А. Солженицын. К 30-летию выхода в свет повести «Один день Ивана Денисовича»: Науч. конф. // Русская литература. 1993. № 2. С. 251–256.

В «Архипелаге ГУЛАГ», по определению самого Солженицына, «опыте художественного исследования», в котором все материалы соединены «возможностями художника», в одной из глав, названной «Архипелаг возникает из моря» (ч. 3, гл. 2), Солженицын называет свыше 40 имен знаменитых солвецких узников. Среди них — историк Н. П. Андиферов, лингвист И. Е. Аничков, литературоведы Д. С. Лихачев, Цейтлин². Солженицын допускает неточность. В годы, когда писался «Архипелаг» (1958–1967), Д. С. Лихачев был

² Солженицын А. Малое собр. соч. М., 1991. Т. 6. С. 28.

уже известным литературоведом, а тогда, на Соловках, только еще начиналась его научная деятельность.

В 1927 году группа студентов института гражданских инженеров и университета образовали кружок под названием «Космическая Академия Наук». Одной из главных причин ареста студента Лихачева были тезисы его доклада¹. Они сохранились в его личном деле и были возвращены их автору, когда ему исполнилось 85 лет.

Доклад назывался «Медитации на тему о старой, традиционной, освященной, исторической русской орфографии, попорченной и искаженной врагом церкви христовой и народа российского, изложенные в трех рассуждениях Дмитрием Лихачевым 3 февраля 3 дни 1928 года». В пространном названии сохранена старая орфография, тем самым подчеркивалась ее исконность, традиционность, историчность, освященная веками религиозная основа. Современная судьба старой орфографии драматична: новая орфография искажает, разрушает ее православную суть. Доклад писался в обстановке энергичного наступления на православие, церковь. Это было время, когда, по словам И. Есаулова, «православие из государственной религии трансформировалось <...> в профессию, методично и целенаправленно искореняемую именно на государственном уровне (поэтому и с соответствующим размахом)»².

Д. Лихачев защищает, обосновывает необходимость сохранять, а не разрушать исторически сложившиеся языковые и культурные традиции. Он напоминает, что старая орфография создавалась на протяжении десяти веков и потому, по его словам, было бы «странно, если бы в результате она не соответствовала духу русского языка и русского духа». Три рассуждения докладчика — «утилитарное, эстетическое, православное» — с разных позиций доказывают преимущество старой орфографии. Наиболее резко отрицательное отношение к реформе сформулировано Лихачевым в третьем — православном — рассуждении. Автор выходит за пределы историко-лингвистических штудий и дает религиозно-политическую квалификацию новой власти, ее действий («дело антихристовой власти»), утверждая, что новая орфография «посыгнула на само православие в алфавите»³. «Разве случайно, — продолжает развивать свою мысль Лихачев, — что через ѣ пишутся исконно русские слова и по большей части православно-церковные: вѣра, вѣчность, вѣнец, а не черт или пекло, печь. ѣ в древ-

нейшем начертании символизирует церковь. Об этом красноречиво говорит крест наверху»⁴.

Крайность отдельных оценок студента Лихачева (он не хотел и на Соловках расставаться со студенческой фуражкой) можно объяснить юностью автора и, конечно, чрезвычайной сложностью ситуации в стране. Главное же заключено пусть в пока еще неумелой, но юношески задиристой защите национальных, религиозных, культурных ценностей и в осуждении действующих в стране разрушительных сил. Эта защита будет осуществляться на всем протяжении долгого служения ученого филологической науке, русской культуре, России.

На Соловках пытливый студент, наделенный незаурядными исследовательскими задатками, пытается осмыслить ту реальность, которую раскрывает перед ним лагерная жизнь. В это время Лихачев работает в лагерьном криминологическом кабинете. Первым результатом исследовательской работы стала первая публикация. Статья «Картежные игры уголовников» с подзаголовком «Из работ криминологического кабинета»⁵ была опубликована в журнале «Соловецкие острова». Позднее Лихачев называл этот журнал «фантастическим»: «в концентрационном лагере, где творились всякие ужасы, вдруг возникает журнал “Соловецкие острова”, продается по всей стране, на него объявляется подписка»⁶.

Д. Лихачев занимается исследованием воровской речи, составляет картотеку. Наблюдения над языковыми явлениями в лагерной среде обобщены в статье «Черты первобытного примитивизма воровской речи». Само название статьи говорит о теоретической проблеме, ставшей главной в исследовании. Статья была закончена в 1933 году и опубликована в серьезном академическом издании⁷. Тема нашла свое продолжение в пространной и научно-основательной статье «Арготические слова профессиональной речи», завершенной в 1938 году и опубликованной в 1964 году⁸. В Лихачевском списке литературы о русском арго отмечены художественные произведения, которые могут служить источниками для его изучения. Открывает список книга М. Комарова о Ваньке Каине, далее названы «Записки из мертвого дома» Ф. Достоевского, «Петербургские трущобы» В. Крестовского, «Вор» Л. Леонова. Обращает на себя внимание упоминание Б. Н. Глубоковского, названного Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ» в том же перечне соловецких узников, что и

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Соловецкие острова. 1930. № 1. С. 32–35.

⁶ Лихачев Д. Статьи ранних лет. С. 4.

⁷ Сборник института языка и мышления имени Н. Я. Марра АН СССР (Язык и мышление, 3–4). М.; Л. 1935. С. 47–100.

⁸ Сборник развития грамматики и лексики современного русского языка. М.: Наука, 1964. С. 311–359.

¹ Лихачев Д. Статьи ранних лет. Тверь, 1993.

² Есаулов И. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. С. 172.

³ Лихачев Д. Указ. соч. С. 13.

Д. Лихачев. В прошлом московский артист Глубоковский на Соловках был другом Б. Н. Ширяева (последний станет известным писателем, автором романа «Неугасимая лампада», начатом на Соловках в 1925 году). Вместе они собирали и записывали соловецкий тюремный фольклор. Сборник был издан под следующим названием: «49. Материалы и впечатления». Издательское бюро печати Услон. Соловки, 1926 год. Его материалы были использованы Д. Лихачевым для лингвистических исследований.

Совсем недавно, в декабре 2003 года впервые была опубликована беседа Н. Кавина с академиком А. М. Панченко, записанная для радио Санкт-Петербурга 15 февраля 1997 года в канун 60-летия известного ученого. На вопрос корреспондента, что определило его интерес к древнерусской литературе, Панченко ответил, что заняться древностью ему предложил Д. С. Лихачев, и пояснил далее: «Время было сложное, надо было бежать куда-то. Кто куда бежал. Кто — в диссидентство, кто — в эмиграцию, а мы с Лихачевым — в Древнюю Русь <...> и там нашли прекрасную страну»¹. «Прекрасная страна» открылась в исследованиях Лихачева, его соратников, последователей, учеников.

С 21 по 23 октября 1992 года в Москве проходила Всероссийская научная конференция

«История русской литературы: пути изучения, проблема периодизации». Д. Лихачев выступил с докладом «К пониманию русской литературы: концептосфера русского языка» и предложил ввести в филологию новое понятие — «концептосфера», объяснив, что этот термин образован по типу ноосферы Вернадского. По мысли Лихачева, новый термин ведет к расширенному пониманию языка, к его истолкованию не только как средства общения, но в философском, библейском, культурологическом плане. Богатство концептосферы языка зависит от состояния культуры нации. Что касается концептосферы русского языка, то ее создавали все слои русского общества, велика в этом отношении роль писателей, поэтов, художников. Но в отдельные периоды концептосфера языка может сужаться — так, Лихачев сослался на Декрет советского правительства 1918 года, запретивший преподавание церковно-славянского языка и закона Божьего.

Проблема языка, заявленная будущим ученым в студенческом докладе, интересовала Д. Лихачева на протяжении его долгого научного пути. От частных лингвистических проблем Лихачев шел к решению таких значимых в теоретическом и культурологическом плане проблем, как язык и литература, язык и культура.

П. А. СЕМЕНОВ,

доцент кафедры русского языка СПбГУП, доктор филологических наук

ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛИТЕРАТУРНОЙ СТИЛИСТИКЕ XVIII ВЕКА

(В свете трудов Д. С. Лихачева о «Смеховом мире» Древней Руси)

Вопрос о характере и природе комического в русской литературе XVIII века, и в частности в литературе классицизма, достаточно сложен. Сложность эта во многом связана с тем, что русский классицизм, с одной стороны, тесно связан с классицизмом западноевропейским и с общим процессом европеизации культуры, начавшимся в петровскую эпоху. Вполне закономерно поэтому в пародийных жанрах русской литературы XVIII века — ироикоической поэме, шутотрагедии — видеть продолжение традиций европейских жанров бурлеска и травести. С другой стороны, смеховая культура на Руси име-

ла достаточно длительную историю и прочные традиции (пародийно-сатирические произведения XVII века, скоморошество, балаганный театр и т. п.), которые, в свою очередь, тоже находят параллели в средневековых европейских литературах. Вопрос о том, в какой мере сходство европейского и русского «смеховых миров» является внешним, типологическим и в какой степени — генетическим, обусловленным процессами заимствования, трансплантации и тому подобным, остается открытым.

В задачи настоящего сообщения не входит решение этих сложных вопросов. Мы попытаемся лишь установить, во-первых, какие из особенностей классицистической пародийной стилистики в той или иной степени уже были представлены в смеховой литературе Древней Руси; во-вторых, в какой степени смеховое мировоззрение связано с использованием тех или иных языковых средств. По-

¹ Я эмигрировал в Древнюю Русь: Запись беседы на радио Петербурга 15 февраля 1997 года Н. Кавина с академиком А. М. Панченко // «За православие и самодержавие». Региональная информационно-просветительская газета. 2003. Декабрь. № 9 (35).

может нам в этом исследовании Д. С. Лихачева «Смех в Древней Руси»¹, в котором определены основные типологические признаки, характеризующие древнерусскую «смеховую культуру».

Как известно, западноевропейская литература знала две разновидности пародий — бурлеск и травести. Первая разновидность принадлежала к демократической литературе и состояла в снижении высокого. Примером ее может служить поэма П. Скаррона «Перелцованный Вергилий», в которой сюжет «Энеиды» Вергилия пересказывается нарочито сниженным языком. Вторая разновидность — травести — была создана в противовес бурлеску теоретиком классицизма Н. Буало (поэма «Налой», представлявшая собой рассказ о мелкой ссоре церковников, написанный высоким слогом). Травестированная ироикомическая поэма классицизма чуждалась просторечия и являлась своего рода аристократической реакцией на бурлеск. (Ср. декларация Буало в «Поэтическом искусстве»: «Бегите подлых слов и грубого уродства, Пусть низкий слог хранит и строй и благородство» и т. п.)

Русская пародийная литература XVIII века активно использовала книжные речевые формулы, наполняя их низменным содержанием (как в травестированной поэме Буало). Однако в русском классицизме поэма-травести в чистом виде практически не представлена. Наиболее известная ироикомическая поэма «Елисей, или Раздраженный Вах» В. И. Майкова соединила в себе традиции Буало и Скаррона. Отметим, что произведение перенасыщено просторечием, в ряде случаев весьма грубым. Заметим, что Сумароков, в отличие от Буало, признавал обе разновидности иро-

икомической поэмы — и бурлеск, и травести. В связи с этим, вероятно, можно говорить о своеобразии русского классицизма, о его тесной связи с национальными традициями русской смеховой культуры и согласиться с Д. С. Лихачевым, писавшим, что «искусственное убыстрение культурного развития при Петре способствовало тому, что многие характерные черты Древней Руси сохранили свою значимость для XVIII и XIX веков, — тип смеха в их числе» (с. 403). В то же время сопоставление лингвистической организации пародийных текстов XVII и XVIII веков позволяет заметить и существенные различия между ними. Если демократические авторы XVII века рекрутировали книжные речевые формулы для своих пародий преимущественно из делового языка («Повесть о Ерше Ершовиче») либо из богослужебной литературы, хорошо известной демократическому читателю по церковным службам («Служба кабаку»), то источником книжных формул для писателей, творивших в жанре ироикомической поэмы в XVIII веке, стали высокие жанры классицизма (героическая поэма, ода, трагедия). Поэтому совершенно справедливо замечание Г. А. Гуковского по отношению к поэме В. И. Майкова «Елисей»: «Поэма могла дойти полностью лишь до такого читателя, который обладал элементарным художественным и словесным образованием в духе классицизма: таким читателем прежде всего был человек, приобщенный к столичной культуре. О том же говорят мифологические имена, литературные реминисценции, элементы злободневности и целый ряд литературных намеков, полемических выпадов, пародийных пассажей»².

И. А. МИРОНЕНКО,

доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук

О ПРОБЛЕМАХ ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ГУМАНИТАРНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Преподавание психологии, как и любой учебной дисциплины, предполагает наличие целостного представления о предмете науки, ее теоретико-методологических основах, понятийном аппарате, структуре и пр. Иными словами, психологическое знание должно быть представлено в учебном курсе в интегрированной форме. После долгого периода преподавания психологической науки в кон-

тексте отдельно взятой высоко интегрированной теории отечественной советской школы, сегодня выбор оснований для целостного представления психологии в учебном курсе становится самостоятельной проблемой.

Современный период в развитии отечественной психологии может быть охарактеризован как переходный от единой моноструктурной формации к некоторой, еще не сло-

¹ См.: Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 2.

² Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1939. С. 179–180.

жившейся, но активно формирующейся полиструктурной системе. Общий методологический каркас, который выступал в советской психологии в качестве парадигмы, задавал направления развития, нормы и стратегию проведения исследований и обеспечивал интеграцию и систематизацию данных, полученных учеными, представляющими различные подходы и отрасли, утратил былую непререкаемость и безальтернативность.

С конца 1980-х годов отечественная психология вступила в период бурных изменений, которые в области теории и методологии исследований проявились прежде всего в отказе от ранее неизбежного единства и растущем разнообразии форм и подходов. Следствием стала дивергенция отечественного психологического сообщества, утрата единого методологического пространства. В новых условиях самостоятельной проблемой становится ориентация в психологическом знании, интеграция этого знания при составлении учебных программ и в процессе преподавания психологии. На прошедшем в июне 2003 года III Съезде Российского психологического общества проблемы интеграции оказались в центре внимания профессионального психологического сообщества, были вынесены на пленарную дискуссию.

Необходимость и трудности интеграции психологического знания привлекают сейчас внимание не только российских психологов, хотя для нас особенности развития страны сделали ее особенно острой. Эта проблема объединяет мировое психологическое сообщество и обсуждается в контексте так называемого кризиса психологии, когда на протяжении более 100 лет психологическая наука существовала в состоянии «феодалной раздробленности» на отдельные школы.

Современный этап развития мировой психологической науки в целом может быть охарактеризован как посткризисный, с выраженной тенденцией к интеграции различных школ, сложившихся и достаточно независимо развивавшихся в период кризиса психологии. Важнейшими факторами, определяющими неизбежность процесса объединения мировой на-

уки, являются, во-первых, глобализация — когда мир становится единым, усиливается профессиональное общение и возникает необходимость единых стандартов профессии, во-вторых, включение психологии в практику в самых различных ее областях, в частности в педагогику. В области практических применений психологии уже установилась традиция эклектического использования элементов различных теорий, что порождает и тенденцию к осмыслению соотношения теорий.

Закономерно возникают сегодня попытки обобщения и соотнесения психологических теорий, создания «теории теорий» психологии (используя выражение А. В. Петровского). В исследованиях А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского обосновывается необходимость разработки особого раздела психологии — теоретической психологии, предметом которой является «саморефлексия» психологической науки.

Особенно остро проблемы интеграции стоят перед отечественной школой, которая на протяжении многих десятилетий развивалась в относительной изоляции от зарубежной психологии в силу взаимосвязанных причин: социально-политических и идеологических факторов и языкового барьера. Будущее отечественной школы, какой она сложилась в советский период на основе работ С. Л. Рубинштейна, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Б. Г. Ананьева, определяется во многом тем, в какой мере мы сами сможем вписать ее в общий контекст мировой науки, предложить конструктивные подходы для соотнесения отечественной теории и других психологических теорий.

Современная высшая школа должна, с одной стороны, познакомить будущего специалиста с психологической наукой во всем многообразии существующих подходов и направлений, с другой — снабдить его «координатной сеткой», в рамках которой это многообразие может быть целостным образом представлено, а также помочь в осознании позиции по отношению к той или иной школе, которую он либо примет, либо сознательно отвергнет.

Т. И. КОРОТКИНА,

доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В настоящее время в нашей стране и за рубежом широко используется социально-психологический тренинг (СПТ) как активный

метод обучения, а также психокоррекции и личностного роста. Этот самый современный, однако имеющий довольно длительную исто-

рию метод групповой психологической работы внедрен в разветвленную систему повышения квалификации специалистов, продуктивно используется для достижения корпоративных целей (формирования команды, повышения уровня продаж и т. д.), для многих других задач, связанных с решением психологических проблем и личностным ростом.

В последнее десятилетие данный тренинг все чаще применяется в процессе вузовской подготовки специалистов гуманитарного профиля. Ставится вопрос о целесообразности включения психологических тренингов в Государственный образовательный стандарт для практических психологов (В. Н. Панферов, 2001).

Однако при внедрении СПТ в учебную программу вузов неизбежно возникает противоречие: основные существующие в отечественной психологии теоретические и методические разработки касаются специально созданных тренинговых групп, Т-групп (по сути — лабораторных), а проводятся тренинги в уже существующих студенческих группах (по сути — естественных). Естественные группы имеют ярко выраженную специфику, которая состоит прежде всего в существовании межличностных отношений, сложившихся до тренинга и способных значительно повлиять на процесс и результаты тренинга. Многие авторы

Наши исследования, проводимые в студенческих Т-группах с 1993 года, подтверждают это положение.

Действительно, межличностные отношения в Т-группе являются существенным фактором, оказывающим влияние на тренинг, поскольку суть СПТ — это развивающее обучение, осуществляющееся посредством преобразующего воздействия группы на личность, на основе помогающих отношений, складывающихся в Т-группе. Если предшествующие тренингу межличностные отношения в группе являются негативными, то они будут не помогающими, а наоборот, блокирующими групповой процесс.

Нами разработана теоретическая схема основного механизма СПТ, приводящего к изменению социально-психологических переменных личности (см. рис. 1).

Как видно из схемы, влияние группы на личность является центральным звеном цепи, иллюстрирующей механизм СПТ. В каждом из звеньев этого механизма могут происходить «сбои», возникать сопротивление, психологические барьеры, то есть блокировка, торможение группового процесса. Теоретический анализ психологических барьеров, препятствующих успешному функционированию механизма СПТ, позволяет схематично обозначить механизм блокировки группового процесса (рис. 2).

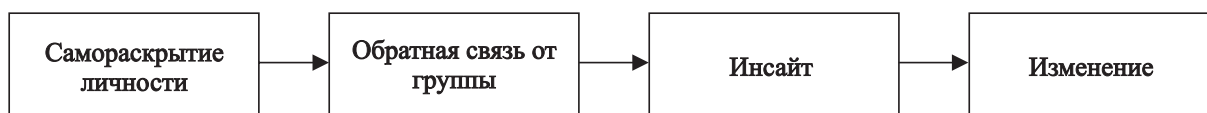

Рис. 1. Схема основного механизма СПТ

в своих исследованиях (Г. С. Абрамова, В. Ю. Большаков, И. В. Вачков, Н. В. Цзен, Ю. В. Пахомов, И. Ялом) указывают на то, что в случае присутствия в группе людей, связанных любыми значимыми отношениями (от служебных до любовных), эти отношения

Существует еще один аспект проблемы, который связан не с влиянием внутригрупповых межличностных отношений на тренинг, а с влиянием тренинга на внутригрупповые межличностные отношения.

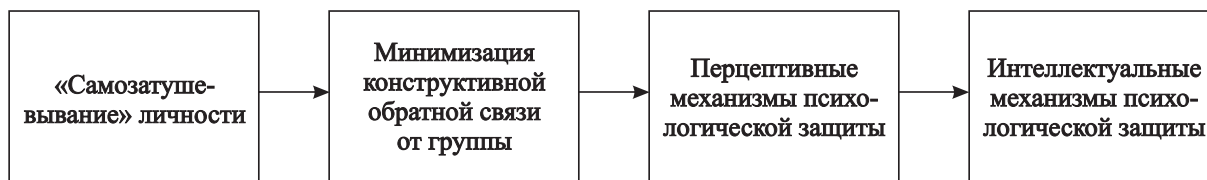

Рис. 2. Схема механизма блокировки группового процесса в СПТ

оказывают тормозящее влияние на групповой процесс, вызывают дополнительные трудности, блокируют оптимальное развитие группы, а значит, «и продвижение отдельных участников в личностном плане» (С. И. Макшанов, 2000).

Общая активизация межличностных отношений, которую предполагает СПТ, возможно обостряет межличностные конфликты, что в естественной группе может приводить к самым неожиданным последствиям. Это тем

более актуально, что группа не прекращает свое существование вместе с окончанием тренинга, а отношения участников группы будут продолжаться в процессе совместной учебы.

Это обстоятельство повышает ответственность психолога-тренера за процессы в данной группе после тренинга и заставляет его более строго подходить к процессам снятия психологических защит и активизации самораскрытия участников (М. В. Чумаков, 1999).

Таким образом, проводя и исследуя СПТ в студенческой группе, тренер сталкивается с двумя проблемами, касающимися взаимного влияния существовавших до тренинга внутригрупповых отношений и тренинга:

— предшествующие межличностные отношения как фактор результативности СПТ;

— СПТ как фактор развития студенческой группы; при наличии конфликтных межличностных отношений в группе СПТ может использоваться как способ вмешательства в негативный сценарий развития группы.

Наши исследования и практический опыт проведения тренинга в студенческих группах позволяет настаивать на соблюдении рекомендаций, которые можно коротко назвать «Диагностика» и «Коррекция»:

1. При формировании Т-группы необходимо провести социометрическое тестирование и включить в одну Т-группу студентов, не связанных негативными, а также очень близкими дружескими или любовными отношениями.

2. Для студенческой Т-группы, в которой диагностируются негативные, напряженные межличностные отношения, необходим модифицированный СПТ, стратегия проведения которого учитывает предшествующие тренингу негативные отношения как фактор блокировки группового процесса. Достижение основной цели СПТ в естественной Т-группе возможно лишь при постановке и решении (в качестве обязательной и первоочередной) задачи коррекции межличностных внутригрупповых отношений («психотерапии группы»).

При одной и той же программе тренинга коммуникативной компетентности, проводимого в разных Т-группах одним и тем же тренером, тренинг проходит по-разному. Сравним два тренинга коммуникативных умений, проведенных со студентами одной группы, разделенной на две подгруппы (Т-группы). В Т-группе, в которой до тренинга были диагностированы два негативных социометрических выбора (не взаимных), тренинг проходил очень активно, интенсивно, динамично, с продуктивным освоением коммуникативных умений. В Т-группе, которую удалось сформировать из студентов, не связанных негативными выборами, тренинг проходил также активно, динамично. В то же время он отличался от предыдущего обсуждениями более глубоких личностных и социально-психологических проблем участников группы.

С. А. ЧЕРНЯЕВА,

доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА И ЕЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИЕЙ

Психология, направленная преимущественно на внутреннее изучение человеческой активности, в XX веке впервые стала не только теоретической, но и практической. Интенсивное развитие различных направлений психологической практики в России последнего десятилетия позволяет, с одной стороны, подвести некоторые итоги, с другой — задуматься о принципиальных вопросах. Одним из таких вопросов является проблема взаимоотношений между теоретической и практической психологией. Является ли теоретическая психология тем знанием, на которое опираются действия практических психологов? Является ли практическая психология следствием теоретической психологии как науки?

Для ответа на данные вопросы из обширной сферы практической психологии выделим сферу психологической помощи, в которой

особенно ярко проявляется проблема взаимоотношений как с психологической наукой, так и с общественными и культурными реалиями, и проанализируем основные идеи, высказываемые в российской психологической литературе. Применительно к психологической помощи вопрос о ее «научности», соответствии психологической теории обычно рассматривается с точки зрения эффективности, но большинство ученых подчеркивает, что методы оценки этой эффективности существуют «внутри» каждого психологического направления, и методов сопоставления, определения более эффективного направления, хотя бы для конкретных симптомов или задач, не существует. Постоянно увеличивающееся число концепций, в соответствии с которыми оказывается психологическая помощь, теоретически создает возможность не

только получить психологическую помощь, но также выбрать и вид этой помощи — если предположить, что потенциальный клиент обладает знанием о различных методах психологической помощи, их целях и предполагаемых результатах.

При этом различные психотерапевтические подходы, школы и направления настолько отличаются друг от друга, описывают человека и его проблемы столь разными способами, что простое сравнение их между собой представляется непростой задачей. Для сопоставления основных подходов к психологической помощи, на наш взгляд, необходимо проанализировать их ценности, которые, как правило, не декларируются, в частности, потенциальному клиенту, но могут быть выявлены при анализе источников. (Эти ценности являются до некоторой степени «негласными аксиомами» деятельности практика.)

Ценности глубинно-психоаналитического/психодинамического направления: осознание, самодетерминация (техника возведения в сознание), самопознание, инсайт, адаптация, решение проблем, основанное на понимании собственной истории, истолкование культуры.

Ценности бихевиорально-когнитивного направления: адаптация, продуктивное решение проблем, научение, самоконтроль, рациональность, реализм, безопасность, удовольствие, удовлетворенность собственной жизнью.

Ценности экзистенциально-гуманистического направления: самоактуализация, любовь, творчество, эмпатия, безусловное принятие, вершинные переживания, конгруэнтность, подлинность, уникальность человеческой личности, личностный рост, осознание чувств и переживаний, проблемы, как источник роста, недирективность, доверие, способность к риску.

Ценности коммуникационно-ориентированного направления: эффективная коммуникация, осознание, научение, рациональность.

Ценности арт-терапии: творческий процесс, отреагирование, самовыражение, осознание, самоактуализация, сублимация, инсайт.

Ценности гештальт-терапии: осознание (в другом значении, чем, например, в коммуникационно-ориентированном направлении — постоянное осознание, полный контакт с собой и миром), ответственность, выбор, подлинность жизни, бытие «здесь и теперь», чувствование, переживание, осмысление, целостность, творческое приспособление, зрелость, радость.

Ценности логотерапии: смысл, воля к смыслу, самотрансценденция, полнота жизни, аутентичность, свобода, справедливость, моральность.

Ценности позитивной психотерапии: переформулирование, транскультуральность, целостность, всеобщность, универсальность, семья, взаимоотношения, возможности человека.

Ценности психосинтеза: целостность, интеграция, тождественность, личностный и духовный рост, созерцательность, альтруистическая любовь, самоактуализация, всеобщность.

Ценности трансперсональной психотерапии: целостность, трансперсональный опыт, «открытие», созерцание (самонаблюдение), сверхсознание, иррациональность.

Ценности христианской психотерапии: целостность, любовь к ближнему, религиозная вера, христианские моральные ценности, совесть, праведность, прощение, покаяние, воля Божия.

Если же говорить о ценностях психологической теории, особенно в ее академических образцах, то это, в первую очередь, — объективная истина, не зависящая от концепции специалиста, что явно говорит о расхождении ценностей психологической теории и современной психологической практики.

Специфичен вопрос об этических ценностях. Большинство направлений (кроме логотерапии и христианской психотерапии, а также отчасти позитивной психотерапии) не оперируют моральными ценностями. Некоторые психологи вообще отрицают значимость моральных норм для психологической помощи, что, однако, опровергается признаваемой практически всеми специалистами необходимостью в этическом кодексе психолога.

Ситуация «негласных аксиом и ценностей» психолога-консультанта, на наш взгляд, приобрела особую напряженность в России, где обращение к психологу еще не стало нормой. Хронологически это совпало с периодом экзистенциального вакуума, когда психолог приобрел значение некоего морального лидера. Человек, обращающийся к психологу, зачастую ожидает ответа на вопросы, связанные с пониманием смысла жизни, не осознавая, что требуемый ответ исходит не от «психологической науки», а является производным от мировоззренческой позиции психолога.

Осознание того, что психотерапевтические подходы базируются на различных (иногда взаимоисключающих) теориях личности, моделях человеческого поведения, задают различные критерии успешности, должны побуждать практиков отслеживать зависимость между исповедуемой теорией и применяемыми техниками, а также обсуждать с клиентом цели и ценности будущей совместной работы.

С. А. ЗАГРУБСКИЙ,

доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат философских наук

ЭКОЛОГИЯ ИНТЕЛЛЕКТА

Понятие «экология» было введено в качестве указания — или напоминания — о всеобщей связи явлений в природе и обществе. Но в наше время оно стало символом озабоченности о *чистоте* — поскольку проблема загрязнения (не будем констатировать, или ограничивать — загрязнения чего именно) воспринимается как проблема общая и даже глобальная. Именно в этом аспекте мы говорим об экологии интеллекта, как о проблеме достижения его чистоты, что также представляется проблемой глобальной.

Молодой человек спрашивает: какое мнение считать истинным, если мнений по любому вопросу так много и зачастую они прямо противоположны. Религия — путь к спасению или опиум для народа; думать надо в первую очередь о себе или о других; демократия — это условие социальной справедливости или причина социальной неустойчивости; добро — это... По поводу добра, морали, смысла жизни и социальных ценностей ответов не только «много», но у людей иногда возникает ощущение, что для каждого момента жизни, личной или общественной, допустимо свое отдельное понятие этих ценностей, необязательное для других моментов.

Добавим сюда постоянное стремление и право каждого человека защищать и утверждать свою индивидуальность, свою неповторимость. Причем надо подчеркнуть — именно ощущение *права* на индивидуальность, что после столетий разного рода авторитарных, тоталитарных режимов правления воспринимается как некая естественная привилегия всякого человека.

Вообще говоря, создается ощущение, что некоторое «опьянение» свободой касается не только людей молодых, могущих быть безответственными просто в силу возраста, но и людей вполне взрослых, размышляющих и пишущих книги для научения других. Ярче всего это проявляется в упорном нежелании пользоваться марксистскими наработками, очевидно, по причине их недавней обязательности. Однако подобная причина может разве что оправдать симпатии и антипатии, но не служить рекомендацией или помощницей при поисках ответов на вопросы жизни и при размышлениях вообще. В то же время, подобная интеллектуальная ориентация, — то есть стремление с чем-то обязательно не соглашаться, — далека от науки в не меньшей степени, чем необходимость обязательно к чему-то присоединиться. И то, и другое содействует

засорению сознания, искажению истины и загрязнению интеллекта. В обоих случаях возникает потребность в его — интеллекта — очищении. Возникает проблема, которую можно назвать экологической.

Людям, старающимся разобраться и не заблудиться в чаще множества мнений, можно дать, очевидно, один совет: ищите обоснование каждому мнению, не допускайте эмоций и вкусовщины в области познания. И тогда многие мнения расположатся в вашем сознании в некоей иерархической последовательности по степени и глубине их обоснованности.

Помимо ощущения интеллектуального комфорта и достижения порядка в собственном сознании процедура обоснования границ применимости того или иного мнения, той или иной оценки позволит сохранить для себя богатство и тех мнений, которые не выдерживают испытания на обоснованность. Скорее всего, границы применимости таких слабо обоснованных мнений нешироки, но, зная им «цену», не абсолютизируя их, можно четко выявить условия и место их применения, расширить свою способность понимать и отдельных людей, и социальные явления вообще.

Тем не менее, подобной рекомендацией проблема очищения интеллекта не снимается, потому что она просто перемещается в другую сферу: как найти искомое обоснование, на что опереться при выборе этого «обоснования»? И разве каждый, кто какое-то мнение формулирует, не обосновывает его каким-либо образом? И разве — зачастую — не по поводу именно обоснований спорят друг с другом ученые, и не в оценке ли ценности оснований расходятся друг с другом мыслители?

Основание принимаемым мнениям необходимо изыскивать в чем-то таком, с чем должны бы были соглашаться люди вне зависимости от любых привходящих обстоятельств: ни возраст, ни вкусы, ни время или место жизни не должны восприниматься при таком рассуждении как повод и право не принять выводов. Или, проще говоря, мы должны в этом рассуждении формулировать такие утверждения, с которыми должен был бы согласиться и Александр Македонский, и Шекспир, и наш современник любой национальности, обладающий любым социальным статусом. В качестве первого безусловного утверждения я предлагаю следующее. Все общества всегда состояли только из живых лю-

дей. Но ведь и улей состоит из пчел, а лес — из деревьев. Продвинулись ли мы с помощью первого утверждения? Необходимо еще одно: люди преисполнены способностей, требующих своей реализации. Эти способности создаются в нас природой, мы не можем создавать их в себе так же точно, как не можем создать в себе какую-либо часть тела, можем только развивать их или притушивать. С целью и в надежде на реализацию их люди объединяются в общество. Все остальное (в социальной, конечно, области) появляется, рождается, а впоследствии определяется этими двумя совершенно простыми и явными первопричинами.

Целый ряд выводов следующего порядка может быть сформулирован из этих первопричин, и потому к ним приходится возвращаться часто. Мне представляется наиболее важным осмысление сущности и содержания всего исторического процесса. При этом осмыслении, как и в дальнейшем, мы будем придерживаться одного требования: логической непротиворечивости. Реальные исторические явления и процессы будут служить нам только иллюстрацией к сделанным предварительно логическим умозаключениям. Так что содержание и сущность исторического процесса мы обозначим сначала в виде непротиворечивого предположения. Поскольку в обществе люди сходятся в стремлении реализовать свои способности, — что, конечно, они редко осознают, — то они ожидают от общества соответствующих условий (это, как правило, осознается). Однако в первичных общественных объединениях, как это легко принять без возражений, никаких особых «условий» быть не могло. До сих пор нам хотелось бы встретить в современных обществах гораздо больше условий развития собственных наших способностей. И потому логически непротиворечиво следующее утверждение: во все времена и везде в обществах существует дефицит условий реализации способностей составляющих это общество людей. А в атмосфере дефицита с необходимостью устанавливаются два процесса: распределение и дележ.

Под *распределением* будем понимать попытку обеспечения равенства и справедливости, а под *дележом* — деятельность людей в стремлении захватить себе побольше, полностью игнорируя интересы других и понятия о справедливости. Кстати, наиболее наглядным подтверждением осознания обоих этих процессов в общественной жизни выступает наличие гражданского и уголовного законо-

дательства в юстиции всех народов. А что касается исторического процесса, то пока распределять практически нечего, торжествует процесс дележа, и немногие преуспевшие в нем составляют верхний, правящий слой, куда изо всех сил пытаются никого больше не допускать настолько, что если мы где-либо в истории обнаруживаем расширение социальных границ, то можем быть заранее уверены, что до этого произошло (или сейчас именно происходит) расширение условий реализации способностей людей.

Вообще расширение условий реализации человеческих способностей мыслимо только как результат расширения, развертывания, развития хозяйственной, научной и прочих сфер общественной жизни, — и потому такое понятие, как равенство, хотя и завоевывается всегда в борьбе, но всегда же представляет собой лишь результат достигнутого общего развития именно хозяйственного. Почему и когда эмансипировали женщин? Почему вдруг освободили крепостных и когда? Почему и когда протестантизм смог разорвать скрепы религиозной монополии? Почему, когда и зачем введена была в России «Табель о рангах»? Все вышеперечисленные процессы, на первый взгляд такие разные и во всяком случае разновременные и разноместные, имеют своей причиной одинаковые основания.

Принятие двух первичных утверждений позволяет нам сделать целый ряд непротиворечивых утверждений по вопросам, традиционно воспринимаемым как «вечные» или даже «безответные» — вроде смысла жизни, добра и зла, морали и традиции и т. п.

Достижение экологической чистоты интеллекта не может восприниматься как некий одноактный процесс наподобие очистки авгиевых конюшен. А потому и проводимая экологическая работа заключается не в одном только показе логически безупречного основания какого-либо вывода, но в рассмотрении также многих отличающихся мнений и совместного поиска условий, в которых это «отличающееся» мнение может быть верным.

Таким образом, интеллектуальная чистота в конкретных людях строится не путем откидывания других мнений — и тем самым как бы отстранения себя «безгрешного» от «грешной» земли с ее заблуждающимися людьми (традиционная претензия всех «особенных», эзотерических учений), а путем их адекватного осознания. И потому борьба за чистоту интеллекта является также борьбой за его обогащение.

С. С. КОМИССАРЕНКО,

доцент кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, кандидат педагогических наук

ИДЕАЛ В СТРУКТУРЕ ДУХОВНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

Россия вступила в третье тысячелетие качественно новой страной. За десятилетие перестроена система политической, экономической, правовой, социальной и культурной жизни. Результатом демократических преобразований явился интенсивный процесс становления гражданского общества, что обеспечивает предпосылки для выбора обществом того пути развития, который наиболее полно реализует его культурный потенциал и историческое предназначение. Сегодня динамично развивается социальная структура российского общества, расширяется социальная база для возникновения множества субъектов культурной деятельности, что, в свою очередь, активизирует трансляцию культурных ценностей и обогащает социокультурную жизнь. Обращение к традиционным нравственным ценностям и поиску «храма в душе» способствует переосмыслению культурного наследия прошлого и изменению самосознания людей.

Вместе с тем нарастающие позитивные тенденции в развитии российского общества содержат противоречивые процессы, которые свидетельствуют о кризисных явлениях. Рыночная экономика изменяет не только качество жизни, но и самого человека. На первый план выдвигаются экономические ценности, и смысл жизни видится в ракурсе «экономических интересов и выгод». Приоритет сильного и состоятельного человека определяет высшую шкалу ценностей. Данное распределение ценностных ориентиров нравственно развращает одних, внутренне опустошает других. Безнравственность становится критерием в определении качеств человека. За чертой культурного развития остаются все те, кто не вписался в капиталистические условия жизни. Буржуазные ценности признаются общественно значимыми, а духовно-нравственные безвременно утрачивают свою истинную востребованность. Размывание «ценностного поля» российской культуры фиксирует отсутствие в общественном сознании людей, обладающих духовным авторитетом, одинаково признаваемым всеми слоями и группами социума. Дегуманизация общественных процессов свидетельствует о духовном кризисе российского общества, человек перестает быть смыслом и ядром культуры. Отсутствие сформулированной национальной идеи привело к кризису самосознания культуры как потере смыслов, идеалов, убеждений и отсутствию ресурсов для накопления

духовного опыта. Духовно-нравственные кризисные явления российского общества обусловили обращение к рассмотрению идеала как основному, стратегическому элементу в структуре духовно-интеллектуальной элиты.

Вера в высший идеал есть условие, при котором элита способна воздействовать на общество и быть полноценным ресурсом развития отечественной культуры. Реализация духовного и интеллектуального потенциала элиты возможна тогда, когда, с одной стороны, сама элита является конкретным идеалом общества, нации, государства, к которому направлены помыслы, надежды и устремления, а с другой — она обладает способностью создавать идеал на уровне личности и общества, используя свой духовный опыт и запас накопленных знаний.

Дефиниция «идеала» отражает внутреннюю сущность содержания духовно-интеллектуальной элиты и может рассматриваться в нескольких аспектах. Культуроцентристский аспект заключается в идеале как высшей цели духовного становления и развития отечественной культуры, где национальное сознание отражает и, следовательно, признает «объективный идеал, объективную правду»¹. С. Н. Трубецкой обосновывает объективный идеал народа нормативными началами, находящимися в основе человеческих отношений и религиозного культа. «И для того, чтобы нормы эти соблюдались, он признает над собою необходимость духовной и государственной власти, по возможности и независимой и справедливой. В этих объективных нормах, в законе человеческого общежития заключается право и власть; в идеале всеобщей правды — ее высшая нравственная санкция»².

Признание идеала народом есть жизненная необходимость для упорядочения человеческого общежития. Таким образом, идеал выполняет в обществе и государстве функцию социального регулирования, определяет нормативно-ценностную направленность жизненного смысла. Идеал есть маяк, к которому устремляются для ориентации в жизненном бытии, чтобы не потеряться и не сбиться с нравственного пути человеку, обществу и государству. В идеале концентрируются желаемые достижения высшего порядка, проектируется некий образ совершенства, который

¹ Трубецкой С. Н. О природе человеческого сознания: Соч. М., 1994. С. 562.

² Там же.

никогда не бывает реально достигнутым, но без которого человеческое общежитие теряет всякий смысл.

В антропологическом подходе А. С. Запесоцкого в отношении этического идеала, формирующегося определенной культурой и концентрирующей в себе ее представления о наиболее существенных ценностных основаниях бытия и способах их воплощения, обосновывается положение о том, что идеал всегда есть ответ на насущные проблемы эпохи: «Характер идеала определяется и одновременно определяет общую направленность культуры, ее духовную уникальность. Так, культуры с доминированием теоцентристской модели создают потусторонний идеал «блаженства в загробном мире», который, в свою очередь, определяет все проявления и смысл человеческого бытия. Социоцентристские культурные системы генерируют идеал нравственного устройства общественного бытия, совершенного общества, в котором человек может достичь своего предельного совершенства. Антропоцентристские модели культуры тяготеют к идеалам универсально-морального характера»¹. В данном контексте трудно принять идеал как единственно «объективный», поскольку в разрозненности на три модели культуры отсутствует единство цементирующего ядра. Теоцентрическая модель не может существовать вне «идеала нравственного устройства общественного бытия», абсолютно так же, как не может существовать социоцентристская модель идеала без универсально-морального характера. В основе любого идеала находится система ценностей и норм морально-нравственного содержания, «отражающих полноту бытия» (М. С. Каган). Относительно тезиса о том, что идеал всегда есть ответ на насущные проблемы, актуален лишь с той точки зрения, что и национальное самосознание народа «есть непрерывно раскрывающийся духовный акт»². Г. П. Федотов объясняет это тем, что «самые устойчивые национальные характеристики приходится пересматривать, перестраивать, потому что мы имеем дело с подвижным объектом, с меняющимся образом. Самосознание народа непосредственно совпадает с его актуализацией. Новый подвиг, новая жертва, новый грех влекут за собой новую установку национального сознания»³. При всех изменениях, происходив-

ших в самосознании культуры, идеал отечественного самосознания всегда был интенциональным, конкретно-ориентированным на носителей духовного опыта и высшего смысла жизненного бытия — отсюда особенность развития русской культуры и ее специфика, в отличие от западной модели идеала, который в основе своей трансцендентальный.

Доминанта элиты в виде идеала общественного и личного бытия обусловлена единством их родовой сущности. Если обратиться к этимологии слова «идеал», то оно раскрывается как: «Наилучший вид, элитный образец (спец.)»⁴. Совпадение понятий «элита» и «идеал» свидетельствует о тождественности их основы, содержащей в себе квинтэссенцию веры в реализацию ожиданий лучшего. Здесь вера выступает не как качественная черта характеристики человека элиты, а как цель (устремление) к достижению лучшего, то есть процесс к достижению идеала. Вне идеала существование духовно-интеллектуальной элиты невозможно.

Какой бы идеал личности ни создавал Платон в своей философии, но он отразил в обобщающей своей характеристике модель «желаемого» человека эллинской культуры. Поэтому проецируемый великим философом образ содержал в себе то понимание человека, сущность которого была неотделима от идеала лучшего представителя греческой культуры. Идеальный образ являлся лишь квинтэссенцией, сгустком, собравшим в себя представления греков о «лучшем человеке». Это был конкретный ответ Платона на запрос самой греческой культуры, философ дал грекам то, в чем они нуждались, показав тот идеал, к которому стремилась и которого достигла культура Эллады. Она вся пронизана трепетным отношением к свободному гражданину как «прекрасному» во всех отношениях объекту своего поклонения и почитания.

Любое государство, авторитарное или демократическое, нуждается в сильных, ярких личностях, обладающих психологическим воздействием на людей и, одновременно с этим, выражающих идею своего государства, пропагандирующих его ценности. Достоевский называл их «условными лучшими людьми». Лучшие люди способны выступать субъектом для отождествления и выполнения референтной миссии. Через свои социальные институты государство логически и рационально «проектирует» героев-современников, наделяя их привлекательными и притягатель-

¹ Запесоцкий А. С. Образование: Философия, культурология, политика. М., 2002. С. 16–18.

² Федотов Г. П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1991. Т. 1. С. 102.

³ Там же.

⁴ Ожегов С. Н., Шведов Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 236.

ными качествами для большинства граждан. Не всегда и не все герои своего времени могут быть причислены к духовной элите. Первым и приоритетным индикатором здесь является душевно-нравственная структура личности, включая ценностно-нормативную систему. Безупречность духовного авторитета проверяется наличием онтологической системы, суть которой неразрывно связана с нравственным содержанием действий и поступков.

Проектирование героев-современников, которые по замыслу разработчиков должны отвечать задачам отождествления и референтаризации, — процесс сложный. Он включает ряд таких этапов, как создание идеала, отвечающего требованиям эпохи; моделирование обязательных качеств для данного идеала; отбор выдающихся (уже имеющих) личностей; выделение необходимых и обязательных у них качеств; акцентирование на них внимания большинства; поиск адекватных форм их пропаганды — кстати, доступность и простота пропагандирующих форм характерна для культурных проектов еще дохристианского мира.

Второй путь «производства духовной элиты» в современной культурной практике фиксируется воссозданием образов духовных лидеров прошлого. Кризисные явления, грозящие привести к национальной катастрофе, активизируют их персонификацию. В данном случае процесс персонификации рассматривается с точки зрения «вынимания», извлечения из народной памяти конкретных субъектов как носителей высокого, духовного опыта. Социальная память хранит образы лучших людей России, в их деяниях сконцентрированы непроходящие ценности, проверенные тысячелетней практикой культурного созидания, их жизнь пронизана нравственным подвигом служения Отечеству. Элитарные личности способны выступать духовной силой сдерживания национального распада или консолидирующей опорой перед лицом национальной угрозы. Они могут активизировать внутренние ресурсы народа и обеспечить духовную безопасность нации (народа, общества, государства), поскольку являются для большинства олицетворением мужества, честности, веры и правды. Воссозданные образы духовных лидеров прошлого должны находить

в народном самосознании прямой отклик, яркую ассоциацию и целевое отождествление с реальными событиями прошлого. Такой отклик находил фильм Сергея Эзейнштейна «Александр Невский», созданный в 1938 году. Образ Александра Невского ассоциировался в народном сознании с конкретным подвигом русского князя, спасшего православную веру и честь русского народа. Введение в 1942 году ордена Суворова было вызвано обращением к героям России прошлого с целью поднять боевой дух защитников Родины, этим орденом награждали офицеров Советской Армии за личное мужество и отвагу.

Путь воссоздания лучших образов прошлого органически вытекает из третьего, наиболее эффективного и естественного способа «производства элиты» как акта самовозникновения и самостроительства.

Духовная элита России начинает формироваться в период принятия христианства. Вся сущность отечественной духовной элиты носит теологический характер и выражает основную религиозно-философскую мысль христианской культуры — приобретение человеком духовного опыта, посредством которого он «сообщается с божественной стихией мира и входит в живое соприкосновение с Богом»¹. Выдающаяся личность в национальном самосознании России неразделима с нравственным идеалом. Для социума она предстает духовным ресурсом, выполняющим функцию нравственной идентификации. С человеком элиты соединяется долженствование соответствия понимания нравственности и его личных качеств, которые не могут изменяться в социокультурном пространстве под влиянием и в угоду времени. Признание высшего Добра как «религиозного чувства» (В. Соловьев) не противоречит идеалу вне теологического понимания. А сведение нравственности лишь к проблеме теодицеи лишает нравственный идеал гуманистически ориентированного определения. Хотя гуманизм может использоваться в данном контексте как альтернатива христианского понимания идеала и «покровляет все — от Петrarки до Бердяева» (Г. П. Федоров).

¹ Ильин И. А. Путь духовного обновления: Основы христианской культуры. Кризис безбожия. М., 1993. Т. 1. С. 68.

КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ И МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Г. Г. СИЛЛАСТЕ,

заведующая кафедрой социологии Финансовой академии при Правительстве РФ,
доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ

НОВАЯ ТЕЛЕКУЛЬТУРА СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ РОССИИ (Социологический анализ)

Как известно, проблемы духовного развития российской деревни не занимали и не занимают большого места в отечественной социологии. Исследования по вопросам духовного состояния деревни — явление случайное и весьма редкое. А между тем проблемы социально-экономического развития села в современных условиях занимают все более важное место в государственной политике. Более того, исторически — так было при советской власти и еще в большей мере эта закономерность проявляется сегодня — деревня была и остается «ахиллесовой пятой» российской экономики.

Согласно данным последней переписи населения, в России 155 тыс. сел. Из них в 22% сел живут 10 и менее жителей, а в 8% вообще никто не живет — такой ситуации в России никогда не было, за исключением военных лет. В российских селах осталось 26,7% всего населения или 38,9 млн человек. Из них 9,4 млн в возрасте молодежи трудоспособного.

70% земель в сельском хозяйстве передано в частную собственность. 260 тыс. хозяйств — фермерские. Однако душевые ресурсы сельских жителей в 2002 году на 31% ниже, чем у горожан, а денежные доходы — на 45% меньше, то есть почти в 2 раза¹. Таким образом, из 33 млн россиян, живущих за чертой бедности (2003 год), 75,6% — сельские жители.

Возрастает разрыв между уровнем доходов сельского населения — с одной стороны, доступностью и качеством получаемого на селе образования, возможностью духовного развития селян и сельской молодежи — с другой. Тем более что в России две трети школ — сельские, в них обучается 6,4 млн школьников и трудятся 695,1 тыс. учителей — основная часть сельской интеллигенции.

Но это, как говорят в социологии, «мертвые факты». Для того чтобы представить реальное духовное состояние российского сельского социума, обратимся к фактам «живым»,

которые дают социологические исследования. Речь идет о результатах недавно завершеного под моим руководством крупного общероссийского социолого-педагогического проекта, который включал в себя два крупномасштабных социологических исследования: «Ценностные ориентации учителей, учащихся и их родителей в условиях становления рыночной экономики на селе» и «Влияние СМИ на поведенческие установки сельских школьников». Оба исследования проведены в 2002–2004 годах по заказу и при участии Института педагогики и социальной работы Российской Академии образования. Результаты первого исследования опубликованы в книге «Сельская школа и село России в начале XXI века (социологический анализ)». Объект последнего исследования — учащаяся молодежь сельских школ (6–11 классы). Объем выборки — 2600 респондентов из 21 российского региона всех федеральных округов: от Дальнего Востока до вологодского севера.

Остановлюсь лишь на одном важном и интересном аспекте этого исследования, пока еще не получившем освещения в научной печати: состоянии духовной культуры сельской учащейся молодежи и влияние на ее сознание и поведение средств массовой информации, прежде всего такого идейного рычага власти, как телевидение.

За годы экономического «марш-броска» в рынок пришла в упадок вся социальная инфраструктура села. Количество учреждений культурно-досуговой сферы сократилось на 10,3 тыс.

Ежегодно автобусная сеть сокращается на селе на 3%, а ее протяженность — на 8%. По сравнению с 1990 годом на селе введено в действие в 104 раза меньше подведомственных и частных дорог, а в ряде регионов дорожное строительство вообще прекратилось. В результате преобладающая часть сельского учительства (от 53 до 70% опрошенных) фактически отчуждена от культурной жизни и лишь изредка может посещать учреждения культуры в городах. Досуговая активность

¹ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М., 2000. С. 142.

сельских родителей и детей школьного возраста еще ниже: лишь 1,5–2% из них регулярно посещают культурные центры в городе. Вообще не посещают городские театры и музеи от 35 до 55% опрошенных. Сельские жители все больше замыкаются в пределах своих деревень, снижается уровень их информированности, социальной активности и социокультурной мобильности.

Основным, а точнее — монопольным источником информации на селе к началу XXI столетия стало телевидение, оказывающее решающее воздействие на информированность, ценностные ориентации и нравственные качества сельского образовательного социума. В постсоветский период информационное поле российской деревни резко изменилось.

Охват телевидением сельской местности лишь на 2% меньше общероссийского показателя (97 против 99%). Самый стремительный рост распространения ТВ произошел за счет расширения числа принимающих одну телепрограмму: с 50 до 73%. Село является зоной преимущественного приема одного, «Первого канала». Именно к нему обращаются почти 98% сельских учащихся.

На втором месте — школьные учебники; на третьем — магнитофонные записи, на четвертом — печатные источники (газеты, журналы, книги), приобретаемые родителями (77%), а для 40% — книги и другие печатные издания, которые они берут у своих друзей и знакомых. Подписку на журналы имеют лишь 17% семей. Что касается газет, то с «Советской Россией», «Российской газетой», «АиФ», «Комсомольской правдой» знакомы от 35 до 43% семей сельских школьников.

Перестало быть активно востребуемым информационным каналом радио. Его слушают менее половины школьников (42%). Однако расширило свою молодежную аудиторию на селе (до 12% часто обращающихся) зарубежное радио, в советское время имевшее минимальную аудиторию в деревнях.

К электронной информации посредством компьютера обращаются всего 9% школьников. Компьютер как информационный канал в сельском образовательном социуме практически «не работает».

Как показали результаты исследования, телеканалы «Культура», ТЦ, ТВС свое влияние распространяют всего на 7–9% учащихся. Максимальная «активная» аудитория сельской учащейся молодежи (79,5%) только у одного государственного телеканала: «Россию» смотрят во всех российских регионах. Несколько меньшую «активную» молодежную аудиторию (68,5%) собирают передачи «Первого канала».

Проводят у экрана ТВ в среднем в день, ч	%
свыше 4	25
3–4	20
2–3	24,9
1–2	19,1
не менее 1	4,6
меньше 1	3,7
не трачу времени совсем	0,8

В начале нового столетия абсолютное большинство сельских школьников (89,5% опрошенных) тратят на ежедневное пребывание у телеэкрана от одного-двух до четырех и более часов. Неаудитория символическая: всего 0,8% тех, кто, по их самооценке, «вообще не тратят на это время». «Сдержанной» телеаудиторией можно считать школьников, которые проводят перед телеэкраном час или менее — таких всего 8,3% опрошенных.

Рассмотрим идейное влияние телевидения на жизненные планы сельских учащихся, для анализа было отобрано 27 видов телевизионных передач.

Жизненные планы большинства учащихся (почти 53%) исходят из перспективы отъезда из села. Это особенно касается девушек (почти 59%). Устойчивую ориентацию на продолжение жизни на селе имеют почти 19% опрошенных (большинство из них — юноши). Каждый пятый респондент пока не высказывает своей миграционной установки.

Исследование позволило выделить четыре группы критики телеинформации.

Первая группа (28–37% опрошенных) критически оценивает информацию телевидения, касающуюся проблем сельской жизни — в частности, как построить свой дом и остаться жить на селе, создать фермерское хозяйство.

Вторая группа критических оценок (22–28%) относится к информации по вопросам миграции и отражает недовольство отсутствием данных о возможностях трудоустройства и переезда в город, отъезда на работу за рубеж.

Третья — связана с отсутствием необходимых сведений по социально-профессиональным проблемам жизнеустройства молодежи. По мнению 16–19% школьников, телевизионные передачи не оказывают никакой помощи в ответах на вопросы о том, как: поступить в вуз и получить профессию, создать семью, сделать карьеру, открыть свое дело, стать знаменитым.

Четвертая группа претензий связана с неудовлетворенностью информацией о том, «как стать политиком».

Расширение трудовых возможностей сельской молодежи после окончания школы по-

средством создания фермерских хозяйств, строительства собственного жилья, открытия «своего дела», приобретения сельскохозяйственной специальности, укрепления всей социальной сельской инфраструктуры — эти и другие социальные меры могли бы способствовать снижению миграционного настроения сельских школьников. Однако телевидение в начале 2000-х годов демонстрирует позицию отчуждения от аграрной тематики, жизни российской деревни, ее будущего. На таком фоне молодежные миграционные настроения могут только усиливаться. Вуз стал для большинства сельских школьников, особенно старшеклассников, единственной возможностью реализовать свое желание уехать из села.

Влияние передач радио и телевидения на трудовые ориентации, по признанию большинства учащихся (40,5%), сильное. Пока можно констатировать, что труд как социальная и нравственная ценность у сельской учащейся молодежи не девальвирована. Это создает хорошие предпосылки для закрепления в молодежном сознании нравственных ценностей трудового поведения. Абсолютное большинство учащихся (86,6%) придерживается ориентации на то, чтобы «много работать и хорошо зарабатывать» (46%), «иметь интересную работу, любимую профессию независимо от заработка» (34,3%) или «небольшой, но твердый заработок» (таких немного — 6,4%).

Сложилось противостояние двух идейно-нравственных концепций деятельности телевидения: рыночной идеологии культа денег, насилия и вещизма — с одной стороны, и традиционная социальная и нравственная ценность труда — с другой. Труд и деньги — ценности, которые сегодня в сознании большинства сельской молодежи переплетены очень тесно. В реализации своих жизненных планов сельские учащиеся во многом рассчитывают на силу именно этих социальных ценностей. Причем 23,3% опрошенных рассчитывают именно на «силу денег». Возможно поэтому в представлениях 22,7% опрошенных образы банкира (8%) и бизнесмена (14,7%), идеализируемые и тиражируемые СМИ, наиболее полно олицетворяют идеал сельских учащихся, особенно — юношей. Поэтому неудивительно, что 15,7% хотели бы стать в будущем именно банкирами или предпринимателями.

Ориентация СМИ и особенно телевидения на пропаганду «больших ожиданий», «красивой жизни» и ее новых стандартов затронула не только взрослое население, но особенно глубоко «полоснула» по неустойчивому молодежному сознанию. Деньги стали мерой не только экономической, но и нравственной

свободы. При этом следует учесть, что по самооценкам учащихся, их семьи преимущественно «среднеобеспеченные» (79%), а 21% — бедные. Почти в 30% семей (29,6%) вообще не выписывают газеты и журналы главным образом из-за отсутствия денег, а также потому что «газеты и журналы можно прочесть и в библиотеке, а не тратить деньги на подписку» (12,4%).

Идеология культа денег стала фактически общегосударственной идеологией. Какие же взгляды в основном внушают телепрограммы, проповедующие культ денег, и сколь эффективно это внушение?

Для большинства учащихся ценность денег и богатства в жизни стала выше веры в идеалы (91,4% против 69,6%). Причем, если считают ценность денег и богатства для себя «очень высокой» 40% учащихся, то вера в идеалы в качестве жизненной ценности высоко оценивается в два раза реже (21,3%). Для каждого четвертого сельского школьника вера в идеалы вообще не имеет никакой ценности, чего не скажешь о деньгах и богатстве, которые не имеют «никакой ценности» только для 5–6% респондентов.

Преобладающее большинство респондентов — 62% — считают, что именно телевидение наиболее активно распространяет «идеологию» силы денег, в полном смысле «культа денег», учит добиваться своей цели любыми методами и средствами (46,3%), поддерживает стремление к обогащению и наживе (33%), восхваляет бандитов и преступные авторитеты (30,5%), облагораживает корысть (19%). Всего лишь проблески в телепередачах принципов честности и правдивости, доверия к людям отмечают 24–25% старшеклассников.

Пропаганда корысти, денег и богатства как высшей жизненной ценности ведется в наиболее легко усваиваемом молодежной аудиторией жанре «развлекательно-завлекательных» программ. Среди них особое место по массовости общей молодежной аудитории занимают четыре программы: «Последний герой» (47,9% смотрят ее всегда), «Кто хочет стать миллионером» (29%), «Поле чудес» (26,3%) и «Слабое звено» (16,2%).

Все четыре передачи внушают стереотипы: «героем может быть каждый из вас», «здесь все равны», «все в равных условиях», «все по справедливости: выигрывает сильнейший и авторитетный лидер».

Механизмы этих программ — внушение и подражание — работают достаточно эффективно. Поэтому ведущая психологическая реакция (особенно у юношей — 50,1%) — «желание иметь много денег», для этого «не останавливаться перед средствами в достижении своих целей» (девушки более восприимчивы

к такому выводу — 44% против 37,4% среди юношей). Цель — «карьера и обогащение», так реагируют на эти передачи почти 38% респондентов (в большинстве случаев — девушки).

Сопутствующая реакция (10–14% респондентов) — «неуважительное отношение к низкооплачиваемым профессиям», «неудовлетворенность собой» и закладываемое в молодежное сознание «преклонение перед богатством и богатыми». Эти реакции характерны и болезненны для молодежи. За годы перехода к рынку за чертой бедности оказался 61,6% населения, что составляет 27,8 млн сельян. В январе 2003 года средняя заработная плата в сельском хозяйстве составила 1631 рубль. Это всего лишь 35% от среднероссийского уровня. В сельской местности больше, чем в городской проявляется социальная и экономическая стратификация населения, его расслоение на бедных и богатых, травмирующее людей морально-психологически. На этом фоне многие телевизионные передачи, демонстрирующие деление общества на бедных и богатых, порождают на селе противоположные чувства в молодежной аудитории. С одной стороны, зависть к благополучным и обеспеченным (6,4%, причем у юношей несколько больше, чем у девушек), с другой — уважение к богатству и «восхищение богатыми» (4,6–6%).

Подкрепляет вышеназванные чувства и телереклама, которая занимает особое место в распространении стереотипов всеобщей доступности «красивой жизни», силы денег и образцов современного качества жизни. Она стала прямым воплощением разгула идеологии вещизма и потребительского поведения. Сила рекламы — в ее эмоциональном воздействии, создании иллюзии доступности и привлекательности.

Реклама на телевидении разделила сельскую молодежную аудиторию на четыре группы влияния.

Самая многочисленная (46%) — индифферентная (безразличная), представляющая собой аудиторию потенциального влияния.

Вторая группа критически воспринимает телерекламу (23–25%). Ее поведение не меняется под давлением рекламы, иначе говоря, не подчиняется механизму внушения и подражания, а сохраняет личностные ценностные установки.

Относящиеся к третьей группе (15–19%) считают, что реклама дает «полезную информацию», им «приятно смотреть на красивую жизнь». Эта группа наиболее податлива манипулятивному воздействию телерекламы.

Четвертая группа (14–18%) временно отчуждена от рекламы и ее влияния. Это не-

аудитория рекламы (те, кто не смотрят ее вообще). Данная группа дополняет группу критического влияния, так как отражает негативную установку по отношению к рекламе.

Негативное влияние рекламы выражено в четырех ведущих глаголах, характеризующих мотивированное отношение учащихся: реклама «извращает» — «насаждает» — «подавляет» — в итоге «пагубно влияет». Внушение всемогущества денег, их силы в достижении жизненных целей, культа наживы и насилия, извращение представлений о реальных ценностях — эту социальную сущность рекламы, как показывает исследование, понимает каждый четвертый сельский школьник. Связь между насаждением культа денег и силой рекламного натиска с экранов телевидения — прямая.

Что касается темы патриотизма в СМИ, то большинство юношей (64,2%) и девушек (56%) отмечают сегодня позитивное воздействие информации телевидения и радио на формирование у себя и своих сверстников чувства любви к Родине. Эти данные отражают серьезные положительные изменения в идеологической политике и расширяют границы патриотического воспитания учащейся молодежи в начале 2000-х годов. Восстанавливается и конструктивная действенность такой ценной черты характера, как «уважение к истории своей страны». Считают, что радио и телевидение помогают воспитывать в себе это чувство почти две трети респондентов, причем юноши в большей мере, чем девушки. Однако считают влияние радио и телепередач в этой работе негативным от 34 до 37% учащихся. По мнению 68% юношей, влияние телепередач на поведенческие установки относительно службы в армии — значительное. У 28,6% учащихся эти телепередачи «отбивают желание служить в армии».

Вместе с тем отмечается позитивная тенденция, касающаяся укрепления в сознании учащихся отношения к службе в армии как к «необходимому выполнению долга перед Отечеством». Так, если в 2002 году такую позицию выражали 67% опрошенных, то в 2003-м — почти 69%. Причем среди юношей эту точку зрения высказывали почти 74% респондентов. Есть основания предполагать, что в сельской молодежной среде позитивно воспринимается процесс перемен в государственной военной политике и усилении патриотических настроений в обществе.

В качестве предложений в ответ на вопрос «что делать?» я предложила бы восстановить на телевидении и российском радио программу «Сельский час», издавать в России специальный журнал под названием, напри-

мер, «Сельский житель». Напомню, что именно так назывался выходивший в XVIII веке журнал, основанный и редактируемый известным русским ученым-аграрником Андреем

Болотовым. Есть и другие предложения, они изложены мной в соответствующей аналитической записке, направленной в Совет Федерации Федерального собрания.

Ю. Х. ЛУКМАНОВ,

глава Администрации Адмиралтейского района Санкт-Петербурга, кандидат экономических наук

УПРАВЛЕНИЕ ИНВЕСТИЦИЯМИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ «РАЗУМНОГО РОСТА»

Инвестиции, являясь одним из инструментов управления развитием социально-экономических систем, приобретают особую роль как эффективный инструмент поддержания оптимальных параметров их динамической устойчивости. При этом следует учесть, что инвестиции и инновации — две неразрывно связанные сферы экономической деятельности. Инвестиции без инноваций не имеют смысла, поскольку нет смысла воспроизводить устаревшее оборудование, не пользующееся спросом и, к тому же, ресурсорасточительное. Однако и инновации без инвестиций невозможны.

Сегодня проблему обновления производственного аппарата не решить с помощью старых подходов, когда научно-техническая и инвестиционная политика осуществлялась централизованно и, главным образом, за счет бюджетных источников и фондов министерств. Предприятия же выступали в роли «просителей» и «пользователей» государственных средств, занимаясь мелкими инновациями. Поэтому нужны новые подходы к инновационно-инвестиционной политике и механизму ее реализации, обеспечивающие крупномасштабный приток капитала для крупных проектов, рассчитанных на длительный период и охватывающих все стадии технологического цикла. Главная трудность — выбрать те узкие приоритетные производства, где концентрация ресурсов сможет в сравнительно короткий срок обеспечить успех и цепную реакцию перелома в более широких сферах народного хозяйства («стратегия лазерного луча»). Важно при этом не попасть в «черные дыры» экономики — речь идет о предприятиях, поглощающих в изобилии ресурсы, но не производящих конкурентоспособную продукцию.

Таким образом, представляет интерес выявление и анализ основных факторов экономического роста, к которым относятся *технологический прогресс, рабочая сила, инвестиции*.

Вклад *технологического прогресса* в экономический рост, измеряемый темпами при-

роста внутреннего валового продукта (ВВП), в последние два десятилетия XX века возрос во всех развитых странах в пределах от 35 до 50%. Технологический прогресс при этом рассматривался как:

— материализация накопленной информации и знаний в традиционных производственных ресурсах;

— улучшение организации и управления экономикой.

Роль *рабочей силы* в увеличении производства ВВП снизилась в последние два десятилетия во всех развитых странах.

Экономическая теория подтверждает огромное влияние занятости и ее структуры на экономику страны. Структура занятости в богатых странах по форме напоминает перевернутую пирамиду, ее основание — начальные технологические переделы (добыча и переработка исходного сырья), вершина — заключительные (торговля и финансы).

Продукция более низких слоев технологических переделов является исходным полуфабрикатом для последующих, более высоких слоев. При этом стоимость товара на каждом технологическом переделе формируется по затратному принципу: величина прибыли, включаемой в цену произведенного товара, определяется по нормативу ко всем произведенным затратам, к полной себестоимости продукции, то есть включает затраты «прошлого труда». В результате — чем выше уровень технологического передела, тем больше в себестоимости продукции затрат прошлого труда и, следовательно, больше масса прибыли при одних и тех же затратах живого труда, то есть его эффективность.

Для создания привлекательных условий приема *инвестиций* в регионе, городе, области или районе необходимо, в первую очередь, организовать четкую систему привлечения капитала и определить приоритеты. Для этого следует:

— обеспечить прозрачность действующего законодательства по инвестициям (чтобы оно было понятно любому инвестору);

— сформировать «инвестиционное» управление, при котором все участвующие подразделения работали бы как единая команда на конечный результат — привлечение инвестора. На практике инвестор, как правило, теряется из-за трудностей, связанных с многочисленными бюрократическими согласованиями между ответственными за это подразделениями, пока определяет должное развитие своего проекта. При этом сложилось и отношение к потенциальному инвестору, как к просителю ресурсов, а не как к их источнику. Мировой опыт свидетельствует о том, что успех реализации инвестиционных программ и проектов обеспечивает именно система «инвестиционно-го» управления, предусматривающая согласованность действий всех участников проекта;

— сформировать механизм пропорционального участия в инвестициях частных, смешанных и общественных организаций. Такие пропорции должны быть увязаны с приоритетами развития региона (территории).

С учетом вышеизложенного, концепция «разумного роста» представляет совокупность следующих принципов:

— поддержания динамической устойчивости социально-экономической системы;

— единства инновационно-инвестиционной деятельности;

— перехода от концепции «тяжелого роста» (с инвестициями в реализацию крупных проектов в тяжелой промышленности) к концепции, нацеленной на реализацию высокоэффективных проектов в отраслях высоких технологий, освоения новых технологических процессов, обновления основных фондов;

— использования показателя занятости с оценкой эффективности ее структуры как индикатора и цели экономических преобразований на переходном периоде;

— выравнивания социально-экономического уровня развития регионов и территорий;

— формирования четкой системы привлечения капитала и определения приоритетов инвестирования.

В качестве примера приведем результаты, полученные при оценке эффективности занятости по Санкт-Петербургу как субъекту Федерации и его территориальной составляющей — Адмиралтейскому административному району.

Нами была проведена оценка влияния изменения структуры занятости на эффективность функционирования города, рассчитанная по соотношению долей живого и оцепствленного труда в валовом региональном продукте. Анализ показал, что относительная оценка эффективности занятости в Санкт-Петербурге в течение 10 лет (с 1991

по 2001 год) снизилась на 2%. Это означает, что неблагоприятные структурные сдвиги в экономике Санкт-Петербурга равносильны сокращению занятости на 2%. К 2002 году относительная оценка эффективности снизилась уже на 22%, что потребовало немедленного вмешательства в процесс управления занятостью через инвестиции на уровне района.

В соответствии со сформулированной выше концепцией «разумного роста» Администрация Адмиралтейского района Санкт-Петербурга в последние три года сосредоточила свои усилия на решении следующих задач:

— увеличение абсолютной численности занятых в экономике района;

— определение приоритетов экономического развития и на их основе улучшение существующей структуры занятости и эффективности рабочих мест;

— инновационно-инвестиционным подходе в привлечении инвестиций в экономику района.

Проведенный анализ структуры экономики района выявил, что транспорт занимает приоритетное положение (25,3% по объему и 18,8% по численности занятых), на втором месте пищевая промышленность (20,6 и 5,8% соответственно), на третьем — предприятия ЖКХ (17,9 и 3,4% соответственно). Администрацией был предложен подход, увязывающий бюджет района с доходами и численностью проживающего населения.

Анализ данных, приведенных на графике, демонстрирует тесную связь между *численностью населения, долей доходов, долей районного бюджета* и наглядно представляет преимущества и недостатки каждого района в экономике города. Имея по численности населения показатели ниже среднего в городе¹ (188 тыс. человек), Адмиралтейский район обеспечил поступление налогов и долю районного бюджета в бюджете города выше среднего уровня. При этом в рассматриваемые годы видна положительная динамика: в результате мероприятий районной администрации, направленных на создание новых рабочих мест, численность занятых в районе за год возросла на 11,6%, а доходы бюджета — на 45,3%. (График построен на основании данных, прописанных Законом РФ «О бюджете».) Фактически финансовые показатели района за последние четыре года отражены в диаграмме.

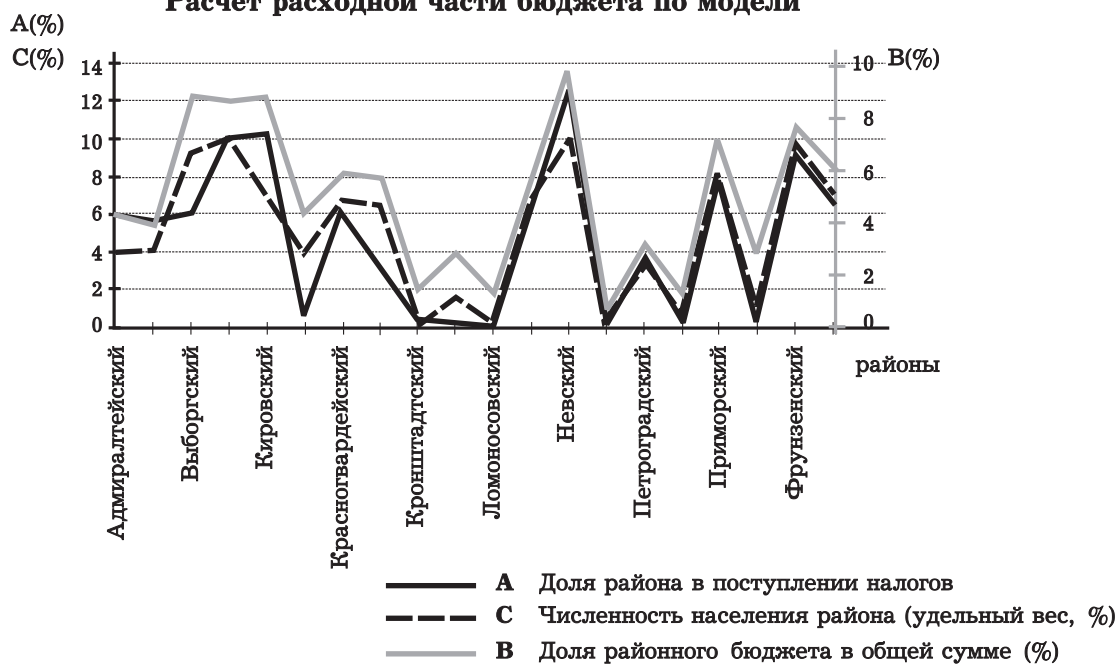
Анализ эффективности занятости населения в режиме мониторинга позволяет контролировать и анализировать экономическую ситуацию в реальном режиме времени и своевременно корректировать управленческие решения в интересах динамичного развития социально-экономической системы любого региона.

¹ Средний показатель численности жителей района в городе — 233,03 тыс. человек.

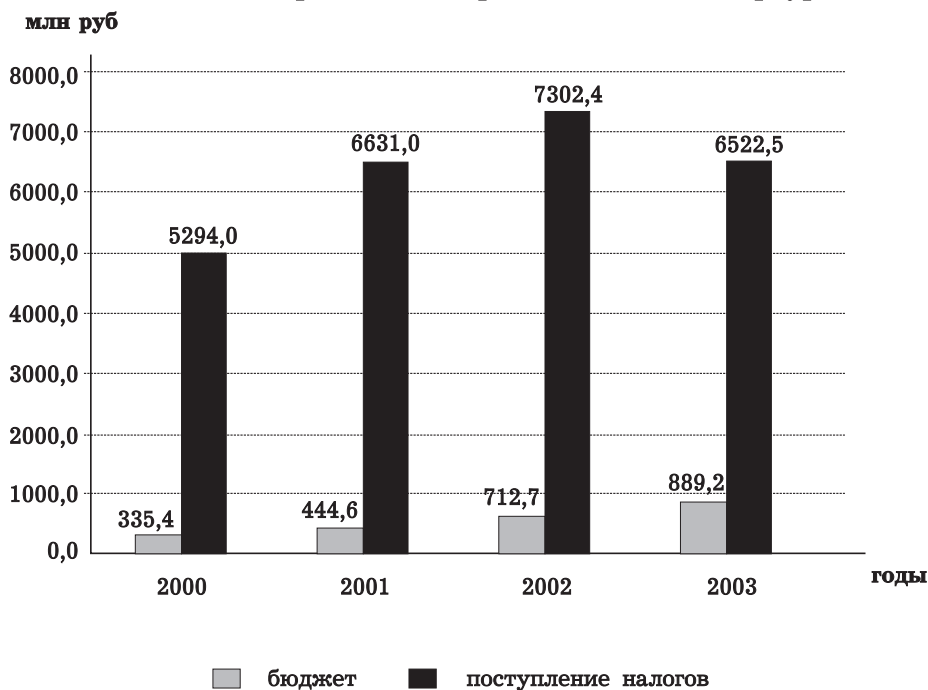
Удельный вес отраслей в совокупной численности занятых в Адмиралтейском районе

Расчет расходной части бюджета по модели

Финансовые показатели Адмиралтейского района Санкт-Петербурга

ПААВО АХОСОЛА,

ректор Института профессионального обучения взрослых г. Котка (Финляндия),
кандидат экономических наук, член исследовательской группы Хельсинкского университета

ОБУЧАЮЩЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ И ЭКСПАНСИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ФАКТОРЫ, РАСШИРЯЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА И ОБУЧЕНИЯ

Под обучающим воздействием подразумевается модель мышления, объединяющая научно-методическое толкование понятий, восходящее от абстрактного к конкретному, и опирающееся на развивающее сотрудничество понимание обучающего воздействия как многоголосного переговорного процесса.

Руководитель высшего отделения теории функционирования и прогрессивных исследований труда Хельсинкского университета профессор Урью Энгстрем в сотрудничестве с исследовательской группой разработал модель системы функционирования, основанную, в числе прочих, на теории культурно-исторической деятельности Леонтьева и системе экспансивного обучения Энгстрема. Одна из пяти исследовательских групп высшего отделения уделяет наибольшее внимание разработке идеи обучающего воздействия как способу сближения, помогающему преодолеть границу между образовательным учреждением и производством.

При обучающем воздействии различные функциональные системы (учебные, исследовательские заведения или предприятия) совместно разрабатывают новое знание, и оно гибридизируется, то есть трансформируется в процессе их взаимовлияния. Первичные элементы объясняют системы, давая по возможности более точные определения и создавая варианты решения проблем.

В соответствии с моделью мышления разные функциональные системы создают в промежуточных пограничных зонах области сотрудничества, то есть совместные объекты развития, соотносясь с образным восприятием деятельности в зоне соприкосновения. Для этого необходимы новые средства преодоления границ — пограничные объекты, которые являются в достаточной степени восприимчивыми к потребностям и ограничениям различных коллективов и в то же время обладают необходимой устойчивостью для сохранения тождественности различных сооб-

ществ. Типичными пограничными объектами являются, например, учебный план, проект развития, замысел исследования или учебная практика.

Деятельность в пограничной зоне соприкосновения начинается с рассмотрения развития объекта с исторической точки зрения и определения превалирующих в настоящий момент противоречий. Для разрешения противоречий разрабатываются альтернативные модели их преодоления, которые выборочно опробуются на практике в функциональных системах. На основании приобретенного в практической деятельности опыта модель поведения отрабатывается и закрепляется в функциональных системах в качестве постоянной практики.

Таким образом, в процессе обучающего воздействия происходит преодоление границ функциональных систем. При выполнении учебного задания в сотрудничестве с предприятием и при поддержке преподавателя обучающийся осваивается в производственной обстановке данного предприятия, достигая одновременно своих учебных целей. Обучающийся и преподаватель, преодолевая границы, образуют так называемые пары воздействия. Задачей преподавателя является поддержка и направление обучающегося к так называемой зоне начального развития. Зона начального развития — это та потенциальная зона развития обучающегося, которую он в состоянии охватить при помощи собственных умений, однако для овладения которой он все же нуждается в руководстве, советах и поддержке преподавателя. Зоны начального развития формируются в различных коллективах и организациях в так называемых местах преодоления границ.

Отделение теории функционирования и прогрессивных исследований труда и Педагогический институт Хелиа в течение многолетней совместной работы по изучению обучающего воздействия провели множество эмпирических исследований. Руководителем исследовательской группы является доктор философии Ритва Энгстрем (Хельсинкский университет). В состав группы входят исследователи, являющиеся диссертантами или лицензиатами, проводящими исследования в области педагогики. В качестве руководителя и взаимодействующего со студентами Хелиа преподавателя в исследовательской группе работает главный преподаватель Пирьо Ламберт.

Одним из направлений работы является участие исследовательской группы, состоящей из исследователей, преподавателей и студентов-педагогов, а также, по возможности, представителей предприятий и властных структур, в представительных форумах с использованием принципов обучающего воздействия. Результаты работ описаны в многочисленных монографиях, последней из которых — книга Урьо Энгстрем и Терту Туоми-Грен¹. Статьи участников исследовательской группы опубликованы во многих международных изданиях.

Работы исследовательской группы находят применение в проекте индивидуализации обучения взрослых, который координируется Комитетом по образованию. Целью многолетней программы развития является улучшение функционирования индивидуальных учебных планов, а также развитие сотрудничества между образовательными учреждениями и предприятиями при проведении показательной аттестации. В Финляндии в течение 10 лет существует система показательной аттестации, которая дает обучающимся различным профессиям студентам возможность практически продемонстрировать свои навыки в реальных ситуациях на предприятиях и учреждениях. Возможно также подготовка к профессиональной аттестации. Выполнение работ оценивается работодателем, работниками предприятия и представителями учебного заведения.

Индивидуальные программы обучения в последние годы в Финляндии являются обязательными как в образовании для взрослых, так и в профессиональном среднем и высшем образовании.

Области исследований исследовательской группы обширны: работы проводились путем наблюдения за производственной практикой студентов и при выполнении ими производственных заданий. Обучающее воздействие является также практичным инструментом педагогического руководства.

Литература

Leont'ev A. N. Activity, consciousness and personalilty. Englewood Cliffs, 1978.

Vygotsky L. S. Mind in society: The development of higher psychological processes. London, 1978.

¹ Between education and work: New perspectives on transfer and boundary crossing. Pergamon Press, 2003.

А. С. БОЛЬШАКОВ,

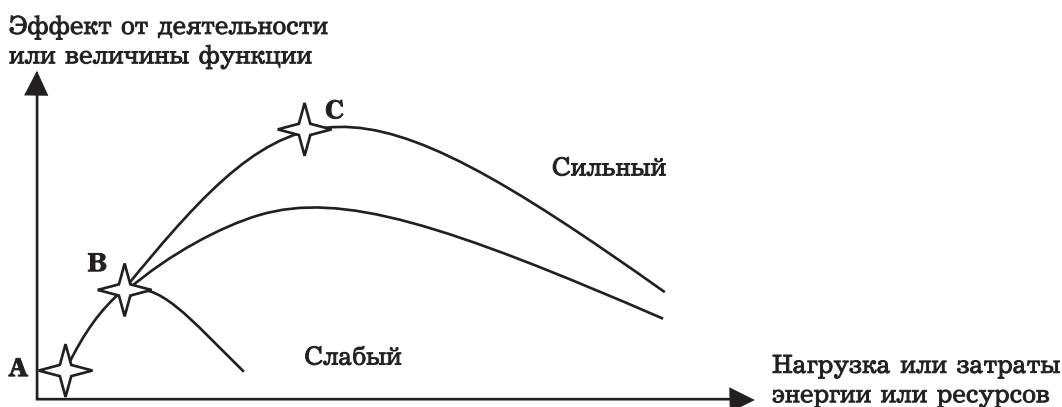
профессор кафедры управления СПбГУП, доктор экономических наук

ЭКОНОМИКА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

Экономика в переводе с греческого означает правила ведения хозяйства, домоустройства, а с учетом эволюции этого понятия в адаптированном современном варианте — правила жизнедеятельности людей или хозяйствующей организации, которыми они должны руководствоваться с целью достижения максимального эффекта. Для хозяйствующей организации эффект может быть измерен, например, прибылью от деятельности (выручка минус затраты), а для человека — величиной его физической, психической или психосоматической функции, которая может изменяться в зависимости от его нагрузки и затрат энергии. Например, один человек может подтянуться на турнике 20 раз, а другой — всего 2. Или, один способен за 2 секунды запомнить 10 предложенных цифр, а другой только 3 или 4. Очевидно, что способности человека можно воспитывать и тренировать, но только в рамках допустимого диапазона нагрузок, который индивидуален для каждого. В науке известен универсальный вид «горбообразной» оптимизационной кривой, которая описывает указанные процессы.

то для человека такой вариант неприемлем. Индивид «обречен» существовать в рамках своего диапазона «потенция — нагрузка» всю жизнь. Очевидно, что он может поднять свой потенциал, например, за счет упорного труда, образования, совершенствования навыков, тренировок, но только в пределах своей, индивидуальной оптимизационной кривой. Например, «слабый человек» в результате тренировок может поднять свое положение от точки А к точке В, но в точку «сильного и выносливого» С он никогда не попадет. Учитывать надо и следующее: «сильный» может находиться на своей кривой ниже, чем «слабый» человек, стоящий на максимуме своего потенциала или близко к нему — графики это наглядно демонстрируют.

Деление людей на «сильных», «средних» и «слабых» условно и относительно. В медицине, например, деление проводится по принципу адаптивности к нагрузкам. По специальным критериям всех людей можно разделить на высокоадаптивных, среднеадаптивных и низкоадаптивных. Подобную классификацию можно дробить и продолжать до бес-

Из графика видно, что существует некий предел нагрузок или трат энергии, после которого наступает перегрузка и, как следствие, снижение эффекта, величины функции человека или организации.

Если для фирмы переход от одного потенциального экономического состояния — одной «малой» кривой к другой, более объемной, возможен, например, с помощью внешней помощи, кредитов и других механизмов,

конечности, но суть останется одной и той же — *все мы разные не только по формам восприятия мира, но и по потенциям к этому восприятию.*

Проблема заключается в том, что индивид часто не может, не хочет или не желает осознавать, что потенции качества жизни у каждого индивидуальны и не зависят от воли, желаний или притязаний. В результате совершается множество ошибок, просчетов,

возникает много непоправимых ситуаций. Например, «слабый» видит красивую дорогую машину или дом, естественно желает иметь такой же или такую же, начинает предпринимать ряд действий, нести нагрузки, несоизмеримые с его потенциалом. В итоге возникают: физический или психический надрыв, болезнь в результате несоизмеримых нагрузок по зарабатыванию денег, конфликты в семье, криминальные действия и следствия, с ними связанные.

Как же обезопасить человека, оградить его от ошибок? Что предложить ему для осознания его положения в мире, чтобы он не гнался за мифическими ценностями этого мира, несоизмеримыми с его потенциалом?

История демонстрирует нам (как, зачем и почему — это проблемы, требующие отдельного и глубокого рассмотрения) ряд «социокультурных инструментов» для поддержания индивида в равновесном состоянии, при котором не ущемляется чувство его собственного достоинства, и он испытывает более или менее комфортные состояния вне зависимости от его потенциальной меры адаптивности к трудностям мира.

Первый «социокультурный инструмент» адаптации человека к трудностям мира — это религиозные практики. Они позволяют человеку обрести новый смысл жизни, психологически, а вероятно и мистически поддерживают его в трудных жизненных ситуациях. Второй — научные и логические модели, языки и инструменты. Математика, например, является метаязыком описания явлений природы. Осмысление мира с помощью логики и инструментов, с ней связанных, также помогают физически слабому, но мудрому человеку обрести некую уверенность, что сильным и богатым мира сего тоже бывает «несладко». Различные психические и психологические модели и методы, с помощью которых человек начинает обретать новый смысл существования, являются разновидностью логических и научных. Третий, самый неблагоприятный «социокультурный инструмент» адаптации человека к трудностям мира — это материальные агенты: никотин, алкоголь, наркотики, психотропные вещества, принятие которых выводит человека на новый уровень восприятия, уводит от видимых проблем и трудностей, но губит его здоровье. Природа, видимо, таким способом через дифференциацию социума производит селекцию «безнадежно слабых», отсекая их от популяции «средних» и «сильных».

Как же найти для себя модель, которая бы не только помогала «легче проходить жизнь» с минимумом ошибок, но и явилась

бы инструментом для изменения самого себя. Обобщая научный, исторический и религиозный опыт, можно констатировать, что такие поддерживающие человека поведенческие модели существуют. Их вполне можно назвать социокультурными, так как слово «культура» обозначало «улучшение, благоукрашение, уход» — в том числе за душой и телом человека. Кратко опишем эти модели.

1. «КТО КОГО»

В этой модели две основные составляющие: человек и сама жизнь — социокультурная среда.

Инициировав в себе данную модель, человек формирует установку: или я буду сам контролировать свою жизнь, или она будет влиять и доминировать надо мной. Культивируя эту модель внутри себя, человек со временем начинает получать удовлетворение от того, что он сильнее трудностей жизни. Он начинает постепенно осознавать, что уроки жизни тренируют и воспитывают в нем дополнительную силу.

Инициация в себе модели «кто кого» требует постоянного контроля над собой, невозмутимости, незлобивости, независтливости и т. д.

Модель можно считать включенной и устойчиво работающей, если в человеке начинают доминировать ощущения и чувства «игры жизни», а не давления ее факторов.

2. «МНЕ ПОМОГАЮТ»

Инициация в себе этой модели позволяет некоторым людям ощутить помощь и пополнить свой внутренний духовный потенциал, так необходимый для решения жизненных проблем. Человек как бы подпитывается извне, приобретает новую мотивацию, ощущения и чувства. Проявляется эта модель в жизни, как уже было отмечено, чаще всего в виде религиозных практик и различных верований.

В богословии процесс, когда человек начинает ощущать внутреннюю помощь и мир другими глазами, называется обращением. В научной практике — интуицией. В повседневной жизни — озарением.

Современная наука принимает факт возможности качественного скачка-новизны в восприятии человеком социокультурной среды и событий в ней, но точно объяснить, почему и как это происходит, к сожалению, пока не в состоянии.

3. «ЖИЗНЬ В ГАРМОНИИ С ОКРУЖАЮЩИМ»

Данная модель пришла к нам из Азии, из буддистских и дзэн-буддистских практик, йоги. Лингвистические трактовки этой модели могут быть различны: «срединный путь жизни», «семиричный путь» и др.

Суть этой модели в том, что человек не стремится «встать» над природой и окружающей социокультурной средой, победить все свои страсти, он желает достичь гармонии с окружающим миром. Одна из главных целей: достижение компромисса между «хочу» (потребности), «могу» (возможности) и «надо» (обстоятельства и необходимость).

Тренируя и воспитывая в себе данную установку, человек постепенно начинает понимать драматургию событий не только через известные пять чувств, но и глубже — со временем развивается эмоциональная память, интуитивные способности, исчезает страх, психическое напряжение, приходит невозмутимость и праведность, а с ними и новые знания. В первую очередь человек начинает осознавать и чувствовать то, что от него зависит, а что — нет. На то, что от него зависит, он начинает влиять и влиять эффективно, видя при этом критические факторы успеха в каком-либо деле.

Попытка жизни в гармонии с миром и окружающими приводит к поразительным результатам. Человек начинает внутренне ощущать свою оптимизационную кривую собственного психофизиологического потенциала «затраты энергии на деятельность — эффект от деятельности».

Все три модели находят во взаимосвязи, часто взаимоопределяют и взаимообуславливают друг друга. В разные моменты жизни человек может «включать» в себе ту или иную модель, культивировать ее, регулярно следя за чувствами, эмоциями и мотивами своего поведения. Научный, культурный и религиозный опыт народов и их прошлые традиции подтверждают, что описанные модели помогают человеку культивировать новые мотивы своего поведения и волевые действия, новое чувственное и эмоциональное восприятие мира, иной смысл жизни.

В. В. ЕМЕЛЬЯНОВА,

начальник Государственного управления образования и науки Псковской области

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Модернизация образования является в настоящее время ведущей идеей и центральной задачей российской образовательной политики. Под ней понимается комплексное, всестороннее обновление всех звеньев образовательной системы и всех сфер образовательной деятельности в соответствии с требованиями современной жизни, при сохранении и умножении лучших традиций отечественного образования. По мнению ректора Высшей школы экономики Я. И. Кузьмина, это фронтальный пересмотр принципов функционирования системы образования, унаследованных от ушедшей эпохи, равно как и принципов управления данной системой, а также масштабные изменения в содержании, технологии и организации самой образовательной деятельности.

Отметим два центральных направления модернизации образования — кардинальное обновление содержания образования и экономики образования.

Не случайно в докладе рабочей группы, подготовленном к заседанию Государственного совета «О развитии образования в Российской Федерации» (29 августа 2002 года), особое место занимали вопросы экономики образования, без серьезной модернизации которой сегодня уже невозможно обойтись.

Прежде всего, следует обратить внимание на серьезное недофинансирование системы образования и необходимость резкого увеличения ассигнований в этой сфере. Сегодня реальное недофинансирование образовательных учреждений достигает 60%. Бюджетные расходы на образование (по введенной Правительством РФ в текущем году новой методике расчета) составляют только 3% ВВП, что значительно ниже мировых стандартов. Необходимо в ближайшие три-четыре года удвоить финансирование профессионального образования и как минимум наполовину увеличить финансирование общего образования в стране.

Уже сегодня средства, затрачиваемые населением на образование, составляют, по оценкам специалистов, от 1,5 до 1,7% ВВП. Ресурсы семей и общества перенапряжены, нельзя рассчитывать на увеличение этих средств. Речь должна идти о резком повышении эффективности их использования.

Изменение отношения государства и общества к образованию должно выразиться в конкретных шагах: в увеличении объемов финансовой поддержки работников образования, создании условий для использования интеллектуального потенциала образованных людей. Необходимо уже в ближайшее время

повысить долю бюджетных расходов на образование в структуре ВВП с 3,5 до 4,5% и обеспечить опережающий рост в образовании по отношению к другим сферам бюджетного финансирования: конкурентоспособность на рынке труда, существенное увеличение заработной платы работникам образования, усиление стимулирования качества и результативности педагогического труда.

Государство должно обеспечить ресурсную привлекательность образования за счет средств предприятий и граждан, модернизировать действующие в образовании организационно-экономические механизмы, что позволит увеличить объем внебюджетных средств в образовании с 1,5 до 2,2% ВВП, а также кардинально улучшить использование этих средств, направив их непосредственно в учебные заведения.

Важность решения экономических проблем подчеркивалась в предложениях и замечаниях глав регионов Российской Федерации. Среди первоочередных задач образования Е. Э. Михайлов, глава Администрации Псковской области, предлагает:

- необходимость введения нормативного (подушевого) финансирования;

- законодательное обеспечение финансово-экономической самостоятельности и разнообразия организационно-правовых форм образовательных учреждений;

- разработку и принятие комплексных мер по поддержанию и модернизации основных фондов и материально-технической базы.

Президент Республики Адыгея А. А. Джаримов считает важным:

- переход к финансированию высшего образования на основе введения государственных именных финансовых обязательств (ГИФО);

- повышение общего объема финансирования образования, повышение заработной платы работникам образования.

М. Г. Рахимов, Президент Республики Башкирия, предлагает ускорить переход на нормативное планирование и финансирование расходов на образование из бюджетов всех уровней. Председатель Правительства Республики Бурятия Л. В. Потапов считает необходимым рассмотреть вопрос о новых подходах в межбюджетных отношениях и финансировании в системе образования. По мнению В. Г. Егорова, главы Администрации Калининградской области, эффективная экономическая политика предполагает наличие четких нормативов финансирования образования, его открытость для общественного контроля, стимулирование образовательных инициатив, целевую поддержку перспективных программ

развития образования, а также планомерную оптимизацию сети сельских школ. К. А. Титов, губернатор Самарской области, подчеркнул: если мы хотим иметь новую систему образования, должна быть новая экономика образования.

В рамках Концепции модернизации российского образования новая экономическая политика отражена в разделе 5.2.4. «Формирование эффективных экономических отношений». Предполагается, что в ходе модернизации образования государство будет последовательно наращивать его финансовую поддержку, в полном объеме решать проблемы погашения накопившейся задолженности учреждениям образования, возникшей в связи с их недофинансированием из бюджетов.

Вместе с тем очевидно, что в образовании невозможно добиться высокого качества и эффективности без построения таких экономических механизмов, которые должны обеспечить фактически новые принципы и систему финансирования отрасли. В целях формирования эффективных экономических механизмов модернизации и развития образования необходимы следующие меры:

- введение нормативного бюджетного финансирования общего среднего и начального профессионального образования с учетом обеспечения Государственных образовательных стандартов и необходимых условий образовательного процесса;

- осуществление бюджетного финансирования учреждений (организаций) высшего и в перспективе среднего профессионального образования на базе дифференцированных нормативов, отражающих характер образовательных программ и уровень подготовки абитуриентов, показанный на государственных испытаниях;

- создание системы государственного образовательного кредитования, субсидирования граждан для получения профессионального образования с целью обеспечения государственных приоритетов и поддержки студентов из малообеспеченных семей и отдаленных территорий;

- выделение средств на развитие образования в бюджетах всех уровней, включая средства на приобретение оборудования и информационно-вычислительной техники, развитие библиотек и информационных ресурсов, а также централизованные средства на повышение квалификации преподавателей;

- достижение прозрачности межбюджетных отношений в сфере образования;

- изменение системы финансирования из центра расходов дотационных регионов на нужды образования, перевод соответствующих

средств из трансфертов в целевые субсидии, направляемые на места через органы казначейства;

— нормативно-правовое обеспечение экономической самостоятельности, в том числе на основе увеличения разнообразия организационно-правовых форм образовательных учреждений и организаций путем внесения соответствующих поправок в Гражданский и Бюджетный кодексы РФ и в другие нормативно-правовые акты;

— последовательная реализация принципа экономической автономии учебных заведений, выключая свободу ценообразования и распоряжение собственными средствами; обеспечение прозрачности финансовой деятельности образовательных учреждений, повышение их финансово-экономической ответственности;

— создание условий для привлечения дополнительных средств в учреждения образования; широкое использование льгот, в том числе налоговых, на частные вложения в образование (по подоходному налогу; освобождение от налогообложения благотворительных пожертвований; предоставление права предприятиям и организациям при исчислении налога на прибыль включать расходы на подготовку и переподготовку кадров в затраты на производство и реализацию товаров и услуг);

— расширение на базе образовательных учреждений дополнительных платных образовательных услуг, в том числе для населения, как средства удовлетворения повышенного образовательного спроса и как внутреннего ресурса финансирования образовательных учреждений, развития содержания и структуры образования, разнообразия рынка образовательных услуг, стимулирования инновационных образовательных процессов;

— сосредоточение переподготовки высвобождающегося и незанятого населения в учреждениях начального и среднего профессионального образования;

— создание на базе образовательных учреждений (особенно в сельской местности) культурно-образовательных, учебно-производственных, детских медико-оздоровительных центров;

— разработка и принятие комплекса мер по обновлению материально-технической базы образования;

— поддержка профильного учебного производства на базе образовательных учреждений;

— предоставление возможности использовать средства федеральной программы развития для финансирования программ развития всех типов и видов государственных и

муниципальных образовательных учреждений, направленность средств этой программы строго на цели развития образования.

Система образования должна быть ориентирована не только на заказ со стороны государства, но и на постоянно возрастающий общественный образовательный спрос, на конкретные интересы семей, местных сообществ, предприятий. *Именно ориентация на реальные потребности конкретных потребителей образовательных услуг должна создать основу для привлечения в систему образования дополнительных финансовых и материально-технических ресурсов.* Это особенно актуально, поскольку в ближайшее время Россия должна будет сохранять и развивать высокий образовательный потенциал, сопоставимый с потенциалом образования развитых стран, в условиях относительно низкого среднедушевого уровня ВВП и бюджетных доходов. В этих условиях особенно необходимо сочетание бюджетных и внебюджетных средств в образовании.

Следует при этом учитывать, что призывы к инвесторам и благотворителям о поддержке образования не получают адекватного ответа без введения системы разумных налоговых льгот и преференций, без создания механизма влияния тех, кто вкладывает средства в образование (от крупных инвесторов до родителей школьников), на принимаемые здесь решения, в частности — через систему попечительских и иных общественных советов. По отношению к самим же образовательным учреждениям следует принять дополнения и изменения в бюджете и налоговое законодательство России в части реализации налоговых льгот, необходимых для ресурсного обеспечения образования.

Что касается формирования эффективных экономических отношений в сфере образования, то в условиях приоритетной поддержки образования со стороны государства оно должно обеспечить эффективное использование всех финансовых ресурсов. Для обеспечения эффективных экономических отношений должны быть решены следующие задачи:

1. Проведение эксперимента по введению нормативного бюджетного финансирования в отдельных муниципальных образованиях.

2. Достижение прозрачности межбюджетных отношений в части, касающейся финансового обеспечения образования.

3. Обеспечение целевого использования средств, выделяемых на нужды образования из бюджетов всех уровней.

4. Погашение задолженности по выплате компенсаций на книгоиздательскую продукцию и коммунальные услуги за период до 2000 года.

5. Создание условий для привлечения дополнительных средств в учреждения образования.

6. Расширение на базе образовательных учреждений дополнительных платных услуг.

7. Укрепление материально-технической базы учреждений образования (обеспечение мебелью, оргтехникой, транспортом).

Решение поставленных задач даст следующие результаты:

1. Создание механизма финансово-хозяйственной самостоятельности образовательных учреждений муниципальных образований.

2. Обеспечение информирования о финансовой деятельности, повышение финансово-

экономической ответственности, подконтрольности ситуации.

3. Содействие выполнению программы и эффективному финансированию программных мероприятий.

4. Повышение профессионального уровня педагогических работников и благосостояния их семей.

5. Привлечение спонсорских средств и добровольных пожертвований юридических и физических лиц.

6. Получение дополнительных средств финансирования. Повышение интеллектуального потенциала учащихся.

7. Создание наиболее комфортных (в том числе технических) условий в учреждениях образования.

А. Д. НЕЧАЕВА,

заведующая гуманитарным отделом МО «Федерация профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области»,
Заслуженный работник культуры РФ

ДЕТСКИЙ ТРУД КАК ГУМАНИТАРНАЯ И ПРОФСОЮЗНАЯ ПРОБЛЕМА

Проблема детского труда все более явно выдвигается на первый план в ряду других социальных проблем России. Экономический кризис, охвативший страну в 1990-е годы, утрата населением многих социальных льгот и гарантий, увеличение числа неблагополучных семей, которые оказались не в состоянии содержать и воспитывать своих детей, породили страшное и неожиданное для современной России явление — безнадзорность и бездомность детей. Тяжелое материальное положение таких семей, социальные пороки родителей оказывают губительное влияние на психику и здоровье детей. Оказавшись в подобных условиях, дети отдают предпочтение улице, где они становятся не только дешевой рабочей силой, но и легкой добычей для криминала.

Международная организация труда (МОТ), создавая систему международных трудовых стандартов, дает методологическую основу согласованной международной политики по защите прав несовершеннолетних работников. В этой системе создана и действует Международная программа по искоренению детского труда (ИПЕК), где под детским трудом понимается как оплачиваемая, так и неоплачиваемая работа и деятельность, которые в психическом, физическом, моральном отношении сопряжены с опасностью для детей или причинением им вреда. Это именно такой труд, который лишает детей возможности учиться в школе, закрепощает их и отрывает от семьи.

Согласно исследованию, проведенному ИПЕК¹, в Санкт-Петербурге насчитывается 16 тыс. работающих уличных детей, причем многие из них вовлечены в наихудшие формы детского труда. Структура контингента уличных детей, по оценкам экспертов, выглядит примерно следующим образом:

— дети в возрасте до 13 лет составляют 50–70% общей численности уличных детей;

— удельный вес занимающихся нелегальными видами деятельности (торговля ворованными вещами, наркотиками и т. д.) составляет среди работающих детей младше 13 лет от 10 до 30%;

— доля вовлеченных в занятия проституцией и съемки в порнофильмах среди работающих уличных детей до 18 лет составляет примерно 20%, хотя некоторые эксперты считают, что их численность достигает 35%.

В большинстве случаев дети ищут работу по экономическим причинам. Двое из пяти опрошенных уличных детей заявили, что работают только ради того, чтобы купить продукты питания. Каждый четвертый работающий ребенок помогает семье. Особую тревогу вызывают те из уличных детей, кто работает, «чтобы выжить», кто делает это под угрозой, а также зарабатывающие на приобретение наркотиков.

¹ Углубленный анализ положения работающих уличных детей в Санкт-Петербурге, 2000 год. СПб., 2001.

Эксперты определяют около 30 различных видов работ, на которых используется детский труд. Основные рабочие места относятся к следующим секторам: транспорт (мытьё машин, услуги на автозаправках и в автомасстерских), торговля (продажа газет, работа на лотках, торговля на рынке и т. п.) и логистика (подсобные работы в магазинах, разгрузка товаров, охрана товаров и пр.). Криминальными структурами дети в основном используются как реализаторы наркотиков, продавцы краденого, объекты проституции и порнографии. Значительное число детей живет за счет сбора утиля (макулатуры, пустых бутылок, банок и т. п.).

Средняя продолжительность рабочего дня детей, по оценкам работодателей, составляет 5,5 часов. Однако более половины опрошенных уличных детей утверждает, что им приходилось работать по 6–8 часов в день; свыше одной трети говорят, что иногда работали по 8–12 часов в день, а 10-я часть — больше 12 часов в день.

По оценкам экспертов, около 80% работающих уличных детей заняты на работах, опасных для их здоровья. Каждый четвертый из опрошенных работодателей признал факты привлечения детей к работе в ночное время, а 20% из них признали случаи применения физических наказаний работающим детям за ту или иную провинность.

Уличные дети зарабатывают немного, большинство опрошенных работодателей в сфере торговли указали диапазон размера оплаты труда детей от 45 до 100 рублей в день. Даже дети, втянутые в занятия проституцией, часто говорили, что их дохода «хватает только на еду», а в случаях вовлечения их в торговлю наркотиками — «только на дозу».

25 марта 2003 года Россия ратифицировала Конвенцию МОТ № 182 «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда» — юридический инструмент для борьбы с наихудшими формами детского труда. По международным нормам ровно через год после официальной ратификации документ вступает в силу.

В наихудшие формы детского труда Конвенция включает:

— все формы рабства или практику, сходную с рабством, как, например, продажа детей и торговля ими, долговая кабала и крепостная зависимость, а также принудительный или обязательный труд, в том числе принудительную или обязательную вербовку детей для использования их в вооруженных конфликтах;

— использование, вербовку или предложение ребенка для занятия проституцией,

для производства порнографической продукции или для порнографических представлений;

— использование, вербовку или предложение ребенка для занятия противоправной деятельностью, в частности для производства и продажи наркотиков, как они определены в соответствующих международных договорах;

— работу, которая по своему характеру или условиям, в которых она выполняется, может нанести вред здоровью, безопасности или нравственности детей.

Детский труд — это проблема, в первую очередь, государства, но заниматься ее решением должно все общество: и органы государственной власти, и работодатели, и профессиональные союзы.

Профсоюзы, являясь по сути правозащитной организацией, борются за права трудящихся с момента своего основания. Дети, занимающиеся трудовой деятельностью как в рамках действующего трудового права, так и вне его, должны быть в поле зрения и влияния профсоюзов независимо от того, являются они членами профсоюза или нет.

Имея доступ к большому числу взрослых работников и их семьям, профсоюзы в состоянии разъяснить им, какой социальный и физиологический вред принесет детский труд в раннем возрасте и отрыв детей от школы.

На предприятиях, где есть профсоюзные организации, детский труд встречается редко и используется он в рамках трудового права. Нарушения законодательства и установленные ограничения в сфере труда несовершеннолетних могут и там иметь место, но их несложно выявить и устранить.

Детский труд встречается чаще в так называемом «неформальном» секторе. С развитием в экономике частного предпринимательства, большого числа мелких и порой незарегистрированных предприятий дети становятся все более привлекательной рабочей силой. Им можно платить гораздо меньше, чем взрослым, никак не оформляя трудовых отношений и не соблюдая правил безопасности труда. Работающие дети не объединяются в профсоюзы и не требуют для себя никаких прав и гарантий. Государственные инспекторы редко посещают такие предприятия, и профсоюзных организаций там нет, следовательно, не может быть и общественного контроля за соблюдением трудового права и требований по охране труда. В подобных условиях детский труд может стать распространенным явлением.

Бедность, несомненно, является основной причиной детского труда. Но и детский труд, в свою очередь, порождает бедность. Если

дети выполняют работу взрослых за более низкую плату, это ставит под угрозу зарплату взрослых. Позиция профсоюзов в этом плане весьма выигрышна: выступая против детского труда и за возврат детей в школу, профсоюзы более убедительны в своих требованиях на права взрослых работников на оплату труда, позволяющую содержать семью.

Принципы солидарности и социальной справедливости лежат в самой основе профсоюзного движения. Профсоюзы были созданы, чтобы дать трудящимся сознание единства и коллективной силы, способной противостоять эксплуатации и требовать справедливых условий занятости. Следовательно, в интересах профсоюзов создание как в среде трудящихся, так и в обществе в целом, климата, который будет способствовать искоренению детского труда.

Сфера профсоюзной деятельности в этом направлении достаточно широка.

Немаловажным инструментом действий профсоюзов должно стать выявление и установление фактов вовлечения детей в наихудшие формы труда и нарушений законодательства в сфере труда несовершеннолетних, то есть придание проблеме детского труда имен

и должностей конкретных лиц. Профсоюзы должны заниматься расследованием и обязательным документированием всех установленных ими случаев использования детского труда и нарушений трудовых прав несовершеннолетних.

В целях профилактики и искоренения детского труда необходима систематическая работа по информированности трудящихся об этой проблеме с использованием профсоюзной системы образования, профсоюзной прессы, других средств массовой информации и всех возможных каналов профсоюзного влияния. Детский труд должен стать неприемлемым во мнении всех слоев общества.

Профсоюзы могут предпринимать конкретные действия по искоренению детского труда через переговоры с работодателями в процессе заключения коллективных договоров и разработки отраслевых соглашений. Региональные трехсторонние соглашения о социальном партнерстве могут быть использованы для создания эффективной системы координирования действий по разрешению данной проблемы, совершенствования законодательства и правоприменения в сфере детского труда.

Н. А. СТРЕКАЛОВА,

заведующая кафедрой управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ СЕРВИСНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

В условиях усиления конкуренции организационная культура сервисных организаций требует серьезного, пристального внимания как со стороны ученых, так и со стороны руководителей. Причина такого интереса — осознание важности организационной культуры в процессе управления:

- реализацией новых стратегий;
- осуществлением нововведений;
- качеством услуг.

Необходимость и преимущества диагностики и своевременного изменения культуры организации, использования ее в качестве инструмента управления сервисной организацией сегодня очевидны и не требуют доказательств. Культурологический анализ требуется при решении целого ряда управленческих проблем, связанных с развитием и внедрением нововведений в сервисной организации.

В качестве клиентов мы ощущаем разницу в подходах и поведении сотрудников сервисных организаций, едва переступаем порог гостиниц, вузов, банков, магазинов, ателье,

ресторанов и т. д. Руководители разных уровней управления, пытающиеся изменить поведение своих подчиненных, сталкиваются с их упорным сопротивлением, которое невозможно объяснить разумными причинами. Возникают проблемы коммуникаций между работниками различных подразделений, а также на межличностном уровне. Концепция организационной культуры помогает объяснить подобные феномены в организации.

Главной отличительной особенностью многих преуспевающих компаний (независимо от сферы деятельности), самым важным конкурентным преимуществом и ключевой составляющей успеха является организационная культура. Она оказывает мощное воздействие на основные показатели результатов их деятельности и долгосрочную эффективность. Каждая из преуспевающих компаний (например Coca-Cola, Intel, Microsoft, McDonalds и др.) обладает сложившейся, ярко выраженной организационной культурой, четко распознаваемой и разделяемой ее сотрудниками.

В таких компаниях человеческие ресурсы используются гораздо эффективнее.

Понятие культуры организации за последнее десятилетие стали использовать многие исследователи организаций и менеджеры. Оно включает три элемента, разделяемые всеми сотрудниками организации:

— общие ценности, доминирующие убеждения, определяющие приоритеты организации;

— нормы поведения («правила игры»), влияющие на принятие решений и действия всех членов организации;

— символы и символические действия, влияющие на культуру организации.

Эти элементы вместе взятые позволяют выделить (идентифицировать) организацию во внешней среде и добиться эффективной внутренней интеграции.

Общие ценности и доминирующие убеждения определяют, что является важным с точки зрения его сотрудников, а что нет. Существуют различные точки приложения общих ценностей. К ним могут относиться, например:

— стратегические активы или навыки, являющиеся основой устойчивых конкурентных преимуществ (мы — высокопрофессиональный, творческий коллектив специалистов);

— результаты деятельности (мы предоставляем услуги наивысшего качества, обеспечивая всестороннее и наиболее полное удовлетворение клиентов);

— стиль менеджмента (авторитарный, опирающийся на жесткий контроль, исполнительскую дисциплину и использование преимущественно административных методов управления, или демократический, поощряющий неформальное общение, творческий подход и нестандартное мышление);

— общая цель (стать лидером среди подобных организаций в городе).

Нормы поведения — это неформальные правила, влияющие на принятие решений и действия (стиль поведения) сотрудников. Например, неприемлемость любых форм «взятничества» как общая ценность коллектива стимулирует поведение сотрудников, соответствующее общим ценностям. Более того, плохо выполненная работа, отрицательно сказывающаяся на общем результате деятельности сервисной организации, может быть осуждена и неформально пресечена коллегами, которые не станут дожидаться формального вмешательства со стороны руководства. Однако в отсутствие поддержки со стороны мощной организационной культуры такое поведение сотрудников практически невозможно. Таким образом, развитые нормы организационной культуры способны обеспечить

гораздо более эффективный контроль за тем, что должны делать и чего не должны делать в организации, чем применение самых решительных оценок и санкций. Люди всегда найдут, как обойти установленные сверху правила. Преимущество норм поведения состоит в том, что люди не пытаются от них уклониться, потому что разделяют общие ценности.

Организационная культура зарождается и развивается в организации благодаря наглядным символам и символическим действиям, их перечень может быть разнообразным. Выделение своих образцов для подражания способствует закреплению ценностей и норм поведения в организации. Даже то, на что руководитель организации тратит свое рабочее время, может служить символическим действием и оказывать влияние на организационную культуру. Ритуалы праздников и повседневной жизни коллектива (например чествование юбиляров, сотрудников, получивших правительственные награды, ученые степени и звания, или ритуалы собеседования при приеме на работу) также формируют культуру организации.

Организационная культура существует в любой организации независимо от того, проявляют ли руководитель и сотрудники осознанный интерес к ее существованию или нет. Часто она возникает и существует без осознанного ее формирования. Однако сознательное формирование организационной культуры осуществляют формальные лидеры (руководители организации) и неформальные. Создание организационной культуры и осознанное управление ею относятся сегодня к числу важных задач руководителя. Его талант определяется способностью понять существующую организационную культуру и работать с ней.

Можно выделить несколько ключевых элементов организации: стратегия, структура, люди, организационная культура и системы, включающие внутренние процессы планирования и организационные процедуры, отражающие функционирование организации в динамике. Выделяют несколько уровней внесения изменений.

Первый уровень изменений — это стратегия организации и организационная культура. Стратегия задает основные пути и способы достижения целей. Она опирается на стратегический анализ ситуации, прогноз и анализ альтернативных вариантов развития. Изменения в стратегии могут привести к необходимости внесения изменений в систему управления. Стратегия должна быть адекватна структуре, системам, людям и организационной культуре. Все эти элементы должны

быть согласованы и синхронизированы между собой и со стратегией организации, несоответствие может пагубно отразиться на реализации стратегии.

Зачастую причина неудач в реализации большинства планируемых организационных изменений кроется в пренебрежении культурой организации. Этот процесс необходимо интегрировать с общим подходом к изменению культуры организации. Культура организации способна оказать поддержку стратегии в том случае, если она соответствует (согласуется) новой структуре, системам и людям. Если же эти элементы не согласованы между собой, мотивация и нормы культуры способны оказать мощное сопротивление и погубить стратегию.

Соответствие между новой стратегией и организационной культурой является гораздо более важным, чем согласованность между любыми другими элементами организации, поскольку изменить культуру очень сложно. Поэтому разрабатывая и предлагая новую стратегию развития сервисной организации, необходимо понять ее взаимосвязь с существующими в организации общими ценностями и нормами поведения. Совместимы ли они? Будут ли существующая система и культура поддерживать новую стратегию? Потребуется ли корректировка культуры и как это скажется на организации? Какие организационные изменения необходимы для успеха новой стратегии? Каковы последствия изменений и насколько они осуществимы? Если сильная позитивная культура приносится в жертву новой стратегии, результатом может быть полное разрушение и отсутствие какой бы то ни было положительной культуры в принципе.

Существующая корпоративная культура является мощным источником сопротивления реализации новой стратегии в организации. Если одновременно с действиями по реали-

зации новой стратегии культура организации не подтягивается в новом направлении, то в борьбе между стратегией и культурой в большинстве случаев побеждает последняя. Именно поэтому планы внедрения перемен в организации остаются нереализованными. В связи с этим культура всегда должна выстраиваться в соответствии с новой стратегией.

Приступая к реализации новой стратегии, руководство должно понять, какие ключевые элементы новой культуры необходимы для достижения успеха, какие новые правила поведения и принципы необходимо создавать в организации, чтобы обеспечить переход от старой стратегии к новой. При этом требуется заручиться поддержкой высшего руководства. Необходимо понимать, что между новыми организационными ценностями и личными ценностями сотрудников возможно возникновение конфликтов.

Культура связана с определенными ценностями, культивируемыми руководством организации. Руководитель (лидер) и его ближайшее окружение создают и изменяют культуру. Менеджеры-администраторы работают в ней.

Другой серьезной проблемой может стать расхождение между заявленными организацией ценностями и ее реальными действиями. Вряд ли следует ожидать серьезного отношения со стороны граждан к декларируемым в организации ценностям, принципам и нормам поведения, если вклад организации в удовлетворение потребностей низшего уровня сотрудников недостаточен для того, чтобы они могли задумываться о высших ценностях. Высокий разрыв в доходах и уровне жизни работников администрации и рядовых сотрудников организации порождает напряжение, непонимание и зависть.

Эффективная организационная культура оказывает прямое влияние на конечные результаты деятельности сервисной организации.

М. С. МОТЫШИНА,

профессор кафедры управления СПбГУП, доктор экономических наук

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ЭКОНОМИКИ: ИНФОРМАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Культура общества обусловлена развитием протекающих в нем научно-технических и социально-экономических, в том числе образовательных, процессов. XXI век связывают со становлением нового «постиндустриального» («информационного») общества, с формированием общемировой информационной среды, обусловленной процессами глобализации

и развития информационно-коммуникационных технологий. В рамках этой среды формируется и новая глобальная образовательная среда. Это заставляет российскую систему образования вступить в конкуренцию с образовательными системами развитых стран.

Основные черты будущей системы образования определяются потребностями обще-

ства. Информационное общество требует всеобщего высшего образования. Ведущие страны мира (США, Япония, Китай и др.) декларируют введение всеобщего высшего образования и ставят задачи кардинального развития национальных образовательных систем. Во многом постановке и решению этих задач способствуют социально-экономические концепции, рассматривающие «интеллектуальный», «человеческий» капитал как ведущую производительную силу общества.

Идея об увеличении «затрат в человека», в повышение его квалификации в качестве «капитала» выдвигалась еще классиками английской политической экономии В. Петти, А. Смитом, Д. Рикардо. Крупнейший представитель неоклассической теории А. Маршалл рассматривал государственные расходы на образование как национальные инвестиции. Формирование теории «человеческого капитала» как самостоятельного направления относят к 60-м годам XX века. В отечественной литературе подобные исследования начали проводиться в 70–80-е годы. Эта теория имеет огромное экономическое и социальное значение, поскольку изменила отношение политиков к затратам на образование. Образовательные инвестиции стали рассматриваться как источники экономического роста, не менее важные, чем обычные капиталовложения¹. Человеческий капитал начал учитываться как важнейшая составляющая национального богатства.

Количественным критерием оценки социально-экономического развития общества стал введенный по инициативе ООН *индекс развития человеческого потенциала*, который рассчитывается на основе трех показателей: средней продолжительности жизни, уровня благосостояния на душу населения и уровня образования, измеряемого как комбинация индекса грамотности взрослого населения и доли граждан до 24 лет, обучающихся в начальных, средних и высших учебных заведениях. Более характерным критерием уровня образовательного развития является *индекс интеллектуального потенциала общества*, который учитывает уровень образования взрослого населения страны, удельный вес студентов в общей численности населения, долю расходов на образование в ВВП, удельный вес занятых в научных исследованиях и разработках в общей численности занятых, удельный вес затрат на науку в ВВП. В то время, когда западные ученые констатируют рост интеллектуального потенциала, в Рос-

сии этот индекс снижается (в 1989–1997 годах снизился с 0,71 до 0,47)².

Необходимость радикального обновления системы высшего образования в нашей стране была осознана еще в середине 70-х годов XX века. Это проявилось, в частности, в развитии научно-методического «движения» вузовских преподавателей, в широком использовании принципов системного подхода, кибернетики, математического моделирования, использования ЭВМ в исследовании и проектировании систем обучения и в управлении вузом. Был разработан ряд важных документов развития образования, которые послужили основой программных документов последующих этапов модернизации российской высшей школы. В 1990-х годах в сфере высшего образования произошел ряд важных событий: принятие нового закона «Об образовании», создание новых Государственных стандартов, разработка проекта Федеральной программы развития образования, утверждение Концепции информатизации образования России, введение многоуровневой системы высшего образования. Важнейшим стимулом к дальнейшему развитию системы высшего образования является растущий спрос населения, осознающего роль знаний в современном обществе.

Нынешний этап модернизации в сфере образования является логическим продолжением предыдущих. Однако в этом процессе заметны отдельные противоречивые тенденции. В частности, с введением Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года наметилась расстановка новых акцентов. Так, в Концепции зафиксировано, что необходимо обеспечить опережающее развитие начального и среднего профессионального образования, поскольку на современном этапе возрастает потребность народного хозяйства в высококвалифицированных работниках начального и среднего звеньев производства. Такое направление развития является глубоко ошибочным и закрепляет превращение России в сырьевой придаток развитых стран. Процесс глобализации ранжирует нации в зависимости от имеющегося у них совокупного интеллекта. «В России, как в рамках государственного аппарата, так и в масштабе общества в целом, пока не осознан тот факт, что образование — особый высокоценный товар»³.

² Синицкая Н. Я. Образование как фактор качества человеческого потенциала региона // Экономика образования. 2004. № 1. С. 52.

³ Шабатин И. И. Актуальные вопросы взаимосвязи развития национального образования с формой развития экономики // Экономика образования. 2004. № 1. С. 59.

¹ США: экономика, политика, идеология. 1993. № 11. С. 22.

Подобный подход подкреплен и экономическими рычагами управления образовательной сферой. Образовательный комплекс по-прежнему считается «непроизводительной сферой» и финансируется по остаточному принципу. Доля расходов на образование в ВВП недопустимо мала для современного общества (3%). Увеличивается налоговая нагрузка на образовательные учреждения. Средняя заработная плата работников образовательных учреждений составляет 55–65% от уровня средней заработной платы в промышленности. Реформаторские новации на государственном уровне сводятся прежде всего к попыткам сокращения бюджетного финансирования системы образования. Введение схем финансирования с использованием ГИФО (государственных именных финансовых обязательств) вызывает много вопросов и критических замечаний. Последствия введения «образовательных ваучеров» могут привести к снижению доступности и качества высшего образования, его дальнейшей коммерциализации и «сворачиванию»¹. Масштабы и содержание работ по модернизации высшей школы, а также выделяемые средства не удовлетворяют ее реальные нужды. Вместе с тем «неоправданно крупные силы и средства сосредоточены на вопросах организационного характера, на поспешном внедрении нововведений, требующих тщательной проверки и одобрения научно-педагогического сообщества и широкой общественности. Это, в частности, относится к эксперименту по проведению Единого государственного экзамена»².

Вместе с тем современное общество требует перехода к принципиально новому уровню доступности высококачественного профессионального образования. Для постиндустриального общества необходимо, чтобы не менее 30% взрослого населения имело высшее образование. В послевоенный период в промышленно развитых странах высшее образование превратилось из элитарного в массовое, численность студентов увеличилась более чем в 10 раз. Ныне в развитых странах Западной Европы высшее образование охватывает от 1/3 до 2/3 выпускников средней школы³.

Одним из эффективных средств развития современного образования является *дистан-*

ционное образование — комплекс образовательных услуг, предоставляемых широким слоям населения с помощью специализированной образовательной среды. Важнейшими особенностями данной формы являются: гибкость, модульность, экономическая эффективность, новая функциональная роль преподавателя, контроль качества обучения, использование новых технологий обучения. Благодаря дистанционным образовательным технологиям:

— образование может быть организовано по экстерриториальному принципу в любой географической точке;

— создаются условия для индивидуализации обучения и повышения качества образования;

— появляется возможность привлекать высокопрофессиональных специалистов и тем самым обеспечивать сравнимое качество образования на всей огромной территории России;

— за счет тиражирования материалов на электронных носителях обеспечивается экономия финансовых средств, а следовательно, и снижение цен платных образовательных услуг;

— расширяется доступ к образованию лиц со специальными образовательными потребностями и лиц, которые не имеют возможности свободно передвигаться в учебных заведениях;

— появляется возможность реализовать известный лозунг ЮНЕСКО «Образование в течение всей жизни», так как дистанционные технологии позволяют реализовать не только основные, но в еще большей степени дополнительные образовательные программы;

— вузы получают законную возможность экспорта образования.

В 2003 году дистанционные образовательные технологии в России были легитимизированы, что открывает перед этой сферой деятельности новые перспективы. Правда, во время прохождения соответствующего закона был исключен ряд важных норм (например, норма о равенстве прав и обязанностей обучающихся в образовательных учреждениях, применяющих дистанционные технологии, и обучающихся по технологиям традиционным). Одновременно была включена норма, согласно которой использование дистанционных образовательных технологий не влечет за собой увеличения нормативов финансирования образовательных учреждений. Тем не менее данный закон стал важным шагом в образовательной политике⁴. По оценкам экс-

¹ Вифлеемский А. Б. Тайные причины ГИФО-изации высшего образования // Экономика образования. 2004. № 1. С. 35–48.

² Обращение VII Съезда Российского союза ректоров высших учебных заведений // <http://www.rsr.msu.ru/russian/2002/06>.

³ Зарецкая С. Л. Образование в контексте глобализации // Экономика образования. 2001. № 4. С. 37.

⁴ Смолин О. Н. Законодательство о дистанционных образовательных технологиях: Перспективы и новые проблемы // Экономика образования. 2004. № 1. С. 19.

пертов, использование дистанционных образовательных технологий позволяет сократить себестоимость обучения на 20–40%, что в условиях нехватки бюджетных средств крайне важно.

В настоящее время в России остро стоит проблема доступности образования. По данным социологов, более 70% российских абитуриентов не имеют возможности поступить в выбранный ими вуз; примерно 1,5 млн человек хотят, но не могут поступить в вузы¹. Эта проблема также может быть решена с помощью дистанционных технологий.

Вместе с тем развитие этой формы обучения в России связано с рядом ограничений. Выделим наиболее существенные из них.

Экономические ограничения:

— сокращение государственного финансирования и, практически, отсутствие иных инвестиционных потоков;

— отсутствие сформированного спроса на рынке образовательных услуг в сети. Предложение зачастую не соответствует различным потребностям потребителей, и последние не могут удовлетворить их с помощью имеющихся на рынке услуг;

— значительное несоответствие структуры предложения на рынке образования профессионально-территориальной структуре спроса на рынке труда;

— низкий платежеспособный спрос на образовательные услуги со стороны населения вследствие низких доходов, а также отсутствия механизмов кредитования образования и других способов снижения порогов доступа потребителей к образовательным услугам;

— неравенство потребителей. Формирующийся рынок может стать элитарным, ориентированным на малые группы потребителей со специфическими запросами (например, ориентированный на бизнес, маркетинг, финансы), хорошими финансовыми возможностями и высокими квалификационными характеристиками (знание ИТ, иностранного языка);

— процессы глобализации и интеграции. Они обуславливают повышение конкуренции со стороны иностранных производителей, имеющих значительные финансовые и технологические преимущества, возможно не только их проникновение на российский рынок, но и экспансия.

¹ Скуратов А. К. Дистанционное обучение и Интернет // Экономика образования. 2003. № 1. С. 36.

Законодательство. Несвоевременное реагирование государства на проблемы законодательства образования в сети грозит потерей значительного числа способных и состоятельных русскоязычных потребителей. Отсутствие тщательного государственного регулирования на рынке образовательных услуг в сети Интернет ведет к дестабилизации на рынке, предложению образовательных услуг, несоответствующих необходимому качеству.

Социально-культурные факторы. За годы социалистических условий в обществе сложился устойчивый стереотип восприятия образования как элемента социальной защиты. Инертность восприятия, все еще имеющаяся у значительной части граждан, определяет отсутствие активности взрослого населения на рынке образования. Значительная часть людей пока не понимает потенциал сетевых технологий. Компьютер и Интернет в последние годы прочно входят в культурный образ современного человека, но в ограниченной среде. Портрет среднестатистического пользователя Интернета в России — молодые люди до 35 лет с высшим образованием или студенты вузов. На современном этапе развития рынка образовательных услуг в сети Интернет огромное число потенциальных потребителей не входят в число интернет-аудитории. Для эффективного обучения индивид должен обладать основами информатики, навыками работы на компьютере и навигации в Интернете. Значительным квалификационным барьером потребления образовательных услуг в сети становится незнание языка.

Технологии. В условиях информатизации значительно сократился жизненный цикл технологий. Разработка образовательных продуктов требует больших ресурсных вложений, среди которых значительный вес занимает время. Темпы развития технологий настолько высоки, что большая часть потребителей не готова их воспринимать или не успевает адаптировать их к своей деятельности. Образование также не успевает реагировать на изменения. Быстрое устаревание применяемых технологий, новаторский характер процессов образования в дистанционном обучении ведет к нестабильности институтов дистанционного образования.

Несмотря на указанные барьеры, современные потребности общества определяют стратегическую важность развития рынка образовательных услуг в сети Интернет.

С. Б. САВЕЛЬЕВА,декан экономического факультета Мурманского государственного технического университета,
кандидат экономических наук, доцент;**А. Г. СТОЛБОВ,**

профессор кафедры экономики СПбГУП, доктор экономических наук

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Развитие Северо-Запада России как регионального пространства в границах Северо-Западного федерального округа (СЗФО) пока происходит в рамках отдельных субъектов федерации. В то же время есть все предпосылки для создания в этом регионе высокоэффективного социально-экономического комплекса, способного внести существенный вклад в повышение благосостояния народа нашей страны. Здесь находится один из крупнейших в мире научно-технических и культурно-образовательных центров — Санкт-Петербург. В СЗФО входит 11 субъектов Федерации, численность населения составляет 14 371,7 тыс. чел.¹ Северо-Запад располагает богатыми природными ресурсами, мощной промышленно-производственной базой, транспортной и рыночной инфраструктурой². Однако рыночные механизмы социально-экономической интеграции региона пока не срабатывают, а в руководстве СЗФО нет стабильности. Тем не менее без активного государственного регулирования, научно разработанных плановых целевых программ невозможно эффективно использовать богатые потенциальные возможности, трудно решить сложные социально-экономические задачи развития региона.

В настоящее время спад в производстве преодолен во всех субъектах Федерации СЗФО, но остается проблемой эффективная интеграция добывающих и обрабатывающих отраслей, развития строительной индустрии. В кризисном состоянии находится бюджетно-финансовая система, так как основные финансовые потоки концентрируются в главном деловом центре страны — Москве. Это сдерживает развитие инвестиционных процессов в регионе и препятствует созданию новых рабочих мест. Неблагоприятны условия и для развития малого предпринимательства в регионе. Такая ситуация негативно отражается на социально-культурной сфере. Значительная часть населения находится за чертой бедности, учреждения сферы культуры и ис-

кусства — в тяжелом финансово-экономическом положении. Предприятия сферы материального производства передали здания ведомственных учреждений культуры местным органам, а они не имеют средств на их содержание. Из северной части СЗФО наблюдается отток трудоспособного населения, а в результате растет избыток населения пенсионного возраста.

Развитие экономики СЗФО в значительной степени поддерживается за счет экспорта продукции добывающих предприятий. Поэтому при рассмотрении проблем социально-экономического развития Северо-Запада следует исходить из того, что они не могут быть решены без учета такого процесса, как глобализация.

Глобализация — очевидный факт. Мировая экономика находится на пути к единству, а международные экономические связи превращаются в важнейшую форму существования всех составных частей мирового хозяйства. Обмен товарами, услугами, капиталом, информацией в мировом масштабе достигли такого уровня, что национальные экономики становятся зависимыми друг от друга. Взаимозависимость, интеграция национальных экономик в единое целое должна давать синергетический эффект и быть благом для участвующих в этом процессе стран. Однако глобализация вызвала мощное движение антиглобалистов, встречает активные протесты по всему миру, резко критикуется и в нашей стране. В чем причина такого положения? Дело в том, что взаимозависимость национальных экономик носит однонаправленный характер. Экономика менее развитых стран попадает в зависимость от высокоразвитой экономики, и большая доля экономического эффекта от интеграции достается лидерам мирового хозяйства. А экономическое превосходство используется в политике, позволяя высокоразвитым странам распространять по всему миру и даже навязывать менее развитым странам свои стандарты образа жизни, культуры и искусства.

В основе глобализации лежит международное разделение труда. Глобализация является объективным, закономерным процессом. Теодор Левитт, который первым ввел термин «глобализация», основной движущей силой, сближающей мир, называет техноло-

¹ Регионы России: Стат. сборник: В 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 139.

² Черкесов В. В., Совершаева Л. П. Минерально-сырьевой комплекс — основа социально-экономического развития Северо-Запада России // Горный журнал. 2002. № 1. С. 3–8.

гии¹. Именно технологии в результате углубления международного разделения труда, преодолевая границы государств, объединяют различные производства в единый технологический процесс, а его участников — в единый мировой рынок. Против этой объективной экономической закономерности невозможно бороться и бесполезно протестовать. Борьба должна быть направлена против политического давления и культурной глобализации, за справедливое распределение результатов экономической интеграции.

Глобализация — это прежде всего экономическая интеграция в мировом масштабе. Макроэкономические проблемы глобализации должны решаться на государственном уровне с привлечением политических инструментов. Следует отметить, что наибольших успехов в конкурентной борьбе в процессе экономической глобализации добиваются транснациональные корпорации, которые в России отсутствуют.

Обращаясь к проблемам рассматриваемого региона, следует иметь в виду, что те предприятия, которые участвуют в международном разделении труда, то есть экспортируют свою продукцию и имеют более вы-

сокие прибыли, должны нести социальную ответственность за развитие территории. В настоящее же время они освободились от социальных непроизводственных объектов и стремятся минимизировать свои затраты в районах производственно-хозяйственной деятельности, направляя потоки прибылей в центры развитой финансовой, образовательной и социальной инфраструктуры.

Важным условием успешного решения социально-экономических проблем развития Северо-Запада является научно-методическое обеспечение системы регионального управления. В настоящее время нет квалифицированных специалистов в области регионального менеджмента, а прогнозы и программы развития региона основываются на экстраполяционном подходе. В 2002 году небольшим коллективом ученых и специалистов опубликованы основные направления стратегии социально-экономического развития СЗФО, но они в основном представляют собой совокупность стратегий развития отдельных субъектов Федерации². Для разработки научно обоснованной стратегии социально-экономического развития СЗФО необходимо привлечь все крупные центры региональной экономической науки.

Г. В. АБРАМЯН,

заведующий кафедрой информатики СПбГУП, доктор педагогических наук

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ, СРЕДСТВА И ТЕХНОЛОГИИ ИНТЕГРАЦИИ КУЛЬТУРЫ И ЭКОНОМИКИ

Представляется возможным рассматривать несколько подходов, анализирующих процессы взаимной интеграции культуры и экономики в условиях построения информационного общества.

1. *Предметно-научный*, базирующийся на имеющихся к настоящему времени общих и частных теориях культурологии и экономики. При этом анализ процессов интеграции и взаимовлияния различных по функциональной направленности процессов, не имеющих, кроме этого, общего понятийно-терминологического языка устоявшейся логики и связей, может быть неприменим в условиях информационного общества.

2. *Функционально-прикладной*, допускающей, с одной стороны, что культура является для экономики одной из тех сред, в которых происходит внедрение экономических законов и правил поведения, а с другой — что

нравственно-этические положения культуры составляют основу построения современной цивилизованной экономики.

3. *Информационный*, рассматривающий экономические и культурные системы как информационные процессы, а информационные средства и технологии — как инструменты имитационного моделирования реальных процессов в культуре и экономике, имеющие общие цели, массивы данных, алгоритмы и процедуры (технологии) их обработки.

4. *Комплексный, или интегративный*, предполагающий возможность рассматривать социокультурные и экономические явления с системных позиций, выделяя наиболее важные функции этих систем.

¹ Levitt T. The globalization of Markets // Harvard Business Review. May/June. 1983.

² Основные направления стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа Российской Федерации на период до 2015 года: Науч.-метод. пособие / А. Р. Батчаев, Е. Г. Слущкий, Л. П. Совершаева, Ю. Н. Солодухин, Е. В. Хазова, А. М. Ходачек. СПб., 2002.

Остановимся подробнее на одном из возможных комплексных подходов. Описание процессов интеграции и взаимодействия культуры и экономики может осуществляться на основе метанаучных теорий: системного подхода, теории открытых систем, информационного моделирования и объектно-ориентированного подхода. Таким образом, концептуальной основой подхода является попытка рассматривать взаимодействие культуры и экономики с позиций системного подхода, включающего, во-первых, открытое взаимодействие и по мере развития системы все меньшее прогнозирование явления и, во-вторых, учитывающего информационную природу процесса взаимодействия с позиций объектно-ориентированного подхода.

Прежде всего отметим, что под «открытой информационной системой» понимают систему, которая состоит из компонентов, взаимодействующих друг с другом через стандартные правила (протоколы, интерфейсы). Для нашего случая это означает следующее: процессы взаимодействия или интеграции систем культуры и экономики можно считать и рассматривать как открытые, если будут разработаны стандартные правила обмена информацией (нормативно-правовая база или профиль интеграции) между этими системами.

Для эффективного взаимодействия (интеграции) культуры и экономики с использованием открытых информационных систем необходимо подготовить внешнее описание — исчерпывающий и согласованный набор стандартов и профилей функциональных стандартов (социокультурных, экономических), которые специфицируют правила (протоколы, интерфейсы) функционирования информационных технологий в сферах культуры и экономики; сервисы и службы поддержки, чтобы обеспечить интероперабельность и мобильность деятельности производителей (персонала) и потребителей (субъектов) данных (услуг, информации или товаров).

Как известно, общие свойства открытых систем обычно формируются следующим образом:

- расширяемость/масштабируемость — extensibility/scalability;
- мобильность (переносимость) — portability;
- интероперабельность (способность к взаимодействию с другими системами) — interoperability;
- дружелюбность (легкая управляемость) к субъекту — driveability.

Если модели реальных сред культуры и экономики рассматривать как открытые объектно-ориентированные информационные системы, то они также, по-видимому, должны обладать основными свойствами подхода:

— инкапсуляция (скрытие реализации) — содержание и деятельность персонала сфер культуры и экономики скрываются от внешних систем (потребителей услуг или товаров), и связь с услугой (объектом) ограничивается набором команд (действий, сообщений), которые воспринимает объект (потребитель услуги);

— полиморфизм (многозначность сообщений) — одинаковые сообщения могут по-разному пониматься разными потребителями, производителями (объектами) услуг, в зависимости от их уровня общего и профессионального образования и культуры (класса);

— динамическое (позднее) связывание — назначение конкретного исполнителя деятельности (область работ или содержание деятельности) становится известным только во время выполнения деятельности;

— абстрактные типы описания услуг — интеграция содержания и технологий (операций) различной деятельности (например социокультурная и экономическая) для описания новых (например совместных) типов услуг, позволяющая использовать новые типы услуг наравне с уже существующими;

— наследование позволяет при создании новых видов услуг (объектов) использовать свойства уже существующих услуг (объектов), описывая заново только те свойства, которые отличаются.

При таком информационном, объектно-ориентированном подходе к описанию социокультурных и экономических процессов возможно рассматривать также аспекты взаимной поддержки культуры и экономики как открытых систем:

Мобильность — инкапсуляция позволяет хорошо скрыть те зависимые части социокультурной (экономической) системы, которые должны быть реализованы заново при переходе в новые условия работы. При этом гарантируется, что остальная часть социокультурной системы не потребует изменений.

Расширяемость — при реализации новых частей социокультурной системы многое может быть взято из уже существующей системы благодаря механизму наследования. Наследование позволяет сэкономить значительные средства при расширении социокультурной (экономической) системы, поскольку многое не нужно создавать заново, а некоторые новые компоненты можно получить, лишь слегка изменив старые. Кроме повторного использования, увеличивается также надежность, поскольку используются уже отлаженные компоненты.

Возможность конструирования новых, пока абстрактных типов услуг (данных) для созда-

ния новых социокультурных (экономических) инструментов и средств обеспечивается понятием класса, объединяющего похожие услуги (объекты) с одинаковым набором операций (функций).

Интероперабельность — способность социокультурной системы взаимодействовать с другими социокультурными системами хорошо поддерживается принципом посылки команд, сообщений (информации) и соответствующими понятиями полиморфизма и динамического связывания. В сообщении субъекту, коллективу, организации передается имя действия, которое должно быть ими выполнено, и некоторые дополнительные параметры (аргументы) сообщения. Как это действие выполнять — знает и решает только сам персонал (объект социокультурной или экономической деятельности), оказывающий услугу, — получатель сообщения. От него только требуется выдать в ответ результат — услугу. Совершенно очевидно, что разные социокультурные (экономические) объекты будут по-разному реагировать на одинаковые сообщения (полиморфизм). Кроме того, очень удобно выбирать способ реализации услуги в последний момент — при ответе на запрос услуги (сообщение), в зависимости от текущего состояния системы (динамическое связывание).

Для того чтобы разные социокультурные системы могли обмениваться услугами, необходима либо единая трактовка всех типов данных, сообщений, информации, в том числе абстрактных, либо индивидуальная процедура преобразования сообщения для каждой пары неодинаковых взаимодействующих систем. Именно простота понятия абстракт-

ных типов данных в объектно-ориентированных системах существенно облегчает разработку такой процедуры.

Дружественность (легкая управляемость) — удобство взаимодействия пользователей услуг с социокультурной или экономической системой требует от последней наличия всех трех вышеуказанных качеств. Мобильность необходима ввиду быстрой смены старых и появления новых услуг. Расширяемость требуется для разработки средств поддержки новых парадигм взаимодействия пользователей услуг и персонала со средой. Интероперабельность позволяет рассматривать пользователя услуги (субъекта) как другую социокультурную (экономическую) систему, с которой другие открытые системы должны уметь взаимодействовать.

Таким образом, одним из возможных направлений развития и интеграции современной культуры и экономики в условиях перехода общества к функционированию в информационном обществе является разработка высокотехнологичных методов взаимодействия и соответствующих способов описания информационных процессов деятельности производителей и потребителей социокультурных и экономических услуг, субъектов и объектов культуры и образования. По мере развития самой среды будут развиваться и способы взаимодействия субъектов и объектов. Возникающие же при этом сложности и проблемы описания развития могут быть решены с помощью представленных выше интегративных способов исследования на основе информационных подходов, систем и технологических решений.

Д. И. БАЛИБАЛОВА,

доцент кафедры государственного права СПбГУП, кандидат экономических наук

ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Как известно, гуманизм — это признание ценности человека как личности, его права на свободное развитие и проявление своих способностей. «В принципиальном плане гуманизация — очеловечение. Она направлена на реализацию человеческого потенциала», — такое определение категории «гуманизация» дает профессор А. С. Запесоцкий в своей монографии¹. Гуманизация общества предполагает, что оно признает своей главной задачей создание условий для свободного все-

стороннего развития человека как личности, всех его способностей, а критерием гуманизации общества служит благосостояние человека.

Гуманизация общества взаимосвязана с финансовой деятельностью государства, и прежде всего с ее основным звеном — бюджетной деятельностью. Посредством ее осуществляется материальное обеспечение тех отраслей общественного производства, деятельность которых непосредственно направлена на развитие человека, — речь идет об образовании, здравоохранении, культуре, искусстве и ряде других.

¹ Запесоцкий А. С. Образование: философия, культурология, политика. М., 2002. С. 48.

Бюджетной деятельности государства присущ императивный (властный) характер, поскольку государство самостоятельно устанавливает порядок образования, распределения и использования централизованных денежных фондов. Действия субъектов бюджетного права имеют определенную цель, обуславливающую необходимость бюджетной деятельности. Таковой можно считать обеспечение финансовыми ресурсами социально-экономического и политического развития каждого муниципального образования, субъекта РФ и России в целом.

Основное направление деятельности субъектов бюджетного права представляет собой в конечном итоге создание условий для наделения каждого члена общества достаточными средствами для повседневной жизнедеятельности. Так, ст. 135 Бюджетного кодекса РФ устанавливает, что «финансовая помощь из федерального бюджета бюджету субъекта РФ, предоставляемая на выравнивание уровня минимальной бюджетной обеспеченности, определяется на основе нормативов финансовых затрат на предоставление государственных услуг в целях финансирования расходов, обеспечивающих минимальные государственные стандарты». Безусловно, это связано с гуманизацией общества, однако возникает вопрос о самих этих стандартах.

Статья 6 Бюджетного кодекса РФ определяет минимальные государственные стандарты как государственные услуги, предоставление которых гражданам на безвозмездной и безвозвратной основах за счет финансирования из бюджетов всех уровней бюджетной системы РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов гарантируется государством на определенном минимально допустимом уровне на всей территории Российской Федерации. Какой же уровень считать минимально допустимым?

Государственная Дума в 2003 году приняла закон «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи». К сожалению, данный закон не способствует гуманизации нашего общества, ибо предложенный порядок расчета дохода семьи направлен на то, чтобы сократить расходы бюджетов на оказание социальной помощи малоимущим семьям. Как правило, это семьи, где имеются иждивенцы (дети и т. п.). Предложенный порядок расчета доходов семьи искусственно увеличивает среднедушевой доход. Во-первых, в доход семьи включены не только денежные, но и натуральные доходы, полученные

на приусадебном и садовом участках, заработная плата, выплаченная товарами, которые порой невозможно реализовать, и т. д. Во-вторых, из числа членов семьи при расчете среднедушевого дохода исключаются: военнослужащие, проходящие службу в армии по призыву; дети, находящиеся в школах-интернатах; лица, отбывающие наказание. В-третьих, доход семьи определяется до вычета налогов. Таким образом, в качестве дохода принимается большая сумма, чем реальный доход, полученный гражданами. Это значительно сокращает количество лиц, получающих социальное пособие.

Вопросы гуманизации общества тесно связаны с конституционными нормами. В ст. 7 Конституции РФ фиксируется, что политика России направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Вряд ли понятие «достойная жизнь» характеризуют такие категории, как минимальный потребительский бюджет, минимальные государственные социальные стандарты, минимальная бюджетная обеспеченность и т. п. Во многих экономически развитых странах приняты законы о благосостоянии, а также правовые акты, где фиксируются минимально допустимые в данном обществе размеры оплаты одного часа труда, годового дохода на одного человека и т. п. При этом стоимостные показатели взаимосвязаны с натуральными и регулярно пересматриваются. Например, в США раз в пять лет пересматривается состав потребительской корзины для разных групп населения, а ее стоимостная оценка служит базой для определения размера оплаты труда и социальных выплат.

В Российской Федерации законодательно установлены минимальный размер оплаты труда (МРОТ) и пенсий, социальных выплат и пособий, составы минимальной потребительской корзины для трех групп населения (трудоспособных, нетрудоспособных и детей), минимальный прожиточный бюджет (по регионам) и некоторые другие. Характерной особенностью этих нормативов является их эмпирический характер. Так, ни МРОТ, ни размер пенсий по возрасту, ни детское пособие не соответствуют стоимости даже минимальной потребительской корзины для соответствующих категорий. О рациональном же потребителемском бюджете в нашей стране на законодательном уровне вопрос даже не поднимается.

В 2001 году Государственной Думой был подготовлен законопроект «О государственном регулировании оплаты труда», на основе которого предполагалось ввести три норматива по оплате труда, в том числе минимальный

на уровне физиологического минимума из расчета утвержденного законом состава потребительской корзины. К сожалению, этот закон до сих пор не принят. В то же время в ежегодном законе о федеральном бюджете была введена статья, устанавливающая расчетное соотношение между среднегодовой величиной МРОТ и среднегодовым прожиточным минимумом трудоспособного населения. Так, Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2002 год» установил это соотношение в 2002 году 24,4%, на 2003 год оно было установлено в 21,6% — то есть МРОТ в четыре-пять раз меньше прожиточного минимума. Попытки изменить это соотношение не увенчались успехом: законопроект «О поэтапном повышении минимального размера оплаты труда в 2002–2003 годах», где предлагалось установить это соотношение в 2002 году — 60%, а в 2003 году — 100%, не был принят. На 2004 год закон опять установил прежнее соотношение. В такой ситуации вопрос о гуманизации общества становится неактуальным, ибо для 40 млн человек, живущих за чертой бедности, речь идет лишь о физическом выживании, но никак не о развитии личности.

Одним из приоритетных стратегических направлений бюджетной политики, начиная с 2001 года, провозглашается борьба с бедностью¹. Но одновременно была поставлена задача провести инвентаризацию и оценить эффективность всех бюджетных расходов и обязательств. На деле же это означало сокращение расходов бюджета на социальные нужды, что и происходит в реальности.

Между тем гуманизация общества предполагает особое внимание государства к развитию социальной сферы. Об этом говорится и в Конституции РФ (ч. 1, ст. 7): «Российская Федерация — социальное государство». Это значит, что государство считает развитие отраслей социальной сферы — образования, здравоохранения, культуры, науки и других — приоритетными. Они должны обеспечиваться ресурсами, в том числе финансовыми, полностью и своевременно.

Наиболее крупная часть финансовых ресурсов государства концентрируется в государственных бюджетах: федеральном и региональных, а также в местных бюджетах. Федеративное устройство России обуславливает наличие собственных расходов каждого уровня государственной власти и совместно

финансируемых мероприятий. В бюджетном законодательстве до 2002 года отсутствовало четкое разграничение полномочий и ответственности между органами власти разных уровней по осуществлению бюджетных расходов. Это приводило либо к невыполнению обязательств, либо к увеличению финансовой нагрузки на региональные и местные бюджеты. Главное же — порождало безответственность за выполнение государственных функций и задач. С внесением корректив в Бюджетный кодекс РФ и введением его в действие этот вопрос получает законодательное решение. Однако нельзя сказать, что он полностью решен.

В ст. 84 Бюджетного кодекса РФ дан перечень расходов, финансируемых исключительно из федерального бюджета. В него включено содержание учреждений социальной сферы, находящихся в федеральной собственности или в ведении органов государственной власти РФ. Но список этих учреждений не постояен. Прослеживается интересная закономерность: когда федеральный бюджет был дефицитным, то центр старался перевести из федеральной собственности в региональную как можно больше объектов социальной сферы. По данным Ю. А. Крохиной, в течение 1998 года в ведение субъектов Федерации было передано 740 организаций образования, здравоохранения, культуры, физической культуры и спорта². В настоящее время в Санкт-Петербурге наблюдается обратная картина: передача ряда объектов здравоохранения, культуры города в федеральную собственность. Как правило, эти объекты либо имеют хорошую материальную базу, либо обладают исторической ценностью.

Государственные расходы тесно взаимосвязаны с государственными доходами и на определенных этапах финансовой деятельности взаимообусловлены. Объектом государственных расходов являются аккумулированные в результате финансовой деятельности доходы как самого государства, так и его предприятий, и в то же время целью финансовой деятельности государства служит не получение максимальной суммы доходов как таковых, а финансирование своих потребностей, связанных с осуществлением государственных функций.

Важнейшая задача государства — разработка стабильной и эффективной правовой базы государственных расходов. В настоящее время имеет место несовпадение границ сопоставляемых статей Конституции и Бюджет-

¹ См.: *Бюджетное послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ «О бюджетной политике на 2001 год и на среднесрочную перспективу»* // *Российская газета*. 2000. 3 июня.

² *Крохина Ю. А.* Бюджетное право и российский федерализм. М., 2002.

ного кодекса РФ. Последний устанавливает открытый перечень расходов федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ и совместно финансируемых расходов, что превышает объем конституционно определенных предметов совместного ведения РФ и ее субъектов, поскольку перечни ст. 71, 72 Конституции РФ являются закрытыми. Статья 86 Бюджетного кодекса РФ, где перечислены расходы, финансируемые исключительно из бюджетов субъектов РФ, также следует унифицировать с нормами Конституции РФ.

Наиболее сложным и даже запутанным является понятие «совместно финансируемые расходы». Во-первых, «расходы, совместно финансируемые из бюджета Российской Федерации, бюджетов субъектов РФ и бюджетов муниципальных образований» (ст. 85 БК РФ) предполагают существование предметов одновременно трехстороннего ведения всех уровней государственности и местного самоуправления. Названные нормы входят в противоречие с Конституцией РФ, определяющей ведение РФ и совместное ведение РФ и субъектов РФ (ст. 71–73). Во-вторых, ч. 2 ст. 132 Конституции РФ предусматривает только возможность наделяния органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых ресурсов. Поэтому ряд ученых считает ст. 85 БК РФ неконституционной¹. В современных условиях проведение курса на гуманизацию общества осложняется нарастанием расходов по обслуживанию государственного долга, что приводит к сокращению подлежащих распределению общегосударствен-

ных бюджетных средств. Поэтому на федеральном уровне необходимо выделить бюджетные ассигнования, финансирование которых должно быть обеспечено в обязательном порядке. В их число должны быть включены образование, здравоохранение, наука, культура, от которых в первую очередь зависит гуманизация общества. Между тем эти отрасли держат на «голодном пайке», хотя федеральный бюджет последние четыре года имеет профицит. Более того, в конце декабря 2003 года принимается Федеральный закон «О внесении дополнений в Бюджетный кодекс РФ в части создания Стабилизационного фонда РФ». Согласно ему, фонд создается для финансирования возможного дефицита бюджета в случае снижения цены на нефть на мировом рынке. В этот фонд зачисляется часть средств федерального бюджета, образующаяся за счет превышения цены на нефть над базовой ценой. В качестве базовой цены устанавливается цена, эквивалентная 20 долларам США за 1 баррель. Кроме того, в него зачисляются и остатки средств федерального бюджета на начало соответствующего года.

Правовой статус фонда не прописан, и непонятно, как будут использоваться его средства в случае отсутствия дефицита бюджета. Создается впечатление, что таким образом из-под государственного финансового контроля выводятся значительные суммы на неопределенный срок. Именно эти средства должны были бы пойти на развитие человеческого потенциала, на повышение благосостояния граждан России, ликвидацию нищеты и вымирания населения. Это было бы реальным вкладом государства в гуманизацию нашего общества.

А. И. АЛЕКСЕЕВА,

доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат географических наук

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА ЖИЛЬЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Действующий генеральный план Санкт-Петербурга, который был разработан в 1985–1986 годах, заканчивает свое юридическое существование в 2005 году. По мнению главного архитектора города, председателя Комитета по градостроению и архитектуре (КГА) Администрации Санкт-Петербурга Олега Хар-

ченко, сегодня при разработке нового генерального плана важно понять: что можно планировать в условиях рыночной экономики, а что регулированию не подлежит. Наш город создан по воле монарха как политическая акция европейского масштаба.

С самого начала именно в Петербурге формировалась российская культура генеральных планов городов, таким образом новый генплан является частью нашей культуры, мировоззрения, менталитета. Генплан неотъемлемо связан с судьбами исторических памятников: почти весь центр Санкт-Петербурга (36 кв. км)

¹ См.: Пансков В. Г. О некоторых проблемах финансовой самостоятельности местного самоуправления // Финансы. 1999. № 3, Пронина Л. Законодательная основа местных финансов // Федерализм. 1998. № 1.

входит в объединенную охранную зону, находящуюся под контролем ЮНЕСКО.

Есть несколько точек зрения на развитие исторического центра, одна из них — в историческом городе не надо ничего строить и видоизменять. Ей противостоит другая: среди современных архитекторов есть таланты, которые могут оставить заметный след наравне с великими зодчими прошлых эпох.

Чрезвычайно важно определиться, насколько допустимо вмешательство современной архитектуры в «историческую ткань» города. За последние десять лет в Санкт-Петербурге построено довольно много жилых и общественных зданий. Многие из них удачно вписались в архитектурный стиль города. С другой стороны, исторический центр является полноценной частью города: в нем проживает значительная часть населения, сюда устремляются туристические потоки, здесь сосредоточена деловая жизнь и торговля. И здесь нужно создавать комфортные условия для проживания людей. Как показал опыт европейских крупных городов, перенос строительства жилых зданий из исторического центра на окраины приводит к деградации последнего и к ухудшению криминальной обстановки. Постепенно цена на землю в исторической части города начинает падать, и в итоге город может потерять свой культурно-исторический статус.

Как неоднократно отмечали иностранные архитекторы на недавно прошедшем форуме «Санкт-Петербург — окно в будущее», наш город остался одним из немногих европейских исторических городов: его центр в начале XXI века выглядит так, как и сто лет назад. Поэтому социокультурные и градостроительные проблемы развития Санкт-Петербурга становятся проблемами всей человеческой цивилизации.

Одной из актуальных тем нового генплана является смещение центра деловой активности из исторической части города в новую деловую зону. Так, агентства недвижимости вышли в КГА с предложением создать в Адмиралтейском районе «Деловой Сити» с радикальной реконструкцией территории, ликвидацией предприятий, расчисткой «под ноль» освободившихся площадок и их последующей застройкой.

В рамках разработки генерального плана необходимо создание юридической базы, которая действительно регулировала бы новое строительство в городе.

Около 20% территории Петербурга перспективно для реконструкции и строительства. Это, в частности, неэффективно используемые территории и инженерно подготовлен-

ные участки с незавершенным (замороженным) строительством.

Согласно идеологии нового генплана, особенностью развития города в ближайшие двадцать лет станет массовая реконструкция уже существующих территорий — зон застройки жилых домов первых массовых серий — «хрущевок», «кораблей» и тому подобных и бывших промышленных территорий в центре города. Уже сегодня в работе находится около 160 кварталов с корректировкой градостроительной ситуации: планируется дополнить их как жилыми домами, так и объектами культурно-бытового назначения, которые составляют почти 50% от общего числа инвестиционных проектов.

Уже определен ряд приоритетных направлений по развитию жилищного строительства. Оно будет развернуто преимущественно на Северо-Западе, Юго-Западе, в северных районах и Колпино.

В новом генплане, который начнет действовать в 2006 году, точками отсчета будут являться следующие показатели: площадь Санкт-Петербурга равна 148,9 тыс. га, в том числе площадь акватории — 11,1 тыс. га. На жилые районы приходится 20%. Исходя из численности населения равной 4,6 млн человек и средней жилищной обеспеченности — 30 кв. м общей площади на человека, жилищный фонд Петербурга должен составлять 138 млн кв. м жилья. В настоящее время средняя жилищная обеспеченность составляет 21 кв. м/чел и отличается очень большим разбросом этого показателя по районам города.

По данным Комитета по строительству, в 2003 году было сдано в эксплуатацию 1,5 млн кв. м жилья — это почти на 300 тыс. кв. м больше, чем в 2002 году. Подобные темпы, согласно прогнозам Администрации, сохранятся до 2006 года, так как спрос обеспечивается сохраняющейся остротой жилищной проблемы.

Почти половина петербуржцев (47%) не удовлетворена жилищными условиями: около 16% семей проживают в коммунальных квартирах, 9% населения жилье снимает. Улучшить условия планируют примерно 28% населения (у прочих нет необходимых средств). При этом 46% намерены обратиться на вторичный рынок, 24% — приобрести готовое жилье в новостройке, 19% — принять участие в долевым строительстве.

Аналитики рынка недвижимости подсчитали, что в 2002 году граждане израсходовали на приобретение строящегося жилья 570 млн долларов; в 2003 году — 815 млн долларов, в 2004 году эта сумма возрастет до 1815 млн, а в 2005-м — превысит миллиард долларов.

Строящееся жилье и по объемам ввода, и по качественным характеристикам распределяется по карте города весьма неравномерно. Пять районов: Выборгский, Калининский, Невский, Фрунзенский и Приморский — развиваются наиболее активно, причем лидер предложения в сегменте типового жилья — Калининский район — дает 21% от текущего объема предложения на первичном рынке.

Сегодня на петербургском рынке жилья работают около 200 фирм-застройщиков. Эта цифра остается стабильной в последние три

года, но 50% рынка контролируют всего 10 крупных строительных компаний.

Рынок ипотечного кредитования в Петербурге пока крайне неразвит. Лидер рынка ипотеки — компания «Дельта-кредит». Проблемы ипотеки вполне понятны: необходимость подтверждения гражданами легального дохода, высокие процентные ставки, недостаточно проработанная нормативная база. Однако благодаря вниманию к ипотеке федеральных властей, существенные подвижки в решении этой проблемы в Санкт-Петербурге уже намечаются.

Н. Д. СТРЕКАЛОВА,

заведующая кафедрой управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор;

С. С. ИВАНОВ,

директор Якутского (Саха) филиала СПбГУП

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРОЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Проблема эффективного управления учреждениями культуры, сохранения и развития имеющегося потенциала относится к числу важных проблем, требующих своего решения. Существует немало причин, по которым региональной культуре очень сложно вписаться в новую экономическую реальность. В их числе хронический недостаток финансирования, физический износ материально-технической базы, протекновение и утверждение идеалов «антикультуры» в сознании подрастающего поколения.

Учреждения культуры Республики Саха (Якутия) оказались в сложном положении. Их руководители воспринимали социально-экономическую ситуацию в республике как некий стабилизировавшийся, хотя и временный этап и ожидали перемен к лучшему. Немногие из руководителей-практиков осознали, что, во-первых, необходимо принять муниципальное самоуправление, рыночные отношения и учиться не просто выживать, но развиваться в этих условиях. Культура сегодня должна не просто «выпрашивать» деньги, а быть «отраслью духовного производства». Она может приносить прямые и опосредованные моральные и материальные блага конкретным людям, муниципальным образованиям и всей Республике Саха в целом.

Второе условие развития — это маркетинг территории. Необходимо повысить привлекательность данного населенного пункта (или микрорайона) для проживания жителей и ведения различных видов деятельности. Требуется провести углубленный анализ имеющихся материальных, кадровых и финансовых ресурсов

учреждений культуры, поиск резервов за счет максимального приспособления качества и количества ресурсов к местным условиям. Конечно, это очень трудное дело, имеющее долгосрочные последствия. Однако за счет эффективной «раскрутки» уже проводимых и новых культурных мероприятий уже можно начать деятельность по повышению имиджа территории. Правильно преподнесенное общественности мероприятие позволяет (в начале косвенно, а потом и прямо) стимулировать деловую активность граждан и коммерческих предприятий.

Третье условие — максимально приблизить культуру к решению задач перспективного развития конкретного наслега, поселка или улуса. Направления развития культуры должны быть органично увязаны с общей программой развития муниципального объединения. Сельский музей может годами ожидать дотаций, а может открыть производство сувениров, содержать небольшой ресторанчик в национальном стиле, устраивать приемы. Творческая студия при сельском Доме культуры может оказывать дизайнерские и оформительские услуги, заниматься подготовкой детей к школе совместно с сельскими учителями или выступать посредником для городских покупателей, осуществляя, например, выставки-продажи местных сельскохозяйственных производителей, или сопровождать выступлениями профессионалов или самодеятельных артистов — выходцев своих наслегов.

Четвертое условие — обеспечить качественную подготовку руководителей и деятелей улусных отделов культуры в области

менеджмента культуры. Известно, что учреждения среднего и высшего профессионального образования стремятся прежде всего обеспечить для своих студентов определенный уровень профессионально-исполнительской и методической подготовки. Поэтому библиотекари прекрасно знают все о книгах и авторах, руководители самодеятельных коллективов — о постановке голоса или руки. Однако на изучение дисциплины «Менеджмент культуры», знания по которой сегодня жизненно необходимы для существования учреждений культуры в новых экономических условиях, отводится очень мало учебного времени. Например, дисциплина «Менеджмент культуры» читается студентам отделения национальной культуры в ЯГУ только в течение одного семестра (2 часа в неделю). Программой обучения не предусмотрено ни курсовой работы, ни семинаров, ни практики. В колледже культуры аналогичное положение дел.

В связи с этим Якутский филиал СПБГУП выгодно отличается от других учебных заведений культуры Республики Саха качеством подготовки будущих специалистов в области менеджмента. В программе обучения предусмотрен целый комплекс дисциплин, обеспечивающих получение знаний по управлению культурой: менеджмент культуры, основы отечественного предпринимательства, технологии социально-культурного проектирования. Обучение студентов управлению в сфере культуры ведется в лучших традициях петербургской школы менеджмента. Для них разрабатываются учебно-методические пособия и комплексы с учетом региональных особенностей. Студенты, обучаемые в Якутском филиале СПБГУП, станут ценным приобретением для муниципальных единиц уже потому, что будут готовы не только качественно организовывать социокультурную деятельность на местах, но и изыскивать и разумно использовать культурные ресурсы данного улуса для заинтересованных лиц и структур, эффективно управлять организациями социально-культурной сферы. Якутский филиал также готов обучать начальников отделов культуры улусов, руководителей улусных и городских учреждений культуры на семинарах или курсах повышения квалификации.

Практика показала, что одна профессиональная подготовка в области музыки, хореографии или библиотечного дела не способна гарантировать выживание учреждений культуры и обеспечить работой специалистов. Полноценная подготовка современных руководителей учреждений культуры невозможна без знаний в области инновационного менеджмента, социально-культурного проектирования. Работа со спонсорами и над получением грантов объединяет усилия различных коллективов культуры, повышает

имидж конкретного населенного пункта, привлекает на его территорию дополнительные материальные, финансовые и людские ресурсы. Предприниматели никогда не откажутся принять участие в ярмарке или выставке, которые широко освещаются на страницах печати, что обеспечивает им приток покупателей.

И пятое условие — создание организационных и экономических условий для саморазвития культурной жизни в конкретном улусе. Культурная жизнь развивается не по приказу. В сфере своего свободного времени каждый конкретный потребитель «рублем» и «ногами» голосует за то, что ему хочется делать, а учреждения культуры помогают ему сделать выбор или мешают. Так было с дискотеками, с видео. Так теперь обстоят дела с экзотическими танцами, тайбо, восточными боевыми искусствами, фэншуй, фитнес- или фанат-клубами.

Отсюда следует вывод, что специалисты в области профессиональной подготовки и практики в области управления должны сотрудничать как в разработке программ развития культуры для конкретного улуса, так и в проведении экспертизы комплексных проектов и общественных инициатив, в развитии этнокультурного туризма.

Конечно, гораздо проще сохранить культурное пространство в музее. Но что, если населить улицу современного города или небольшого села персонажами прошлого, героями книг и кинофильмов — таково одно из «золотых решений» западноевропейского культурного туризма. В Якутии есть попытки создания этнокультурных комплексов, но эффективной отдачи муниципальным объединениям они не дают. А ведь этнокультурный или культурно-исторический комплекс — это новые рабочие места, рост непрофильного (некоммерческого) сектора, реклама определенного места и его жителей. Если население будет знать, что в определенном учреждении культуры можно заказать не только услуги тамады или фотографа, а нечто оригинальное (от участия на балу XIX века до романтической свадьбы с погоней или инструктора по степу), то выиграет от этого не только конкретное муниципальное объединение, но и жители близлежащих и отдаленных сел.

Нет сомнений в том, что квалифицированный инновационный менеджмент, подготовка молодых специалистов и переподготовка опытных кадров по предпринимательству, анализ и разработка комплексных творческих проектов, создание организационно-экономических условий для саморазвития культурной жизни, максимальное «окультуривание» программ развития конкретного наслега или микрорайона помогут сельским учреждениям культуры сохраняться и развиваться в условиях самоуправления.